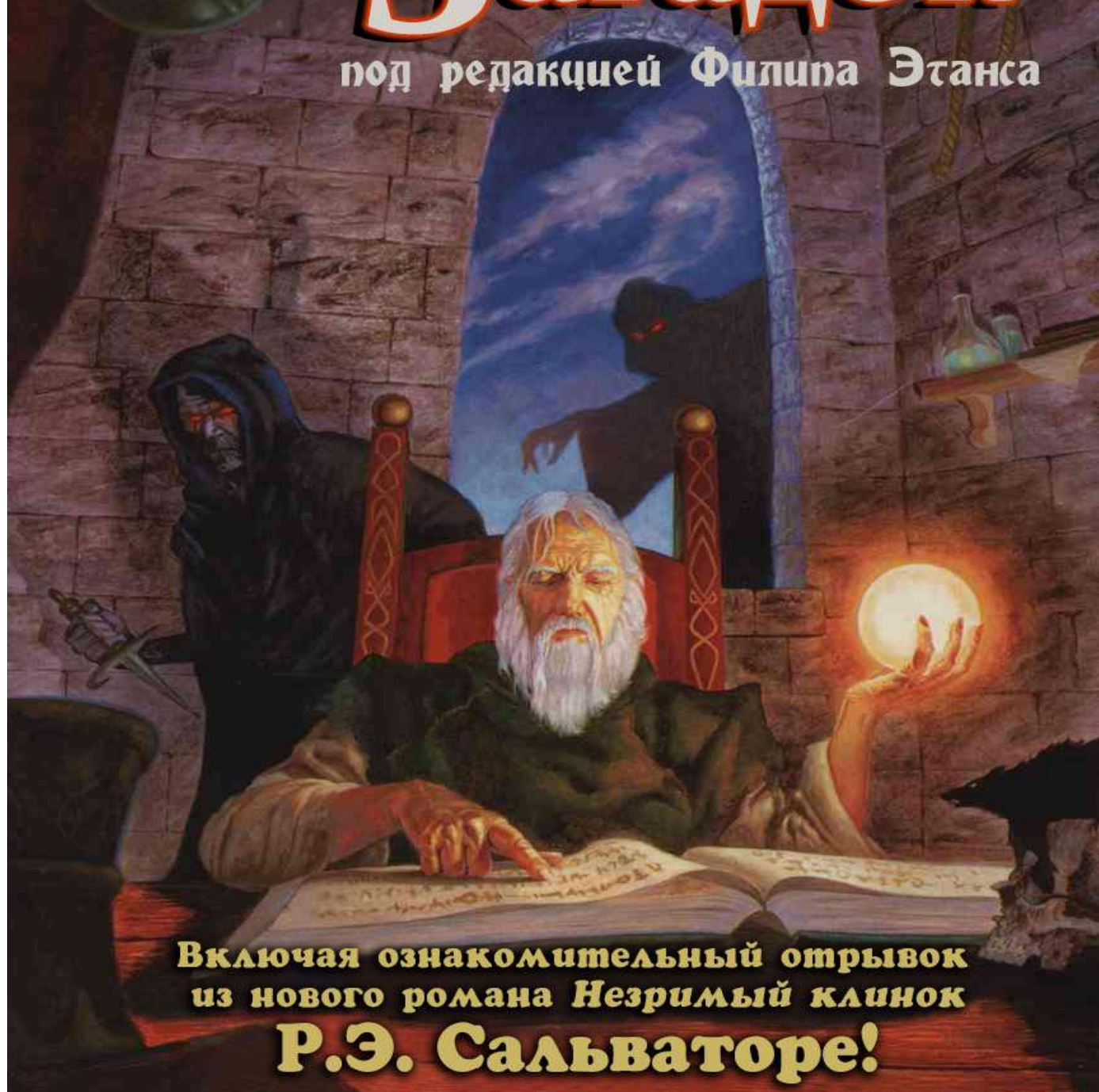

Королевства Загадок

под редакцией Филипа Этанса

Включая ознакомительный отрывок
из нового романа *Незримый клинок*

Р.Э. Сальваторе!

Убитый превратился в зомби, чтобы скрыть обстоятельства собственной смерти... Безмолвный призрак дружелюбной улыбкой приветствует тех, кому предстоит встреча с судьбой... Единственная зацепка в поисках того, кто убил группу авантюристов - буква "К", написанная кровью одной из жертв...

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons **"Forgotten Realms"**. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

1. Разговаривая с мёртвыми - Элейн Каннингем - **Apsu Velg'larn** и **Zelgedis**
2. Следы на снегу - Дэйв Гросс - **RoK**
3. Окно-роза - Монте Кук - **Алия Rain**
4. Правила клуба - Джеймс Лоудер - **RoK**
5. Воровское правосудие - Мэри Герберт - **RoK**
6. Экхар Лоррент: гном-детектив - Стивен Стэн Браун - **RoK**
7. Дьявол и Терциус Вондс - Джефф Грабб - **Rogi**
8. К.. - Ричард Ли Байерс - **Алекс**
9. Необычные напарники - Кейт Фрэнсис Стром - **Allistain**
10. Песнь стали - Дж. Роберт Кинг - **RoK**
11. Непривычная мишень - Брайан М. Томсен - **RoK**
12. Смутно, сквозь стакан эля - Питер Арчер - **RoK**
13. Линаэль - Томас М. Рейд - **RoK**
14. Ухмыляющийся призрак Чертогов Тавертона - Эд Гриндвуд - **PyPPen**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» - этого будет достаточно. ;-)

«КОРОЛЕВСТВА ЗАГАДОК»

под редакцией Филипа Этанса

РАЗГОВАРИВАЯ С МЁРТВЫМИ

Элейн Каннингем

Солнце начало исчезать за высокими, густыми соснами Леса Плаща. Дымчато-пурпурные и розовато-золотистые цвета осеннего заката раскрасили небо над Прибрежным Трактом.

Несмотря на усталость от длительного путешествия, караван, направляющийся на юг, ускорил движение. Пока величественно едущие верхом торговцы подстегивали своих коней, а погонщики щелкали хлыстами над спинами вялых, тянущих телеги лошадей, наемники охраны вытащили свое оружие и сосредоточились на удлиняющихся тенях. Торговый путь был опасен в любое время, но ночью вдвойне. Правда, говорят, однако, что большинство караванщиков были в большем страхе от их собственного владельца, чем от какого-нибудь случайно повстречавшего чудовища или банды разбойников. Элайт Кроулнобар не был тем эльфом, к кому можно было бы относиться несерьезно. Он заявил, что они достигнут крепости к сумеркам.

- Последний холм! Крепость прямо впереди! – крикнул один из разведчиков. Новость шепотом, подобно ряби на воде, распространилась среди людей, принесла облегчение.

Данила Танн ехал позади каравана. Он наклонился и шепнул слова ободрения, в уши, повернутые назад, своей уставшей лошади. Повернутые уши были плохим знаком для животного, которое могло быть также упрямо, как и повозка с мулами. Все уже было позади, когда они, наконец, взобрались на вершину последнего холма. Завидев потенциальную конюшню, лошадь ускорила настолько, насколько это было возможно для любящего отдохнуть животного. Она была, к тому же, красива, с гладкой блестящей шкурой цвета зрелой пшеницы. У Данилы были предложения от купцов, жаждущих приобрести это впечатляющее животное, поэтому он не обращал внимания на подтрунивания других наемников. Дан чувствовал особое родство с этой лошадью. «Прелестный пони», как насмешливо звали его наемники, был не тем, чем казался на первый взгляд. Он без сомнения был умнее самого сообразительного коня, с которым Данила сталкивался, и совершенно бесстрашен в бою. Его семенящая поступь могла заменить биение сердца во время пыла страшной битвы. По мнению Дана, лошадь была достойна седока-паладина, если бы не эта преданная натура и эта непреклонное упрямство – обе эти черты Дан понимал очень хорошо.

Он похлопал лошадь по спине и повернулся к своему спутнику последних четырех лет, высокая, стройная фигура которого была завернута в темный плащ, такой же какой носят крестьяне. Он ехал верхом на костлявой, серой в яблоках кобыле. Рост всадника, его седло и поношенные ботинки предполагали молодого человека незнатного происхождения, привыкшего к дороге. Это была тщательно созданная иллюзия, как знал Дан. Возможно, эта иллюзия и была необходима, но он все больше уставал от нее.

Данила поравнялся со своим товарищем и сдернул капюшон его плаща. Свет заката упал на утонченное эльфийское лицо с длинным подбородком, черными кудрявыми волосами и большими голубыми глазами, миндалевидной формы, с золотыми прожилками. Эти удивительные глаза опасно сузились, как только остановились на нем. Эрилин была полуэльфом и вся его, - или Даниле нравилось так думать. К тому же она была взбешена его последней глупостью. Данила, давно привыкший к такой реакции, нежно улыбнулся.

Эрилин резко вернула капюшон на место.

- Что, во имя Девяти Кругов Ада, это было? – спросила она низким и злым, но музыкальным, голосом со всем возможным презрением.

- Это похоже на дни, когда я первый раз увидел тебя. Мы почти у Дружественной Руки, – сказал Данила. Он непристойно улыбнулся – Название предполагает возможности, не так ли?

Полуэльф шмыгнула носом.

- Ты забываешь разницу между нами. Бард из знатной торговой семьи может путешествовать, где бы он ни пожелал, привлекая внимание, но не вызывая подозрение. Но здесь известно, кто я!

Он прервал ее быстрым небрежным щелчком пальцев.

- Во Вратах Балдура меры предосторожности, несомненно, были обоснованы. Но я слышал гномы, которые владеют этой крепостью, восхитительные маленькие парни – беспечный народец, который накрывает отличный стол и занимается своими собственными делами. И Дружественная Рука - это, возможно, по-настоящему нейтральное место за десятидневный переход. Ничего не случится за стенами крепости, так почему бы нам не отдохнуть и не провести хорошо время?

- У нас есть дела, которыми надо заняться, - напомнила она ему.

- Я ценю, что вы отнеслись к ответственности за караван серьезно - произнес новый голос, немного ниже, но более музыкальный, чем у Эрилин, и богатый мрачным, ироничным юмором. Товарищи повернулись лицом к сереброволосому эльфу, как раз когда он в шаге от кобылы Эрилин осадил свою скачущую легким галопом лошадь. Никто из них не слышал его приближения.

Без сомнения, зачарованные подковы, подумал Данила. Он знал, что Элайт Кроулнобар питал нежность к магическим предметам, и получал страшное удовольствие в накоплении вокруг себя подобной защиты. Кроме того, эльф ценил информацию. Хотя Элайт, вероятно, дал бы Эрилин все, что бы она не попросила, Данила подозревал, что у эльфа были свои мотивы для разрешения представителям торгового дома Таннов путешествовать с его караваном. Элайт знал, что и Данила и Эрилин были Арфистами, и что члены этой секретной организации в большинстве случаев имели обязанности гораздо более сложные, чем охрана караванов.

Эрилин изобразила слабую эльфийскую улыбку и добродушным тоном сказала:

- Я исполняю все свои обязанности серьезно, - сказала она, - Очень серьезно, если даже Данила поверил этому.

В ответ на это Элайт приподнял одну бровь и прошептал фразу на эльфийском, совершенно нелестное замечание, которое не поддавалось точному переводу на Общий Торговый язык. Его губы дрогнули в изумлении, когда и Эрилин и Данила лопнули со смеху. После этого он уныло улыбнулся и пожал плечами.

- Так, бард, ты понимаешь Высокий Эльфийский. Я признаю, что тебе удалось удивить меня.

- А если бы ты знал, ты бы выбирал слова более тактично? – спросил Данила, ухмыляясь.

Элайт вновь пожал плечами.

- Скорее всего, нет.

Все трое несколько минут ехали в молчании. Что-то, что лучше всего может быть названо дружбой, начало произрастать между эльфом и Арфистами, но Данила никогда не упускал того факта, что это была очень хрупкая дружба. Они были очень разные, чтобы было иначе. Элайт Кроулнобар был Лунный эльф - искатель приключений, землевладелец и торговец. У него были разнообразные интересы, из которых только некоторые – полностью легальные, и вполне заслуженная репутация предателя, бессердечного, отважного в битве и смертельно опасного. Эрилин была полуэльфом, дочерью потерянной эльфийской любви Элайта. Она сосредоточилась на выполнении обязанностей паладина, и Данила подозревал, что она бы не позволила, чтобы их общая история и наследие остановили ее руку, если бы Элайт встал за границу закона и чести. Данила, в целом, был более гибкий в таких вещах. Он путешествовал с Элайтом, когда обстоятельства заставили их сотрудничать, и их отношения развились в осторожное взаимное уважение. Но Данила не доверял эльфу. Между ними было так много опасных секретов, так много обменов смертельными оскорблениями, обидами, что предательство просто откладывалось.

В этот момент они достигли вершины холма, и перед их взором возникла крепость. Уютно устроившаяся в широкой долине к востоку от торгового пути, это была стойкая и укрепленная твердыня из гранита. Высокая, толстая стена окружала строгий замок, достаточно большой двор и множества других строений. Эта твердыня, которая когда-то была цитаделью волшебников, была сейчас придорожным постоялым двором, а содержали и управляли ею клан гномов.

Массивная опускная решетка поднялась с механическим скрипом - верный знак изобретения гномов, заметил Данила. Большая часть крепости была заселена простым народом, главным образом, занятым содержанием замка. Пару лет назад несколько гномов с острова Лантан поселились в Дружественной Руке, принеся с собой поклонение Гонду Чудотворцу и соответственно любовь к механическим изобретениям, которые часто были забавными и изредка полезными.

В этот момент поднимающая цепь заскользила, и острая железная решетка начала опускаться вниз. Один из людей приблизился к воротам, завопил и упал со своей лошади. Он уткнулся носом в землю и откатился в сторону как раз, когда решетка резко остановилась, всего в нескольких дюймах от его макушки. Это

вызвало смех и грубые жесты у других членов каравана, но Данила заметил, что они все проехали через ворота с большей осторожностью, чем обычно.

Внутри крепостных стен царил хаос. Твердыня была домом более трех-четырех десятков гномов. Любящий холмы маленький народец спокойно проходил под брюхом высокой лошади Данилы. Большинство гномов, казалось, были заняты погрузкой товаров на подводы, отводили лошадей в длинные, низкие конюшни, направляли телеги под навесы, или суетились внутри и снаружи маленьких строений, теснящихся вокруг нескольких узких аллей, которые заполняли покрытый травой внутренний двор Дружественной Руки.

Данила воспользовался случаем понаблюдать за этим необычным кланом с близкого расстояния. Они были немного похожи на dwarфов, хотя несколько ниже и значительно менее грубые, чем их живущие в горах родственники. Мужчины-гномы носили короткие, опрятно подстриженные бороды, а женские лица, непохожие на бородатые лица dwarфских женщин, были гладкими и розовощекими. У всех гномов были маленькие голубые глаза, крохотные уши, чрезвычайно длинные носы, и кожа, которая подражала всем коричневым краскам леса, от серо-коричневого цвета сумеречного дерева до выветренного оттенка старого кедра. Они предпочитали оттенки леса и в своей одежде. Большинство из них носили одежду, окрашенную в коричневатые и зеленоватые цвета с добавлением цветов осени.

Они были, несомненно, трудолюбивым народом. Во дворе каждый шаг был занят или лошадью или телегой, но гномы управляли кажущимся хаосом с легкостью, порожденной долгой практикой. Направляющийся на север караван прибыл не задолго до каравана Элайта и южане еще были заняты защитой своих товаров перед наступлением ночи. Купцы выкрикивали приказы своим слугам на полудюжине южных диалектов. Несколько смуглых наемников слонялись без дела, или стояли, прислоняясь к стенам, и определяли количество вновь прибывших на предмет развлечения вечером. По опыту Данилы, это всегда было так. Дорога была долгой, и путешественники всегда были охочи до новой истории или песни, некоторые соревновались в метании дротиков или играли в кости, или состязались на оружии, или просто болтали. Большинство наемников из обоих караванов уже ушли в большой холл таверны замка, шум, доносящийся из открытых дверей, был вполне красноречивым.

- Мы присоединимся к веселью? – спросил Данила товарищей. Он передал поводья своей лошади мальчику-гному, вместе с пригоршней медных монет – и затем скользнул рукой вокруг талии Эрилин.

Она отступила от его случайного объятия и послала ему предостерегающий взгляд из-под своего капюшона.

- Предполагается, что я твой слуга, помнишь? – напомнила она – Узнай, что сможешь, в большом холле, пока я поговорю с главным конюхом.

Молодой бард разочарованно вздохнул, но у него не было аргументов против логики Эрилин. Он кивнул и отошел на шаг в сторону, как раз преградив дорогу неустойчиво шагающему коренастому темноволосому мужчине. Времени увернуться не было – они столкнулись с глухим звуком.

Тяжелый, насыщенный аромат нескольких незнакомых ликеров волной исходил от человека. Данила поймал его за плечи, поставив прямо, затем оттолкнул

на длину руки – после всего, он мог не быть таким осторожным. Человек был незнаком ему: несомненно, южанин с напоминающим клюв носом под кажущейся единой длинной бровью, огромными усами и почти такой же коричневой кожей как у гномов. Он казался достаточно безобидным. Видимого оружия у него не было, а его богатая одежда наводила на мысль, что это скучающий купец, чья мысль была только о том, как смыть пыль долгой дороги с изобилием крепких спиртных напитков.

- С вами все в порядке? – вежливо спросил Данила – Может, вызвать вашего слугу, чтобы он помог вам дойти до вашей комнаты?

Мужчина пробормотал что-то нечленораздельное и вырвался. Дан проследил за его шатанием, затем мельком взглянул на Эрилин и был удивлен ее реакцией. Она спряталась в тени между двумя маленькими зданиями и припала на одно колено. Ее рука в перчатке сжимала метательный нож, держа его за кончик и приготовившись к броску.

- Я знаю этого человека, - объяснила она, убирая нож обратно в сапог, - Еще хуже то, что он знает меня. Он был вместе со мной в гильдии убийц в Зазесспуре.

Данила горячо выругался и увлек Эрилин в тень. Вместе они вжались в узкую, по размеру гномов, аллею.

- Хорошо, по крайней мере, это подтверждает, что мы на правильном пути, - сказал он негромким мрачным голосом. – Я предпочел бы, что это скорее случайное совпадение, что наемный убийца из Зазесспура появился в такое особенное время, но мой опыт подсказывает, что совпадения это редкая вещь – конечно, если это не селгаунтская опера.

Эрилин согласно кивнула и сказала:

- Я найду, кто послал его.

Данила проглотил протест, который был первым его порывом. Как Арфисты, они играли различные роли, и они хорошо работали вместе. Он, может быть, ненавидел идею Эрилин действовать против тренированного убийцы, но он не видел другого способа, кроме этого. Она провела много месяцев в роли убийцы в Тезире. Конкуренция между рангами были жестокими и смертельными даже в лучшие времена, и она покинула гильдию не при благоприятных условиях. Это было преимущество Эрилин - выбрать время и место для неизбежного боя. И она была права: они должны были знать, чем вызвано присутствие убийцы в нейтральной крепости. Даже если цель убийцы была не той же, что у Арфистов, никто не нарушит мир Дружественной Руки, в том числе из-за крупной выгоды или необходимости в подстроенной трагедии. Сделать так, значило бы закрыть двери крепости перед обидчиком на всю вековую память гномов. Это было строгое наказание в этих беспокойных землях, которые в течение многих лет заявляли о себе как о действительно нейтральном месте.

Однако изменения витали в воздухе. Казалось, бесконечные гражданские войны внутри Тезира шли к концу. Заранду Стар провозгласили королевой в городах Зазесспура, и она была на пути к утверждению своей власти по всей стране. С этой целью, она готовилась к браку по расчету с последним известным наследником королевского дома Тетира. Но существовала фракция, которая пользовалась контролируемым хаосом с пользой и которая не была предрасположена к миру в

этих землях. Когда Арфисты узнали, что возможен поединок за трон Заранды, далекой родственницы будущего короля и, таким образом, возможной невесты, они предвидели беду. Данила и Эрилин были посланы найти молодую женщину и доставить ее в безопасные южные земли до того как кто-нибудь еще сделает ее пешкой в возобновленной борьбе... кто-нибудь, кто может послать убийцу вернуть или избавиться от ни о чем не подозревающей девушки.

Да, заключил Дан угрюмо, у Эрилин нет выбора, кроме как встретиться лицом к лицу с убийцей.

- Будь осторожна – прошептал он. До того, как она могла запротестовать, он нежно, кончиками пальцев приподнял ее лицо для долгого и глубокого поцелуя.

- Ты знаешь как лучше отвлечь меня перед боем, - сказала она, попытавшись изобразить строгость, но не вполне преуспев в этом.

Данила тихо засмеялся.

- Я приму это как комплимент.

Он повернулся и быстрым шагом направился в замок, его поведение было гораздо более беззаботным, чем его настроение. Перспектива комфортного вечера и беседы была мало притягательна, но это была роль, которую он играл, и он заботился о своей части не менее четко, чем Эрилин.

Поскольку это был его первый визит в Дружественную Руку, он с интересом рассматривал все вокруг. Большой холл был отделан как таверна. Длинные столы и прочные деревянные стулья были в беспорядке расставлены вокруг, некоторые из них - размером с гномов, другие предназначались для удобства более высоких путешественников. Дикий кабан жарился на вертеле в гигантском очаге, а выпускающий пар чайник и пахнущее травами и овощами блюдо из тушеного мяса грелись на тлеющих углях вдоль обеих сторон очага. Воздух был густой от благоухания свежего хлеба и хорошего, кислого эля. Несколько молодых девушек медленно двигались по комнате, переноса подносы и пивные кружки.

Следуя скорее привычке, чем предпочтению, Данила заскользил оценивающим взглядом по ближайшей официантке. Она была молода, не многим больше двадцати, и боги одарили ее пышными волосами и, несомненно, впечатляющими формами. Первые были распущены и ниже подчеркивались туго затянутым алым корсетом поверх сорочки, спадающей с плеч. Ее юбка заканчивалась на несколько кокетливых дюймов выше лодыжек, а черные глаза осматривали комнату. Они засветились алчным блеском, когда остановились на богато одетом новоприбывшем посетителе.

Официантка непринужденно продолжала движение в сторону Данилы. Проходя мимо торговца, она в подходящий момент столкнулась с Арфистом, изобразила извиняющуюся улыбку, затем наклонила свою голову и косо посмотрела на него сквозь опущенные ресницы.

- Что вам принести, милорд?

- Убила, весьма правдоподобно, - сказал он спокойно, размышляя, попадет ли ему от полуэльфийки, которая кралась в тених за пределами ярко-освещенного холла, если он ответит на этот флирт. – Или, как минимум, серьезно ранила.

Официантка изобразила удивление, вызвав улыбку на его губах.

- Вина, будь так добра, - продолжил он, - Бутылку лучшего красного Харлуанского, и несколько бокалов.

Когда она ушла передать заказ другой официантке, Данила отыскал столик, где сидели старшины каравана с юга. До того, как он смог к ним подойти, он обнаружил, что его путь перекрыт крепким, строгим лицом белобородого гнома, чья темно-красная куртка была подобрана в тон чрезвычайно красного носа картошкой.

- Бентли Мирроршейд, - заявил гном.

Данила кивнул.

- А, да – владелец этого милого заведения. Разрешите мне

- Я знаю, кто ты, - Бентли внезапно сорвался на грубый тон, - Слухи ходят. Здесь не сражаются ни оружием ни магией. Оставь оружие у двери. Софи завяжет узел мира на твой левый палец и твою португую.

Данила содрогнулся.

- Кажется, я никогда не искуплю то происшествие в Сталварт Клубе.

- Никогда не слышал о таком, - гном кивнул на девушку, которая встретила Данилу ранее. Она выудила тонкую полоску кожи из своего кармана и ловко закрепила ее на руке барда. Пока она работала, Данила осматривал комнату и заметил, что он был не единственным объектом такой меры предосторожности: все известные маги были с узлами мира, и каждый обязательно оставлял оружие у двери.

Данила подошел к столу капитанов-торговцев. После представления, он налил первую из нескольких бутылок хорошо-выдержанного вина, и стал слушать течение беседы. Хотя купцы говорили очень много, они мало говорили о деле.

С наступлением ночи, Данила обнаружил, что его глаза с возрастающей частотой обращаются к двери. Его товарищи путешественники медленно входили небольшими группами, как только их обязанности были закончены, и караван и его товары были защищены. Элайт был одним из запоздавших. Данила с интересом заметил, что эльф завязал узел мира. Немного людей знали о значительных магических способностях лунного эльфа. Эти гномы, несомненно, достигли желаемого результата – хотя Дан подозревал, что у Элайта было много скрытого оружия. Проницательность гномов была не так уж удивительна. Дан слышал, что Бентли Мирроршейд был очень даровитым магом, специализирующимся на искусстве иллюзий.

Вечер прошел, и холл начал пустеть, гномы и их гости пытались найти свои кровати. Когда терпение Данилы достигло предела, он покинул холл в поисках своей спутницы.

Он нашел Эрилин в конюшне, чистящей свою кобылу. Она искала что-то, когда он вошел в стойло. Ее лицо под капюшоном было бледным и мрачным. Бой прошел легко для полуэльфийки. Данила никогда не видел никого, кто мог держать меч также хорошо – но убивать – нет. Каждый раз Данила чувствовал, что это ложится на нее тяжелым грузом.

- Это заняло много времени, - начал он.

- Я поджидала, пока Йозеф не остался один, - сказала Эрилин яростным тоном.- У него была встреча. С Элайтом Кроулнобаром.

Данила прошипел проклятие сквозь стиснутые зубы.

- Почему я не удивлен? Ты слышала, о чем они говорили?

- Нет, не слышала. Должно быть, он проговорил заклинание тишины или что-нибудь вроде этого.

- Несомненно. Что теперь? – Дан задумался с выражением искреннего разочарования на лице, запустив руку в волосы. У него были сведения о цели Элайта в этой поездке, которая была якобы в покупке экзотических товаров из далекой Мазтики для рынков Амна. Эльф получил бы неплохую прибыль, продавая кофе, какао и сушеные овощи торговцам Глубоководья, но он также приобретал товары, которые были ограничены или совершенно запрещены: дикая магия, магические драгоценные камни, возможно даже рабов. Данила считал планы Элайта неоспоримо злыми, но он был неискореним.

- А убийца? Что он сказал о себе?

- Йозеф не был создан для беседы, - сказала Эрилин кратко.

- И он умер, я полагаю?

- Да. У него было несколько вещей, которые могут помочь, – Эрилин полезла в сумку, которая висела у нее на поясе и взяла оттуда несколько блестящих объектов. Первый, который бросился Даниле в глаза, был тонкой работы золотой медальон на тяжелой золотой цепочке. Очень хороший искрящийся аметист размером с большой палец, глубокого розового оттенка был врезан спереди медальона, внутри которого лежал пучок тонких, черных волос.

- Амулет поиска, - предположил он, коснувшись пальцами нежного локона. – Такие мягкие волосы могут принадлежать только эльфу или ребенку. Предполагаю, что последнему. Так у нас есть не только предположение, кого убийца пришел искать, но также, кто послал его – пусть боги проклянут женщину, которая так использует своего собственного ребенка!

До того как он смог уточнить, душераздирающий женский крик прорезал ночь. Это был ужасный звук, бессловесная песня скорби. Это говорило о смерти более ясно, чем панегирик клирика и гораздо более мучительно.

Эрилин пулей вылетела из стойла, Данила последовал за ней. Они мчались через пустые холлы, по направлению к комнате, откуда слышалось бормотание голосов гномов. Широкая грудь гнома перекрыла им путь. Это был странно-выглядящий парень с волосами и кожей сочетающийся по цвету с серой грифельной доской. Данила признал в нем по описанию Гарита Хунтерстока, партнера Бентли, несмотря на то, что предводитель гномов непреклонно не пускал их, Арфисты были достаточно высокими, чтобы видеть над головами толпы.

По ту сторону комнаты Бентли Мирроршейд лежал в разливающейся луже крови. Рукоять отделанного драгоценными камнями кинжала торчала из его груди.

- Никого не впускать, никого не выпускать, - стиснул зубы гном. Он повысил голос и начал раздавать приказы. - Опустить решетку и запереть ворота! Лучники, на стены! Стрелять в любого, кто попытается покинуть крепость до того, как убийца будет найден.

Позже этой ночью Данила и его «слуга» присутствовали на мрачном собрании в холле замка. Тело Бентли Мирроршейда лежало на покрытом черным сукном столе. Свечи выстроились по линии стен, отбрасывая мрачный, золотой свет.

Толпа, расступившись, дала возможность пройти одетым в зеленые одеяния женщинам-гномам. Почтительное молчание наполнило комнату, когда Геллана Мирроршейд, высшая жрица Гарла Глиттерголда и вдова Бентли Мирроршейда, проследовала к гробу своего мужа. Она несла себя с поразительным достоинством. Ее бледное коричневое лицо было каменным, но глаза были спокойными и сухими.

Жрица прервала молчание.

- Вы собрались здесь, чтобы увидеть торжество справедливости. Не такая простая вещь, говорить с покойником, но совершенное зло не должно остаться безнаказанным.

Геллана начала говорить слова и выполнять жесты замысловатого ритуала. Данила наблюдал вблизи, заклинание не было знакомым для него. Он изучал магию с двенадцати лет у учителя не более, не менее, как у самого архимага Хелбена Арунсунa, но магия волшебников и жрецов очень разные вещи. Несомненно, жрица была сдержана и набожна, так как полупрозрачное изображение Бентли Мирроршейда медленно обретало форму в воздухе над телом.

- Умерший должен говорить правду, - сказала Геллана мягко, - и в жизни или в смерти, Бентли Мирроршейд не сказал бы прямой лжи. Скажи нам, муж мой, кто ответственен за твою смерть.

Глаза привидения не обращали внимание на собрание. Его толстый, прозрачный палец поднялся, сместился влево и остановился на Элайте Кроулнобаре резким обвиняющим тычком.

Со времени их знакомства, Данила впервые увидел, как спокойствие покинуло эльфа. Лицо Элайта изменилось и стало пепельно-серым, янтарные глаза расширились в недоумении и неверии.

- Что это за вздор? – запротестовал он, когда смог, наконец, собраться, чтобы вымолвить хоть слово. – Я невиновен в этом!

- Молчать! – потребовала Геллана. Она взяла украшенный драгоценными камнями кинжал для освидетельствования гномом. – Этим оружием?

Призрачная голова медленно кивнула. Несмотря на серьезность случая, в котором Данила не мог помочь, он наблюдал за тем, что у духа гнома поразительные способности разыгрывать трагедию.

- А чей это кинжал? – продолжала Геллана.

- Это принадлежит эльфу, - объявил дух, - Это кинжал Элайта Кроулнобара.

Глаза Гелланы Мирроршейд жестко осматривали собрание.

- Вы слышали достаточно? Могу я освободить моего мужа и его именем приказать умертвить этого вероломного эльфа?

Раздался шепот, приведший собрание в бешенство и неистовство. Обвиненный эльф стоял один в разгневанном круге гномов, снося удары шторма обвинений и требований возмездия. Глаза Элайта смотрели ровно и спокойно, а его подбородок поднялся с эльфийской заносчивостью, как будто он смотрел в лицо смерти.

Этот жест, чисто эльфийское смешение гордости, мужества и презрения были его спасением. Данила никогда не понимал всех этих эльфийских шуток и этот

момент не был исключением. Он вздохнул и быстро проговорил заклинание, чтобы добавить мощи и убедительности своему голосу.

- Подождите, - объявил он.

Единственное слово прогудело через большой холл подобно трубной ноте, и гномы неожиданно замолчали. Гарит Хунтерсток застыл с мечом, не успев убить эльфа. Данила подошел и мягко отвел клинок от горла Элайта Кроулнобара.

- Эльф заявляет о невинности, - сказал Арфист, - Мы должны, по крайней мере, выслушать его и обсудить возможность, что он говорит правду.

- Бентли Мирроршейд сам обвинил эльфа, - крикнул пронзительный голос гнома из толпы.

- Мертвец не лжет – добавил другой слабый голос.

- Это верно, - согласился Дан примирительно, - но может быть так, что другое разъяснение может объяснить обе правды. Воздействие магии закончилось, и он взглянул на Эрилин. Она стояла в задней части комнаты, с трудом различимая в тенях. - Ранее этим вечером Элайт Кроулнобар встречался с известным вором и убийцей. Возможно, что этот человек своровал кинжал и использовал его, чтобы убить гнома?

- Это невозможно, - сказала Эрилин решительно, - Убийца был мертв до убийства Бентли Мирроршейда.

- Мертв?- спросил Гарит Хунтерсток, повернув свирепый взгляд в ее направлении, - От чьей руки?

Арфист не вздрогнула.

- От моей, - сказала она просто, - Он напал на меня, я защищалась. Вы найдете его тело за коптильной.

- А кто ты такая? - потребовал гном.

Полуэльф сняла свой капюшон и вступила в круг света, отбрасываемый камином. До того, как она смогла что-либо сказать, молодой гном, одетый в костюм цвета лесной зелени, удивленно воскликнул.

- Я знаю ее! Она Арфист, которая сражалась вместе с эльфами Тетирского леса. Если она сказала, что произошедшее жестокое убийство за коптильной было необходимо, этого для меня вполне достаточно. Если она говорит за того эльфа, я говорю, что призываю внимательно обдумать наши действия.

Дюжины выжидающих лиц повернулись в сторону Эрилин. Данила увидел промелькнувшее в ее глазах сожаление, когда она встретила пристальный взгляд Элайта, и он уже знал, что она ответит.

- Я не могу, - сказала она резко, - С другой стороны, не будет вредно подумать над этим. Лорд Танн очевидно вызвался стать адвокатом Элайта Кроулнобара. Дайте им время – два дня, например – доказать заявление эльфа о невинности. Я знаю Бентли Мирроршейда и не слышала никаких предположений, что он хотел, чтобы кто-нибудь отказывался от честного слушания дела.

Тихое, сердитое бормотание встретило ее слова, но никто не мог опровергнуть их. Гарит Хунтерсток приказал увести эльфа и заключить в тюрьму. Остальные также покинули помещение в молчании, оставляя Геллану Мирроршейд с ее мертвецом.

Когда солнце показалось над восточными стенами крепости, Данила подошел к спиральной лестнице, ведущей к главной башне. Это было сырое, темное место, освещенное только случайным неверным светом факела в ржавой петле.

Элайт был единственным заключенным, и его камеру было несложно найти. Данила следовал за слабым светом в дальнем углу главной башни. Камера эльфа была маленькая, потолок был слишком низкий, чтобы стоять прямо. Единственной мебелью был соломенный тюфяк. Элайт был одет только в свои рейтузы и блузу, а его большие пальцы были засунуты в разные концы металлической трубы, разновидность приспособления гномов, чтобы сделать произнесение заклинаний невозможным. Он был лишен оружия, брони и магических предметов. Это все лежало во впечатляющей куче, за пределами досягаемости камеры.

Данила пристально посмотрел на блестящий запас.

- Ты действительно носишь все это оружие? Чудо, что ты можешь ходить без лягга, - восхитился он.

Ярость эльфа, пылающая в его янтарных глазах, напомнила Даниле попавшего в капкан ястреба.

- Пришел позлорадствовать?

- Может быть позже, - сказал он мягко, - Сейчас, тем не менее, я предпочел бы услышать, что у тебя есть сказать.

- И ты поверил бы мне, я полагаю?

- Я бы выслушал. Это место кажется подходящим.

Эльф долго молчал.

- Я не убивал гнома.

- Ты, конечно, знаешь, как трудно солгать мертвому, - указал Данила, - Дух Бентли Мирроршейда назвал тебя убийцей. Оружие, которым был нанесен смертельный удар – твое. Доказательства против тебя внушительные.

- И все-таки я невиновен, - настаивал Элайт. Внезапно свирепый свет вспыхнул в его глазах, - Я невиновен и ты должен найти доказательство!

- Конечно, прямо сейчас, - возразил Дан, поднимая одну бровь в гримасе, - У меня ведь есть полных два дня, в которые я мог бы решить более легкую задачу? Может быть, сворую любимую трубку Эльминстера, или обману иллитида в карты, или уговорю Эрилин потанцевать на столе в таверне?

Эльф проигнорировал очевидную иронию.

- Когда ты соглашался на условия путешествия с моим караваном, ты обещал поддержку и помощь в экспедиции.

- Только в тех пределах, в которых цель законна и праведна, - уточнил Данила.

- Что есть лучший способ выполнить это обещание, чем освободить невиновного, несправедливо обвиненного? И почему ты заступился за меня в таверне, если у тебя не было стремления доводить это до конца?

Арфист задумался над этим.

- Хороший вопрос. Ладно, давай примем аргумент, что я возьмусь за эту задачу. Обсудим мою дилемму. Даже в лучшем случае, «невиновный» не первое слово, которое приходит в голову, когда упоминается твое имя.

- Возможно, жрица гномов ошибается.

- Маловероятная возможность, но я ее уже обдумывал. Геллана Мирроршейд позволила мне проверить оружие убийства самому, - сказал Арфист – Я проговорил нужное заклинание не один, а три раза. Каждый раз результат был тот же. Кинжал, бесспорно, твой, и он действительно был использован для смертельного удара. Я, конечно, понимаю, что большинство людей едва ли считают, что мои магические способности достаточны для такой задачи.

- Помолчи, - сказал Элайт резко – Я видел, на что ты способен. Твои магические способности превышают мои. Если тебе нравится изображать глупца и дурачиться с министреями, то это твое дело.

- Достаточно. Давай обсудим оружие убийства. Кинжал всегда был у тебя? Ты давал его кому-нибудь? Проигрывал его в кости или еще во что-нибудь?

Элайт помедлил, затем тряхнул головой.

- Я даже не заметил его отсутствия, - сказал он уныло. С мрачной ухмылкой он кивнул на кучу оружия недалеко от его камеры. – Я носил их несколько, сам видишь.

Арфист скрестил руки.

- Ситуация безрадостная, не обманывайся на этот счет. Но тебе может быть интересно, что я тоже, кажется, лишился вещи или двух. Получается, что здесь работает очень талантливый карманник. Я столкнулся с убийцей, которого убила Эрилин, и ты с ним встречался. Ты что-нибудь соизволишь рассказать мне об этом?

- Нет

- Я не спрашиваю, - заметил Данила, - Я говорю, что этот убийца был бы моим первым подозреваемым. И, возможно, что у него был партнер.

- С этого стоит начать, - согласился эльф, - Что ты будешь делать затем? Ты выполнишь свое обещание?

- Хорошо, раз ты так выражаешься..., - сказал Данила сухо, - Но не надейся слишком. Эрилин купила для нас время, но не более.

Пристальный взгляд Элайта заколебался.

- Она верит, что я ответственен за преступление.

Арфист не отрицал. Эрилин высказала ему многое о том, что Данила защищает мерзавца эльфа. Его уши пылали от жара ее аргументов.

- Моя леди иногда более эльфийка, чем она осознает, - сказал он сухо.

Это вызвало небольшую, кривую улыбку на лице Элайта.

- Если она не могла меня поддержать, по крайней мере, она справедлива. Более, чем справедлива. Я не думаю, что мои другие наемники последуют ее примеру.

- Наемники каравана уже забрали свои доли у интенданта, и планируют выломать ворота города. Прости меня, но сложившаяся ситуация указывает на то, что справедливость может сильно опоздать.

Эльф помолчал минуту.

- Я вполне осознаю иронию моего положения, - сказал он, наконец, - но я настаиваю, что я невиновен в этом убийстве. Теперь иди и докажи это!

В это утро, позавтракав хлебом, сыром и свежим сидром, Данила завязал беседу с Эрилин.

- У меня есть два дня, чтобы совершить чудо, - пожаловался он в заключение, - Ты не могла попросить десять дней?

Полуэльфийка вздохнула и отрезала кусочек сыра столовым ножом.

- Сомневаюсь, что тебе бы это помогло. Ты знаешь Элайта лучше, чем кто-нибудь, ты знаешь, что он мог убить этого гнома. Он почти убил тебя однажды.

- Трижды, на самом деле, но к чему увертки?

Эрилин закатила глаза:

- Почему ты упорствуешь?

- Две вещи заставляют меня не отказываться: мое обещание помочь Элайту и задача, которая привела нас сюда, - сказал он спокойно.

Его спутница кивнула, соглашаясь с доводом.

- Что ты предлагаешь делать?

- Ты так не станешь действовать, - предупредил Данила, - но мы можем попросить жрицу поговорить с духом мертвого убийцы. Мы должны знать, на кого он работал и с кем он работал.

Губы Эрилин растянулись в улыбке.

- Ты знаешь, эльфы не верят, что мертвеца можно беспокоить.

- Но гномы верят. Геллана Мирроршейд может насильно отговорить нас от этого, учитывая, что она вызвала дух ее собственного мужа. Каким другим путем мы можем пойти?

- Какой-нибудь другой был бы предпочтительнее, - проворчала полуэльфийка, но Данила прочел в ее глазах и тоне капитуляцию. Он бросил несколько серебряных монет на стол в плату за трапезу и вышел из таверны вслед за Эрилин. Одна из темноволосых официанток скользнула к столу, вытерла его и прикарманила монеты. Официантки были работающими девушками, заметил Данила, узнав несколько знакомых с предыдущей ночи лиц.

Отыскать тело убийцы оказалось легким делом. Гномы просто бросили его в тележку с мусором рядом с остатками дикого кабана, который жарился для гостей прошлым вечером, несколькими куриными костями и испорченной ножкой оленины. Гномы регулярно перевозили отбросы в лес, подкармливая животных, живущих там, и возвращали свою щедрость земле. Мертвому убийце они отдали не больше уважения и не меньше.

Данила сморщил нос и взвалил на плечи мертвое тело.

- Я вижу, почему Геллана не хотела совершать ритуал на месте. Эта оленина должна была быть предана земле давным-давно.

- То же самое можно сказать о Йозефе, - возразила Эрилин, - но это другое дело. Тебе не кажется странным, что Геллана Мирроршейд сказала нам принести тело в храм?

Ее спутник тот час ухватился за эту мысль.

- Если вдуматься, да, - согласился он, останавливаясь на шаг.- Геллана Мирроршейд вызывала дух своего мужа в таверне. Почему она предоставляет большую честь человеку-убийце? Может быть, она испугалась, что чудной высокий

народ, который собрался в предыдущую ночь, чувствовал бы себя неудобно в Церкви Карлика.

Губы Эрилин вздрогнули.

- Гномы назвали это Собор Мудрости. Но, возможно, размер храма объяснит причину.

Но нет. Собор Мудрости был явно работы гномов – любопытное, асимметричное здание, сложенное из камней лесного оттенка, мрамора и украшенное странными статуями и драгоценными камнями, но своды его были сделаны с учетом человеческого роста. Фактически, храм был достаточно большим, чтобы вместить всех, кто был свидетелем священного ритуала в таверне прошлой ночью. Это озадачило Данилу. Он внимательно смотрел на жрицу гномов, когда она говорила слова заклинания.

Влажный сырой туман собирался в зале и образовывал человека, который столкнулся с Данилой прошлой ночью.

- Начиная, - сказала Геллана кратко – Тщательно подбирай слова, мертвец скажет тебе не больше, чем будет вынужден.

Данила кивнул и повернулся к призраку.

- Кого ты был послан найти?

- Молодую женщину, - сказал дух неохотно.

- Какое имя дано было ей при рождении, и под каким именем она известна сейчас?

- Она звалась Изэбиа Тион. Я не знаю, как ее зовут сейчас.

Эрилин и Данила обменялись взглядами, в которых смешался триумф и беспокойство. Это действительно была девушка, которую они были посланы найти, а их противник был так близко от ее следа.

- Кто послал тебя, - спросил Данила – Если ты не знаешь имя, опиши эту личность или человека.

- Их было двое: толстый человек, который чересчур много улыбается и маленькая женщина. Она выглядела как одна из старой знати Тетира: утонченные черты, темные глаза, и изогнутый нос. Одета была в пурпурный цвет, в старом стиле.

Данила узнал Люцию Тион, агентку Рыцарей Щита, недавно изгнанную из Глубоководья за вероломство против тайных лордов, которые правили городом. Она никогда не проходила судебного разбирательства, это было торжеством частной справедливости. Она была выдана Лорду Хьюну, ее сопернику. Этот человек, несомненно, оставил ее в живых ради своих собственных целей. Леди Тион всегда выживала, находя способ обеспечить себе безопасность. У нее была тайно рожденная дочь, которая была отдана на воспитание чужим людям. Безусловно, она планировала использовать девочку и сейчас она была более подходящей невестой для королевского наследника, чем Заранда Стар, девочкой корыстно воспользуются для достижения титула. Данила предполагал два возможных результата: девушка будет принята и коронована королевой, таким образом, возрастет влияние Люции Тион и ее положение в Тетире, или от нее откажутся, но когда ее доставят к фракции, действующей против Заранды, это создаст настроения, близкие к бунту.

- Тион и Хьюн, - прокомментировал Данила Эрилин – Арфисты ошиблись, когда посчитали их достойными соперниками.

Она кивнула и с очевидным отвращением повернулась к духу человека, которого она убила.

- Какой была цель твоей встречи с Элайтом Кроулнобаром?

Дух презрительно усмехнулся.

- Деловая. Нет, не бойся обратиться с более точным вопросом – на него я отвечу с удовольствием. Цель эльфа была та же, что и моя, та же, что и ваша. О! да, он знает, что вы пытаетесь найти наследницу Тион. Он согласился взять вас с собой только по этой причине. Он использовал Арфистов в качестве гончей собаки, преследующей добычу.

- У Элайта есть шпион среди Арфистов? – потребовал ответа Данила, шокированный такой мыслью.

Дух саркастически фыркнул.

- У всякого есть шпион среди Арфистов.

Эрилин отвернулась.

- Я слышала достаточно, - сказала она коротко – Отошли его.

Жрица шепнула несколько слов и фигура убийцы исчезла. Данила поблагодарил ее и увел свою угрюмую подругу из храма.

- Мы должны поговорить с Элайтом, - сказал он

- Ты должен поговорить с ним. Йозеф сказал достаточно из того, что я могу вынести за один день.

- По крайней мере, походи и послушай, - упрашивал он, - Ты можешь услышать что-то, что я упущу. Среди лживых ответов мы можем найти то, что нам нужно. Я уверен в этом!

- В конце концов, ты все больше чувствуешь, - сказала полуэльфика – что Элайт виновен в убийстве. Он планировал найти эту девушку, продать ее тому, кто заплатит больше. Он использовал нас, наконец. Какие еще ответы тебе нужны?

Когда они вошли в главную башню, Данила повторил Элайту все выводы, пока Эрилин смотрела на них в каменном молчании.

- Ты знаешь, ничто из этого не заставит нас понять причины твоих поступков, - заключил он – Если быть откровенным, я склоняюсь к тому, чтобы прекратить это дело.

- Ты обещал мне, - настаивал Элайт – Ты должен продолжить.

Данила вздохнул и провел рукой по лицу.

- Я знал, что ты это скажешь. Но что еще можно сделать?

- Найти девушку, - настаивал эльф – Найди ее и узнай, кто еще ищет ее. У кого есть причина видеть меня приговоренным к смерти?

- Было бы у меня больше времени, я написал бы тебе список, - сказал Данила сухо. Он взял аметистовый медальон из сумки и показал его. – Это амулет поиска, взят у твоего старого друга Йозефа. Девушки здесь нет, и мы не можем покинуть это место, чтобы искать ее в где-то еще, до тех пор, пока дело о смерти Бентли не разрешится.

- Также мы не ожидаем найти ее здесь, - сказала Эрилин, заговорив впервые, - Бентли Мирроршейд сохранял мир более двадцати лет. Он мог бы никогда не делать этого, если он втянулся в бесконечные локальные войны, но он поклялся никогда не допускать никого в крепость, кто заявит о принадлежности к Тетирианской

королевской семьи. Мы предполагаем, что девушка никогда не была в Дружественной Руке.

- В самом деле? – задумался Данила – Сейчас я думаю, что это могло бы быть идеальной крышей для найденной девочки?

- Возможно, - возразила полуэльфийка, - но Бентли известен как честный гном. Какую цель бы он преследовал, нарушив данное клятвой слово?

- Сохранить жизнь ребенку кажется достаточной целью. Что касается этого, он мог иметь в виду свою клятву дословно: он поклялся не допускать никого, кто как-то заявлял о связи с королевской семьей. Младенец едва ли мог сделать такое заявление. Если ребенок Леди Тион действительно был привезен сюда, возможно, что гном не знал в это время, кто есть этот ребенок.

- Но он узнал, - предположила Эрилин – Он, вероятно, умер, защищая это знание.

- Несомненно, - согласился Данила ровным тоном. Он на прощание кивнул Элайту и они с Эрилин пошли по направлению к лестнице.

-До этого ты не был так уверен, - сказала она.

- Я размышлял. Ты заметила официанток в отеле? Какая-нибудь одна из них может быть женщиной, которую мы ищем – они все подходящего возраста и выглядят подходяще, какая-нибудь из них могла бы быть родственницей Люции Тион.

Эрилин взвесила сказанное.

- Их присутствие в крепости гномов трудно объяснить иначе. Ты хочешь поближе рассмотреть их?

Арфист ответил с самодовольной ухмылкой. Эрилин удержалась от смеха и попыталась сердито посмотреть.

- Я начну искать тебя через час.

- Я запомню это, - прошептал Данила.

Он вернулся в таверну и попытался завязать беседу с гномом-барменом. Все жители крепости были потрясены убийством их лидера, и никто из маленького народца не был расположен делиться информацией с человеком, который защищал обвиненного эльфа. Но Дан проговорил непрерывно серию ничего не значащих выражений, завязал разговор и, в конце концов, узнал, что здесь всего восемь официанток, шесть из которых были на дежурстве.

Так как Данила был более заинтересован в девушках, которых здесь не было, он покинул замок и пошел в дом официанток, каменное строение, построенное прямо напротив одной из стен. Данила тихо постучал в деревянную дверь. Когда там не ответили, он попробовал войти, и дверь оказалась не запертой.

Внутри была одна большая комната, просто обставленная соломенными тюфяками, смягченными подложенными матрацами. Две женщины спали. Данила узнал в одной из них Софи, девушку, которая завязывала узлы мира в предыдущую ночь. Тень подозрения закралась в его мысли. Он остановился у ее кровати и нежно позвал по имени. Она продолжала спать, он потолкал ее по плечу, затем встряхнул ее. Ничего не разбудило ее.

Данила поднялся и взял пару странных предметов из сумки с пояса, затем проговорил заклинание, которое рассеяло магию в комнате. Результат был не совсем тем, который он ожидал.

«Софи» была вовсе не женщина, а кучей белья из прачечной. Другая официантка была не женщиной, а железным големом, магически оживленной конструкцией, так похожей на Софи, что могла бы быть ее кузиной. В одной из внешне твердых стен была врезана деревянная дверь, которая была закрыта, но не заперта.

Арфист подкрался ближе, чтобы лучше рассмотреть. Голем спал, но если бы он встал, он был бы высотой с двух высоких людей. Тело, грубо напоминающее тело человеческой женщины, вероятно, превосходило вес лошади Данилы в шесть или семь раз. Не удивительно, что несколько гномов содержали крепость, осознал Данила. Железный голем может остановить войну – собьет лошадь, раздавит череп огра с первого раза и выбьет дух из всего – это самое могущественное магическое оружие. Этот голем нуждался в ремонте. Вдоль некоторых суставов было значительное количество ржавчины, требовался, по крайней мере, напильник и масло, и, вероятно, услуги кузнеца. Данила догадался, что голем, несмотря на возраст и состояние, может быть еще в рабочем состоянии. Он вышел из комнаты, благодарный, что каменный пол, который без сомнения построен, чтобы выдержать большой вес, не скрипит.

Он столкнулся с Эрилин у двери.

- Бармен решил, что я смогу найти тебя здесь, - сказала она.

- Говори тише, - попросил он, кивая в сторону голема.

Но его заклинание исчезло и фигура, которая возвышалась на тюфяке, не напоминала ничего другого, кроме рассерженной девушки. Иллюзия – замаскированный конструкт – устремила вперед, поднимая кулак для удара.

Эрилин шагнула вперед, ее предплечье поднялось, чтобы заблокировать атаку. Не имея времени на объяснения, Данила не придумал ничего лучше, кроме как прыгнуть к Эрилин и столкнуть ее с дороги голема. Ее сердитое возражение сорвалось вместе со звуком железного кулака, нанесшего удар в стену. Зазубренная трещина побежала вдоль камня, высекая паукообразный портрет на стене.

Глаза полуэльфийки расширились.

- Железный голем, - кратко сказал Данила – Коррозия на локтевом суставе.

Эрилин кивнула, поняв. Одним стремительным движением, она прокрутилась на ступне и завертела своим мечом. Данила достал свой, затем вспомнил, что только магические мечи могут как-нибудь повредить голем. После минуты колебания, он достал тонкий, декоративный клинок, который носил на правом бедре – меч пел громким баритоном крайне непристойный репертуар.

- Тихо, - предостерег он меч, когда дернул его из ножен. – Здесь может быть больше этих штук, ждущих в замке приглашения.

Меч услужливо начал шепотом исполнять «Сьюн и Сатит»

Эрилин стрельнула в него раздраженный, косой взгляд и затем обратила все свое внимание к голему.

Женщинообразная конструкция медленно повернулась лицом к полуэльфийке, выпустила облако мутного серого дыма из своего рта. Голем погрозил одним кулаком в сторону обманчиво изысканного оружия. Эрилин уступила дорогу атаке, задержав дыхание и крепко закрыв глаза от жгущего газа. Она высоко подняла меч, держа его двумя руками, и заблокировала могучий удар, способный дважды расколоть череп орка. Громкий лязг разнесся по комнате, эльфийский меч Эрилин

заметно завибрировал в ее руках. Но это была не более, чем царапина на иллюзии официантки, газ рассеялся, голем обвел руки вокруг одной перекладины, поддерживающей строение и начал раскачиваться.

Пыль и солома посыпались с кровли, Данила заметил слабый блеск между расходящимися пластинами на руке голема. Он сделал выпад и уколола оружием в руку. Магический меч скользнул между обшивкой. Лезвие проникло глубоко в деревянную основу, поддерживающую голема, быстро проколол одну руку.

Эрилин отступила и размахнулась снова, ударив другую руку голема один, затем второй раз. Эльфийский клинок отделил руку от локтя. Конечность с грохотом упала на каменный пол, рассеивая иллюзию. Железные пальцы извивались и двигались, ища как бы впитаться в неосмотрительно подставленную ногу. Эрилин попыталась отбросить ногой руку подальше и ругнулась, когда ее ботинок встретился с твердым железом. Она отступила от судорожно подергивающейся конечности и ударила еще и еще, рубя конструкцию, как сумасшедший дровосек рубит дерево, каждый раз отделяя куски. С каждым куском она ударяла или вскрывала слабеющую, но борющуюся конструкцию.

Но этого все еще не было достаточно. Голем, теперь ясно различимый, управлял своими проколотыми руками свободно. Поющий меч Данилы заскользил поперек пола.

Одновременно полуэльфийка ударила, уколов клинком в том же самое место. Она нагнулась, удерживая меч на месте, и оглянулась через плечо на Данилу.

- Расплавь его – приказала она.

Данила заколебался, быстро обдумывая возможные варианты. Огонь мог бы только остановить голема. Лучше свет. Он поднял обе руки и умело вызвал силу, держа ее между своими руками в потрескивающем шаре и крикнул Эрилин отодвинуться.

Магия сорвалась с кончиков его пальцев в виде раскаленных белых стрел. Руки Эрилин отпустили меч. Его цель была верной - дуга голубовато-белого света протрещала между его руками и тем, что оставалось от голема. Конструкция растаяла, как свеча от солнца. Эрилин схватила свой меч, мускулы ее рук натянулись так туго, что казалось, они сейчас лопнут, она рванула зачарованный клинок из железного тела голема.

Конструкция осела на каменный пол и оторвался от крыши, рука перестала сокращаться.

Эрилин была бледна, ее качало. Данила подозревал, что только действие заставляло ее стоять. Он подошел к ней и убрал выбившийся локон с ее вспотевшего лба. Когда он подошел к ней ближе, ее руки инстинктивно обвились вокруг него.

- Этот бой напомнил мне кое-что еще, - прошептал он, - Голем был под сильной иллюзией, а Бентли Мирроршейд был могущественным иллюзионистом.

Эрилин подняла голову с его плеча.

- И?

- Один из лучших, кто владеет искусством иллюзии заставляет людей не обращать внимания на очевидное. Это самый очевидный вопрос, может, стоит его задать?

Полуэльфика обдумала сказанное. Маленькая, кривая улыбка приподняла уголки ее губ, когда ответ пришел к ней, и она выскользнула из рук Данилы.

- Дай мне амулет поиска, - сказала она – Я пойду за девушкой.

Позже этим же утром, Данила снова стоял в Храме Мудрости. Тело Бентли Мирроршейда наконец-то было там и лежало в закрытом внутреннем дворе в центре храма, на ложе из штабелей дерева хорошо смоченного ароматным маслом. Это не совпадение, подумал Данила, что гномы приготовили такие быстрые похороны. Часом больше и ничего он не смог бы уже сделать для спасения Элайта.

Он объяснил свой замысел Геллане Мирроршейд. Жрица гномов не была в восторге от его просьбы, но она обещала помочь в его поисках справедливости. Она послала Гарита Хунтерстока в башню, чтобы привести Элайта.

- Обвиняемый эльф имеет право изложить свою историю, - сказал Данила – но он не желает делать это в присутствии свидетелей.

Геллана пожала плечами и сказала несколько слов на языке гномов своим клирикам. Все покинули храм. Когда стало слышно лишь звук равномерно капающих огромных водяных часов, что стояли как монумент во дворе, Данила разрешил жрице позвать Бентли Мирроршейда. После того как похожий на привидение гном встал перед ним, Данила повернулся к Элайту.

- Ты опоздал в таверну прошлой ночью. Ты ужинал?

Эльф посмотрел на Данилу, как если бы тот потерял разум.

- Я заказывал, но не ел. Убийство гнома обнаружилось до того, как мне принесли заказ, и таверна закрылась.

- А, а что ты заказывал?

- Медальон телятины, кажется, с приправой и сливками. К чему это?

Данила проигнорировал вопрос.

- Тебе также завязали узел мира, в том числе его вариант для магов. Твое магическое искусство широко известно?

- Нет, - ответил эльф – Лучшее оружие часто скрывается.

- Хорошо сказано. Как получилось, что гномы знали о тебе больше, чем общественность? Кто завязывал тебе палец в узел мира?

Эльф пожал плечами.

- Человеческая девчонка, напыщенная и разодетая. Темные волосы. Я не спросил ее имя.

- Оно звучало как Софи. Завязывать узел мира ее задача? – спросил Данила Геллану. Жрица гномов ответила осторожным кивком. Арфист показал маленький кулек окрашенной в зеленый цвет кожи. – Это также ее задача – помогать гостям с их ценностями? Этот кошелек мой. Я оставил его в таверне и нашел этим утром в сундуке Софи. Но саму Софи я найти не смог. Чудо, учитывая, что крепость закрыта.

Геллана сердито посмотрела.

- Вы вызвали моего мужа выслушивать эту бессмыслицу? Если у вас есть вопросы к Бентли Мирроршейду – спросите его!

Данила мило кивнул и повернулся к призраку.

- Бентли Мирроршейд мертв?

- Что это за вопрос? – повысила голос Геллана

- Очень хороший, я думаю, - откликнулся Арфист – Это вопрос, который никто не подумал задать. Когда представили тело, инстинкт любого человека найти убийцу. Но Бентли Мирроршейд иллюзионист большого мастерства и значительной мудрости. Мне пришло в голову, что ваши вопросы при вызове, дорогая леди, были странно сформулированы. Вы обращались по имени к духу, а не к телу. Эльф был ответственен за «смерть», и его оружием был нанесен смертельный удар – это все, что было сказано. Элайт был бы действительно ответственен, если бы в вопросе о смерти спросили бы, что он заказал на ужин телячью ножку.

Данила вытянул руки, его ладони раскрылись.

- Я скажу необходимое заклинание? – спросил он жрицу – Только это может рассеять эффект другого заклинания.

- Не беспокойся, - сказал грубый голос откуда-то от часов. Дверь на пьедестал открылась и Бентли Мирроршейд, совершенно живой, сделал шаг к своему одру. Он схватил в воздухе иллюзорное привидение и смял его, как раздосадованный писец может смять лист замаранного пергамента. На пьедестале, как Данила и ожидал, лежало тело освежеванного теленка.

Гном-иллюзионист скрестил свои крепкие руки и сердито посмотрел на Арфиста.

- Все верно, ты сделал меня. Что теперь?

- Это зависит от тебя - сказал Данила – Расскажи мне, зачем ты разыграл свою собственную смерть?

Бентли пожал плечами.

- Я ответственен за девочку. Она беспокоилась и не ошиблась – но она не заслуживает, чтобы подобный эльф вынюхивал вокруг. Я не терплю тех, кто собирается использовать девочку для поднятия бунта – и не меньше тех, кто гоняется за ней, чтобы обогатиться – он зыркнул на эльфа.

- И прячась за своим собственным иллюзорным трупом, ты создал диверсию, что позволило ей бежать незамеченной, и осудить Элайта Кроулнобара на смерть. Мастерски сделано, - дополнил его Данила – Но как ты собирался объяснить свое возможное возвращение из могилы? У меня есть подозрение, что ты предполагал сделать, но мне не нравится твоя сказка.

У гнома хватило учтивости посмотреть робко.

- Я думал, как выкрутиться время от времени. Дайте мне время подумать в одиночестве. Я думал, как вернуться, когда это будет возможно, когда решится судьба этого негодяя. И ты прав в том, что ты предполагаешь, Арфист. Я думаю переложить осуждение за обман на вас. Ты известный проказник и заклинания делаешь косо.

Данила подметил поразительное изменение, происходившее с Элайтом в течение этой беседы. Понимание, затем сильное облегчение, затем страшная ярость выражались в его эльфийских чертах. Данила послал ему предупреждающий взгляд.

- Я должен сказать, это ставит меня в некоторое затруднительное положение, - сказал Арфист. - Элайт не виноват в этом случае, но созданная тобой

государственная интрига нарушит равновесие в Дружественной Руке и насторожит тех, кто ищет наследницу Тион.

- Верно, - согласился гном – Так что нам делать?

Данила вздохнул.

- Я вижу слабую возможность. Я возьму на себя осуждение за иллюзию, как ты предложил. Если спросят, я могу сослаться на старую и вполне реальную вражду между мной и Элайтом, - он повернулся к эльфу – Взамен я ожидаю от тебя слова, что ты не будешь препятствовать мне и Эрилин в нашей миссии. Мы намереваемся увезти Изэбию Тион – лучше известную как Софи воровку – в безопасность на север.

Бентли фыркнул.

- Ты собираешься взять слово с такого как он?

- В твоём положении, я бы не спешил клеветать на честь другого, - сказал Элайт, его голос кипел от еле сдерживаемого гнева. – Я такой, какой есть, но Арфист знает, что мое слово, однажды данное, также крепко, как и у любого другого эльфа и крепче, чем у гнома. Также ты можешь верить мне, когда я поклянусь, что если когда-нибудь встречу тебя за пределами этих стен, я убью тебя медленно и болезненно.

Гном пожал плечами.

- Звучит достаточно ясно. Думаю, ты позаботишься о том, кто назвал тебя лгуном. Я никогда не говорил ничего, что не было бы честной правдой, во имя Гарла. Иллюзия никогда не лжет – люди имеют плохую привычку верить тому, что они видят.

Данила схватил Элайта за руку и вывел взбешенного эльфа из храма.

- Я выполню мою клятву тебе, бард, - прошипел эльф сквозь стиснутые зубы – но другую я страстно желаю нарушить. Подобно любому эльфу я верю, что тревожить мертвого это ужасная вещь. Но отдам пятьдесят лет моей жизни, чтобы продолжить эту беседу – с настоящим духом этого несчастного гнома!

Арфист пожал плечами.

- Мы не те за кого себя выдаем не так ли? Тогда почему же ты ждешь чего-то другого от духа?

Элайт пристально посмотрел на него. Спустя мгновение улыбка, медленная и грустная смягчила его лицо.

- Если Лунный эльф из знатной семьи командует половиной незаконной торговли в Глубоководье, и если глупый бард из того же города показывает проницательность, которой может завидовать эльфийский мудрец, почему бы мне не сделать глупое предположение о разговоре с мертвецом?

- Точно, - согласился Данила, с мрачным выражением – по крайней мере, одна обнадеживающая вещь доказывает правду.

- Да?

- Мертвец очень неумело обманывал, чтобы я мог поверить в это. В нашей жизни мы должны брать абсолютные ценности там, где можем их найти

Элайт кинул на Арфиста странный взгляд. Спустя мгновение, искаженный тихий смех полился из его губ. Он остановился и протянул свою руку. Его янтарные глаза смотрели совершенно без насмешки или презрения.

Этот жест был всем - извинением и благодарностью, которые Данила мог получить. В это время Арфист не чувствовал нужды искать тайный смысл или иллюзорную правду. Данила знал высокомерного, гордого эльфа, каким тот был, но он получил некоторые абсолютные ценности, когда встретил его. Дружба была одной из них.

Без колебания, он скрепил запястье Элайта в дружеском рукопожатии.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Дэйв Гросс

Огден улыбнулся. Это было его любимое дело.

Было намного лучше, когда Мэра, ещё будучи жива, делила с ним хлопоты по управлению «Белым Рогачом», гостинице, что они вместе построили. Кухня бы уже наполнилась ароматами пекущегося хлеба и варящейся похлёбки, а также сладким запахом остывающего эля.

Лучше было, даже когда Роберт, старый друг, протягивал руку помощи – по крайней мере когда дело касалось процессов добавления хмеля и брожения. Роб в основном заглядывал только для того, чтобы не дать вдовцу свалиться в пучину отчаяния в первые несколько месяцев одиночества. Когда у него родился первенец, Роб стал навещать лишь время от времени. После рождения второго сына Огдену пришлось рассчитывать лишь на себя.

Но даже спустя все эти годы одиночества, проведенные без сколько-нибудь приемлемого общества, варка пива для таверны была одним из немногих удовольствий старика.

Запахавшийся голос из общего зала нарушил мечтательное сосредоточение владельца:

- Огден!

Вздрогнув от неожиданности, Огден позволил котелку с дымящейся выпивкой накрениться, упершись о его круглое пузо. Зашипев от боли, он наклонил посудину над краем деревянной бочки перед ним. Поток янтарной жидкости продолжил свой бег, ныряя в бочку и разбрызгивая клочья пены.

- Не сейчас, приятель! – крикнул в ответ Огден. – Я процеживаю сусло. Это очень деликатная часть проц...

Туша размером с медвежью ввалилась в кухонную дверь, на которой отсутствовал засов. Повернувшись к хозяину таверны и воззрилась сидящими на розовом лице крохотными круглыми глазками. Из широкого носа-пяточка текло. На подбородке вошедшего молодого парня явно была заметна первая поросль.

- Но Огден, это ведь...

- Что бы это ни было, оно подождёт до тех пор, пока я не опустошу котелок, - Огден спрятал счастливую улыбку за однодневной щетиной. Он никогда не брился в день, когда варилось пиво – ещё одна из его маленьких радостей; хотя натываясь на

зеркало, всегда беспокоился, видя, как седина отвоёвывает себе место у привычного коричневого.

- Но...

Огден накрыл рот большого юноши свободной рукой. Котелок вновь сдвинулся, и старик обошёл бочку, крепко прижимая ладонь к губам Портной.

- Досчитай до двадцати, - велел Огден. Почувствовав, как губы парня зашевелились, добавил: - Про себя!

Густые брови Портной собрались складками от усилий, но маленькие глазки горели решимостью, пока он пытался выполнить повеление. Это должно занять его на какое-то время, подумал Огден, с облегчением улыбнувшись. Сын его сестры не был совсем уж идиотом, но его частенько принимали за такового.

Старик вытер руку о тяжёлый передник, прежде чем снова взяться за котелок.

- Давай-ка, держи бочку покрепче, - указал Огден. Портной заколебался, раздумывая, а не уловка ли это, чтобы сбить его со счёта. Решив, что лучшая стратегия – это подчинение, он вцепился в дубовую ёмкость.

- Я пытался сказать тебе, что...

- Ш, ш! Вот так, - перебил Огден. – Теперь наклони в другую сторону. Осторожнее, оно все ещё весьма горячее...

Руками Портной управлялся намного лучше, чем мозгами. Толстые пальцы, словно тиски, держали бочку как раз под таким нужным углом, чтобы позволить Огдену влить остатки солодового сусла, особо не разбрызгивая. Когда котелок, наконец, опустел, пивовар одарил племянника улыбкой. Возможно, вскоре ему придётся показать пареньку весь процесс от начала и до конца. Ведь это достаточно просто.

- Хорошо, - Огден накрыл бочку крышкой. Будущему элю понадобится ещё несколько часов, чтобы остыть, а потом уже можно всыпать хмеля и разлить по бочкам. Через пару месяцев он получит ещё одну партию вкусного эля, которым можно потчевать жителей Мирлоха. – Это последняя.

Он повернулся к молодцу. Ещё только пятнадцати лет, он уже возвышался над ветераном войны и весил больше него на четыре стоуна. Тем не менее, Огден умудрился снисходительно, с отцовской заботой посмотреть на парня, при этом глядя на его широкое лицо снизу-вверх.

- Так что ты так суматошно пытался мне рассказать?

- Это Коул, - ответил Портной. – Волшебник.

- И?

- Он мёртв.

- Присмотри за деревней, пока меня не будет, старина.

Лорд Доннелл всегда говорил одну и ту же фразу, покидая округ Мирлох. Это даже стало своеобразной шуткой для двух ветеранов Войны Тёмных Сил. Она вела их через годы восстановления после победы над Казгоротом, и продолжала жить уже во время правления Алисии, дочери Тристана и их новой королевы.

- А думаешь, кто за ней присматривает, пока ты здесь, а? – всегда был ответ Огдена.

Сотни раз Доннелл оставлял деревню на попечение Огдена, и всегда была эта безобидная шутка. По возвращении Доннелл говорил:

- И чем ты только занимался всё это время? Я надеялся увидеть какие-нибудь улучшения, новая башня-другая, хотя бы. Ты настолько же обленился, насколько растолстел.

- Это всё из-за лысины, мой лорд, это она тормозит меня, - оправдывался Огден. А затем приглашал старого друга на ужин.

И остаток дня они проводили в таверне Огдена, «Белом Рогаче». Зайдя внутрь, лорд рассказывал все, что случилось за время его путешествий, а хозяин делился тем, что он об этом думает. А спустя несколько часов лорд Доннелл поднимался и запускать толпу, неизменно собиравшуюся и подслушивающую у дверей, ожидая возможности зайти.

- Да начнутся сплетни!

И он уходил, чаще нетвёрдой походкой, к своему величавому поместью. Жители деревни тут же набивались в залу, где Огден начинал делиться слухами, которые по их с лордом совместному решению должны были распространиться далее. Тогда же ему удавалось продать и бочку пива.

Огден очень ценил эти отношения, и хотел сохранить их. Именно поэтому он так тяжело воспринял новость, что кто-то умер в тот момент, когда лорд Доннелл пребывал в отъезде – в Кэр Калидире, на аудиенции у королевы Алисии. Он должен был вернуться сегодня, так что Огдену лучше бы предоставить какие-нибудь ответы к тому времени, как он прибудет. Положив большие ручки на широкие плечи Портной, он посмотрел тому прямо в глаза.

- Он – что?

- Он мёртв, дядя Огден.

- Ты в этом уверен?

- Они сказали, он не живее камня.

- Что ж, полагаю, «они» знают, о чём говорят, - Огден с сомнением нахмурился, глядя на племянника. – Что за «они»?

- Дэр и Эован. Они говорят – Энид увидела 'го утром, когда принесла 'му молоко и яйца.

- А сам-то ты его видел?

- Нет, я сразу побежал домой.

- Молодчина, - сказал Огден. Портной не был дураком, хоть и выглядел похоже. Мужчина развязал фартук. – Ты пока приберись на кухне, а я схожу проверить.

К тому времени, как Огден добрался до домика Коула, он пожалел, что не взял с собой свою трость для ходьбы. Прошлой ночью выпал первый снег, обелив низкие горы, отделявшие Долину Мирлок от восточного Гвиннета. Даже в такой дали от моря ветра дули беспрепятственно, пока не натыкались на эти каменистые холмы. С собой они приносили северо-восточный холод, глубоко проникающий в старые раны

пивовара. Оставленный топором северянина шрам по-прежнему пересекал голень от колена до лодыжки. Каждую зиму он напоминал о себе - единственное дитя его бурной молодости.

К счастью, дом мага находился менее чем в двух километрах к северу, а глубина снега составляла ещё только пять или семь сантиметров - недостаточно для того, чтобы сделать неразличимыми борозды на засеянных ячменем полях, мимо которых он шёл. Мужчина миновал принадлежавшие ближайшим фермерам домики с белыми крышами, достаточно близко, чтобы помахать, но достаточно далеко, чтобы избежать досужих расспросов о том, куда он идёт, и о его необычной задаче.

Снова пошёл снег, но слабый, неспособный засыпать следы тех, кто прошёл путь до обители волшебника раньше Огдена. Все цепочки вели от центра деревни, отправной точки всех сплетен и слухов. Владелец таверны следовал вдоль сходящихся цепочек, пока они не слились в одну линию. Вскоре он увидел группу столпившихся на безопасном расстоянии от двери в дом Коула жителей, которые, скрючив шеи, заглядывали в маленькое окошко.

Большинством были соседи Коула, но некоторые пришли посмотреть аж из центра поселения. Не то чтобы ффолки Мирлоха не любили мага - просто он был диковинкой, на которую любопытно посмотреть издали. Коул прибыл сюда из-за моря по приглашению Кеана, придворного колдуна и - если слухи со двора Доннелла верны - человека, что вскоре примерит на себя корону верховного короля. С момента отречения короля Тристана городки и веси островов Муншаез приобрели моду на городских волшебников. Каждый захудалый лорд стремился заполучить такого, выделив кусок земли в обмен на сомнительные обещания защиты и помощи.

Обитатели Мирлоха сильно удивились, когда их рассудительный лорд Доннелл объявил, что дарует сто акров земли долговязому чужеземному магу. Старожилы предполагали, что Кеан поручил тому задание - приглядывать за долиной Мирлох, что прямо за западными холмами. Именно в Мирлох отправились на покой старый король Тристан и его жена, друида Робин. Этой теории оказалось достаточно, чтобы убедить людей, что Доннелл не поступил легкомысленно или, что хуже, не поддался моде. Со временем пересуды улеглись.

Но все равно никто не питал к волшебнику тёплых чувств. Нельзя сказать, что он держался особняком, хотя и посещал «Рогача» лишь дважды или трижды в месяц. Когда он участвовал в обсуждении каких-либо сплетен, обычно это были самые безобидные темы. На ярмарках он никогда ни с кем не танцевал и не заигрывал, хотя глазки большинства деревенских девушек частенько останавливались на его стройной фигуре – факт, который определённо не добавлял ему привлекательности в глазах мужской половины поселения. Тёмная фигура Коула всегда ошивалась по краям толпы. Он никогда не обособлялся от ффолков, но никогда по-настоящему не был и их частью.

Смерть всех делает интереснее для соседей, подумал Огден, присоединившись к безмолвной кучке ффолков. Пару мгновений он постоял с ними, наблюдая, как дыхание людей клубами расходится шире и растворяется в воздухе. Даже несмотря на позднее утро, солнце было слишком слабым, чтобы полностью изгнать морозец.

Огден заметил в толпе светлые волосы Энид. Тощая девчушка была единственным ребёнком Конна и Бранвен, разводивших скот и державших кур. Все

жители деревни знали её – по утрам она разносила свежее молоко и яйца тем, кто торговал с её отцом. У двери в жилище колдуна стояло накрытое ведёрко и корзинка. Ещё одно ведёрко, пустое, лежало у ног девушки, погрузившись в снег. Её глаза встретились с глазами пивовара сразу же, как только он её заметил.

- Так это ты нашла его, Энид?

- Да, констебль.

Огден моргнул. Он и забыл, то Доннелл официально наделил его этим званием несколько лет назад. Они тогда оба напились на одной из ярмарок, и Огден точно не помнил, было ли это шуткой или честью. А сейчас его первый раз назвали «констеблем» по-настоящему.

- Как давно это произошло?

- Чуть больше часа назад. Он был последний в очереди на доставку.

- А ты доставляла ему продукты каждый день?

- Через один.

Огден покивал, пытаясь выглядеть мудро и задумчиво в глазах остальных жителей. Некоторые тоже кивнули, выражая уверенность в выбранной им стратегии допроса. Другие остались безучастными, храня своё мнение при себе. Огден собирался сделать то же самое. Он не имел понятия, пригодятся ли вообще ответы Энид, но подозревал, что нет.

Кивнул ещё разок, он предложил:

- Ну что ж, взглянем.

- Дверь заперта, констебль, - это сказал Мэйн Фергюсон, темноглазый мальчуган того же возраста, что и Энид. В одной руке Мэйн держал длинную ветку, сорванную совсем недавно. Огден подозревал, что парнишка пытался потыкать ею тело волшебника через окно. Мэйн мельком взглянул на Энид, прежде чем обернуться к трактирщику. Огден знал, что паренёк хотел убедиться – девочка наблюдает за ними.

- Задняя тоже? – уточнил Огден.

- Ага, а окна с другой стороны тоже на засове, - поделился мальчик. – Но через переднее его отчётливо видно.

- Я так понимаю, проскользнуть через каминную трубу ты не пытался?

- Эээ, нет, сэр. Вы же не хотите, чтобы я попробовал, да?

Было очень похоже – Мэйн надеется на то, что Огден не попросит его проникать в дом мага, но ему нужно было покрасоваться перед Энид. Кто знает, что может ожидать в камине колдуна? Энид спрятала под тонкой ручкой улыбку, но Мэйн не заметил её веселья.

- Прямо сейчас – нет, но пока крутись поблизости.

- Так точно, констебль!

Мэйн гордо повернулся к девочке и принял её улыбку за одобрение. А может, он и не ошибся, подумал Огден. Может, Портной не самый тугодум в городке.

Маленькая толпа расступилась перед пивоваром, давая тому пройти к окну. Заглянув, он увидел тело волшебника, растянувшееся на полу рядом с добротным обитым креслом и заваленным столом. Крови Огден не увидел, но времени, в течение которого он наблюдал, хватило, чтобы понять – Коул не дышит.

Огден повернулся к выжидающим зрителям.

- Что ж, давайте заглянем внутрь.

- Вряд ли ты захочешь ломиться в дверь мага, - предостерёг Старина Ангус. Древний фермер, скорее всего, был первым после Энид, кто добрался на место трагедии. С тех пор, как его сыновья взяли управление его землёй на себя, он проводил дни, бродя по деревне и посещая каждого, кто не отказался бы часок-другой с ним поболтать.

- Ага, - добавил Мэйн голосом, полным осведомлённости. – На вас наверняка падёт проклятье, или вы во что-нибудь превратитесь, или уменьшитесь...

- Скорее всего, - перебил Огден, торжественно посмотрев на Мэйна. Коул никогда не демонстрировал каких-то выдающихся способностей, но никто не сомневался в том, что он всё-таки волшебник. Коул всегда будто бы знал о каких-то тайнах - обычно всяких пустяках, связанных с соседями. К счастью, сам он сплетни не распространял. Но знающей улыбки, кивка или покачивания головой, которыми он обозначал подслушанное, было достаточно, чтобы убедить жителей деревни в том, что маг наблюдал за всеми подобными глупостями через магическое зеркало, или кристалл, или источник, или ещё что-то.

Огден улыбнулся пареньку.

- Поэтому я хочу, чтобы ты проскользнул в окно, вот тут, и открыл мне дверь.

Глаза Мэйна расширились и побелели, словно пожаренные яйца.

- Но что если...

Но он так и не закончил, поскольку вмешалась Энид:

- Уф, я сделаю это, - перевернув, она поставила пустое ведёрко на землю и забралась на подоконник прежде, чем кто-либо успел сказать хоть слово.

- Энид! – пискнул Мэйн, но когда девочка обернулась и вопросительно вскинула золочёную бровь, добавил лишь: - Осторожнее там.

Раздражённо выдохнув, девочка проскользнула в открытое окно, грациозно, точно шелки. Несколько мгновений спустя передняя дверь отворилась, и Энид вышагнула обратно.

Огден одобряюще кивнул молодой отважной женщине и вошёл в избу. Остальные начали было напирать, но констебль взмахом велел оставаться на местах.

- Мне сейчас понадобится свет. Отойдите, пока не осмотрюсь.

В основном, все подчинились.

Солнечный свет струился через проход, освещая тело мага и стол, за которым он умер.

На столе лежала книга, связка пергаментных листов и три свежих свечи в канделябре. Остальная часть комнаты была уютно обставлена – несколько стульев, ещё один стол, низкий, и несколько шкафов, один из которых был полностью забит книгами и свитками. Даже у Огдена – одного из немногих в Мирлохе, кто хранил свои письма – не было книг. Несколько имелось у лорда Доннелла – хроники первых королей и сказки ффолков – и Огден часто их читал и перечитывал. Хозяин таверны был достаточно смышлёным, чтобы понимать, где заканчивается история и начинается легенда, но когда дело касалось магии, пребывал в блаженном неведении. Желанием копаться в манускриптах колдуна он не горел.

Огден присел рядом с мёртвым волшебником. Положив ладонь тому на грудь, он почувствовал уходящее тепло. Мужчина не мог умереть прошлой ночью. Должно быть, он был ещё жив незадолго до визита Энид этим утром.

На теле не было каких-то жестоких ран, хотя когда-то аккуратную голубую тунику забрызгало чернилами. Жидкость собралась в лужицу на полу рядом с трупом, и поблёскивающий ручеек тянулся под стол. Проведя по нему взглядом, Огден обнаружил опрокинутую чернильницу, валяющуюся у одной из ножек. Он не стал её поднимать и закончил осмотр.

Коул выглядел так, будто просто потерял сознание. Черные усы нелепо смотрелись на посмертной гримасе, а глаза были закрыты. Руки и ноги подогнулись, как при падении, но сломанных конечностей как будто бы не наблюдалось. Огден заметил тёмное пятно на правой руке мага и поднялся, чтобы ещё раз осмотреть поверхность стола.

В момент смерти Коул писал письма. На первый взгляд они казались безобидными посланиями, друзьям или родственникам. Огден понял, что все они завершены; ни одно из них не прерывалось внезапно, как он того ожидал. Значит, какого-то не хватает.

Кто-то у двери прочистил горло. Хозяин таверны поднял взгляд и увидел поселенцев, с нетерпением заглядывающих внутрь.

- Что-нибудь нашёл? – спросил Старина Ангус.

- Хмм... - отозвался Огден. Звук, который он использовал, когда не имел ответа. Констебль вновь переключил внимание на мертвеца – пожалуй, взглянет ещё разок, прежде чем вызвать Меган, которая здесь приберётся и подготовит тело к погребению.

Глаза пивовара изучали комнату в поисках улики. У окна он заметил широкую синюю миску, наполовину заполненную молоком. Должно быть, Энид задела её, когда прошмыгнула в комнату – белые следы маленьких ножек испещрили деревянный пол. Коту колдуна понадобится новый дом, подумал трактирщик.

Всё остальное было в порядке, так что Огден обернулся к телу. Осторожно перевернул усопшего мага на спину. Под ним нашлось недостающее письмо. Единственная страница оказалась прижатой рукой волшебника, когда тот упал. Почерк также был его, но в конце начинались большие, корявые буквы, размазанные, хотя и понятные. Огден уставился на послание, не веря своей удаче.

Последняя неуклюжая строчка:

- Нил Эриксон уби...

В конце концов, Огдену не пришлось посылать за Меган. Весть о смерти Коула достигла её вскоре после того, как Портной рассказал дяде о случившемся, и женщина знала, что нужна там. Умелая и мудрая, Меган представляла собой что-то среднее между простым ффолком и друидами. Она знала, как обращаться с травами и кореньями, а ещё могла ловко зашивать раны. А если ни одно средство не помогало, это она была той, кто моет и одевает мёртвого, прежде чем сшить края последней раны - погребального савана.

А ещё она приходилась Ниалу Эриксону женой.

Эриксон – ближайший сосед мага – жил один с тех пор, как Меган оставила его одного около шести лет назад. Она покинула их жилище на следующий день после того, как их дочь вышла замуж за пастуха из северного округа и оставила деревушку Мирлох. Вскоре после этого и сыновья Меган разбежались кто куда, в поисках своей судьбы по всему Каллидиру – оставив жалкого и злобного Ниала на ферме одного. Никто не спрашивал, почему Меган ушла от него, но у каждого была своя версия. Некоторые говорили, муж её бил. Он проявлял жестокость даже к животным, которых она иногда заводила в качестве питомцев. А за целительные способности считал её ведьмой; да, северяне – суеверный народ. Те же, кто повеселее, предполагали, что всему виной богатырский храп Ниала. Куда более мерзкие слухи впутывали в это их дочь. Но не важно, кто во что верил – все равно никто не знал, какую роль сыграл сам Ниал, ибо он редко появлялся на людях, и многие его побаивались.

Сейчас Меган жила в городке поблизости, в хижине, оставшейся пустовать после смерти владельцев несколько лет назад. Лорд Доннелл передал ей права на дом без промедлений, поскольку знал цену целителям. В своём собственном уголке она обменивала своё мастерство на еду, которой хватало на существование, и даже немного торговала. Остальные ффолки приносили ей часть урожая независимо от того, требовалась ли им её помощь или нет. Такова природа ффолков – отложить на зиму чуточку больше.

Загорелые веснушчатые руки коснулись лица мёртвого волшебника. Огден помог женщине поднять тело на кухонный столик, где сейчас она заканчивала его осмотр. Целительница подняла каждое веко и изучила неподвижные глазные яблоки. Затем с трудом разжала стиснутые челюсти, заглянув в рот.

- Следов яда нет, – наконец, озвучила она вердикт, – по крайней мере тех видов, что мне известны.

Меган стряхнула с глаз прядь рыжих волос. Время щадило женщину. Хотя по возрасту она почти догнала Огдена, снегу ещё только предстояло обелить её волосы.

Огден разочарованно закричал. Он надеялся, что знахарка расскажет о яде, который не оставляет следов – и о том, что давным-давно научила Ниала Эриксона делать такой. С того самого мгновения, когда он увидел прощальную записку мага, констебль ни капли не сомневался в виновности бывшего мужа целительницы. Оставалась лишь одна проблема – найти доказательства, и он надеялся справиться с ней до возвращения лорда Доннелла.

- Что скажешь про послание? – прочитав ей слова, Огден ожидал от Меган какой-нибудь реакции. Сама она писем не хранила, хотя наверняка и являлась самой образованной из всех жителей деревеньки – ну, по-своему.

Сначала женщина не ответила, вместо этого подойдя к окну. Обхватив руки, она выглянула наружу, глядя на жителей, с трудом удерживающихся от того, чтобы не уставиться в ответ. Когда целительница повернулась обратно к Огдену, её нога зацепила кошачью миску с молоком, отправив посудину катиться по деревянному полу. Молоко перелилось через край и забрызгало её ботинки.

- А где кот? – спросила женщина.

- Должно быть, снаружи, - отозвался пивовар. Он понял, что, какое бы зло Ниал ей не причинил, она до сих пор к нему небезразлична. Вся эта ситуация, должно быть, даётся ей очень тяжело.

- Бедняга, - сказала она. - Я заберу его, как только найдётся.

Целительница подобрала миску и сунула её в ведро для мытья посуды. Сполоснула, затем вытерла какой-то тряпкой. Огден ждал – молча и терпеливо.

- Если ты имел в виду, считаю ли я, что Ниал мог убить мага, то да. Мог бы, - Меган посмотрела Огдена прямо в глаза. - Возможно, голыми руками. Может, клинком. Но чего в Ниале Эриксоне нет, так это подлости и коварства.

Огден кивнул. Хитрость не была незнакома северянам, но среди них это было столь же редкое явление, что и доброта.

- Был ли у него мотив? – уточнил Огден.

- Не секрет, что Ниал имел виды на поля, прежде чем лорд Доннелл подарил их Коулу. Если бы мальчики остались с ним ещё пару-тройку сезонов, Ниал рассчитывал, что смог бы выкупить участок.

- Но они ушли.

- Да, - согласилась женщина. - Мы все.

- Значит, ты думаешь, у него был повод, - подытожил Огден.

- Достаточный – для него. Но, думаю, он мог бы так поступить только в гневе. Не будучи вне себя от злости, он не убил бы этого человека.

Огден верил этому, так что проблема оставалась неразрешённой. Где же доказательства?

Эриксон хотел землю Коула, поэтому убил волшебника. Таковой оставалась версия Огдена.

- Но зачем Ниалу убивать Коула? Ему никогда не обработать столько земли в одиночку, - Портной всегда умел задавать очевидные вопросы, когда самому Огдену это не удавалось. В более спокойное время трактирщик ценил это качество. Но, что важнее, он больше оценит ощущение присутствия объёмной фигуры племянника за спиной, когда придёт время поговорить с Эриксоном. Вернуться до таверны и забрать паренька - стоило того.

- Некоторые люди не могут простить себе собственных провалов, - объяснил Огден.

- Но ведь это не Коул забрал у Ниала часть угодий.

- Нет, но Ниал всё ещё может считать именно так. У некоторых северян в сердце лёд, и нельзя сказать, что их рассуждения всегда справедливы.

- Это глупо, - без обиняков сказал Портной.

- Ага, - согласился Огден, - именно так.

Некоторое время они шли в молчании, пока Огден не нарушил его:

- Это Энид проникла внутрь, чтобы открыть дверь.

- Да? – племянник изобразил безразличие, но Огден-то знал. Сердце Портной была захвачено девчушкой с самого детства. К несчастью, из них двоих Мэйн проявлял больше всего активности в завоевании её внимания. У Портной же просто не хватало на это духу.

- Да. Я попросил Мэйна это сделать, но тот стусевался.

- Да?

- Да. Думаю, в глазах Энид он слегка опустился.

На последнее Портной ничего не сказал, но Огден наблюдал за ним краем глаза. Парень улыбнулся, а дядя увидел, как его губы беззвучно произнесли слово «хорошо». На этом он и остановился.

Когда они добрались до фермы Ниала, в разум Огдена закрались первые серьёзные сомнения. Если это Ниал убил Коула, как он потом покинул дом, умудрившись закрыть дверь изнутри на засов? Как ему удалось сразить мага, не оставив ни следов, ни ран? Ниал был не из тех, кто стал бы травить человека, если мог сломать его об колено.

К тому времени, как Огден и Портной подошли к дому предполагаемого убийцы на расстояние ста метров, Огден преисполнился уверенности, что пошёл по неправильному пути. Отвернувшись от избы, он начал обходить ферму по кругу. Портной послушно последовал за дядей, даже не спросив, почему они повернули. В конце концов, они добрались до озера позади усадьбы Ниала, которое полностью замёрзло. Лёгкий ветерок смел снег с его поверхности, обнажив гладкий, твердый лёд.

Огден развернулся, и они с мальчиком вернулись по своим следам. Затем прошли вдоль другой стороны, в итоге вновь придя к пруду. С этой стороны, ближе к дому, трактирщик увидел место, откуда Ниал вырезал кусок льда. Плоская глыба лежала рядом на земле. Синие тени следов северянина вели петляющей вереницей от дома к кромке воды и обратно.

Огден моргнул, когда ступню внезапно пронзила боль; рядом пыхтел от усталости Портной. Парнишка мог бы и избавиться от кое-какого лишнего веса, подумал Огден. Вместе они остановились перевести дух и оглядеть заснеженное поле.

- Что ты видишь, приятель?

- Эм... Дом Ниала? Амбар? Колодец? Вон те деревья? – глаза юноши забегали по окрестностям в поисках других вариантов.

- Всё верно, но чего ты *не* видишь?

Портной нахмурился и уставился на участок, который они очертили своими перемещениями. Огден изучал мальчика – кем он всё ещё считал Портной, несмотря на то, что юноша вымахал выше дяди – ожидая проблеска логических размышлений. Портной, конечно, никогда не станет деревенским старейшиной, но все же между его ушами росло кое-что большее, нежели просто мох.

Или, по крайней мере, Огден всегда на это надеялся.

- Отпечатки! – вскричал парнишка. – Они не ведут прочь с участка!

- Да, - согласился дядя. – Они идут от дома до амбара, затем вьются к пруду.

При виде неровной цепочки следов Огден нахмурился, размышляя, почему она такая рваная. Он надеялся, что Эриксон не напился. Северянин и в трезвом-то виде был непереносим.

- Он не покидал ферму с прошлой ночи, - добавил Портной. – С того времени не выпало достаточно снега, чтобы скрыть его следы.

Холод заставил прилить кровь к щёкам, и парень, сияя, ждал от Огдена какого-нибудь выражения одобрения. Мужчина наградил его кивком, но нахмурился.

- Если, конечно, он не научился летать, как же тогда Ниал добрался до дома Коула и обратно?

- Похоже, это был кто-то другой, - протянул Портной. В его голосе явно звучало разочарование, и Огден понимал его чувства.

- Возможно.

Констебль с самого начала с подозрением относился к той записке. Откуда у убитого может найтись время накарять такое послание? И что за убийца может оставить его у трупа, пусть даже и не умеет читать?

- Посмотри туда, - произнёс Портной. Глаза Огдена проследили за направленным в сторону фермерского домика взглядом племянника – в ту сторону, откуда сейчас к ним тяжело топала закутанная в меха фигура. Человек приблизился; его дыхание пышными плюмажами собиралось в воздухе позднего утра.

- Отличный денёк, да, Ниал Эриксон? - поприветствовал Огден.

- Констебль, - коротко отозвался тот. Голос его был твёрд, точно зимний гранит. Посреди грязной светлой бороды алели губы, хотя остальная кожа была каменно-бледной.

- Как ты думаешь, выпадет ли ночью ещё снег?

- Что тебе нужно? - отрывисто рявкнул северянин. Жёсткий взгляд его словно говорил - никакой больше досужей болтовни.

- Колдуна Коула убили, - перешёл к делу Огден.

- Ну а какое это имеет отношение ко мне? – мужчина принял угрожающий тон, и Портной неуютно заёрзал. Хотя парнишка и не уступал в размерах северянину, его дядя знал, что тот пугает его племянника.

- Может, и никакого, - отозвался Огден. Скользнув взглядом мимо собеседника к его дому, он затем вновь встретился с ним глазами. – Но маг перед смертью записал твоё имя.

Эриксон выглядел по-настоящему изумлённым.

- Но зачем ему?..

- В таком случае, ты не возражаешь, если мы здесь немного осмотримся?

Эриксон уставился на трактирщика. Неровные морщины изрезали лицо громилы, а глаза превратились в узкие щели. Огден заметил, что облачков дыхания мужчины больше не видно, и напрягся, ожидая нападения. Как бы он сейчас хотел, чтобы с ним пришёл не только Портной!

Наконец, Эриксон нетерпеливо выдохнул и рыкнул:

- Ладно. Только шевелись! – быстро развернулся, и поковылял обратно к дому. Портной колебался, выжидающе глядя на дядю. Огден кивнул, и они оба поспешили последовать за Эриксоном к его хижине.

- Не упускай из виду его следы, - предупредил констебль. – Разузнай, куда он ходил этим утром. Потом загляни в сарай. Я проверю жилище.

- Ага, - поддакнул племянник. Дрожа от предвкушения, точно щенок гончей на своей первой охоте, он отправился прочь.

Огден проследовал за Эриксоном до двери в лачугу, но на пороге остановился. Крыльцо было чисто подметено, но с одной стороны снег покрыла россыпь белого льда. Ну хотя бы испорченное молоко выкидывает, подумал Огден. Должно быть,

Эриксон гораздо более ответственный хозяин, чем многие о нём думают. Трактирщик зашёл внутрь.

Встретивший его запах сразу же изменил представления Огдена о способностях Эриксона к ведению домашнего хозяйства. Даже через аромат дыма от горящего дерева пробивалась вонь нестираной одежды. По левую руку констебля стоял стол, заставленный грязными горшками и мисками. Одна из посуды, маленькая неглубокая плошка, разбилась совсем недавно. Похоже, Эриксон не моет ничего, пока не использует всю имеющуюся посуду, подумал Огден.

Шагнув к столу, владелец таверны едва не поскользнулся на подвернувшемся под ногу предмете. Под столом лежала грудa картофеля, наполовину осыпавшаяся из-за неверного шага. Чуть поодаль, прислоненные к стене, стояли ещё три полных мешка того же овоща.

Огден осторожно отступил назад и повернулся, оглядывая комнату. Заметил кучу шкур и одеял на единственной кровати. Рядом – три стула, выставленные в ряд вдоль стены, с горой вонючей одежды на каждом. Неподальёку, пламя камина защёлкало и зашипело, когда Эриксон ткнул в него железной кочергой.

- Я всё утро не покидал своего участка, - сказал северянин. Тон его голоса смягчился, но всё равно оставался угрюмым и недружелюбным.

- Да, этому верю, - признал Огден.

Эриксон заворчал, одобряя такой ответ, но затем выпятил челюсть, будто защищаясь:

- Тогда что тебе здесь нужно?

- Хмм, - только и ответил констебль, бросая последние взгляды на обстановку, затем вновь вышел наружу. Там он увидел, что напряжённо хмурающийся Портной возвращается из сарая.

- Только овцы, - отчитался юноша. – Овцы, корм и всё остальное, что ожидаешь увидеть в сарае.

Его дядя лишь кивнул. Он был близок к тому, чтобы определить связь между домами Эриксона и Коула. В большинстве своём два этих жилища не могли быть ещё больше непохожи друг на друга. И всё-таки что-то продолжало сверлить разум констебля. Ах да, мужчина ещё и поприветствовал его именно так, «констебль». Он знал, что в деревне сегодня неприятности.

- Зачем бы человеку вырезать лёд из пруда? – спросил Огден, обращаясь больше к себе, нежели к племяннику.

В любом случае, парнишка ответил:

- Буэ. Кто вообще будет пить воду оттуда? – даже он знал, что от стоячей воды, пусть даже и замороженной, выпившему, скорее всего, поплохее.

- Да и чистого снега кругом полно.

Портной пожал плечами и взглянул на лицо дяди. Брови Огдена сошлись в нетерпеливом сосредоточении. Юноша повторил это выражение. Семейное сходство было потрясающим, тем не менее, никто из ффолков его не замечал.

- Он не хотел достать что-то из озерца... - неуверенно начал трактирщик.

- ...Он хотел что-то туда положить! – закончил за него племянник, широко улыбаясь.

- Пойдём, посмотрим, - позвал Огден. Они оба зашагали к замёрзшей воде.

- Хватит, - загремел за их спинами голос. Обернувшись, пара увидела Эриксона, всё ещё сжимающего кочергу. Её конец светился красным. – Вы уже достаточно осмотрели.

- В общем-то, верно, - согласился Огден. Теперь он знал, что точно должен быть привести с собой больше людей. Он понял, как Эриксон убил мага, понял, на что тот рассчитывал. К тому времени, как трактирщик вернётся с подкреплением, Эриксон уже сможет уничтожить улики вместо того, чтобы просто спрятать. Но как северянин отреагирует, если они с Портным останутся?

- Ну, тогда мы пойдём, - предложил констебль. – Двигайся, парень.

Он похлопал племянника по локтю, хотя глаза неотрывно следили за раскалённым прутком в руке северянина. Портной последовал бездумно, всё ещё размышляя над тем, что же Эриксон мог положить в холодную воду.

Они подошли к пруду тем же путём, которым пришли. Эриксон следовал за ними. Когда трактирщик оглянулся, то увидел, как нервно ходит ходуном кончик кочерги, и в то же мгновение пожалел, что притащил с собой Портного. Присутствие здорового парня служило бы сдерживающим фактором для большинства людей, но Эриксон был в отчаянии, а потому опасен. Огден ускорил шаг, и племянник сделал то же самое.

- Достаточно далеко, - теперь голос северянина спокойный и уверенный. Огден знал, что это означало – их конвоир принял решение.

- Беги, парень! Приведи помощь! – Огден толкнул Портного и повернулся, встречая крепкого громилу. Может, у него и не получится обезвредить противника, но по крайней мере он выгадает для паренька достаточно времени, чтобы вернуться в деревню. Эриксон громко и низко заревел. Рывком завершив поворот и встав лицом к лицу с нападающим, констебль низко присел, подняв вверх левую руку. И почувствовал, как удар железного прута сломал кость.

Вся сила вмиг покинула изувеченную руку, а северянин уже вновь занёс раскалённый стержень. Лицо Эриксона превратилось в мешанину вен и жил; он скривился так сильно и яростно, что его рот угрожал занять собой все остальное пространство. Его глаза закатились.

Он превращается в берсерка, мимоходом подумал Огден. Он разорвёт меня на куски. Констебль собрался и шагнул к врагу, вложив затем весь свой вес в один низкий, стремительный удар. Его кулак врезался точно ниже грудной клетки Эриксона, и зловонное дыхание громилы зарядом ударило в лицо Огдена.

- Угх! – белые хлопья усыпали его бороду, но Эриксон лишь улыбнулся ещё шире. – Ха!

И он впечатал свой лоб в лицо Огдена. Трактирщик почувствовал, как нос сплюснулся с тошнотворным хрустом. Перед глазами вспыхнул красный свет. Он почувствовал, что его мозг неприкаянно болтается где-то внутри черепа, а земля ходит волнами под ногами. Констебль попытался отступить, но ноги подвели его – столкновение от тяжёлого удара об землю выбило весь воздух из лёгких. Огден беспомощно лежал в снегу.

А Эриксон возвышался над ним – гигант на фоне белого неба. Обеими руками он поднял кочергу над головой. Чёрный стержень вздымался всё выше и выше – так

высоко, что уже мог бы пронзить и крышу мира, подумалось Огдену. А потом он увидел, что поднимается и сам Эриксон.

- Нет! – хриплый крик принадлежал Портною, но всё, что трактирщик мог увидеть, это большую неуклюжую фигуру северянина, летящую по воздуху. Затем услышал тяжёлый хлопок и неразборчивый всхрюк. Он всё ещё ощущал свои конечности, словно марионетка с обрезанными нитями, но всё же смог развернуться на звук.

Менее чем в пяти метрах лежал Эриксон, оглушённый и потрясённо моргающий. Большая тень ползла к нему по снегу, а сразу за ней – тяжёлые, всё ускоряющиеся шаги Портной.

Северянин поднялся навстречу новому врагу – его ярость угасла, но воля отчаяния по-прежнему с ним. Металлический прут так же остался в его хватке.

- Портной, нет! – попытался крикнуть его дядя, но голос был таким же слабым, как и избитое тело. Да и парень не услышал бы сейчас даже самый громоподобный рёв, судя по целеустремлённому наклону головы.

Юноша достиг обидчика, когда Эриксон замахнулся своим оружием. Палка ударила Портной по большому круглому плечу и погнулась, но удар того даже не замедлил. Оба здоровяка повалились на землю, и Огдену показалось, что он почувствовал дрожь от столкновения. Констебль попытался встать, но смог лишь опереться на четвереньки. Взглянув вверх, он увидел, что Эриксон и Портной уже поднимаются. И теперь железный прут был у мальчика.

Северянин посмотрел на искорёженное оружие в руке парня, а затем на лицо своего противника, который как будто даже не заметил могучего удара. После этого развернулся и бросился наутёк.

Портной кинулся за ним.

- Стой! – просипел Огден. Голос возвращался, а с ним и часть силы. Он с трудом встал на колени и неопределённо махнул в сторону убегающего фермера. – Смотри, куда он идёт.

Эриксон бежал неуклюже, подволакивая одну ногу по скользкому льду пруда. Пока пара наблюдала, нога громилы вывернулась, и тот с ужасающим треском упал навзничь. Даже с такого расстояния Огден смог увидеть синие линии, расходящиеся из-под тела рухнувшего мужчины.

Он попытался подняться, но сперва одна, а затем и другая нога провалились через растрескавшуюся поверхность прямо в бесстрастную воду. Кривые клыки льда скрипели и стонали, и северянин погружался всё глубже. Шаря руками в поисках спасения, он его не находил. Констебль встретился взглядом со своим противником в последний раз, после чего лицо громилы застыло. Не издав ни звука, Эриксон исчез в ледяном озере.

-... И когда мы обыскали пруд в том месте, где он вырезал кусок льда, мы нашли сумку, - голос Портной стал низким и пугающим. Похоже, в нём открывался талант рассказчика. Для него это было не так-то и просто, ведь он всегда чувствовал себя

неловко в местах скопления народа. Он также оставил в стороне те моменты рассказа, где он испугался больше всего – и это тоже помогло.

- А что же было внутри? – театрально прошептала Энид. Она уже слышала эту историю раньше, но всё больше других жителей собирались у дверей «Рогача», ожидая, пока лорд Доннелл и Огден закончат обсуждать дневные события. Среди присутствующих были и охранники лорда, которым самим было приказано ждать снаружи вместе с остальными. Как и прочие, они сгорали от любопытства и желания узнать больше про смерть мага Коула. К счастью, для этого в их распоряжении имелся этот большой парень.

- Кот волшебника!

После первых понимающих охов, аудитория обескураженно затихла.

- Кот? – Мэйн опоздал, и теперь был озадачен откровением Портной.

- Он был его фамильяром, понимаешь? Если погибает фамильяр – умирает и маг, - Портной не знал этого наверняка, пока ему не рассказал дядя, который и сам проконсультировался у Меган – все были вполне уверены, что она ведьма, хотя у неё и не было собственного фамильяра.

- Оу! – теперь слушатели кивали и подталкивали друг друга локтями.

- Дядя Огден увидел молоко и разбитую миску в доме Ниала. Эриксон слишком злобен, чтобы наливать животным молоко, поэтому он, должно быть, выставил его, чтобы заманить бедное существо поближе. Затем схватил, сунул в картофельный мешок и утопил в пруду.

- И так Ниал убил Коула, даже не покидая собственных угодий, - подытожила за парня Энид. Мэйн одарил их с Портнойм подозревающим взглядом – который заставил большого юношу почувствовать себя неуютно, но в то же время со смутной гордостью.

- А почему вы не видели кошачьих следов, ведущих с дому Ниала? – весьма разумно поинтересовался один из жителей постарше.

Портной кивнул, ожидая и такой вопрос.

- Кот пересёк пруд, а там ветер сдувал снег прежде, чем ему удавалось лечь плотным слоем. А там, где он шёл от водоёма до двери, Ниал затёр его следы своими. Потому тропинка так плутала – ему пришлось ходить везде, где прошло животное...

За спиной Портной открылась дверь таверны. Наружу вышел лорд Доннелл, высокий статный мужчина с аккуратно подстриженной тёмной бородкой. Его синий зимний плащ выглядел лучше, чем одежда окружающих, но не настолько, чтобы казаться не к месту. Позади стоял Огден – его сломанную руку перетянули и наложили на неё шину, и теперь она висела на чистой льняной перевязи. Сломанный нос заплыл и почернел, но почти вернулся в исходную форму. Лица обоих мужчин приятно румянились – и не сказать, чтобы только от того, что они сидели слишком близко к очагу.

- Да начнутся сплетни! – объявил Доннелл. В его глазах читалась усталость – от путешествия, от печальных новостей, не говоря уже об огденовском эле – но он выглядел удовлетворенным, если не обрадованным, докладом его констебля.

- Подозреваю, с этим ты слегка опоздал, - обронил Огден, глядя на племянника. Большой юноша выглядел словно ребёнок, которого застукали за воровством соседских яблок.

- Но я думал, не будет ничего страшного в том...

- О, ничего страшного и нет, приятель, - вмешался Доннелл. – Но рассказал ли ты всю историю? – он повернулся к толпе. Заходящее солнце заставляло его отбрасывать густую, здоровенную тень на стену здания. – Рассказал ли ты о том, как сразился с Ниалом Эриксоном один на один, победив вооружённого воина-северянина голыми руками?

- Ну...

- Ты это сделал? – взгляд подозрения от Мэйна превратился во взгляд почтения. Мальчик никогда не увидел, что Энид тоже посмотрела – без удивления, но с нежностью – и улыбнулась Портною.

- Я знала, что ты не рассказываешь свою часть, - сказала она.

- Ну...

- Ну что ж, - продолжил лорд Доннелл, приглашая возбуждённую толпу зайти в тёплые объятия «Рогача», где они услышат окончание истории из уст самого Огдена. – Воистину, да начнутся сплетни!

ОКНО-РОЗА

Монте Кук

Вопреки всему, я надеюсь, что никто никогда не прочтет эти строки.

Правда открылась мне лишь позавчера, но подозреваю, все началось за несколько недель до этого. Как вы поймете позже, первым звеном в цепи событий стала моя поездка в аббатство Бифора. В тот день его сносили, поэтому я должен был приехать. Верховный Хранитель Мудрости Тессен был моим наставником, и, присутствуя там, я словно бы в последний раз выражал свое уважение старому другу.

Стояла поздняя осень. День выдался пасмурным и серым, буйствовал студёный северный ветер, остервенело терзая людей ледяными когтями. Все они наглухо закутались в свои плащи, словно облачась в броню, чтобы противостоять хищным атакам холода. Я удивился тому, как много людей пришло на распродажу аббатского имущества, которая тогда проводилась.

На самом деле старое аббатство уже много лет не действовало. Тем не менее, до недавних пор оно еще служило окружающим общинам местом богослужений раз в десятидневку и укрытием во время ненастной погоды. Однако теперь западная стена начала обваливаться, и крыша просела так сильно, что местные каменщики объявили – находиться в здании больше небезопасно. Несколько лет назад, после смерти епископа, аббатство перешло к человеку по имени Грил. Я так и не определил точно, какое положение он занимает в церковной иерархии, если оно у него все же есть. Грил заявил во всеуслышание, что, поскольку у него нет денег на проведение необходимых ремонтных работ, он распродает не только церковную утварь, но и камень аббатских стен. Также Грил высказал надежду, что вместе с

вырученными за это деньгами он построит для местных жителей новую церковь, посвященную Огме.

Я стоял возле пришедшего в упадок здания и наблюдал, как молодые люди выносят скамьи, кафедру и даже каменное навершие алтаря на пустынный, покрытый листьями двор. Я смотрел, как люди приходят и уходят, покупая старую утварь, которая служила аббатству и его прихожанам на протяжении поколений. И позже в тот же день (а пробыл я там долго) увидел, как те же работники берутся за молотки и другие инструменты. Вскоре я узнал, что камни аббатских зданий пойдут на постройку фермерских домов и стен пастбищ.

Что-то (возможно, судьба, хотя теперь я не так уверен в этом) заставило меня поднять взгляд к крыше аббатства. Там, высоко на фронтоне, находилось чудесное *окно-роза*. Оно крепко запало мне в память еще с тех пор, как я был здесь послушником: круглое окно, выложенное пластинами светлого, голубовато-зеленого стекла, которые образуют чрезвычайно сложный узор в виде розы. И хотя витраж выглядел тусклым в такие сумрачные дни, как этот, я знал, что даже малая толика солнечных лучей заставит его сверкать, словно это драгоценный камень, переливающийся мириадами искр.

Я покинул свой наблюдательный пост и направился к человеку, именовавшему себя Грилом, выудив из внутреннего кармана плаща мешочек с золотом – всем, что у меня при себе было. Когда я начал говорить, Грил повернулся и взглянул на меня с неприязнью.

– Прошу прощения, сэр, если я правильно понимаю, вы продаете аббатские... хм... наделы. – Его взгляд смягчился, и я продолжил. – Так вот, возможно, вы не знаете, но когда-то я занимал здесь должность послушника-искателя, прежде чем получил собственный приход, а Верховный Хранитель Мудрости Тессен, тогда еще простой священник, был моим наставником.

Грил обладал тусклыми темно-серыми глазками и растянутым в тонкую линию ртом, он скрестил руки на груди, но не проронил ни звука.

– Словом, – продолжил объясняться я, – вон тот старый витраж много значит для меня. – Я показал на окно-розу, а глаза Грила проследили за моим жестом. – Я бы хотел поставить витраж в собственной церкви, и поэтому охотно заплачу вам за него.

– Неужели. – Грил не спрашивал, а утверждал.

Когда он повернулся ко мне вновь, его узкие губы были напряжены, а в глазах появился огонек.

– Да, витраж был бы прекрасной... – я искал подходящее слово, – ...памятью о Верховном Хранителе Мудрости и его непоколебимой вере.

После этой фразы Грил ощерил зубы в улыбке, похожей на широкий и кривой оскал хищника. Не сказал бы, что она мне понравилась.

– Согласен, – проговорил он наконец. – Замечательная память. Он был примером для всех нас.

Грил протянул руку, и я опустил на нее кошель. Высыпав монеты на широкую холеную ладонь, он стал медленно их подсчитывать. Это зрелище смутило меня, так что я перевел взгляд на окно-розу. Пусть оно дорого мне обошлось, я знал, что еще долгие годы буду любоваться им и радоваться такой памяти о Тессене.

Довольный платой, Грил приказал работникам взобраться наверх и осторожно снять витраж для меня. Я прибыл в аббатство на своем маленьком фургоне, в котором для него как раз хватало места. И после всего случившегося, когда позднее я направлял упряжку по долине к моему приходскому дому, мне казалось, что так и предначертано судьбой.

На следующей неделе я на свои средства нанял несколько человек затем, чтобы они пришли в храм и помогли мне установить витраж высоко над полом в святилище. Оттуда, по моей задумке, сияющий свет должен был литься сквозь него на прихожан во время каждой Связи, нашего утреннего, и Клятвы – вечернего ритуалов. Витраж прославит Огму так же, как и вера Верховного Хранителя Мудрости Тессена. Это грело мне душу. После того, как витраж водрузили на его новое место, я заметил, что юный Феслан, мой искатель, буквально заморожен им.

– Витраж изумительно красивый, – пояснил он, – Но и очень уж чудной.

Тогда и я взглянул на окно, а затем на полноватого Феслана:

– Чудной?

– Прости меня, брат, это сказано не в обиду. Смотрится он хорошо, вот только... его узор. Каждый раз, как взгляну на него, я замечаю что-то новое. Стекло как будто выложено чуть другими гранями или же свет по-новому заиграл на его изгибах. Да, точно. Эти изгибы так завораживают...

Я всмотрелся в витраж снова, и мне пришлось признать, что Феслан прав. Его изгибы действительно зачаровывали взгляд.

– Мастерство тех дней не знает равных до сих пор, – изрек я, думая, что старики всегда говорят молодым нечто подобное. Я улыбнулся от этой мысли, а затем и мальчику, ведь мы оба купались в благословенных солнечных лучах и любовались красотой окна-розы.

Неделя шла за неделей, я погрузился в другие заботы. Согласно заветам Огмы, Владыки Знаний и Мудрого бога, его служители должны распространять знания и обучать прихожан, а также следить за их благополучием, чем мы ведем их к просвещению. Благодаря этому у приходского священника несметное количество обязанностей, но, я думаю, сейчас не время все перечислять. Достаточно сказать, я с головой ушел в них и потому мало обращал внимание на то, что юный Феслан до сих пор восхищен витражом. В одну из ночей, после Клятвы, когда мы завершили все наши дела и перешли к скромному ужину, он рассказал мне, что видел в окне нечто необычное. Я страшно устал и лишь в пол-уха слушал, как он объясняет мне:

– Скорее всего, внутри витражного узора или на гранях стеклянных пластин.

Мы сидели за небольшим деревянным столом в комнате, которая находится в задней части церкви, бок о бок с нашими спальнями. Было темно, свет шел только от лампы на столе, стоявшей в центре нашего скудного пиршества.

– Скорее всего – что? – переспросил я с полным ртом хлеба.

А вот юному послушнику кусок в горло не лез от волнения.

– Как я уже сказал, брат, – ответил он, – мне показалось, что там, в окне, что-то двигалось, когда садилось солнце.

– То есть свет как-то по-особому переливался на поверхности стекла? – уточнил я, глотая.

– Да, наверное, – Феслан опустил взгляд.

– Что значит “наверное”?

– Ну, хорошо, это не могло мне померещиться, – произнес он, посмотрев прямо в мои глаза. – Они двигались.

– Что двигалось?

– Силуэты в окне. Как будто с другой стороны что-то было.

– Может там и находилось что-то по другую сторону, Феслан. – Я ощутил прилив слабого раздражения. – Например, птица?

– Но я вышел на улицу и посмотрел, – возразил он. – Ни души.

Я допил последнюю каплю из чашки и встал.

– Тогда это и в самом деле был свет заходящего солнца, который мерцал на стекле, – заключил я. – А сейчас хватит об этом, Феслан. Пора спать.

После этого мы разошлись. Феслан никем не стал бы без своего послушания. Это все из-за меня.

Но сперва позвольте мне закончить рассказ.

Прошло еще два дня, и Феслан больше ни словом не обмолвился о витраже. Он стал тише воды, ниже травы и вяло выполнял свои обязанности. Я понимал, что мне нужно поговорить с ним, но попросту был слишком занят и отложил на потом, когда найдется время.

В ночь на вторые сутки, уже после возвращения в спальню, я различил странный шум. Я читал в постели, как частенько это делал, прежде чем погасить свою лампу и уснуть. Шум повторился вновь. Звук был такой, как если бы он шел со двора церкви. Возможно, кто-то стучал в дверь. Я заложил книгу закладкой, отбросил одеяло и прямо в ночной рубашке направился ко входу в церковь. Шум раздался снова, и я поразился тому, как он напоминает мне царапанье, будто бы что-то скреблось о наружную стену здания.

Каменный пол охлаждал мне босые ноги, поэтому я поспешил через темноту, и только то, что я знал церковь как свои пять пальцев, помогло мне ни на что не наткнуться, пока я не вошел в святилище. В нем, сквозь витраж, брезжил свет полной луны, освещая мой путь к притвору и двери.

Хотя ночь – опасная пора даже для нашей мирной долины, я никогда не запирал дверь и верил, что храм всегда должен быть открыт. Здесь в любой час столь же радушно примут бедняков, как и тех, кто нуждается в знаниях – священном даре Огмы. Я распахнул дверь и выглянул в ночную темень, в которой резкий ветер ожесточенно гонял мертвые, коричневые листья по всему церковному двору.

Я не заметил чего-то необычного.

Снова послышалось царапанье. Что-то скреблось о каменную стену храма снаружи. Дерево? Звук был громкий, отчего я подумал, что лучше его проверить, и, несмотря на отсутствие обуви, плаща и света, переступил порог. Я обошел вокруг здания, но так ничего и не увидел. Нет, дерево росло не настолько близко, чтобы касаться ветвями стен. И человека или зверя, которые подняли бы шум, тоже было не видать, правда, зрение нередко подводит меня ночью, а было совсем темно.

Но разве сияние полной луны не освещало церковь через витраж? Я посмотрел вверх. Небосвод скрывался за плотными облаками. Кроме того, я знал точно, поскольку тогда еще находился в здравом рассудке – той ночью не должно было быть полнолуния.

Я возвратился в церковь. Да, все святилище и неф по-прежнему заливал холодный, синеватый свет, и шел он через окно-розу. Я всматривался в витраж, понимая, что мне нужно проверить все еще раз, и потому, закаляя себя холодом, вышел на улицу снова.

Света не было. Обогнув здание, я поспешил к северной стороне церкви, к стене, на которой находилось окно-роза. Света не было. Я взглянул на витраж, но он выглядел так же, как и всегда, по крайней мере, насколько я разглядел во мраке.

И вновь я вернулся в святилище. Да, его, по-прежнему заполняло сияние луны (было ли оно тогда тусклым?). Я посмотрел на окно-розу, потом на освещенную церковь. Я стоял между множеством деревянных скамей в нефе, ведущем к алтарю, а свет отбрасывал тень от витража на все, что меня окружало. И кровь застыла у меня в жилах, ведь не тень в форме розы вырисовывалась там, как должно было быть, а очертание какого-то огромного, ничем не походящего на человека чудовища! Когда я посмотрел себе под ноги, то обнаружил, что стою прямо в разверзшейся пасти теневой твари.

Я побежал. Бросился к задней части церкви, зовя Феслана. Он вышел из своей комнаты, его взгляд был встревоженным и сонным. Без лишних слов я схватил с тумбочки чистый свиток, служащий символом могущества Огмы, и привел Феслана в неф.

Всюду царила тьма.

– Зажги свет, – велел я шепотом.

– Что случилось?

– Зажги свет!

Он запалил одну из многочисленных свечей, окружавших алтарь, и понес ее вперед. Сейчас мне подумалось, что Феслан знал церковь так же хорошо, как и я, потому что он нашел во тьме кремень, чтобы с его помощью зажечь свет. Ох, Феслан...

Как бы там ни было, свет свечи выхватил из мрака большую часть комнаты, хотя и смутно. Я с опаской посмотрел вокруг, в первую очередь на пол, где была тень, а потом на витраж.

– Пожалуйста, брат, – попросил Феслан. – Скажи мне, что тебя встревожило.

– Думаю, я что-то заметил, – осторожно произнес я, продолжая осматриваться кругом.

Он спросил сразу же, без раздумий:

– В витраже?

– Да, похоже на то. На самом деле это была тень, отбрасываемая светом через окно-розу.

Феслан посмотрел на меня. Множество вопросов читалось в его взгляде. У меня были те же вопросы.

– Не представляю, что это было, сын мой, – я положил руку на его плечо и, в последний раз взглянув вокруг, повел обратно к нашим комнатам.

Я взял у него свечу.

– Огма присматривает за нами, Феслан. – сказал я, – Просто мы этого не осознаем, но уж будь уверен, ведь от него ничто не скрыто, даже когда это секрет. К тому же, если ночные видения часто пугают, восход солнца всегда рассеивает страхи. Все будет хорошо. Лучше бы мне помнить об этом, а не пугаться теней в моем-то возрасте.

Феслан улыбнулся и кивнул.

После того, как юноша вернулся в свою комнату, я замедлил шаг и, все еще держа свечу в руке, направился к входной двери и запер ее. Я не остановился, чтобы посмотреть на витраж.

На следующий день, просто чтобы обезопасить церковь, я совершил все благословения и изгнания, которым меня когда-либо учили, надеясь, что божественная сила сможет очистить витраж и само святилище. Эти защитные ритуалы и молитвы, безусловно, должны были оградить нас от любого зла, какое бы там ни находилось минувшей ночью.

Остаток дня я провел, выхаживая заболевшего Маккиса Хиддла, который жил в нескольких милях дальше по дороге. Мой пост хранителя мудрости сделал меня также и самым сведущим лекарем в нашем захолустье. Так или иначе, вернулся я, когда совсем стемнело. Как и предыдущей ночью, ветер дул с севера, доставив мне немало холодных и неприятных минут в дороге. Я освободил лошадей от упряжи и завел их в стойла конюшни, что за восточной оконечностью церкви. Кони казались встревоженными, всхрапывали и переступали с ноги на ногу до тех пор, пока я не успокоил их яблоком, которое приберегал для себя. Я направился к входной двери в церковь, оглядев здание с севера, и взглянул наверх.

Как раз в это же время по другую сторону цветных стекол двигалась тень. Она была большой – достаточно большой, чтобы быть человеком. И сперва мне пришло в голову, что это Феслан. Неужели ему как-то удалось туда забраться? Я поспешил в святилище, но оно встретило меня лишь тишиной, а витраж выглядел так же, как и обычно.

Комната озарялась лампой, стоявшей на алтаре. Феслан знал, что я вернусь поздно, и по обыкновению оставил ее для меня. К тому же, наверняка немного еды и вина дожидались меня на столе. Улыбнувшись при этой мысли, я вздохнул –ставляю себя дураком из-за всех этих глупостей. После этого я быстро поужинал и отправился спать.

Той ночью страх вырвал меня из сна. Звук царапанья вернулся. Он отдаленно напоминал то, как собака, в надежде попасть внутрь, скребется в дверь хозяйского

дома. Большая собака. От углей, тлевших в жаровне и тщетно пытавшихся прогнать холод из комнаты, я зажег прикроватную лампу и, когда вышел, то заметил, что дверь спальни Феслана уже открыта. Я заглянул туда, но комната была пуста. Похоже, мальчик уже встал – неужели он тоже проснулся от шума?

И тут я услышал крик.

Я сломя голову понесся в святилище, и пламя моей лампы едва не угасло, схлестнувшись с потоком холодного воздуха. Я лихорадочно огляделся.

– Феслан?

Мой голос поглотила мрачная пустота комнаты. Как получилось, что я стал бояться собственного святилища?

– Феслан, мальчик мой, где ты?

Никто не ответил.

Мой взгляд задержался на витраже. Мне показалось, что по его поверхности движутся темные фигуры. Снова игра света? (Сколько еще я мог повторять себе эти слова?)

Я горел желанием исследовать окно-розу поближе, но без лестницы мне никак бы не удалось подняться на такую высоту и, к тому же, было бы сложно осматривать его в темноте. Я снова позвал Феслана.

Выйдя на улицу, я проверил конюшню. Лошади и фургон все еще были там. Я обыскал всю округу, продолжая звать моего юного друга.

– Феслан!

К тому времени, как я вернулся к поискам в церкви, уже забрезжил рассвет, и можно было задуть лампу. Я знал, что нужно делать. Вернувшись в конюшню, я взял лестницу, а затем, несмотря на ее вес и размер, занес внутрь святилища и установил под витражом. Точно не знаю, что я думал найти, поднявшись по ней, однако, подхватил тяжелый подсвечник из алтаря и крепко сжал его в ладони. Сделав глубокий вдох, я начал взбираться.

Добравшись до верха, я вцепился в последнюю ступень лестницы одной рукой, а другой перехватил подсвечник на манер оружия. И заглянул в окно.

Я не поверил своим глазам. Вглядываясь в витраж, я наблюдал какое-то другое место – это был не церковный двор. Вместо него, передо мной открылось неведомое inferнальное царство теней, в котором покрытые слизью существа скользили по изломанной и жуткой местности. Что-то пронеслось по небу на крыльях, как у летучей мыши, казалось, что жирный след тянется от них за этим созданием. Окно не выходило на другую сторону. Или, вернее, выходило, но не наружу, а Вовне, на Внешний план. В ту секунду мой взгляд проник за завесу нашего мира. Меня как громом поразила мысль – там, по другую сторону окна-розы, лежит другое измерение, один вид которого повергает в дрожь. А еще я осознал, что его обитатели хотели попасть на эту сторону – в наш мир.

Боги! Меня тут же разом осенило: этот витраж – вместилище зла. Больше не существует (а, может, никогда и не было?) изящного творения некоего стекольщика, теперь его не назовешь всего лишь кусочками синевато-зеленого стекла, искусно собранными в узор. Витраж стал колдовской и порочной вещью. Он показал мне то, с чем ни одна живая душа вовеки не должна была столкнуться. Но что еще я мог извлечь из увиденного? Был ли витраж разновидностью портала или же это дверь?

Я поднял подсвечник повыше, мои глаза слезились от страха и ненависти. Я собирался разбить стекло – уничтожить витраж вместе с его злом, стереть тот отвратительный вид, который жил в нем. Это не было бы варварством или кощунством, ведь на самом деле окно-роза не принадлежало этому святому месту, и все же я остановился. Мне в голову пришла одна мысль (откуда?). Если бы я проломил витраж, то уничтожил бы его или, наоборот, вызволил тех существ, которые клокотали и корчились в этом inferнальном царстве? Предотвратил их прорыв сквозь окно-розу или же открыл бы им проход, разрушив витраж? Вор в ночную пору часто разбивает окно, чтобы забраться в дом. Уничтожив его, я только сыграю им на руку и помогу без помех вторгнуться в наш мир.

Мне нужно было все взвесить, но так, чтобы не приходилось при этом удерживать шаткое равновесие на самом верху лестницы. Оттуда я все еще видел это царство кошмара, и, что гораздо хуже, думаю, здешние существа тоже заметили бы меня. Я спустился вниз и тяжело осел на пол возле алтаря.

Я был в полной растерянности. Что мне делать? Куда пропал Феслан? Это его крик я слышал или чей-то еще? Вдруг он каким-то непостижимым образом канул в витраже? Казалось, это невозможно. Что Тессен сделал бы в такой ситуации?

В сложные времена мои мысли всегда возвращались к старому наставнику. Я думал о Тессене, старинном аббатстве и о том, что Огма защитит нас.

Я оседлал одну из лошадей, сейчас уже не вспомню, какую именно. Из меня никудышный наездник, но я рассудил, что верхом, без фургона доберусь куда быстрее. Дорога через долину к старому аббатству заняла у меня большую часть утра.

Работники не тратили времени даром, от фундамента осталось лишь несколько камней. Все остальное бесследно исчезло, в том числе и какой-либо ключ к природе окна-розы, который я надеялся там обнаружить. Стену, где окно размещалось более ста лет, снесли, а пол, куда витраж когда-то отбрасывал свою тень, был разобран на части и покрыт щебнем, грязью и листьями.

Я стоял посреди всей этой разрухи и не сдерживал слез. Тессен совершил такой грех против Огмы, что не простится ему во веки веков. Он хранил тайну, чудовищную тайну... Кем же был мой наставник, хранителем окна-розы или его слугой? Мысленно вернувшись в прошлое, я не отыскал там ни намека на то злое начало, которое витраж проявил сейчас.

В конце концов, слезы закончились, и я вернулся к своей лошади. Возможно, все это лишь одно из испытаний в служении Огме, но мне нужно было с толком вооружиться сведениями, чтобы противостоять такому серьезному вызову. За прошлый визит сюда я как раз узнал, где еще могли найтись нужные ответы. Я вывел коня обратно на дорогу и направил его к деревне неподалеку, в которой, как я слышал, жил Грил, и где тот построил новую временную церковь.

На дорогу к его дому ушли почти все силы, я кое-как соскочил из седла на землю и постучал в дверь. Никто не отозвался, и тогда я забарабанил сильнее.

– Мастер Грил! – позвал я.

И вновь тишина.

– Мастер Грил, это Хранитель Мудрости Джаон. – Я продолжал колотить в дверь, остановившись только для того, чтобы убедиться, что она заперта.

– Я должен спросить вас о витраже, который купил у вас! – Стук кулаком сопровождал каждое слово, как барабанный бой, вторящий ритуалам в южных джунглях.

– Мне нужно задать вам вопрос о Верховном Хранителе Мудрости Тессене! – полностью обессилив, я сполз по двери. – Ответьте мне, – простонал я, – скажите, чему мы на самом деле поклонялись в этом аббатстве.

Когда я направлял коня обратно в свой приход, то знал – кто-то наблюдает за мной. Эти взгляды ни на миг не отрывались от меня, пока я колотил в дверь. И когда я, совершенно опустошенный, сидел на влажной земле перед домом Грила, а осенние листья кружили вокруг, как мои мертвые воспоминания или же всего лишь прекрасная ложь, кто-то следил за мной. Ни один человек в этой деревне не откликнулся, когда я звал. Никто не открыл свою дверь, но я знал, что с меня не спускали глаз. Даже тогда.

Сколько же местных селян участвовало в таких гнусных обрядах перед окном-розой, которые могут лишь смутно мелькать в моем воображении? Возможно ли, что эти ритуалы проходили даже тогда, когда я еще находился в старом аббатстве? Неужели я был настолько наивен? И, может... Нет, у меня уже не оставалось сил думать об этом – слишком тяжело и мучительно. И в моей собственной церкви еще оставались незавершенные дела, ради которых нужно было вернуться.

И к которым я как раз сейчас подхожу.

Я пишу это на следующий день после того, как поехал к руинам старого аббатства. Я до сих пор не спал и ничего не ел. Возвращаясь, я еще лелеял надежду, что чудесным образом застану Феслана здесь, и что тогда просто все не так понял. Но я не ошибся, и его здесь не оказалось. Я надел облачение своего ордена – белую рубаху и штаны, и кантлару – черный жилет, расшитый золотыми нитями. Эту кантлару сшила для меня моя бабушка, она тоже была хранительницей мудрости. Вдобавок я приготовил священный символ, вытащил посох, который держал возле двери на случай неожиданностей – палку, обитую железом и предназначенную для сражений, и собрался сделать свой ход, выступить против зла, которое сам же привез в свой приход.

Но я медлил. Вдруг я все же заблуждаюсь в своих предположениях? Что, если я выпущу этих существ? Я всячески убеждал себя, что это исключено. Ведь зло, подобное окну-розе, нужно искоренять. То, что я уничтожу его, будет лишь во благо. Возможно, так я даже освобожу Феслана, что бы его ни удерживало. Если, конечно, он все еще жив.

Остаток вчерашнего дня я провел у лестницы, которую так и не убрал из-под окна. Я не сводил глаз с витража, но весь день видел одни сине-зеленые стеклянные пластины. Ни движения, ни теней, ничего. Почему-то мои сомнения по-прежнему мешали мне подняться даже на первую ступеньку.

Я спорил с самим собой уйму времени, и это далось мне нелегко. Поэтому после того, как истощились и без того подорванные силы и усталость накопилась во мне так, как никогда, я и начал писать эту рукопись на тумбочке в своей спальне.

Целая ночь ушла в небытие, пока я излагал мою историю на этих нескольких листках пергамента. Теперь же я заканчиваю и собираюсь с духом, чтобы подняться по лестнице. Я разобью окно-розу и уничтожу все до мельчайшего осколка. Если я прав, и злу придет конец, то вернусь сюда, к моей рукописи, и брошу страницы в огонь, так что никто никогда не узнает об этих ужасных событиях. Но если я ошибся, значит, ты читаешь ее сейчас. Если так и есть, то, возможно, ты – кем бы ни был – будешь знать, что делать, и исправишь мои ошибки.

Я готов.

ПРАВИЛА КЛУБА

Джеймс Лоудер

- Я этого не делал, - вежливо уверил дворецкий.

Дюжина людей, выстроившихся в линию в прихожей Клуба Браввортов, продолжали стоять не шевелясь, что выглядело угрожающе. Их твёрдые, молчаливые взгляды говорили о том, что присутствующие уже признали слугу виновным, пусть даже пока только в мыслях. Тем не менее, на их лицах отражались странно тусклые эмоции – недовольство вместо гнева, раздражение вместо ярости. Не того ожидаешь от толпы, стоящей перед обвиняемым в убийстве одного из них. Сам дворецкий, впрочем, был этим не удивлён. Бравворты могли быть весьма безразличными, особенно когда дело не касалось чего-нибудь особо экзотичного, как, например, техники кузнечного дела клана давно вымерших дворфов, или марки столового вина, с которой следует подать чёрную рыбу-дьявола с Побережья Мечей.

- Как думаешь, они тебе верят, Утер? – спросил коренастый стражник, крепко держащий слугу за руку, и тут же ответил – Отнюдь, как и я.

- Отнюдь *нет*, - поправил обвиняемый. При виде пустого взгляда стражника, Утер объяснил: - «Отнюдь» означает «совсем», а не отрицание.

- Подобные заумности лишь доказывают, что ты достаточно умен, чтобы совершить такое преступление, - ответил страж, сильнее сжав руку. – Твоя внешность уже наталкивает на размышления.

Последняя фраза была такой же бессмысленной, как и сдерживающая – предположительно – хватка стражника. Внешностью, которую можно описать только как «демоническая», Утера одарило неудачное заклинание. Кожа огрубела и

приобрела закоптело-багровый оттенок; маленькие, но заметные клыки выбивались из-под тёмных губ. Пара загнутых рогов на голове служила не только для усиления впечатления – они были острыми, точно клинок убийцы. Ещё и физической силой Утер теперь обладал не менее устрашающей – если бы он захотел, то смог бы стряхнуть конвоира лишь слабым движением плеча, и разбить кандалы на запястьях, просто потянувшись.

- Лишь одно спасёт тебя сейчас, - продолжал стражник, проталкивая Утера в дверь. – Хороший адвокат.

- Хитроумный оксюморон, - усмехнулся дворецкий, прищутив жёлтые глаза-разрезы. Получившееся выражение являло собой странную смесь веселья и злости. – А говорят, в городскую стражу хотят вступить только кретины.

Небольшой выводок детишек, всегда околачивающихся перед входом в Клуб Браввортов, разразился хором насмешек, когда демоноподобный слуга появился на улице. Он постоянно гонял прочь этих прохвостов, всегда имевших обыкновение обчистить карманы любого члена клуба, достаточно пьяного или глупого, чтобы предоставить им такую возможность. В свою очередь, беспризорники издевались над дворецким всегда, когда выпадал шанс – привязывая палочки к головам в качестве рогов и изображая ужас при виде его устрашающих черт. Но на самом деле эти перепалки давно стали игрой между детьми и слугой. И теперь, увидев наручники на запястьях Утера, они проглотили издёвки и просто таращились на него в подавленной тишине.

Один из стоявших в самом конце группы мальчишек – щуплый, но отважный – подобрал вывалившийся из мостовой камень и прицелился в голову солдата, не защищённую ни шлемом, ни даже волосами. Он отвёл руку назад, готовясь бросить снаряд, но чья-то твёрдая ладонь прервала манёвр. Паренёк вскрикнул от неожиданности. Несколько человек оказались достаточно ловкими, чтобы незамеченными подобраться к уличным сорванцам, никого из них не насторожив.

Артус Цимбер, однако, когда-то и сам шнырял по тем же безнадежным улочкам и искал убежища в тех же заброшенных лачугах, что эти дети теперь зовут своим домом. Годы походной жизни, полной путешествий, отточили те навыки выживания, что он здесь приобрёл – и укрепили их чуточкой приобретённой мудрости.

- Сделаешь только хуже, - предупредил Артус, высвободив предполагаемый снаряд из хватки паренька и бросив на землю.

Стук камня о камень привлёк злобный взгляд конвоира:

- Что происх?... - но когда он заметил стоящего среди детей мужчину, то прервался на полуслове и покачал головой. – Цимбер. Вижу, все ещё шарись по выгребным ямам? Не пора ли тебе найти друзей своего возраста?

- Как только я их нахожу, Орсини, ты их тут же арестовываешь, - пересекая грязноватую, мощёную дорожку, он шутливо поинтересовался: - Что же он такого сделал – помял пальто не того человека в оперном гардеробе?

- Только то, что действительно имеет значение, - всё, что сказал Орсини.

Этот ответ заставил Артуса отступить на шаг. Он знал сержанта Орсини ещё с тех времён, когда он сам шнырял по этим улицам. Для Пурпурного Дракона – такое название носили самые доблестные из солдат короля – у него был на удивление гибкий взгляд на закон. Орсини позволил многим ворам избежать поимки – если они действительно в чём-то нуждались, и их преступления были продиктованы лишь выживанием, а не жадностью. Но одну вещь солдат принимал серьёзно – убийство. Он преследовал мужчин и женщин, обвиняемых в оном, со страстью, граничащей со слепой яростью. Будто бы каждое убийство было нападением лично на него самого.

- Меня обвиняют в убийстве нашего дражайшего графа Леонска, - подтвердил опасения Утер.

- Самое время кому-то с ним разобраться, - пробормотал под нос Артус, а затем, громче, уточнил: - А почему они решили, что ты переплюнул в этом деле других «почитателей» графа?

Слуга изогнул зловеще-острую бровь:

- Потому что я – дворецкий, а в библиотеке Браввортов чуточку больше тэйских детективных историй, чем нужно. В итоге свершилось – меня превратили в клише. Наверняка очень гордятся собой.

- Забыл упомянуть тот факт, что это ты оказался первым на месте преступления, - вклинился Орсини – голос жёсткий, тело напряжено. – И полклуба перед этим слышало, как ты угрожал смертью почтенному графу.

Подробности Утер адресовал в ответ Артусу, не вояке:

- Одна из крылатых обезьян сбежала из библиотеки, - пояснил он. – Я преследовал беглянку по всем задним залам, надеясь поймать до того, как леопард леди Элинны её учует. Во время погони я услышал звуки какой-то кутерьмы в одной из комнат. Когда дверь, наконец, удалось открыть – при втором свидетеле, - дворецкий намеренно выделил окончание фразы, но сержант Орсини абсолютно никак не отреагировал. – Тело графа было обнаружено... в весьма неприглядном состоянии.

Утер не стал даже объяснять свою угрозу графу Леонска. Не было необходимости. Артус и сам был в комнате отдыха в тот день, когда граф, используя методы, доведённые им до совершенства в бытность жалким пьянчугой, вызвал очень публичную и очень, прямо-таки *пугающе* яростную реакцию Утера. Дворецкий редко попадался на подобные приманки, закинутые членами клуба – настолько редко, что данный инцидент живо отпечатался в памяти всех, кто оказался ему свидетелем.

- Ну, - обронил Артус мгновение спустя, - с очищением твоего имени у нас не должно возникнуть особых проблем.

- Судя по использованию множественного числа, могу заключить, что ты сможешь доказать мою невиновность?

Орсини потянул Утера за руку, надеясь заставить того двигаться к зарешённой повозке, ждущей выше по улице на главной дороге. С тем же успехом офицер мог пытаться сдвинуть здание Клуба Браввортов со своего магически укрепленного фундамента.

- Не трать время, Цимбер, - сказал он. - Городская стража проведёт собственное расследование.

Утер бросил короткий жёсткий взгляд на лысую макушку Орсини.

- И это в точности та причина, по которой мне нужен кто-нибудь хотя бы с толикой мозгов, чтобы найти настоящего убийцу, - дворецкий прорычал слова так, что конвоир задумался, как же глубоко укоренился демонический фасад слуги.

- Сделаю всё возможное, - уверил Артус. - Надеюсь то, что я не состою в клубе, никак не помешает.

- То, что ты не один из Браввортов, лишь ещё больше заставляет меня желать твоей помощи, - хмыкнул дворецкий. С лёгкостью стряхнув вялую хватку Орсини, он положил ладони на плечи Артуса. - Мою защиту не просто будет выстроить. Нужно учесть моё... состояние, а также особенности места убийства.

- Где?

- Комната Переговоров.

С этими словами Утер двинулся по узкой улочке. Орсини пришлось шевелиться, чтобы поспевать за ним - на каждые два широких шага слуги приходилось три его. Артус отстранённо наблюдал за ними. Его ум уже сконцентрировался на сложностях предстоящего задания.

Неверное заклинание, исказившее внешность Утера, сделало его невосприимчивым к любой другой магии, включая заклятья, которые городская стража использовала для определения правдивости утверждений подозреваемых. А ещё чарами не добыть никаких улик с места преступления. Комната Переговоров стала зоной «мёртвой магии» за пару дней до случившейся с Утером неприятности, причём из-за тех же сотрясших мир событий, из-за которых невинное заклинание вышло из-под контроля и изменило беднягу. Вызванная кризисом Смутного Времени нестабильность магического плетения превратила Комнату Переговоров в место магической пустоты, где ни одно заклинание не могло быть прочитано, а зачарованные предметы переставали работать.

Артус всё ещё обдумывал способы, которыми можно было преодолеть неожиданно возникшие препятствия, когда миновал порог Клуба Браввортов.

Несколько членов все ещё шатались во входном зале, однако большинство вернулось к тем делам, что привели их сегодня в клуб. Мрачный малый из Армота, по имени Григ Помладши, обсуждал сильные стороны малхорандских заклятий-ловушек с парочкой женщин-дворфов, близнецов, обеих названных Исилгиовэ - по какой-то неизвестной даже им причине. Сэр Хэмнет Хоклин излагал тонкости охотничьих ритуалов гоблинов племени Батири из Чульта Гарету Трюсильверу, недавно повышенному до капитана за доблесть, проявленную во время крестового похода против Туйганской Орды. В ближайшем углу девушка-эльф по имени Синдрик подсчитывала деньги, собранные ею для Защитного Фонда Лорда Онована, несмотря на тот факт, что этого незадачливого выходца из Долин довольно-таки насмерть перекусила гигантская ящерица, несколькими месяцами ранее.

Они спорили на такие темы и защищали такие доводы, которым немногие за пределами клуба уделили бы хотя бы мгновение своих размышлений. Именно эта коллективная энергия и привлекла Артуса к Браввортам. Интеллект и усилия, концентрируемые на запутанных и тёмных материях этими известнейшими исследователями, этими выдающимися искателями приключений, заставляли его ум работать быстрее, закаляли приверженность его собственному делу – поиску легендарного Кольца Зимы, существование которого письменные источники отвергали уже десятилетия, называя полнейшим вымыслом. А сейчас эта страсть к тайному и неизведанному, эта черта его нанимателей, которая так воодушевляла Утера, укрепляла и решимость его союзника доказать невиновность демонического дворецкого.

Артус проложил путь среди людей в прихожей, но столкнулся с шумным и непроходимым заслоном через несколько шагов по коридору. Горная красавица по имени Гуйгенора, чей буйный нрав словно добавлял огня её длинным рыжим волосам, препиралась с одним из наиболее влиятельных людей из входящих во внутренний круг Клуба Браввортов. Её оживленные жесты мешали Артусу проскользнуть мимо; нескончаемость и непрерывность её гневной тирады не давали возможности вежливо попросить пропустить.

- Ты что, слабак? – бушевала она. – Или слепой? У Утера были и мотив, и возможность для убийства. Он стоял у дверей Комнаты Переговоров в одиночестве, когда я на него наткнулась. Всё ещё можно было слышать, как Леонска копошится внутри – пьяный, но вполне себе живой.

Без промедления Гуйгенора заколотила по дубовой облицовке кулаком. Не то, чтобы это действие удачно передавало те звуки, что она слышала из Комнаты Переговоров, но всё же её целью был эффект, а не точность. А потому, излишняя драматичность увенчалась успехом – внезапно по обеим сторонам живого заслона образовались аж четыре ряда людей, прислушивающихся к её праведному гневу.

- Но использовал ли Утер свою силу, чтобы выломать дверь? – тем временем продолжала Гуйгенора. – Нет! Во имя Торма, он послал меня за ключами! И что же это Утер вдруг делает без собственных ключей? Ответ очевиден – всё это время они были у него с собой! Отослав меня прочь, он использовал личный набор, чтобы открыть дверь, шмыгнуть в комнату и убить графа Леонска. Затем выбрался

обратно, вновь запер дверь и ждал, когда я вернусь с запасными. Любой кретин – кроме, возможно, тебя – понял бы, что другого объяснения просто быть не может!

После яростной речи на мгновение повисла потрясённая тишина. Мужчина постарше, с благодушным выражением лица, на кого и была направлена словесная атака, лишь покачал головой:

- Ты слишком сокрушена смертью своего наставника, моя дорогая, - сказал Маррок де Ландуан. – Иначе не обращалась бы ко мне с такой дерзостью.

Гуйгенора несколько секунд запиналась, пытаясь подобрать ответ. Злость на пренебрежительность тона и на смерть друга выплеснулись, наконец, в виде слёз. Грубо оттолкнув Артуса с пути, она пробилась через набитый людьми коридор, совсем так же, как пробивалась за всю жизнь через множество заснеженных горных проходов.

Лицо Маррока казалось полным отеческой заботы за молодую девушку, но Артус уже видел подобное ухмыляющееся, глупое выражение. Почтенный мужчина сохранял эту пустую улыбку для тех, кого находил неприятными, ниже достоинства его персоны, богатой и влиятельной. Маррок был человеком внушительных возможностей, положения и достижений, внушительных даже для настолько украшенного героями военных лет и именитыми аристократами общества, как Общество Авантюристов Бравворт. Разумеется, для него Гуйгенора, без оговорок, была просто выскочкой.

Улыбка не сошла с его лица, когда Маррок заметил стоящего поблизости Артуса. Затем внезапно исчезла, перейдя в выражение сильнейшей усталости.

- Убереги меня Мистра от всякого сброда, - пробормотал вельможа. Артус открыл было рот для ответа, но Маррок уже повернулся к нему спиной и направился прочь.

Бурча что-то сквозь стиснутые зубы, Артус добрался до Комнаты Переговоров. Он следовал путём, который сложно было бы отметить на карте даже несмотря на годы его походной практики; Клуб Браввортов по планировке напоминал лабиринт, да к тому же не был стеснён рамками архитектурной логики – столько магии было использовано при его возведении. В некоторых местах даже углы вели себя не так, как положено углам. А в других кратчайшим расстоянием между точками необязательно была прямая.

Вся эта причудливость делала Комнату Переговоров тихой гаванью для тех немногих членов клуба, кто не был впечатлён магами и колдовством. Скрытая в одной из наиболее уединённых секций клуба, эта комната полностью могла быть описана выражением «четыре стены и крепкая дверь». В ней не было тайных проходов, магических порталов, и даже окон. Пол и потолок ничем не отличались от своих собратьев в самых обыкновенных и ничем не примечательных домах – может, были чуть более аккуратно подогнаны и, в любое другое время, чище отмыты – но в остальном абсолютно идентичные. Две вещи, которые сейчас явно выделяли Комнату Переговоров среди остальных подобных помещений – количество крови,

забрызгавшей все стены, и едва прикрытое, явно страдающее избытком веса тело на столе для переговоров в самом центре комнаты.

- Что ж, возьмём горгону за рога, - произнёс сэр Хидель Понтифакс – маг, хирург, иногда Военный Волшебник и всегда Бравворт. Он подал знак стоящему в дверях Пурпурному Дракону, отлично справлявшегося со своей работой не впускать никого, включая Артуса.

- Будь хорошим солдатиком и дай моему писарю войти. Скорее всего, мне понадобится его помощь, если я хочу закончить медицинский осмотр, который запросил твой сержант.

Артус вырвал пару страниц из журнала, всегда болтающегося на широком кожаном поясе; обитая кожей виверны книга была зачарованной, поэтому даже не открывалась в комнате мёртвой магии. Затем он поднырнул под протянутой рукой стража и поспешил к столу.

- Спасибо, Понтифакс. Я надеялся, ты будешь тут.

Пузатый маг навис над трупом.

- А я всё ждал, что ты появишься. То самое грязное дельце, в котором невозможно не запачкать пальцы. Знаешь, они обвинили Утера.

- Я сказал ему, что помогу очистить его имя.

Понтифакс поднял взгляд.

- Хорошо! Значит, теперь у твоей назойливости есть благородная цель.

Артус пропустил заявление мимо ушей – ведь это, как всегда, было просто добродушное подшучивание со стороны его самого надёжного друга. Он не ответил и даже не почувствовал обычного желания съязвить в ответ, да поострее. В успокаивающей тишине они оба взялись за свою работу. Понтифакс изучал убиенного и периодически бормотал наблюдения для записи. Артус сделал очень грубый набросок тела и оставлял заметки.

- Что ты думаешь о кинжале? – поинтересовался Понтифакс после окончания первичного осмотра.

Граф Леонска, может быть, умер от любого из дюжин глубоких порезов на теле, лице и руках, но самая очевидная и страшная рана была нанесена ножом, торчащим теперь из груди. Лезвие пряталось внутри тела, но золотая рукоять сияла отражённым светом многочисленных свечей.

- Символы жентийские, - отметил Артус. – Какое-то ритуальное оружие?

Понтифакс что-то невнятно пробормотал. Его белые, похожие на облачка брови сошлись вместе над голубыми глазами – словно создавая эффект надвигающейся бури.

- Труп был бы обезображен ещё больше, - ответил он.

Кровь слегка забрызгала руки и одежду графа, но большинство ран были чистыми. Единственное исключение – измазанный багровым рот. Сухим концев пишущего стилуса Артус оттянул разбухшую губу. Зубов не было – все были разбиты, причём многие до самых дёсен.

- Что это? – протянул Артус. Наклонившись поближе, он почувствовал змеящуюся по спине дрожь – мёртвые глаза Леонски словно следили за ним. Совсем слегка дрожащими руками он вытащил из щели между двумя сломанными зубами маленький клочок тёмного материала. – Кожа, похоже. Кусочек кляпа?

- Это бы объяснило, почему Леонска не звал на помощь, когда подвергся нападению, - согласился Понтифакс. Сложив короткие толстые пальцы домиком, маг нервно мерял шагами комнату. – Утер слышал возню, но не крики. Поэтому и не стал выламывать дверь.

- Гуйгенора считает, что пьяный граф просто шатался внутри, когда она убежала за ключами. Когда я пришёл, она терзала Маррока своими подозрениями...

- Только этой молодой особе и делиться подозрениями, - фыркнул Понтифакс. – Когда стража поинтересовалась, почему она вообще там оказалась, она поведала, что Леонска оставил ей записку, в которой звал её в Комнату Переговоров. Но теперь она не может её найти.

- А что касается утверждений о том, - продолжил он, - что граф всё ещё был жив, когда она услышала шум – это всё чепуха. Убийство вышло весьма продолжительным по времени, и они слышали лишь окончание, не начало.

- Думаешь, Гуйгенора в этом замешана? – спросил Артус, обведя рукой стену с договорами и торговыми соглашениями – все из которых были подписаны в этой комнате. Кровь забрызгала каждый из них. – Какое же оружие она использовала?

- Я слышал о таких убийствах... работе наёмников Козакура, что далеко на востоке. Они называют себя «ниндзя». Иногда они оставляют после себя разбросанное повсюду месиво, прямо как здесь, - сказал Понтифакс. – Выглядит так, будто графа ударили ножом, нанесли порезы, а потом быстро закрутили, чтобы кровь попала на стены.

Никто из мужчин не стал комментировать, что даже для поднятия туши графа понадобился бы кто-то невероятно сильный. Эта мысль пришла в головы им обоим – как и то, что Утер, возможно, был единственной персоной в клубе, кто смог бы сделать такое без волшебства.

Понтифакс вернулся к столу и уставился на открытую дверь.

- Интересно, как этот мерзавец выбрался из комнаты после того, что сделал с Леонска. Утер сказал, что шумы не прекращались до тех пор, пока не вернулась Гуйгенора с ключами. Дверь оставалась плотно закрытой – и запертой – до тех пор, пока он не открыл её.

- Ты же не думаешь, что убийца всё ещё прячется здесь?

- Комнату уже три раза обыскивали. Проверили на наличие сдвижных панелей и прочей подобной ерунды. Ничего. А никакая магия здесь не работает.

Артус пнул ногой кучу изношенного тряпья, которую нашёл в углу. Побитый молю плащ, толстые перчатки и длинный запачканный шарф – всё аккуратно свёрнуто и сложено. На самом верху лежала широкополая шляпа, окрашенная в цвет вороньих перьев.

- Всё это принадлежало Леонска?

Понтифакс кивнул.

- В этих лохмотьях его и видели, когда он пришёл в клуб этим утром. Его обычный наряд.

- И не подумаешь, что владелец такой неприглядной одежды будет заботиться о том, чтобы её сложить, да ещё так аккуратно, - Артус приподнял уголок весьма аляповато разукрашенного шарфа и добавил: - Для графа весьма скудное чувство стиля.

- А его навыки общения и того скуднее, - подхватил Понтифакс. – Как и почти всегда по утрам, Леонска вернулся сюда с полным бурдюком вина и единственной целью – упиться до полуобморочного состояния, - он вяло махнул рукой в сторону трупa. – Только вот сегодня ему так и не довелось выбраться отсюда и пойти нарываться на драки, как обычно. Хотя боец из него абсолютно никакой...

- В кои-то веки я полностью с вами согласен, сэр Хидель. Ни одна армия не взяла бы Леонску в военный поход, даже в качестве носильщика.

Артус и Понтифакс повернулись к двери, чтобы обнаружить Маррока де Ландуана, стоящего в проходе и оглядывающего их с отточенным отсутствием интереса.

- Я подумал, что обнаружу тебя здесь, Цимбер. Если ты закончил помогать сэру Хиделю с осмотром тела, я бы хотел перекинуться парой слов.

Вельможа не стал дожидаться ответа. Подхватив Артуса за руку, он вывел его из Комнаты Переговоров и повёл по узкому коридору. Все Браворты почтительно сторонились к стенам или ныряли в дверные проёмы, пропуская мужчин.

- Пропуск у меня с собой, - предупредил Артус. Он потянулся к нагрудному карману, за тонкой карточкой из кожи, обеспечивающей проход к некоторым помещениям клуба – библиотеке, комнате отдыха, главному бару – хотя он и не являлся полноценным членом. Движение было самопроизвольным; пропуск – единственное, что Маррок когда-либо требовал от Артуса.

- Уверен, так и есть, - отмахнулся Маррок. – Ты считаешь Утера другом, ведь так?

- Конечно.

- Он вляпался во внушительную кучу... проблем.

- Знаю. Я наткнулся на него перед клубом, - поделился Артус. – Он попросил меня...

- Несмотря на то, что там *некоторые* члены клуба думают, - продолжал Маррок, не заметив или не обратив внимания на то, что он перебил Артуса, - я верю в его невиновность.

- Согласен. Утер попросил...

- Ранее ты застал меня в очень плохом расположении духа. Так же, в прошлом у нас были некоторые разногласия...

Артус сдержал ухмылку. Маррок собственноручно заблокировал его вступление в клуб целых три раза – за столько же лет. В глазах вельможи никакие достижения в качестве учёного, исследователя или историка не могли уравновесить низкого происхождения Артуса.

- И всё же я всегда находил тебя... сообразительным, - пауза ясно дала понять, что Марроку пришлось далеко закинуть сеть поисков, чтобы найти подходящее слово. Следующая фраза показала, насколько далеко: - По-своему.

Такая непреднамеренная пренебрежительность была ещё досаднее потому, что её бросили как бы между прочим. Артус выскользнул из фамильярной хватки дворянина, сделав вид, что шнурует ботинок потуже. После этого какое-то время они шли в тишине, направляясь к невероятной библиотеке в центре здания.

Наконец, Маррок снова заговорил. Артусу показалось, что снисходительности в его голосе при этом слегка поубавилось.

- Политика заслуживает больше твоего внимания, - уклончиво начал он, затем сам себя одёрнул. – Нет, позволь мне быть откровенным. Некоторые из почтенных членов – а Хэмнет Хоклин особенно рьяно – считают Утера виновным. Я уважаю их, но всё же чувствую, что они ошибаются в своих заключениях. С моей стороны будет не очень мудро в открытую подвергать их слова сомнению, но я также должен...

- Раз уж вы так откровенны, - предложил Артус, - как насчёт перейти сразу к той части, где появляюсь я?

- Я хочу, чтобы ты нашёл убийцу.

Артус в третий раз начал было объяснять Марроку, что он уже пообещал Утеру именно это, но решил посмотреть, что хочет сказать вельможа.

- Пожалуй, могу попробовать, - отозвался он.

Соккрытие истинных эмоций никогда не было одной из сильных сторон юноши. И предпринятая попытка привела лишь к тому, что Маррок ошибочно принял столько поспешно надетую маску простофили за полную незаинтересованность.

- Ты отлично подойдёшь для этой роли, Цимбер, - заверил дворянин. – Хотя бы выслушай меня. Ты ведь понятия не имеешь, с какой неохотой я прошу у тебя помощи.

- О, думаю, имею. Но почему я?

- Чтобы поймать преступника, используй другого преступника, - ответил Маррок, и на этот раз оскорбление было тщательно выверенным. – Твой отец был разбойником - даже не думай, что клубу об этом не известно. Ты потерял должность писаря при суде, когда тебя застали за попыткой вытащить его из тюрьмы. Ещё можем обсудить обвинения в убийстве, выдвинутые против тебя в Тантресе. Нет нужды продолжать, не так ли?

Гнев заставлял слова Маррока звучать резче, делал их острыми точно бритва, но голос при этом оставался спокойным. Они добрались до небольшой, открывающейся в библиотеку комнатки, где небольшая группа мужчин и женщин обсуждала недавнюю экспедицию на дальний север, спонсированную обществом. Вообще говоря, Артус мог пронестись через весь клуб с копьем в боку, и всё равно бы не привлёк ничьего внимания. В тот момент, когда Маррок де Ландуан вошёл в комнату, именно он стал её центром.

- Вот тот человек, которого нужно спросить, - объявил один из беседующих. – Скажи, Маррок, старина, когда этот йети, Филира, добытый в экспедиции, будет готов к показу?

Превращение экзотических животных в экспонаты, похоже, являлось единственным практическим навыком, которым обладал Маррок де Ландуан. И он ненавидел это обсуждать – факт, который остальные члены всегда особенно выделяли в своих почти нескончаемых дружеских беседах. Маррок никогда и не собирался раскрывать своё необычное умение своим приятелям. Однако мастера, которым Бравворты доверяли свои необычные, часто незаменимые трофеи, так плохо выполняли работу, что вельможе пришлось выступить вперёд и спасти завсегдатаев клуба и библиотеку, в которой все эти ценности и выставлялись, от дальнейших насмешек.

- А? – отсутствующе переспросил дворянин. – А, йети... в любое время.

Благородный господин развернулся обратно к Артусу, и выражение его лица не так уж и отличалось от ужасающего оскала упомянутого снежного зверя.

- Утер для общества важен в большей степени, чем бесполезен и вреден ты, - прорычал он. – Найди убийцу и я... помогу тебе стать полноправным участником.

Отворачиваясь, Маррок беззвучно шевелил губами, словно пытаясь согнать с них мерзкое послевкусие только что сделанного предложения. По дороге он миновал Понтифакса – очевидно, маг следовал за ними из Комнаты Переговоров на безопасном расстоянии. Парочка обменялась сдержанными, если не сказать холодными, приветствиями.

- Маррок аннулировал пропуск, который я тебе выдал, да? – в лоб спросил Понтифакс. – Прости, парень. Он в таком паршивом настроении с тех пор, как померла его любимая гончая. Кажется, он звал её Кезеф, хотя почему кому-то взбрело в голову назвать питомца по имени такого чудовища...

Артус потряс головой, все ещё немного обескураженный предложением Маррока.

- Он собирается помочь с полноправным членством. Если я очищу имя Утера, то стану Браввортом.

- Самое время, - обрадовался Понтифакс. – Конечно, если найдём злодея.

Артус похлопал колдуна по спине.

- Найдём. Так, ты изучи зацепки здесь – записка, как-бы-потерянная Гуйгенорой, кинжал, всякое такое. А я собираюсь кое с кем поговорить. Правда, не без помощи.

- Не без помощи? – повторил Понтифакс, на чьём лице явно читалась озадаченность. – С кем же тебе нужно пообщаться, если ты не можешь сам с ним поболтать?

Искорка триумфа сверкнула в карих глазах Артуса.

- С графом Леонска.

- Душа, которую ты ищешь, не числится в моих записях, - сказала странная, полностью лишённая тела голова, парящая над невысоким алтарём. Слова жужжали в мозгу Артуса, вились вокруг его мыслей точно мухи. Ощущение было столь же необычным, как и черты призрака – а точнее, их отсутствие. Гладкость серого лица нарушали только два выпученных желтых глаза.

- Как такое возможно, о, Писарь Мёртвых? – нараспев протянул коленопреклонённый жрец напротив Артуса.

- Я не знаю причин – только правду, которую до вас и доношу.

- Но ведь все мертвецы – твои подопечные! Можешь поведать нам, где же сейчас душа графа Леонска?

Возникла пауза. Затем две толстые сальные свечи на алтаре начали дымиться. Черные, масляные кольца поднимались вверх, корчась, как змеи, но не поднимались выше подбородка эфемерного создания.

- Раз ты так настойчиво надоедаешь мне, слуга Бога Свиткомарателей, - угрожающе начал Писарь Мёртвых, - то я дам свой ответ лично!

Дым сгустился в подобие развевающегося плаща; неосязаемая голова начала обретать плоть...

Священник потушил свечу привычным взмахом смуглой руки. Призванная сущность в колышущемся плаще на какое-то время задержалась над алтарём, затем растаяла. Её выпуклые жёлтые глаза исчезли последними. Но их зловещий взгляд, казалось, ещё долго пронизывал маленькую молельню, после того, как они наконец пропали.

- Ну и что мы из всего этого узнали, мастер Цимбер? – жрец распустил длинные белые рукава, до этого закатанные выше локтей. – Надеюсь, не только то, как вывести из себя сенешаля Ада.

Артус выпрямил скрещенные ноги и откинулся на коврик для молитв. Его надежды на быстрое расследование убийства не протянули и пары часов с того времени, как он покинул Клуб Браввортов. А сегодня, спустя несколько дней, юноша задумался – а не пытается ли он прыгнуть выше головы? Ритуал призыва Жергала сам по себе занял целых два дня. Не успеет пройти и декады, как сыщик начнёт планировать побег из тюрьмы.

- Ну, мы знаем, что Леонска не то чтобы живой, - произнёс Артус со вздохом. – Понтифакс проверил и убедился. Так почему же душа усопшего не отправилась в Королевство Мёртвых?

- Может быть, она в заточении у какого-нибудь мага? – предположил священник. – Или Жергал солгал нам. Я не обладаю ни могуществом, ни даром убеждения, которые вынудили бы демона сказать правду.

- Впервые, - со смешком объявил Артус, - Зинтерми, последователь Огмы, признаёт свою слабость.

- Слабостями наделены все живые создания, - отметил монах, осторожно собирая компоненты, использованные для призыва. Как и всегда, Зинтерми выполнял простые действия методично и изящно. – Например тебе не хватает способности признавать поражение.

- Это слишком важное дело, - отрезал Артус.

- Любое дело, за которое ты берёшься, становится «слишком важным», - сказал Зинтерми тем же поучительным тоном, который так бесил Артура в бытность его студентом храмовой школы. – Ты не рассматривал возможность, что Утер действительно виновен?

- Говорю тебе, убийца – Гуйгенора. Её уже несколько дней никто не видел. Она явно залегла на дно. Мы с Понтифаксом собрали достаточно доказательств, способных убедить меня в том, что это совершила она.

- Но недостаточно, чтобы убедить власти, - напомнил священник. – Ты говоришь, что Гуйгенору не так давно застали за разговором с членами консульства Козакуры, но это не доказывает того, что она обучалась с ними, или наняла их

ассасинов. Также ты раскопал слухи о неудачном романе между молодой леди и графом, но слухи эти не имеют подтверждения и не обязательно предлагают мотив.

Артус сел.

- Этих подозрений должно быть достаточно, чтобы расследование пошло по другому пути, но Хэмнет Хоклин и его подпевалы оказывают на стражу давление – настаивая на том, чтобы было выдвинуто официальное обвинение, а затем проведён суд. А без надёжной улики против Гуйгеноры – например, обнаруженного у неё кожаного кляпа или пропавшего бурдюка с вином, принадлежавшего графу, или если его дух подтвердит, что это она убила его – произойдёт именно это.

- Может быть, ты ищешь улику, которой не существует.

- Послушай, - раздражённо сказал Артус, - Гуйгенора что-то скрывает. Она утверждает, что родом из Долин. Но это не так. Понтифакс обнаружил, что она родилась в Жентильской Твердыне, что объясняет жентийские надписи на кинжале. – Он хлопнул себя по груди; там, под туникой, всю кожу покрывали пересекающиеся шрамы - работа жентийских палачей. – А если она имеет отношение к Твердыне, жди проблем.

Зинтерми задул последнюю ритуальную свечу. Масляные лампы по бокам от двери не давали комнате полностью утонуть в непроглядной тьме, но всё-таки тени ринулись из дальних углов и заскользили по лицу жреца. - Твоё прошлое хранит вещи, о которых ты не говоришь с гордостью, - сказал он. – Разве твоя подозреваемая не может позволить себе такой же роскоши? Как минимум, мастер Цимбер, ты должен быть въедливее, беспристрастнее. Может, разберёшь историю Утера с таким же вниманием к противоречиям?

- Что ты имеешь в виду?

- Ты часто повторял его жалобы на законников. Он ведь весьма критически относится ко всем, кто владеет данной профессией, не так ли? Ты будешь удивлён, узнав, что он и сам побывал барристером. На самом деле, Утер – в какой-то мере член клана Фитц-Кевральдов, которые столетиями занимаются адвокатской практикой в Глубоководье.

Это откровение нельзя было назвать зловещим, но Артуса оно все равно смутило. Зинтерми умел подкапываться под фундамент самых тщательно выстроенных теорий Артуса, хотя, похоже, не испытывал по этому поводу никакого триумфа. В этом и заключалась его сила как учителя. Но настоящей причиной, по которой юноша так часто искал его советов, была привычка предлагать лучшее, более надёжное основание взамен разрушенного.

Мудрые слова, сказанные Зинтерми в тот вечер, предсказуемо оказались простыми:

- Собирай факты, прежде чем пытаться доказать теорию. Наблюдай, лишь потом делай заключения.

Возможность проверить этот совет на практике представилась Артусу вскоре после того, как он покинул храм. Может быть, это даже спасло ему жизнь.

Каждую третью ночь с момента убийства Артус посещал усадьбу Маррока де Ландуана. Дворянин потребовал молодого сыщика – потому что на просьбу это было совсем не похоже – предоставлять регулярные отчёты о продвижении поисков преступника. Покинув Зинтерми, Артус снова отправился на самые дальние задворки Сюзейла. Здесь раскинувшиеся земли родового гнезда Маррока с их аккуратно подстриженными садовыми фигурками и вышколенными слугами выступали последним бастионом города, прежде чем позволить путешественнику оказаться окружённым суровыми холмами и ещё более суровыми фермерами и охотниками.

Как и ожидалось, главные ворота были не заперты. Артус устало плёлся по длинной гравийной дороге, а спугнутые звуком его шагов кролики суматошно бросались искать укрытие. Безжизненный лунный свет укрывал мертвенной пеленой абсолютно всё. Сыщик поспешил уверить себя, что такой призрачный вид фруктовых деревьев, колючих изгородей и беспросветно-тёмного особняка – всего лишь игра его напряжённого и почти не отдыхающего воображения. Но правда была такова, что этой ночью даже самый приземлённый и скучный клерк счёл бы это место загадочным и пугающим.

Тёмная фигура отделилась от дерева и исчезла у входа в лабиринт из живой изгороди. Артус видел её всего секунду, но было ясно, что это – женщина. Должно быть, браконьер, решил он. Подобные ей достаточно часто шныряли по поместьям вроде этого – тщательно подстриженные лужайки делали мелкую дичь лёгкой добычей. Но эта особа явно была пьяна, и, скорее всего, сама запутается в силках, не поймав ужина. Артус даже слегка проникся симпатией к бедняжке, чьи голодные дети наверняка дожидаются еды в какой-нибудь лачуге на склоне холма.

Впрочем, сочувствие к ней быстро сошло на нет под напором последнего совета Зинтерми, зудящего на окраине разума весь вечер. Сперва юноша выругался, прокляв жреца за то, что теперь из-за него подозревал всех, даже несчастную пьянчужку. Тем не менее он начал осматривать окружение более тщательно и настороженно. И если бы не это решение, то наверняка парень упустил бы предательский шорох изгороди, раздавшийся прямо перед нападением.

Артус только вступил на нижние ступени ведущей к дому лестницы с колоннами, как женщина выпрыгнула на него из кустов, точно взбесившееся животное. Она как будто даже не замечала царапин, оставленных ветками на голых руках. Обеими ладонями она обхватила большой ритуальный нож. Бросившись к сыщику, незнакомка занесла оружие над головой.

Разворачиваясь к ней, Артус смутно подметил все эти детали – наравне с тем фактом, что профессиональным убийцей напавшая не являлась. Чёрный капюшон, закрывавший её лицо, может, и был излюбленной маскировкой ниндзя, но сама женщина уж точно не принадлежала к числу этих смертоносных ассасинов – атаковала неуклюже, двигалась неловко и скованно.

Артус с лёгкостью уклонился от замаха, затем пнув её ногой в грудь. Когда воздух вырвался из легких противницы, юноша ожидал услышать судорожный вздох, или даже увидеть, как она падает. Но она только лишь отступила на один маленький шаг, вновь заноса нож.

Сыщик вытащил из-за обуха сапога собственный кинжал. Драгоценный камень в рукояти источал бледный магический свет, подсвечивая круг, достаточно большой, чтобы вместить обоих бойцов. Парень шагнул в сторону, избегая второго, такого же неуклюжего выпада. Когда нападавшая пролетела мимо, он опустил круглый эфес своего клинка прямо ей на затылок. Удар женщину никак не потревожил.

Однако из-за него ослаб пучок убранных под капюшон волос. Высвободившиеся локоны, словно змеи, устремились к плечам. Сперва Артус даже принял огненно-красные пряди за кровь – настолько насыщенным был их цвет – но затем его лицо озарило узнавание.

- Гуйгенора! – закричал он.

Выкрикнутое имя возымело эффект, которого не смог добиться клинок – женщина прервала атаку. Одной рукой она сорвала маску, скрывавшую бледные, пустые черты её лица. Пальцы другой медленно разжались, и нож выпал на гравий. Золотая рукоять, усыпанная жентийскими письменами – это оружие было близнецом того, что когда-то торчало из груди графа Леонска.

Но тут распахнулась дверь особняка. Из неё, с криками «Что здесь происходит?» и «Берегись, мы вооружены!», хлынула небольшая кучка слуг. Артус лишь на мгновение повернул голову, когда по спускающейся от крыльца лестнице застучали шаги. Этого хватило на то, чтобы Гуйгенора успела вновь скрыться в кустах.

Артус, может быть, и смог бы её поймать, но один из людей Маррока скрутил его сзади. Сыщик не успел даже вскрикнуть, как на него навалились ещё двое, придавив руки к земле и упершись коленями в спину.

- Вам нужна она! – прохрипел Артус. – Это она – убийца!

- Я думаю, теперь у нас достаточно доказательств этого утверждения, - вздохнул с верхней ступеньки Маррок де Ландуан. – Поднимите его, остолопы!

Артус принял протянутую руку слуги в ливрее.

- Кто-то должен оповестить стражу, - обратился он к дворянину.

- Уже сделано, - отозвался тот. – Разумеется, я уволю кретинов, помешавших тебе.

Раздражённым взмахом руки Артус отверг это предложение:

- Пустяки. Сейчас нужно думать о том, как найти Гуйгенору до того, как она причинит вред ещё кому-то. Девушка явно не в себе.

- Не бойся, - фыркнул Маррок. – Мои люди разыщут её. Тем временем, почему бы тебе не зайти внутрь? Стражники захотят выслушать твои показания, когда придут.

Во время предыдущих визитов Артуса принимали в фойе. И поскольку это внушительное помещение было построено так, чтобы удивлять – будучи по размеру как две комнаты, которые Артус арендовал у Джона Бритвы, продавца стрел – обязанность отчитываться именно здесь всегда оставляла у юноши ощущение, будто он посыльный, вошедший в дом не с той стороны. Теперь же Маррок вёл его по длинному, устланному коврами коридору, мимо портретов предков и до блеска начищенных доспехов – к большому, заставленному шкапами с книгами кабинету. Комната оказалась в точности такой, какой Артус мог бы её представить, словно картинка из справочника по стилю для старых кормирских толстосумов.

- Стоит поблагодарить Тимору, что ты не пострадал, - отметил Маррок из-за барной стойки с впечатляющим ассортиментом. Хотя звучал он при этом слегка раздосадованно. – Бренди?

Артус вежливо отказался. Он хотел было уже присесть на кушетку с великолепной обивкой, но вспомнил свои недавние катания в пыли и передумал. Парень мог бы отряхнуться, но это только привлекло бы внимание к тому, что он прошёл через жилище дворянина, оставляя за свой след из гравия и грязи. Внезапно ему захотелось обратно в фойе - ведь как играть роль посыльного, он, по крайней мере, знал.

В этот момент прибыл лакей, избавив сыщика от необходимости вести неловкие пустые беседы с Марроком.

- Прошу прощения, мь'лорд, - сказал он после осторожного стука в дверь, - Они нашли женщину.

- Вы надёжно её связали? – спросил Маррок, выказывая не больше интереса к теме, чем, к примеру, к вечернему меню своего соседа. – Где она пряталась?

- Верёвки ей не нужны, мь'лорд, - ответил слуга. – Мы нашли её... - он выдержал драматическую паузу, - ... плавающей в зеркальном пруду. Мёртвой. Должно быть, рана от кинжала мастера Цимбера стала причиной.

- Клинком я её не задевал, - возразил Артус.

- Ну значит, это кто-то из поймавших её, - торопливо предположил вельможа. – Прошу меня извинить, Цимбер, я на минуту. Должен убедиться, что они не потревожат тело до прибытия стражи.

Маррок отставил бокал с бренди и подошёл к двери, где отдал длинную череду команд подобострастно склонившемуся слуге. Артус побрёл через комнату к шкапам с книгами. Как он и подозревал, он не нашёл ничего полезного, а те несколько свитков, что могли стоять потраченных на них чернил, выглядели нетронутыми – скорее всего даже непрочитанными.

Глухое скуление привлекло внимание юноши к двери слева. Он замер и прислушался. Когда звук раздался вновь, Артус понял, что это жалобный вой собаки. Он попробовал повернуть ручку, и обнаружил, что дверь не заперта – она широко распахнулась на хорошо смазанных петлях.

Комната была полна всевозможных странных существ и ещё более странных приспособлений. Змеевики с жидкостями разных цветов протянулись между лежащими на металлических столах каркасами животных. Шкаф за шкафом оказались забитыми ёмкостями с сердцами, мозгами и другими органами. Целая стена была увешана головами-трофеями всех размеров, форм и видов; другая жеставляла на обозрение любовно рассортированные пилы, ножи и другие инструменты, поблескивающие серебром в свете свечей. А в самом центре стояло чучело йети – с девственно-белой, словно свежесвыпавший снег, шкурой и с толстыми мощными лапами, поднятыми над головой в вечной угрозе. Маррок обработал эту добычу так идеально, что казалось, будто зверь застрял между жизнью и смертью.

Что-то кожистое ткнулось в ладонь, и Артус отпрыгнул назад на шаг-другой. Жалко выглядевшая гончая попыталась обнюхать его руку своим носом. Пёс уставился на сыщика жёлтыми, остекленевшими глазами. Заскулил снова. Звук казался пустым, словно доносился откуда-то издалека.

- Кезеф, назад! – Маррок неожиданно возник рядом с Артусом. Он поднял собаку, которая даже не сопротивлялась, и отнёс её по другую сторону порога. Запирая дверь за скулящим животным, дворянин добавил: - Стареет. Сторожевой пёс из него уже никакой, как ты убедился.

Щёлкнул замок двери.

- Сентиментально с моей стороны, но я не смог с ним расстаться.

Артус знал, что эта была самая правдивая вещь из всех, что Маррок де Ландуан когда-либо ему говорил.

Вельможа тем временем продолжил в свойственной ему, лишённой интереса манере спекулировать на тему того, как быстро Утера могут освободить теперь, когда они доказали, что убийца – Гуйгенора, и это даже не подлежит ни малейшему сомнению. Из рассуждений Маррока выходило, что Артус слишком близко подобрался к разгадке тайны, поэтому женщина попыталась заставить его замолчать.

- Разумеется, я сдержу обещание, - закончил рассуждать Маррок, наполнив бокал в третий раз. – Можем провести церемонию вступления в члены клуба завтра же.

Когда сыщик не ответил, лицо Маррока посерьёзнело.

- Тебя что-то тревожит, Цимбер?

- Нет, ничего, - слишком быстро отозвался Артус. Потом выдавил улыбку: - А, ведь это так очевидно, когда меня что-то беспокоит, так что толку отрицать? Я знаю, что существует традиция – новый участник должен предложить обществу подношение. И я задумался, что же я могу такое придумать до завтра.

- Свобода Утера – достаточный подарок, - успокоил Маррок. – Да и душа графа Леонска упокоится с миром, зная, что ты нашёл убийцу.

- Ну конечно, - согласился Артус. – Разве я могу придумать лучший дар, чем правосудие?

Он, наконец, уселся на возмутительно дорогой диван.

- Знаете, думаю, сейчас я всё-таки готов выпить.

Внушительный и величавый Зал Церемоний являл собой разительный контраст – в лучшую сторону – с остальными помещениями Клуба Браввортов. Его пределы освещались настоящими свечами. Ремесленники – не джинны или големы – сплели украшающие его стены гобелены. Одежания, которые члены клуба здесь носили, не были высвобождены из гардероба какого-нибудь султана или вытащены пряником из бездны Гадеса. Нет, это были простые мантии, созданные честным трудом, не усыпанные драгоценными камнями или вычурными излишествами из глубин истории. В Зале Церемоний такой одежды было достаточно.

Церемония посвящения тоже оказалась весьма скромной по времени. Она завершилась прежде, чем Артус понял, что она вообще началась. Юноша ожидал больше каких-нибудь ритуалов, больше помпезности. Он бы почувствовал себя обманутым, если бы не был так занят подготовкой презентации своего дара.

Пока церемония не завершилась, Утер отгонял самых любопытных из тех, кто пытался заглянуть под ткань, накрывавшую длинный ящик с подношением Артуса. Как только парень оказался один на простом деревянном помосте в начале зала и приготовился показывать, Хидель Понтифакс, вместе с тремя другими посетителями, передвинули всё ещё накрытую коробку в центр комнаты. Утер чуть заметно качнул головой с великолепными рогами и устроился в дверях. Члены клуба были слишком заняты рассуждениями о том, что же внутри, и даже не заметили, что по другую сторону от этих дверей нетерпеливо мечется сержант Орсини из городской стражи.

- Я благодарен оказанной мне чести, поэтому в знак признательности, - начал Артус, повторяя слова, которые ему было велено произносить, - я предлагаю сему благородному обществу дар непреходящей ценности, символ, по которому вы всегда будете ценить меня как члена общества. Это награда для вас всех.

И как только последнее слово повисло в воздухе, из ящика что-то медленно поднялось. Какое-то время белое покрывало цеплялось за предмет, очерчивая явно человеческую фигуру.

- Я предлагаю вам правосудие, - возвестил Артус. – Я предлагаю вам убийцу графа Леонска!

Простыня слетела, являя взору стоящую в сосновом ящике Гуйгенору. Потрясённые вздохи и недовольные крики прокатились над залом. «Некромантия! - завопил сэр Хэмнет Хоклин, - Так вот как ты демонстрируешь нам свою ценность, ты... ты... хорёк!» В лексиконе Хоклина не было ругательства страшнее.

- Гуйгенора не убивала графа! – рявкнул Артус, перекрикивая толпу. – Она стала жертвой того же негодяя, и по той же причине!

Мёртвая женщина вылезла из короба. Немигающие глаза изучали собравшихся, выискивая преступника. Найдя его, умершая дёргано подняла руку и указала пальцем.

Маррок де Ландуан не пытался сбежать. Как и что-либо возразить. Он просто сбросил накидку, обнажив превосходно скроенный дублет, дорогие, пошитые на заказ штаны и сапоги драконьей кожи. Когда сержант Орсини приблизился, дворянин протянул кинжал, рукоятью вперёд, ближайшему представителю Браввортов.

- Убедись, что это вернётся в оружейную моего поместья, - обронил он.

- Улика! – всё, что произнёс Орсини, перехватывая кинжал и засовывая за пояс. Со мстительной ухмылкой Пурпурный Дракон приказал – какое унижение! – немедленно обыскать Маррока на предмет скрытого оружия или, что даже опаснее, магических компонентов для плетения заклятий.

Толпа участников церемонии окружила сыщика, требуя правдивого рассказа об убийствах. И он объяснил – настолько понятно, насколько понимал сам.

- Граф Леонска подписал себе приговор, когда использовал своё влияние – и значительную часть клубных запасов ликёра – для того, чтобы его протеже получила доступ в ряды Браввортов, - начал юноша. – Маррок в это время отсутствовал по делам и не мог заблокировать её продвижение до полноправного члена общества. После возвращения он убедился, что граф больше не пропихнёт ни одну выскочку в Бравворты.

Как именно Маррок убил Леонску оставалось загадкой для Артуса, хотя никому не пришлось бы слишком уж сильно напрягать воображение, представляя, как граф спяну неудачно падает на нож или выпивает бокал яда. А вот что произошло дальше, сыщик мог объяснить в деталях.

- Маррок вернул графа из мёртвых и поставил задачу – подставить Гуйгенору, - продолжал парень. – Граф направился обратно в клуб с бурдюком для вина, наполненным его собственной кровью. Добрался до Комнаты Переговоров – уже

будучи мёртвым – и подготовил место преступления – ударил себя в грудь жентийским кинжалом, разбрызгал по стенам кровь, как это делают ассасины Козакура. А Маррок уже приготовил кое-что для того, чтобы связать преступление с девушкой – даже устроил встречу с «жертвой» в нужном месте.

- Записка и правда была, - кивнув, сказал Понтифакс.

- А Гуйгенора и правда её потеряла, - согласился Артус. – Думаю, в последующие дни всплывёт где-нибудь в клубе.

- А что случилось с бурдюком для вина? – спросил кто-то из толпы.

Сыщик пожал плечами.

- Должно быть, Маррок приказал Леонска избавиться от этого свидетельства – и тот его съел. Раскрошив все зубы, когда пытался прожевать и проглотить крышку.

Понтифокс прочистил горло:

- Дьявольски хитрый план, - нравоучительно протянул он. – Видите ли, нежить суть создание не магическое, как таковое, поэтому Комната Переговоров никак не влияла на действия бедолаги. И не стоит забывать про дополнительную выгоду – душа графа оказывается запертой в теле, и стража не может вернуть его для допроса.

Артус спустился с помоста.

- На самом деле я нужен был Марроку только для того, чтобы найти все улики, которые он подготовил. Он и Гуйгенору убил и заставил, в качестве завершающего штриха, напасть на меня – и, может быть, попутно убрать, - сыщик помял свою церемониальную одежду. – Одному Огме известно, насколько сильно он не хотел видеть меня среди членов клуба. Если бы я не распутал этот клубок, то тоже мог бы плохо кончить, рано или поздно.

Понтифакс продолжил распространяться обо всех деталях расследования, удерживая народ на месте, пока Артус сбегал. Юноша миновал небольшую группу жрецов, уже начавших высвобождать душу Гуйгеноры из её трупа. Сыщик хотел бы, чтобы священники смогли сделать то же самое и для графа Леонска, чьё тело сожгли прошлой ночью. Бедняга наверняка до самого конца осознавал всё, что с ним происходит, глядя на пламя своего погребального костра с тем же безжизненным выражением лица, с которым он встретил Артуса в тот день, в Комнате Переговоров.

- В поместье Маррока есть собака, её, вероятно, вы тоже не откажетесь упокоить, - обратился парень к сержанту Орсини. Солдат как раз вёл вельможу к выходу. – Животину зовут Кезеф. Найдёте её в мастерской, около кабинета.

- Вы этого не сделаете, - отрезал де Ландуан, окинув Пурпурных Драконов высокомерным взглядом. – Эта гончая будет ждать меня по возвращении домой через денёк-другой, иначе я удостоверюсь, что ваша шайка до конца своих дней будет отскребать птичье дерьмо с корабля короля.

Потрясение на лице Артуса вызвало у Маррока де Ландуана ухмылку.

- У меня столько влияния, что сброду, подобному вам, никогда его не измерить. Даже если обвинения справедливы – заметьте, я сказал «если» - меня точно из-за них не повесят. Просто посмотрите вокруг, если не верите.

Артус последовал совету, когда сержант Орсини вытолкал дворянина из комнаты.

На каждого человека, смотревшего на новопосвящённого Бравворта с почтением и одобрением, приходился тот, кто смотрел с негодованием. Больше того, именно наиболее именитые и влиятельные члены были теми, кто уставился на сыщика с неприкрытой злобой. Презрение к новичкам не было прерогативой только лишь Маррока.

- Ты выглядишь угрюмым, когда следует праздновать, мастер Цимбер, - заметил Утер.

Артус лишь пожал плечами.

- Я вовсе не уверен, что хочу и дальше входить в состав этого клуба.

- Чепуха.

Дворецкий окинул хмурых, насупленных Браввортов жёлтыми глазами-прорезями и обернулся обратно к юноше:

- Может, они и не приветствуют тебя с распростёртыми объятиями, но они определённо проявляют уважение. Ты разоблачил одного из них – независимо от того, вздёрнут его за преступление или нет.

- Они ненавидят меня за это.

- Возможно, - признал Утер. – Но и боятся. А страх – полезная вещь, когда имеешь дело с могущественными мужчинами и женщинами. Честно говоря, это та причина, по которой мне чуточку льстило то, что они считали меня способным на убийство.

- А ты не способен? – уточнил Артус. Поколебавшись немного, прежде чем продолжить, он сказал Утеру то, на что отважились бы очень немногие: - Я думал, законники – особенно барристеры из клана Фитц-Кевральдов – способны на всё.

Гримаса, которая исказила черты лица дворецкого после этих слов, и вправду была пугающей. Чёрные губы растянулись в улыбке. Затем человек с внешностью демона тихо и глубоко рассмеялся.

ВОРОВСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

Мэри Х. Герберт

Весна приходила в Рашемен – потихоньку. Но этой ночью, в начале месяца Чес, её присутствие совсем не ощущалось в промороженной столице, Иммильмаре. На улицах и зданиях уже многие месяцы лежал снег – вернее, утрамбованный лёд, грязь, сажа и смёрзшийся мусор, слой за слоем. Воздух всё ещё был обжигающе холодным, а с карнизов многих домов свисали сосульки – ну точь-в-точь прутья тюремных решёток.

Теза вытерла лицо и торопливо подтянула воротник из волчьего меха поближе к носу и рту. Недовольно что-то бормоча, она оставила таверну «Оберегающая Ведьма» позади и двигалась по улице, не обращая внимание на людей вокруг, и даже на направление. На улицах было тихо – большинство обитателей уже наслаждались теплом и светом натопленных очагов. Во многих тавернах продолжалось разухабистое веселье, но большая часть магазинов и рынков уже закрылась.

Молодая девушка стиснула зубы и потопала в сгущающуюся тьму. «Маск бы побрал эту колдунью!» – кипела она. Это несправедливо – почему единственный человек на всём Востоке, которого Теза считала своим лучшим другом, оказался таким честным! Почему Канлара не закрывала глаза на её занятие, не смотрела прямо в её сердце и мысли?

В голове девушки вновь вспыхнуло негодование. Какое вообще Канлара имеет право говорить ей, что делать, а что – нет? Кто назначил её хранителем совести Тезы? Несговорчивость колдуньи и недостаток веры в подругу слишком часто жалили сквозь толстую броню девушки-конокрада.

Теза нахмурилась, глядя в ночное небо. Прошлой осенью они без проблем выносили друг друга. Тогда, рискуя собственной жизнью, Теза освободила Канлару из-под действия заклинания, из-за которого та на тридцать лет превратилась в книгу. Опыневшая от свободы пленница была очень благодарна и готова обнять весь мир. Девушка-конокрад пустила девушку-колдунью в свой дом и в свою жизнь. К облегчению обеих, их дружба быстро крепла. Но в последующие месяцы зима заперла подруг в городе – и в непосредственной близости друг от друга – заставив отложить планы путешествия за пределы Рашемена. Лёгкие различия выливались в ожесточённые споры, а из-за увлечения Тезы возникла угроза образования между ними непреодолимой пропасти.

Словно по команде, ладони Тезы зачесались – верный признак того, что она уже несколько дней не крала справных жеребцов. С запозданием, девушка сбавила шаг и огляделась. Она попала в район больших мастерских и домов, к востоку от центра города. За спиной высилась мрачная цитадель Ааронга, чьи железные и стальные стены были унизаны лужицами света факелов. Впереди, на севере, располагались дома состоятельных торговцев и многих городских аристократов.

Но не дома привлекали Тезу. Она пробовала силы в ограблениях, и они не пришлись ей по вкусу. Воровка предпочитала изящество опустошения карманов или азарт похищения лошади. Даже зимой можно было найти места скопления людей с

набитыми кошельками или конюшни с интересной добычей. Одним из её любимейших была таверна с платной конюшней на восточной дороге до Мульптана. Там часто останавливались торговцы, путешественники и барыги, со своими вьючными животными – и постоянный двор этот не всегда находился под надёжной охраной.

Теза ускорила шаг, повернув на восток. Под сапогами похрустывал снег, а пробирающий до костей ветер задувал от самого озера Эшен, ледяного Озера Слёз. Съёжившись и ссутулив плечи, чтобы защититься от холода, девушка пробивалась вперёд, не слыша зов слабого голоса.

Воровка перебралась через низкий каменный мост, нависший над маленькой, но подвижной речушкой, ещё противящейся хватке морозного ветра. Несколько минут спустя она увидела громаду таверны «Гнедой Жеребец», прислонившейся горбатой спиной к плотной стене вечнозелёных деревьев. Бревенчатые стены освещались фонарями и светом, прорывавшимся из каждого окна. Из нескольких каминных труб валил дым, и в воздухе плавал аромат готовящейся еды. Теза с удовлетворением отметила все эти признаки бурной деятельности. Ведь это означало, что корчма этой ночью полна – а значит, в стойлах, вероятно, найдётся, чем поживиться.

Ниал Однорукий управлял этим заведением, содержащим также удобные загоны для скота и вьючных животных, и тёплые конюшни для ездовых лошадей приезжающих гостей. Девушка, не желая разорять такой хороший источник выгоды, заглядывала к Ниалу лишь изредка, забирая парочку отличных коней только у посетителей, которые могли позволить их потерять. К счастью, хозяин и понятия не имел, кто наведывался к нему в конюшни, поэтому Тезе иногда удавалось вернуть долг, приведя стадо для продажи или направив к нему многообещающего клиента. Ей нравился острый ум Ниала, и его гибкое понятие честности.

Воровка отвернулась от света и тепла и пробралась через деревья к стойлам. Тихо, точно снежная кошка, она скользнула в ночи к задней стене большого сарая. Бревенчатое строение, возведённое на фундаменте из земли и камня, могло уместить двадцать лошадей или тридцать пони в двух рядах стойл. Пара двойных ворот вела во внутренний дворик таверны, но сзади притаилась дверь поменьше, для конюха, открывавшаяся в проход между стойлами. Эту дверь обычно держали запертой – что почти никогда не беспокоило Тезу – но сегодня её ещё и охраняли.

Девушка заколебалась. Присутствие стража само по себе было необычно, но тот факт, что он носил эмблему клана Врул, выглядел и вовсе странным. Большинство членов семьи Врул обитали в Мульптане. Впрочем, неважно. В Рашемене Врулы приобрели широкую известность – благодаря превосходному вкусу к лошадям.

Откинуть капюшон, распустить длинную тёмную косу и нащупать маленький мешочек, всегда носимый с собой – всё это заняло у похитительницы лошадей всего пару мгновений. Внутри этого мешочка, помимо прочих инструментов её ремесла, лежали кружочки ткани, смоченные быстродействующим снотворным. Очень полезная вещь, когда имеешь дело с доверчивыми стражниками.

Воровка вывалилась из-за деревьев недалеко от таверны и побрела – своей лучшей пьяной походкой – в сторону охранника двери. Тот наблюдал за ней с некоторым весельем.

- Сэр, я ищу уборную, - пробормотала она заплетающимся языком, подковыляв поближе. – Вы не знаете, где она?

Мужчина поднял руку, показывая направление, и его голова повернулась туда же – в ту же секунду Теза подпрыгнула и прижала тряпочку к его носу. Страж вздохнул лишь раз, затем упал, словно подбитый роф.

Девушка заботливо втащила беднягу в сарай, чтобы тот не замерз. Как она и надеялась, все конюхи отправились в таверну, и в конюшне никого не было. Теза начала быстро оглядывать население конюшни, одного коня за другим.

- Теза! – донёсся от двери шёпот.

Теза, вместе с лошадьё, которую она гладила, отпрыгнули в сторону, врезавшись в деревянную перегородку.

- Канлара! – прорычала девушка-конокрад. – Что ты здесь делаешь?

Волшебница – в плаще, сапогах и с лицом, покрасневшим от холода и недовольства – шагнула вперёд.

- Я следила за тобой, - сказала она. – Я хотела извиниться, но не смогла тебя догнать. Чувствовала, что ты собираешься сделать что-то вроде этого.

- Разумеется! – Теза вихрем вылетела из стойла, наведив другое, где нервно таращила глаза белая кобыла. – Я же с самого начала говорила, что я краду лошадей! Я – та, кто я есть.

- Но не та, кем могла бы быть! – не сдавалась Канлара. – Ты умная, сильная и красивая. Ты могла бы стать кем угодно, кем бы захотела!

Теза раздражённо и недоверчиво простонала. Эти слова, сказанные женщиной неземной красоты, с длинными рыжими волосами, изумрудно-зелёными глазами, и с преимуществом в виде обучения магии, просто ничего не значили для обычной уличной бродяги. С некоторыми проявлениями этой жизни Канларе никогда не приходилось иметь дела – например, с голодом, или одиночеством, или нищетой.

Тезе пришлось научиться воровству, чтобы выжить, и это всё, что она теперь умела. Она вскинула руки перед собой.

- Ты хочешь, чтобы я изменилась. Хочешь покинуть Иммильмар. Хочешь новый посох и компоненты для заклинаний. Ну, а на всё это нужны деньги. И как ты предлагаешь их получить? Пока ты в юрисдикции ведьм Рашеми, тебе запрещено практиковать магию, а единственная работа, которую Рашеми доверят чужеземцу – это прислужой... чьего заработка едва хватит на оплату нашей комнаты. Остаюсь я.

Воровка поняла, что её голос усиливается с каждым словом, и быстро осеклась, чтобы не привлечь лишнего внимания.

- Я не умею шить. Ненавижу прислуживать в тавернах. У меня нет ни образования, ни талантов. Ведьмой я быть тоже не могу, а берсеркером – не хочу. В Иммильмаре остаётся не так много занятий для таких, как я. Как ты не можешь понять?

Теза закончила свою гневную отповедь и прислонилась к боку кобылы, тяжело дыша.

- Я пытаюсь понять, - с грустью ответила её подруга. – Но прошу тебя, остановись, пока с тобой что-нибудь не случилось. Я не могу потерять тебя. Ты – моя единственная семья.

Что-то в голосе Канлары задело девушку. Не оборачиваясь, потрясённая Теза покинула стойло кобылицы и перешла к следующему.

Канларе показалось, что это стойло пустует. Но воровка нашла здесь больше, чем рассчитывала. Наступив ногой на что-то твердое и тяжёлое на полу конюшни, она подалась вперёд.

- Во имя Маска! Что это? - прошептала она, сев на корточки и стряхнув сухую траву с темной груды.

Волшебница торопливо последовала за ней, и обе женщины опустились на колени в солому. Они аккуратно перевернули непонятную форму, и сильный запах свежей крови ударил им в нос. Их руки скользили в тёплой тёмной жидкости, покрывавшей шею и грудь человека.

- О Боги, он ранен! - вскрикнула Канлара. - Мы должны позвать на помощь! Беги в таверну и попроси кого-нибудь позвать стражу.

- Что? - Теза отдёргнула руки и судорожно вытерла их об чистую солому. - Стражу! - в ужасе от такого предложения прошипела она. - Не будь дурой. Мы должны убираться отсюда, и быстро!

Канлара напряглась.

- Здесь произошло преступление, - упрямо возразила она. - Мы должны доложить об этом.

- Да в Абисс, что мы там должны! Один взгляд на нас, шныряющих там, где нам не положено находиться, с руками по локоть в крови – и они арестуют нас, не моргнув и глазом, - Теза подхватила подругу под руку и потянула вверх, стараясь поднять ту на ноги. – Пошли!

Волшебница рывком высвободилась.

- Не говори ерунды, Теза. Нет ничего, что связывало бы нас с преступлением. Мы просто нашли тело.

- Святая простота! Всю жизнь я прожила среди воров. И я знаю, как это будет выглядеть в глазах Старейшин. Мы должны уходить... прямо сейчас!

Внезапно снаружи кто-то позвал, и Теза вскочила на ноги словно испуганная лошадь.

- Канлара! - умоляла она, - пожалуйста! Он – фирра, лорд! Посмотри на его одежду. Мы для него просто отбросы, а представители стражи широко известны совсем не за свой острый ум. Они арестуют нас прямо здесь же!

За дверью под чьими-то ногами захрустел снег.

- Канлара, пойдём! - крикнула Теза в последний раз.

Колдунья стояла неподвижно, глядя на мертвеца, затем подняла взгляд на Тезу. Прежде чем хотя бы одна из женщин успела отреагировать, кто-то распахнул переднюю дверь. Конюшню залил свет фонаря.

Воровка не выдержала. словно ищущая укрытие лиса, она перемахнула через дверь в стойло и беззвучно скрылась в тених, выскочив через заднюю дверь. И она не сбавляла скорость, пока не оказалась достаточно глубоко в лесу. В конце концов она замедлилась. Повернулась, наплевав на инстинкты, и пробралась к дороге, ведущей к таверне. Через деревья она расслышала гул голосов, а затем и рёв горна – когда один из стражников подал сигнал своему капитану.

Звуки приближающихся блюстителей порядка и шум рассерженной толпы – со всем этим девушка сталкиваться не хотела. Пусть с этим разбирается Канлара. Она сможет всё объяснить намного лучше, чем Теза. Стража её допросит и отпустит. Теза решила пойти домой и подождать. Канлара наверняка скоро появится.

Однако она так и не пришла.

К середине следующего дня волшебница всё ещё не вернулась, и её подруга беспокойно ходила кругами, пока у неё не закружилась голова. Даже несмотря на всю злость Канлары – если волшебница, конечно, вообще ещё могла сейчас злиться – к этому моменту она уже бы несомненно вернулась домой.

Незадолго до полудня Теза заплела волосы в тугую косу, скрутила на голове и натянула поверх широкую меховую шляпу. Надев мужские штаны и ботинки, она прицепила к поясу кинжал. На гладкие скулы нанесена угольная пыль, а в завершение своей маскировки она прицепила фальшивые усы, аккуратно склеенные из лошадиной шерсти. Эту маскировку она уже успешно использовала и раньше, и лишь немногие в Иммильмаре её видели. С её помощью и при должной удаче, она легко доберется куда хочет.

Теза поторопилась наружу, чтобы затем миновать несколько кварталов, отделяющих её от медового зала. Утро выдалось хмурым, холодный воздух кусал и жалил. Немало людей отправились по своим сегодняшним делам, а ещё больше просто шли в том же направлении, что и Теза – к медовому залу, на дневной *кортар* – зачитывание обвинений преступникам.

Приземистый «длинный дом» устроился на невысоком холме, словно присматривая за одной из главных дорог, ведущих к забитым докам Озера Слёз. Это было большое и довольно незамысловатое здание, используемое гражданами города как место встреч со старейшинами, а также как место собрания различных гильдий и обществ. Каждый день в двенадцать часов – ну или когда возникала нужда – старейшины проводили кортар, чтобы зачитать обвинения подозреваемым или провести суд над теми, кому уже зачитали.

Теза знала, что если Канлару арестовали за убийство, то она предстанет перед судьями в этот полдень. Не привлекая внимания, Теза смешалась с текущей через открытые двери толпой. Очевидно, весть об убийстве уже облетела весь город, и любопытные горожане стекались посмотреть. Молодая женщина протиснулась на свободное местечко около стены и ждала с замершим сердцем.

Спустя всего несколько минут один из стражников Клыка ударил мечом по щиту, ознаменовав прибытие Старейшин. Шумная комната мгновенно стихла. В дальнем её конце появились трое из них, искушенных в начатках законов Рашеми (а закон в Рашемени и вправду находился в весьма зачаточном состоянии) – вошли и уселись на свои места за столом на возвышении. У одной из сторон стоял фирра, носивший эмблему клана Врул и напряжённо наблюдавший хищным соколиным взглядом за приготовлениями.

Другой представитель стражи читал со свитка список сегодняшних обвинений. С несколькими мелкими нарушениями быстро разобрались, назначая штрафы или пару дней заточения в темнице Железного Лорда.

Наконец, глашатай объявил:

- За убийство лорда Гирета Стоунхаммера из клана Врул задержана чужеземка Канлара. Её нашли рядом с телом, с кровью на руках. И хотя она утверждает, что невиновна, а оружие убийства – пока – не найдено, суд решил, что для процесса доказательств достаточно.

Волна вины и ужаса сотрясла Тезу.

- Этого не может быть! – простонала она; хотя сама же и предвидела это.

Под клацанье мечей об железные щиты, волшебницу вывели двое вооружённых солдат. Ярко-красные волосы девушки пламенем огня выделялись среди черных волос Рашемааров.

Теза взглянула на лицо подруги, и её руки затряслись. Красивые черты лица Канлары безучастно застыли, её светлый взгляд потускнел. Она двигалась неуклюже, точно лич, зажатая между двумя мужчинами – безвольно идя туда, куда они толкали, и остановившись, только когда они вынудили.

- Помойные крысы! – сплюнула Теза. – Наложили заклятье скудоумия!

- А как же! – отозвалась женщина рядом. – Это же чужеземная колдунья! Удивительно, что ей вообще позволили остаться здесь. Обычно Ведьмы выгоняют других магов за пределы страны.

- Ага, и вот посмотрите, что в итоге стало – один из наших убит. Всё же есть на то причины, чтобы не допускать странных волшебниц до Рашемана, – поддакнул другой зевака.

Девушка изо всех сил прикусила губу, пытаясь не огрызнуться – нельзя было привлекать к себе ещё больше внимания. Вместо этого она отошла от стены и протиснулась ближе к краю толпы, где смогла увидеть свою подругу получше. Лицо её было бледным, платье порвалось и было заляпано кровью, а синяки кляксами расселись по запястьям – там, где стражники слишком усердно связали женщине руки.

Похитительница лошадей сунула руки в карманы и сжала пальцы в тугие кулаки. Ни разу в её жалкой жизни никому из тех, кого она любила, не приходилось страдать от последствий её поступков. Теперь же, мысль о том, что Теза может потерять друга из-за собственной трусости ранила её сильнее, чем ей представлялось возможным. Если бы только она осталось с Канларой и переговорила со стражниками...

- Обвинения зачитаны и внесены в городские записи, – продекламировал один из Старейшин. – Есть ли здесь кто-то, кто готов защищать её на суде?

Глаза Тезы расширились. Она никак не ожидала, что судьи предоставят такое снисхождение чужеземцу: обычно право на защиту предоставлялось лишь гражданам Рашемана. Вокруг удивлённо зароптали люди, также не ждавшие ничего подобного.

- О, боги всевышние! – выдохнула девушка. – Что же мне делать?

Хоть и немногие всё ещё помнили об этом, уже давно за голову девушки-конокрада была назначена награда. Выступив в защиту волшебницы, она рискует раскрыть себя и оказаться в заточении в темнице Железного Лорда – а может, и что похуже. В Иммильмаре в качестве наказания за воровство частенько отрубали руку. И всё же, если она не попытается помочь Канларе, то исход предопределён – её подругу признают виновной и казнят за преступление, которого она не совершала.

Теза задрожала. Никогда ещё она не испытывала терзаний, будто способных порвать её пополам, но никогда у неё и не было такого друга, как волевая, упорная и честная Канлара.

- Спрашиваю последний раз, - прогрохотал судья. – Есть ли здесь кто-то...

- Есть! – внезапно взвизгнула Теза, и поёжилась от того, как пискляво это прозвучало. Сразу же понизив тон, она продолжила: - Я буду защищать обвиняемую.

Нестройный хор голосов смолкал – люди оборачивались посмотреть.

- А ты будешь...?

- Я Тезан, гражданин Иммильмара. Обвиняемая – мой друг.

- Что ж, запишите. Колдунья пребудет за решёткой в течение трёх дней, после чего состоится суд. За это время вы должны выстроить защиту, молодой человек.

Мечи застучали вновь, и Канлару увели. Толпа медленно рассосалась; Теза развернулась на каблуках, спеша убраться из длинного дома. Сейчас она могла думать только об одном. Она добралась до ближайшей таверны, заказала кружку джуйлда, знаменитого огненного вина из Рашемена, и осушила её одним длинным, отчаянным залпом – таким, что даже горло загорелось, а глаза заслезились. Остальные посетители, поражённые сим чудовищным подвигом, только подбадривали её.

Набравшись таким образом решимости, воровка отправилась выполнять следующую единственную пришедшую на ум вещь: встретиться лицом к лицу с ведьмами Рашемена – могущественным и скрытным обществом, правившим и оберегавшим страну. Хотя большинство из них обитало в Урлинге, в Иммильмаре им принадлежал медовый зал, служивший жилищем для трёх Хатран, оказывавших поддержку Железному Лорду. Теза глубоко уважала и боялась всесильных ведьм. После встречи с одной из них, два года назад, она старалась избегать их. Но сейчас девушка промаршировала к главному входу в Зал Ведьм и напористо постучала в резную деревянную дверь.

Дверь тут же сама собой отворилась. Теза уставилась в тускло освещённое пространство за ней. Ничего не увидев, она с трудом сглотнула и зашла внутрь.

Высокая женщина в чёрной мантии выступила из теней, встречая гостью в фойе длинного зала. Лицо ведьмы было закрыто серой маской, а руки спрятаны в длинных рукавах. Она ничего не сказала – только ждала, когда заговорит Теза.

Воровка низко поклонилась.

- Прошу прощения, что тревожу ваш покой, - она старалась, чтобы голос звучал ровно и спокойно, - но кое-кто здесь знает моего друга, волшебницу Канлару. Могу я с ней поговорить?

- Я и есть эта «кое-кто», Теза, - ответила ведьма.

Рука Тезы взметнулась к фальшивым усам. Ведьма узнала её, и, поскольку ждала, то наверняка знала, что произошло с Канларой. Не раздумывая, воровка выпалила:

- Вы знаете, что Канлара этого не делала. Она просто последовала за мной, а тот мужчина уже был мёртв, когда мы нашли его. Прошу вас, можете ли вы помочь ей хоть как-то?

- Мы мало что можем сделать. Она – волшебница-чужеземка, обвинённая в убийстве городскими властями. Суд продолжится.

- Суд, - с горечью повторила девушка. – Шутовство! Она все равно уже приговорена.

Чёрная фигура не пошевелилась.

- Если только ты не докажешь её невиновность.

- Единственный способ сделать это и удовлетворить старейшин - найти настоящего убийцу.

- Именно, - женщина подняла изящную ручку и поманила Тезу за собой. – Мы верим, что Канлара невиновна. Некоторое время мы вплотную наблюдали за лордом Гиретом; его враги многочисленны, словно слёзы в озере Эшен.

Говоря эти слова, ведьма вела гостью по длинному безжизненному коридору со множеством дверей по бокам. Кругом, казалось бы, царили тишина и пустота, но воровка ни капли не сомневалась в том, что за ними наблюдают дюжины пар глаз.

подавив дрожь, она попыталась уделить своей спутнице больше внимания.

-... Мы не можем помочь Канларе напрямую, но мы можем помочь *тебе* решить её проблему, - сказав так, ведьма толкнула дверь и завела Тезу в тёмную комнату без окон. Единственным источником света был одинокий маленький костерок, разведённый в жаровне с высокими ножками, установленной в центре комнаты. Над пламенем плавала туманная фигура, колыхавшаяся и дрожавшая из-за поднимающегося дыма.

- Лорд Гирет! – скомандовала ведьма.

У Тезы перехватило дыхание. Расплывчатые очертания быстро собрались в голову с резкими чертами мёртвого фирры, чьё лицо затем повернулось к женщинам.

- Мы вернули его дух, чтобы вы смогли поговорить. Убийцу он не видел, но, возможно, может дать какие-то подсказки.

Молодая женщина перевела взгляд с призрачной головы на ведьму, затем обратно, и спросила:

- Лорд Гирет, зачем вы пришли в конюшню той ночью?

Призрак нахмурился, вспоминая:

- Я должен был кое с кем встретиться. С моим шпионом, у которого имелась для меня информация.

- Какого рода?

- Не знаю. Я получил сообщение и должен был встретиться с ним в том сарае. Он знал, что я остановился в этой таверне.

- Зачем вы приехали в Иммильмар?

Внезапно дух злобно усмехнулся.

- Чтобы разделаться с шурином. Он злоупотребил своими привилегиями в последний раз.

- Он знал, что вы прибыли в город?

- Нет. Никто не знал, кроме моего осведомителя.

Теза смолкла, напряжённо размышляя.

- Вы видели хоть что-нибудь, прежде чем вас, ну... убили?

- Нет. Я в одиночестве ждал Альфрика. Он – слуга в доме моего родственника. Но я кое-что почуял. – Привидение мерзко хихикнуло. – Даже сквозь вонь конского навоза я почувствовал слабый запах озёрной воды.

Теза кивнула. Ведьма взмахнула руками, пробормотала непонятное слово и задула пламя. Призрак лорда Гирета растаял на глазах.

- А теперь, - сообщила одетая в чёрное собеседница, - поговорим о твоём уязвимом положении. Ты не сможешь сосредоточиться на задании, если будешь постоянно бродить по тавернам и возвращаться домой за маскировкой.

Воровка оторвала взгляд от теперь уже погасшей жаровни и нахмурилась. Её глаза подозрительно сощурились:

- Это уже моя проблема, - предупредила она.

- Верно. Но мы можем избавиться от неё на некоторое время. Ведь у тебя только три дня на поиски преступника.

- И как же? – скрестила руки девушка.

- Маска, которую никто не раскусит.

Тезе показалось, что она услышала нотки веселья в этих словах. Её чутьё забило тревогу:

- Это всё очень мило, но...

Больше сказать она ничего на смогла.

Ведьма снова подняла руки и сдула белый, поблёскивающий порошок прямо в лицо воровки. Уже в начале заклинания Теза почувствовала, как ею овладевает непонятное ощущение. Кожу покалывало, а нос вытянулся. Руки и ноги укоротились так быстро, что она упала набок, на холодный каменный пол. Одежда обвисла. Хуже всего – теперь её осаждали волны новых чувств – сотни запахов, доселе ей неизвестных, новые звуки, заполонившие её чуткие уши. Зрение стало острее, даже здесь, в неосвещённой комнате – но потеряло цвет. В ужасе девушка закрыла глаза и выкрикнула: «Хватит!» - и услышала собачий взвизг, такой близкий, будто он вырвался откуда-то из-под неё.

«О нет», - только и подумала она.

- Теза, - позвал сверху мягкий голос, - всё закончилось. Встань.

Медленно и осторожно Теза открыла глаза и поднялась на ноги. На все четыре. Девушка была слишком потрясена, чтобы злиться; её зад сам по себе опустился на пол.

- Замечательно. Заклинание продержится всего лишь три дня, так что не переживай. Думай о преимуществах и используй их. Сообразительность твоя осталась на том же уровне, но ещё ты теперь сможешь общаться с другими животными, а также с существами – людьми или необязательно – которым не чужда магия. Ты меня понимаешь?

- Да, - прорычала Теза. У неё имелась сотня своевременных вопросов и мнений, которые она хотела высказать, но девушка была слишком ошеломлена. Кроме того, напомнила человеческая память, неподчинение ведьме равносильно немедленной смерти. Если эта дама считает, что Теза справится лучше в форме собаки – быть посему.

Ворча под нос, девушка поплелась за колдуньей к главному входу. Дверь всё ещё была открыта.

- Да пребудет с тобой Чонтя, - тихо благословила ведьма и закрыла за Тезой дверь.

Долгое время Теза-собака неподвижно стояла у здания, склонив голову и поджав хвост. И это из всех-то глупых манипуляций, что только можно придумать! Хоть бы в лошадь уж превратила.

Всё это сбивало воровку с толку. Слишком много запахов, слишком много звуков! Изменилось зрение, да и телосложение теперь стало другим, *странным*. Угол обзора тоже поменялся. Будучи человеком, она могла смотреть многим прямо в глаза, а сейчас же видела кругом только ноги. К счастью, ведьма придала ей вид большой собаки, такой, которую никто бы и не попытался пнуть, изловить или съесть.

Как раз в этот момент ветерок донес до неё запах, который оказался знаком даже её собачьему нюху. Подняв морду, Теза увидела человека, бредущего к ней по дороге – молодого паренька в поношенном пальто, смешной вязаной шапке и с улыбкой, от которой так много раз таяло её человеческое сердце.

- Джерет! – позвала она, когда человек с ней поравнялся.

Парень услышал гавк. Оглянулся, сверкнул зубами в усмешке и потрепал лохматые уши девушки.

- И тебе хорошего дня, великан. Приглядываешь за народом? Тогда, возможно, стоит найти другую дверь, перед которой захочется посидеть – пока эти ведьмы не превратили тебя в дверной стопор, - похлопав собаку ещё разок, юноша побрёл прочь, поскрипывая сапогами по снегу.

Теза смотрела ему вслед, задумчиво приподняв уши. Возможно, чары ведьмы имели свои преимущества. Если даже Джерет – человек, который очень хорошо знал воровку – не заподозрил, что собака является кем-то другим, то никто иной и подавно. Подозрения Тезы таяли, сдаваясь под жаром растущего любопытства. Ей всегда удавалось хорошо замаскироваться, но в этот раз ей досталось лучшее прикрытие из всех, что у неё были. Намечалось много чего интересного.

Поначалу неуверенно, Теза выдвинулась в таверну «Гнедой Жеребец». Как напомнила ей колдунья, у неё было только три дня, чтобы помочь Канларе. Поэтому собака или нет, но Теза решила взяться за дело незамедлительно. К удивлению и восторгу девушки, её разум быстро приспособился к странному новому поведению собачьего тела. Спустя совсем немного времени она уже бодро неслась по дороге – с развевающимися ушами и задранным хвостом. Расстояние до постоянного двора быстро сокращалось, уступая натиску размашистой трусцы.

Таверна, как обычно, затаилась в своём убежище из деревьев; единственным признаком жизни служила только слабая струйка дыма из каминной трубы. Теза оббежала здание и проникла в конюшню через заднюю дверь. Сегодня днём пустыми оставалось куда больше стойл. Несколько пони жевало сено в загоне в дальнем конце, ещё одна лошадь дремала неподалёку.

Воровка глубоко вдохнула, ошарашенная силой и разнообразием запахов, которые она теперь могла различать. Стоило, где умер лорд Гирет, найти было возмутительно легко – благодаря сильному, отдающему металлом запаху застарелой крови. Пропитанную кровью солому убрали, но ничто не могло скрыть смрад, пропитавший земляной пол. Теза начала медленный и тщательный осмотр содержимого конюшни.

- О, новичок, – раздался хриплый голос. – Надеюсь, ты не собираешься здесь оставаться?

Опешив, Теза взглянула наверх и увидела большого жёлтого кота, развалившегося на деревянной перегородке.

- Нет-нет, - поспешила заверить она.

Девушка не знала, по какой причине она может так легко с ним общаться, но её речь представляла собой широкую комбинацию звуков, движений тела и инстинктивно усиленных мысленных образов. Это было потрясюще, и, похоже, досталось ей вместе с обликом собаки.

- Люди думают, того человека убил мой друг. Я хочу выяснить, кто это сделал на самом деле, - и она продолжила обнюхивать всё вокруг под пристальным взглядом маленького жёлтого хищника.

В этом стойле остались запахи множества других людей, включая запах Канлары и её собственный. Теза также обнаружила запах лорда Гирета на полу и на двери; два же других следа были довольно свежими.

- Сколько человек побывало в конюшне сегодня? - вежливо поинтересовалась она у кота.

Животное проигнорировало её, прыгнув в ясли на кучу сена.

- Не обращай внимания на эту ленивую шкуру, - пропищал другой голос. Маленькая чёрная крыса высунула носик из дыры под кормушкой. - Он старше самой таверны, и такой же заскорузлый. Хочешь знать - спроси меня. Прошлой ночью сюда пришли трое, чтобы убрать тело, а утром ещё один - прибраться. Отличное развлечение! Мы не видели подобной суматохи с самого зимнего фестиваля.

Жизнерадостный щебет грызуна заставил Тезу ощериться в собачьем оскале-улыбке.

- Видел ли ты ещё кого-нибудь, до того, как тот человек умер?

- Разумеется. Здесь был ещё какой-то человек, ещё шелки, которая с ним встретилась, стражник и женщина, которая...

- Что? – гавкнула Теза. – Шелки! Ты в этом уверен?

Крыса встопорщила усики и задрала носик.

- Уверен ли я, что ночь наступит? Сама понюхай. Она прислонилась вон к той стене.

Теза принялась – и правда, как и сказал лорд Гирет, ей удалось почуять слабый запах озера.

Внезапно, в мановение ока крыса скрылась с глаз, и Тезу, словно в железный кулак, схватила за загривок чья-то рука – схватила и вытащила из стойла.

- Прочь отсюда, шавка!

Мужчина, высокий и хорошо одетый, злобно впечатал сапог девушке в бок. Рёбра словно пронзили копыа боли, и она взвизгнула. Напавший занёс ногу, готовясь пнуть снова, но на этот раз вмешались собачьи инстинкты.

Быстро, точно ласка, она извернулась и вонзила зубы глубоко в державшую её руку. Запахи мужчины и его крови забились в ноздри. С его губ сорвался яростный крик боли. Теза вывернулась из хватки; успев мельком увидеть его лицо, девушка бросилась прочь из конюшни, в безопасность деревьев.

Теза убежала достаточно далеко, чтобы скрыться из виду, затем остановилась и уселась, задумчиво глядя на вьющуюся между вечнозелёными исполинами дорогу. Тот мужчина выглядел знакомо. Где-то она его видела, и совсем недавно. А потом поняла. Это был тот самый лорд из медовой залы, наблюдавший за кортаром с таким интересом. Так что же он делал в конюшне, где убили лорда Гирета?

Не осознавая, что делает, девушка высунула язык наружу и часто задышала, в то время как её разум бился над сотней вопросов. В частности, над тем, почему шелки, добрейшее водяное существо, оказалось в одном стойле с жертвой убийства. И почему тень лорда Гирета не упомянула о ней?

Поглядывая на таверну, где она повстречала мужчину с тяжёлой рукой – точнее, ногой – Теза обыскала дорогу и другие пути, ведущие к зданию, в поисках какой-нибудь призрачной подсказки о таинственной женщине-тюлене. Земля смёрзлась, а снег был утрамбован дюжинами людей и животных, но всё-таки чуткий нос девушки обнаружил ещё один след странного сырого запаха. Он вился в воздухе вдоль редко используемой промороженной тропы, петлявшей среди деревьев и уводившей под кривым углом к реке и городу.

Другие следы остались позади, но здесь, повсюду, цепляясь за промёрзшую землю, лежал этот ускользающий запах. С предельной осторожностью Теза трусила вниз по дороге, пока та не пересеклась с главным трактом у низенького мостика. Вилия хвостом от возбуждения, Теза-собака забралась на мост, но посередине остановилась. Совершенно очевидно, что шелки тоже здесь останавливалась – её запах пропитал кусочек невысоких каменных перил, а две аккуратных ножки примяли снег у края.

Теза оперлась передними лапами о каменный бортик и уставилась на вяло текущую воду. Что же шелки здесь делала? Превратилась в тюленя и нырнула обратно в свою стихию? Или что-то выбросила?

В задумчивости девушка вернулась к поискам на дороге, и там, чуть дальше моста, след шелки продолжался. Теза шла по нему до Иммильмара, к той части города, в которой огромные усадьбы богатых торговцев и лордов лепились к изгибам реки. Она была совсем рядом с этими домами, когда дорога объединилась с широким проспектом, и нужный запах затерялся среди ошеломляющего количества ароматов людей, пони, повозок и даже других собак.

Теза плюхнулась под дерево – отдохнуть и подумать. Из-за ледяных комков, собравшихся между подушечками, болели лапы, так что она пыталась выгрызть их, тем временем собирая воедино всё, что она узнала – что, надо отдать ведьме должное, не было бы возможным узнать, будучи человеком. Пребывание в теле собаки давало интересные преимущества. Более того, познание своей новой сущности, ощущения, столь отличные от привычной жизни, несомненно волновали и освежали.

К тому времени, как Теза решила, что делать дальше, в город уже прокрались сумерки. Было одно существо, обитатель озера Эшен, могущее – в память о старых добрых временах – ей помочь. Решившись, она быстро покинула город и

направилась к берегу Озера Слёз – искать агишки. Она уже несколько раз заглядывала на озеро, просто чтобы проверить, как он там. Девушка знала его привычки и любимые места охоты, и потому надеялась быстро отыскать водяного скакуна.

Как она и подозревала, конь оказался во второй проверенной ею пещере. Чернее самой ночи, статный и изящный агишки был хищной водяной лошадью, питавшейся человечиной. Теза однажды привязала его к себе, используя магию гиппомана, но в начале этой зимы освободила. Она горячо надеялась, что конь вспомнит её и останется на берегу достаточно долго, чтобы выслушать её просьбу.

Жеребец напрягся, увидев высокую лохматую собаку, трусившую к нему, затем наклонил великолепную голову и коснулся носом.

- О, это ты, - удивлённо фыркнул он.

Теза потрясённо уставилась на него:

- Ты умеешь говорить?

- С животными. Их я не ем. А на тебе чувствую магию. Заклинание?

Теза утвердительно гавкнула.

- Это помощь от ведьм – я должна кое-кого найти.

- От ведьм. Как интересно, - он взглянул на поверхность воды и шевельнулся, словно собираясь уйти.

- Не уходи, - торопливо твякнула Теза. – Пожалуйста, сделай мне одолжение. Ради Канлары.

Агишки снова переключил внимание на собаку:

- Зачем?

- Она в беде. Я должна разыскать шелки, которая живёт на суше. Возможно, неподалёку.

Конь наклонил голову. Яростный взгляд зелёных глаз прожигал её через длинную свесившуюся гриву.

- Я знаю только об одной. Её забрал мужчина, они вместе живут в городе.

- Ты знаешь кто это?

Скакун презрительно фыркнул.

- Для меня они все на одно лицо.

- Я думаю, она выбросила что-то с моста.

- И ты хочешь, чтобы я это поискал.

Теза кивнула один раз. Конь или выполнит просьбу, или откажется, и даже если весь мир будет его умолять, не передумает.

Агишки издал звук, напомнивший Тезе смешок.

- Жди здесь, - обронил он, погрузился в тёмную воду и исчез.

За ночь непроницаемая пелена облаков обросла прорехами, и на рассвете солнечный свет пролился на озеро. Теза выкарабкалась из своего убежища – кучи опавших листьев под деревом – и с удовольствием потянулась, купаясь в лучах. Этим утром холод не казался таким уж кусачим, а ветер стих до едва заметного дуновения. Воровка как раз собиралась раздобыть себе что-нибудь на завтрак, когда что-то

большое и тяжёлое вынырнуло из воды. Стремглав развернувшись и надеясь, что это не водяной тролль, она увидела выскочившего из озера агишки, который нёс что-то в пасти. Он бросил добычу к её ногам.

Теза долго разглядывала, и ещё дольше обнюхивала принесённое, потом гавкнула, выражая благодарность. От мокрых, холодных предметов на снегу всё ещё разило кровью лорда Гирета, несмотря на то, что они провели какое-то время в воде. Это были кинжал, криво всунутый в красиво отделанные кожаные ножны, и выброшенный женский кошелек, весь в пятнах. На хорошей ткани вышита эмблема клана Врул. Теза по-волчьи ухмыльнулась.

- Теперь я знаю, где искать, - сообщила она коню. – Спасибо тебе.

Водяной жеребец помотал головой.

- Помоги шелки, если сможешь, и это будет лучшей благодарностью для меня. Она не просила того, чтобы её забрали от семьи.

Теза кивнула и проводила вернувшегося в водный дом чёрного коня взглядом. Воодушевлённая, она отправилась обратно в Иммильмар, где тщательно спрятала кинжал и маленькую сумочку в месте, которое часто использовала для хранения награбленного. Всё вставало на свои места. Возможно, если ей чуточку повезёт, она найдёт шелки, узнает правду и вытащит Канлару из тюрьмы ещё до наступления ночи.

Здрав уши и виляя хвостом, девушка бежала по дороге к прибрежным домам, пока вскоре не остановилась перед каменной стеной, окружавшей большой дом. Над воротами висела та же эмблема, что была вышита на женской сумочке.

Внезапно со двора донёсся голос. Сквозившие в нём жёсткие нотки вызвали у собаки дрожь. Это был тот же человек, что вышвырнул её из конюшни днем ранее. Легко ступая, девушка начала огибать стену, направляясь к задней части дома.

В этот день удача уже второй раз оказалась на стороне Тезы – когда она обогнула резиденцию, то наткнулась на открытые боковые ворота. Девушка только собралась пройти в них, когда заметила дорожку, спускавшуюся по заросшему травой склону к побережью. Теза замедлилась, проверяя, нет ли на ней людей. Никого не было, только одинокий силуэт виднелся на вдававшейся в воду пристани.

Воровка притаилась за кустом, изучая безмолвную фигуру. Похоже, это была стройная женщина, и явно сумасшедшая – она сидела на краю, болтая ногами в ледяной воде. Уши Тезы встали торчком. Лишь одно настолько изящное и милое существо могло безнаказанно делать что-то подобное.

Направив одно ухо в сторону дома, девушка тихонько спустилась к причалу и села рядом с женщиной. Все её сомнения развеялись. Тот же запах, да и внешность явно принадлежала шелки, вплоть до бледно-зелёных волос и заворачивающе-зелёных же глаз. Женщина бросила озадаченный взгляд на странную собаку, которая пришла и села рядом с ней, но затем обвила руки вокруг шеи Тезы и зарыдала. Та не пошевелилась.

- Я его ненавижу! – всхлипывала шелки. – Ненавижу! Почему он просто меня не отпустит?

- Потому что хочет тобой обладать? – предположила Теза.

Шелки шарахнулась, будто ужаленная.

- Ты не настоящая собака, - бросила она. - Теперь понятно... под воздействием чар. Кто ты?

- Я друг женщины, обвинённой в убийстве лорда Гирета.

- Мне жаль, - горько сказала шелки. – Такого в плане не было. Но лорд Рат был удовлетворён её арестом.

- Она этого не делала.

- Я знаю, – слёзы заливали красивое лицо; она прислонилась к тёплому мохнатому боку Тезы. – Лорд Рат потребовал смерти лорда Гирета, потому что тот собирался выдать его вашему Ааронгу. Свою же родню! Просто зверь!

-Ты не можешь уйти от него?

- У него моя тюленья шкура, - шелки сделала полный глубокого отчаяния выдох. – Я даже знаю, где она, но не могу добраться.

Теза молчала. Она понимала, почему шелки в ужасе – она на себе ощутила небольшую часть жестокости Рата. Но если просто сидеть здесь, на холодном сыром пирсе, это никак не поможет Канларе обрести свободу. Ей нужно найти убедительное доказательство невинности подруги – по возможности, не попав в тюрьму самой. Сейчас всё выглядело так, будто только шелки знала правду, которая так была нужна девушке.

- Как насчёт сделки? – предложила собака. – Я достану твою шкуру, если ты придёшь на суд и расскажешь старейшинам всё, что знаешь.

Зажёгшаяся надежда преобразила лицо шелки.

- Я согласна. Но нужно идти сейчас. Рат собирался на встречу с Ааронгом. Он уже должен был уйти, и большая часть его свиты вместе с ним, - женщина-тюлень высунула ноги из воды и обулась.

Теза с интересом подметила хрупкое сложение ножек шелки и красовавшиеся между пальцами перепонки. Когда та поднялась в полный рост, она оказалась не такой высокой, какой была сама Теза, но её стройное тело напоминало об озёрном камыше, и было вполне оформившимся в области груди и бёдер. Ничего удивительного, что человеческие мужчины так желали этих соблазнительных дев.

Парочка тихо взобралась по склону к воротам в нависающей стене. Шелки проскользнула в проход первой, поманила Тезу, затем повела её к дому. Теза в изумлении уставилась на строение.

По стандартам Рашеми оно было огромным – двухэтажное каменно-бревенчатое здание с глубоким погребом. Узкая деревянная лестница вела к единственной задней двери. Прорубленные в толстых стенах окна больше походили на бойницы. Дом показался Тезе одновременно и крепостью, и узилищем. Неудивительно, что шелки его ненавидела.

Женщина и собака вошли в длинный, погруженный во мрак зал, простиравшийся на всю ширину дома. Шелки довела спутницу до лестницы и остановилась на первой ступеньке.

- Он хранит мою кожу в сундуке, в комнате на втором этаже, - прошептала она. – Сверни направо. Вторая дверь.

- Какие-нибудь замки, стража, заклинания на пути?

Шелки неуверенно кивнула.

- Он защитил кожу лишь одним. Солью.

- Солью? – недоверчиво переспросила Теза. – Что же это за защита такая?

- Я живу в пресной воде, - объяснила женщина-тюлень. – Соль для нас, словно кислота.

- Почему кто-то из домовых слуг не достал её для тебя?

- Они все его боятся.

Больше воровка не медлила ни минуты и, беззвучно перебирая лапами, взлетела наверх. Следуя указаниям, она нашла нужную комнату и зубами отодвинула засов на двери. Сундук найти было легко – единственный сундук в большой и полупустой комнате, у стены около кровати. Теза приблизилась, клацая когтями по деревянному полу без ковров. Но открыть большой прямоугольный ящик оказалось непросто – защёлка сопротивлялась собачьим зубам и когтям. Наконец девушке всё-таки удалось её открыть, и, поднявшись на задние лапы, она сунула голову внутрь и стала вытягивать одежду и личные вещи, разбрасывая направо и налево, даже не пытаясь думать об аккуратности. Времени не было, лишь всё нарастающее ощущение срочности. Наконец у самого дна она почуяла сильный аромат соли – что-то, завернутое в просоленную кожу.

Теза схватила свёрток и бросилась бежать. Она выскочила в коридор как раз вовремя, чтобы услышать предупреждение шелки: «Он идёт! Поторопись!» Снаружи было слышно громкий голос лорда Рата. Тяжёлые сапоги застучали по наружной лестнице. Цокая когтями, девушка добралась до верха лестницы, растерзала солёную кожаную обёртку и перекинула бархатно-мягкую тюленью кожу через перила.

Она упала прямо в руки шелки.

В это мгновение передняя дверь с силой распахнулась, и ввалился сам лорд Рат. Его надменный взгляд наткнулся на вцепившуюся в кожу шелки, и он яростно взревел. Шелки быстрее птицы развернулась и метнулась к задней двери – к спускающейся к реке дорожке.

- За ней, придурки! – заорал он своим людям. Вся толпа во главе с ним кинулась за убегающей женщиной-тюленем. Теза смотрела им вслед, спрятавшись под балконом второго этажа. Как только всё стихло, она бросилась вниз и устремилась к главной двери.

В этот момент её удача иссякла.

Вооружённый стражник преградил ей путь, когда она достигла порога.

- Эй, дворняга! – прикрикнул он на девушку. – Что ты делаешь в доме?

Проворно схватив собаку за загривок, он остановил её ногой. Теза зарычала и попыталась укунить за руку, но этот человек умел обращаться с собаками. Он сильно ударил её и выволок по лестнице во двор. Девушка отчаянно пыталась вырваться из хватки. Второй удар, от которого зазвенело в голове, чуть не свалил её с ног, и в этот момент нахлынувшей слабости страж притащил её на псарню, безжалостно швырнул её в внутрь и закрыл ворота. Полностью дезориентированная, Теза упала на солому.

Три других собаки вернулись на свои места, оставив новоприбывшую в покое. Этому Теза была рада. Рёбра ныли, голова гудела, а все её надежды рухнули. Девушка оказалась в ловушке в загоне, больше похожем на тюрьму, а единственный найденный свидетель куда-то сбежал. Она надеялась сопроводить шелки от логова

лорда Рата до медового зала, на суд. Но теперь шелки нет. Если она добралась до реки, то никогда не посмеет вернуться в город из страха перед Ратом. А если он поймал женщину, то теперь-то уж точно заточит дома за попытку побега.

Теза заскулила. Завтра Канлару судят. Завтра ей нужно предоставить доказательство невинности волшебницы. Но ничего осязаемого у неё не было, а кто поверит лишь словам разыскиваемой воровки лошадей в обличье собаки?

- Во имя во всех богов! – взывала она, задрав морду к небу. – Если Канлару освободят, клянусь, я постараюсь найти честную и хорошую работу. Что-то новое, что-то, что устроит нас обеих. Маск, если я могу быть даже собакой, я буду кем угодно, лишь бы сохранить друга!

- Заткнись, тупая псина! – не выдержал один из псарей.

Девушка медленно поднялась на ноги и села у ворот. Несколько минут спустя вернулся лорд Рат, ревя, точно разъярённый бык. Теза хмыкнула под нос. Очевидно, шелки сбежала. Хотя какое-то удовлетворение. К счастью, Рат был слишком занят, вымещая злобу на подопечных, чтобы заметить странную собаку на своей псарне. Она развернулась спиной к воплям во дворе, свернулась на соломе и заснула.

Теза устала сильнее, чем думала – даже принесённый корм не вытянул её из сна. Наконец, воровка проснулась – на рассвете. Раннем рассвете, к счастью. Открыв глаза, она поняла, что заклятье ведьмы рассеялось. Она снова стала человеком, замёрзшим и абсолютно без какой-либо одежды, чтобы укрыться. Остальные обитатели псарни лежали в углу, с подозрением её разглядывая.

- Хорошие мальчики, - прошептала она. Настолько тихо, насколько возможно, Теза отодвинула засов и выскочила вон. Главные ворота были закрыты и охранялись несколькими стоявшими поблизости стражниками, но в утренней тьме никто не увидел молодую женщину, забежавшую в несколько построек у стены. Вскоре шаркающая фигура в старой юбке и тяжёлом пальто обошла дом и добралась до боковых ворот. Взломав замок, девушка растворилась в пробуждающемся городе.

Спустя не так много времени к главным воротам обители лорда Рата подошла молодая женщина – и вручила стражникам письмо для фирры.

Теза победно улыбнулась им, а они, похоже, только ради были её выслушать. Вручив им тщательно выверенное послание, она подмигнула обоим и пошла прочь, виляя бёдрами, словно распутница из таверны. Всю зиму Канлара учила её читать и писать, и теперь это письмо стоило каждого тяжкого часа, проведённого в попытках обучиться азбуке. Если Рат купится на шантаж и придёт на предлагаемое место встречи, шелки больше не нужно будет о нём беспокоиться.

Просто желая убедиться, что ловушка готова, девушка поторопилась к озеру, чтобы найти агишки. Он всё ещё бродил по берегу, всё ещё надеялся на хороший обед. Зима – тяжёлое время для водных лошадей, и Теза надеялась, что голод заставит его задержаться подольше.

Хотя воровка больше не могла понимать коня, он, похоже, всё ещё понимал, что она говорит. Когда девушка объяснила свой план, его глаза зажглись жадным зелёным огнём. Довольная Теза затем вытащила кинжал и сумочку из схрона и

вернулась в свою комнату в «Оберегающей Ведьме». Осталось совсем чуть-чуть времени до суда, и ей нужна была каждая минута, чтобы вновь придать себе облик молодого человека, и чтобы прикинуть, что же она будет говорить судьям. Теперь у неё осталась лишь её собственная правда.

Когда Теза добралась, в медовый зал уже набилось множество людей, и ей пришлось проталкиваться к центру, где она могла бы дожидаться появления судей. Вскоре явились и они, в сопровождении стражи Клыка и самой Канлары. Заклятые скудоумия сняли, чтобы волшебница могла выслушать свидетельства против неё и сказать что-то в свою защиту, но её руки были крепко связаны, а за спиной стояла ведьма, готовая пресечь любое колдовство.

Старейшины быстро утихомирили толпу, и суд начался. По традиции Иммильмара, вначале выслушивались свидетельства против обвиняемого, и даже Тезе пришлось признать, что звучали они изобличительно. Затем Старейшины вызвали Тезана выступать на стороне защиты.

Колдунья смотрела на подругу, глазами умоляя Тезу не говорить ничего, что повлекло бы за собой заточение воровки с последующей казнью.

Теза на неё не смотрела. Она встала перед тремя людьми и глубоко вдохнула.

- Достопочтенный суд, - начала девушка. – Я с самого начал знал, что Канлара невиновна, потому что...

- Потому что это сделала я, - раздался голос из задних рядов.

Собравшиеся зрители взревели от восторга и любопытства. Толпа расступилась, и фигура в объёмном плаще, в компании одной из ведьм Рашеми, пошла вперёд, чтобы предстать перед судьями. Люди уважительно кланялись ведьме и с любопытством смотрели на худенькую женщину, идущую рядом. Пара подошла к Тезе и остановилась.

Фигура в плаще откинула капюшон, открыв зелёные волосы и красивое лицо. Шелки подарила Тезе благодарную улыбку.

- Лорд Рат мёртв, - прошептала она. – Он клюнул на приманку. Агишки пришёл ко мне, как только с ним покончил. – Её глаза сверкнули. – Я пришла к твоей знакомой, ведьме, так быстро, как только смогла. В обмен на информацию она пообещала мне защиту.

- Моей знакомой ведьме, - Тезе понравились эти слова. Она посмотрела на лишённую эмоций маску черноробой ведьмы и кивком поблагодарила.

- Уважаемая, - громогласно обратился судья. – Это вы только что признались в убийстве лорда Гирета?

- Да, - шелки повернулась к столу судей. – Мой похититель, лорд Рат, заставил меня убить Гирета в конюшне таверны «Гнедой Жеребец». От своего слуги лорд Гирет узнал, что его шурин собирался выдать его Ааронгу – за какое-то незначительное правонарушение. Он презирал Гирета, но не настолько, чтобы марать собственные руки, поэтому он пригрозил сжечь мою кожу и избить меня до смерти, если я не сделаю, что он скажет. Даже тогда я сопротивлялась, поэтому он опоил меня зельем, ослабившим мою волю. Подлец дал мне кинжал, укрыл в стойле и заманил Гирета ложным посланием.

Теза молча вытащила кинжал и испачканный кровью кошелёк и разложила перед Старейшинами. Ведьма смотрела безучастно, но лицо Канлары озарилось растущей надеждой.

Судьи задавали много вопросов шелки и Канларе, а также тщательно осмотрели кинжал и кошелёк. Ко всеобщему удивлению, пришедшая с шелки ведьма дополнила картину множеством деталей о деятельности лорда Рата в Иммильмаре и других городах Рашемена. Суд решил, что нужно провести немедленное расследование его преступлений и порекомендовал послать весть Ааронгу, чтобы тот арестовал лорда Рата.

Теза взглянула на шелки и медленно подмигнула. Она-то не думала, что стоит с этим торопиться.

- В свете неоспоримых доказательств, суд признаёт волшебницу Канлару невиновной, - в конечном итоге объявили судьи.

Теза радостно закричала. Обогнув стражника, она лично развязала подруге руки. Колдунья бросилась к ней и крепко обняла, сияя от счастья.

- Спасибо, сестра, - шепнула она Тезе. – Спасибо за всё.

Похитительница лошадей широко улыбнулась.

- Ты ещё не слышала конец истории...

ЭКХАР ЛОРРЕНТ: ГНОМ-ДЕТЕКТИВ

Стивет Стэн Браун

Вы когда-нибудь путешествовали по Пути Дракона, на юго-восток от Эспара до Вэймута? Петляющая по пустым равнинам и по самым глухим закоулкам Королевского Леса дорога заставляет проникнуться одиночеством. Вы можете даже подумать, что на расстоянии полета грифона поблизости нет ни одной живой души.

Тогда, наверное, вас поразит то, что менее чем в восьми километрах от места, где Путь вонзается в стройный ряд деревьев, расположилось поселение. Уютно устроившись в благоухающей долине, где пыльные склоны Грозных Холмов почти касаются хрупких ветвей, отдыхает маленький городок, с маленькими домиками, в которых маленький народец проживает свою неторопливую жизнь. Поднимающийся к облакам дым каминов обычно принимают за лагерь путешественников, отклонившихся дальше на юг от своего пути. Это место на картах не найти; даже более того, оно слишком маленькое, чтобы носить собственное имя. Полурослики и гномы, живущие там, обычно называют его просто Дом. Ни одно из зданий не возвышается больше чем на три метра - и это включая каминную трубу - и у каждого дома есть сад, полный фруктов, цветов или трав, обожаемых владельцем. Гости часто принимают поля кукурузы, растущей рядом с маленькими домиками, за рощи с саженцами ив со странными листьями.

Садоводство - истинная страсть этого народа, поэтому никого не должно удивить то, что в это солнечное весеннее утро Экхар Лоррент по своим гномам локти запачкался в грязи и жиже. Лившие на протяжении последних нескольких

дней дожди угрожали смыть его любимые львиные помидоры - партию которых он привёз, в качестве произведения искусства, из Мацтики и потом селекционировал собственноручно - разбив таким образом его мечты о ленивых летних вечерах в обнимку с баночкой этих фруктов, маринованных в уксусе с сахаром. Пока накопившаяся вода стекала с грядки, он нежно поддерживал хрупкие корни, тихо приговаривая:

- Мои сладкие, тише, вы справитесь с этим, ведь без вас, к сожалению, лето – не лето. Жар ночной духоты пряный сок остудит, а цветов аромат в голове пробудит образ в пасте томатной обжаренных тостов. Нет, вы все должны выжить, должны... просто...

Голос Экхара стих, поскольку хозяин уже не помнил начало ускользнувшей мысли. Так он и сидел целую минуту, с руками, погружёнными в укутавшую корни почву, и со странным выражением лица. У одних людей такое бывает, когда они пытаются вспомнить давние времена и места, у других же – когда они слышат звук, доступный лишь слуху собак и эльфов. У Экхара была своя причина – до боли знакомая. Поэтому он совсем не удивился, когда его большие уши сначала затрепетали, а затем захлопали, будто под порывом сильного ветра. И он совсем не беспокоился, что хлопанье мочек об голову можно легко услышать на расстоянии десяти метров. Его ни капли не волновало, что, когда он зашёл в дом умыться и переодеться, его уши светились красным ярче, чем чешуя саламандры. И он даже не заметил свои сникшие в грязи львиные помидоры, надевая пальто, хватая мощную трость и покидая дом и Дом.

Соседи-полурослики закатали свои большие глаза, усмехнулись друг другу и снова вернулись к уходу за собственными садами. Вовсе не в первый раз чудаковатый старый гном странным образом бросал все дела и отправлялся в большой мир, не обращая внимания ни на кого и ни на что. Они знали, что он вернётся через день, или неделю, и расскажет про интриги и жестокую смерть. Потому что, хоть Экхару Лорренту и нравилось садоводство, но что он действительно любил до глубины души – это убийства.

- Я хочу знать, что ты собираешься делать с ущербом, нанесённым моей таверне этой... этой... штукой!

Тупая боль у основания черепа Джага Дуббиспейра неожиданно переросла в постоянную пульсацию над левым глазом. Опасность миновала, город в безопасности, но если кто-то из его людей не сопроводит Кетрила Фентлока, владельца свежееуничтоженной таверны «Пляшущий Рух», обратно за баррикады, одним именем в списке сегодняшних жертв станет больше.

К счастью, проблема оказалась решена толпой горожан, обступивших владельца и начавших хлопать его по спине – возможно, чуточку чересчур воодушевлённо. Подняв Кетрила над головой, они потащили его отбивающееся, кричащее, долговязое тело к центру города. По пути крики «Что за молодчина у нас здесь!» и «Ты точно должен быть горд» почти заглушили нестройный гул «Лучше твоя

таверна, чем моя» и «Слишком хорошо для совпадения». Джага и его помощников оставили одних – размышлять над следующим шагом.

- Проклятая штука и правда здоровая!

- Иначе не было бы особого смысла называть её великаном.

У Джага, который был известен большинству как самый терпеливый человек в Минро, не было времени на простодушное восхищение своих людей. Все они происходили из этого маленького городка или из близлежащих фермерских поселений, и подрались на службу только чтобы не работать за плугом от восхода до заката каждый день своей утомительной жизни. Кроме того, местные дамочки теряли голову от любого, кто был облачён в чётко подогнанную строго-серую униформу. Большую часть времени непрофессиональное отношение этих людей лишь слегка коробило. Однако сегодня его бойцы внесли немалый вклад в усиление его головной боли, пульсация которой чувствовалась уже над обоими глазами.

В отличие от своих помощников, Джаг сам выбрал жизнь в Минро. Глядя на него – неуложенные волосы, нечёсаная борода, заляпанная и мятая форма – сложно догадаться, что Джаг Дуббиспейр являлся, возможно, лучшим офицером из всех, кто когда-либо служил украшением гарнизона Пурпурных Драконов Вэймута. Он поднялся по служебной лестнице, заслуживая каждое повышение кровью, потом, и ещё большей кровью. К тому моменту, как он стал командующим, Джаг уже и сосчитать не мог, сколько близких друзей погибли при исполнении, или сколько раз он оказывался на расстоянии полёта стрелы (или дыхания дракона, или лезвия меча) от того, чтобы к ним присоединиться – но каждое из воспоминаний его преследовало. Когда служивый понял, что ему придётся выбрать себе другую жизнь, если он хочет иметь хоть какую-то, то решил приехать в этот городок – потому что, если верить всем картам, что были ему известны, ничто не лежало дальше от исхоженных дорог, чем деревушка Минро.

По прибытию Джаг оказался удивлён тем, каким большим выглядел город. Здания, пусть и были потрёпанными непогодой образцами архитектурного стиля, вышедшего из моды три поколения назад, стояли крепко, поднимались высоко и сдаваться не собирались. В прошлом столетии Минро, будучи шахтёрским городком, в холмах вокруг которого в изобилии добывались рубины, изумруды и другие драгоценные камни, процветал. Но когда залежи иссякли, жизнь в поселении практически иссякла тоже. Остались только самые суровые горожане, добывавшие пропитание, возделывая каменистую, недружелюбную почву, или собирая грибы и продавая их торговцам из Сюзейла. Они очень гордились своим маленьким городишком и делали всё, что в их силах, чтобы поддерживать его в порядке. Летним днём было обычным делом застать нескольких соседей за совместной починкой крыши, или стены сада, или за покраской здания, в котором уже двадцать лет как никто не живёт. Просто таковы были жители Минро, и Джага это вполне устраивало.

Время от времени друзья, всё ещё служившие в рядах Пурпурных Драконов, навещали Джага, хотя чаще их, похоже, больше интересовали поиски среди его подчинённых кого-то, достойного найма. Поэтому к настоящему моменту он потерял полдюжины отличных офицеров – и единственных надёжных друзей в этом городе – уступив их Драконам. В конце концов, кто же останется в умирающей дыре, такой как Минро, когда тебе предложили повидать мир сами Пурпурные? Ну правда, кто?

Только не Джаг. Но прежде чем покинуть его, и старые товарищи, и уходящий Дракон-новобранец неизменно твердили о том, что Минро – не место для Джага. «Ты словно орёл, присматривающий за курицами в курятнике, - говорили они. – Такой человек, как ты, должен идти и встречать мир с гордо поднятой головой».

За годы, проведённые с Пурпурными Драконами, Джаг встретил, схватился и убил почти каждое существо из обитающих на просторах Сердцеземья, и ещё нескольких из других земель, континентов и даже планов. Он считал, что после переезда в такое захолустье, как Минро, самым опасным созданием, с которым ему придётся тут столкнуться, будет пьяный дворф или озабоченный полуогр. Приятное заблуждение развеялось в первые же недели после прибытия. Проблемы города с медузами сохранены в летописях, и частично именно слухи об этих событиях предотвращали восстановление статуса и популяции городка – и это несмотря на то, что Джаг, внезапно обнаруживший себя на позиции Главного Констебля, успешно разрешил ситуацию с монстрами менее чем за месяц, притом всего лишь с тремя помощниками (всех потом вскоре переманили Пурпурные). Находиться вдалеке от исхоженных троп, как вскоре понял он, означало лишь одно – он теперь единственная преграда, сдерживающая хаос здесь, в глуши. И сегодня это хаос принял форму семиметрового циклопа, сокрушившего сердце города.

Джаг сплюнул на землю.

Ни для кого не было сюрпризом то, что в окружавших сонный посёлок холмах обитали великаны. Эта неделька выдалась необычной – ни разу не случилось так, чтобы в его офис не забегал то один, то другой фермер, расстроенный тем фактом, что, дескать, он заметил голодный взгляд очередного холмового или горного великана, направленный прямиком на стадо... или дочурку. Беды такие инциденты не приносили. Великаны не искали неприятностей. Всю свою великанью жизнь они проживали среди холмов, и только иногда те, что помельче, заглядывали в Минро прикупить огромное количество съестных припасов. В целом, это были хорошие, разве что диковатые, соседи.

- Ай! – в здесь и сейчас главного констебля вернул тычок локтём под рёбра – подобный которому вы бы ожидали, например, от своего развесёлого друга. К несчастью, у Джага не было никаких развесёлых друзей. Об брови с обратной стороны головы яростно билась мигрень.

Офицер развернулся, готовый излить всё своё негодование на человека с той стороны непрошенного локтя, но вместо этого в смятении уставился на пустое пространство перед ним. Никого не было. А потом он почувствовал ещё толчок, на этот раз в колено.

- Ничего не увидишь ты, глядя лишь ввысь - под ноги смотри, констебль Дуббиспейр, об меня не споткнись!

Зубы Джага клацнули, когда его подбородок стукнулся о грудь, и боль в голове взвыла, точно оперная певица-сопрано из Глубоководья. Возможно, так случилось из-за резкой смены направления взгляда, но более вероятно, из-за вида седовласого гнома, попыхивающего длинной трубкой и вежливо тыкающего тростью в ногу констебля.

- Экхар Лоррент! Боги всевышние, только этого мне не хватало!

- В беде ты, друг Джаг, это знаю и сам. Свершилось убийство, если верить ушам. Но Экхар-то здесь, расслабься-ка сразу – раскроем мы дело, не моргнёшь ты и глазом!

Джаг закрыл глаза и вполголоса досчитал до десяти, прежде чем посмотреть вниз, на гнома, и сказать:

- Послушай, Экхар, не пойми меня неправильно, но не убраться ли тебе отсюда к такой-то матери? В Минро не случилось никаких убийств с того раза, как Дженна-портниха обнаружила, что у её мужа интрижка с Ташой Фелибрук, и зашила их обоих в костюм и вечернее платье.

- А, дело «Труп На Заказ», его помню отменно. Сказать нечего, Джаг, неужели, совсем мне? – серо-стальные глаза детектива скользнули по разрушенной обстановке. Гном подмигнул и добавил:

- Здоровенный мертвец тут у вас отдыхает – запах в воздухе странных событий витает.

Можно было рассчитывать на то, что каждый раз, когда вещи выходят из-под контроля, и льётся кровь – появится Экхар Лоррент. У него как будто было чутьё на убийства. Дело Фелибрук – лишь одно из дюжины или около того событий, в которых за все эти годы принял участие Экхар. Джаг должен был отдать должное, голова гнома отлично подходила для расследований. Однако его умение оказаться в нужное время в нужном месте и способность находить улики необратимо меркли перед простым фактом – он невыразимо бесил.

- Скажу лишь один раз, Экхар. Сегодня у нас случилась маленькая неприятность с участием великана. Несколько пострадавших зданий, парочка сломанных косточек, но никто не умер – так что возвращайся домой!

- Никто не убит? Неужели так и есть? Не против ведь ты, осмотрюсь если здесь?

Констебль облегчённо выдохнул:

- Нет, нет, что ты. Вперёд. Осматривайся сколько душе угодно, Экхар. Только не мешайся под ногами.

- Я вижу и сам, много здесь нужно сделать. Откуда он взялся, ты можешь поведать?

Даг застонал. Головная боль уже опоясала голову точно венец. Он не был уверен, издевается ли Экхар, говоря стихами, или это проклятье, наложенной какой-нибудь ведьмой, но некоторые словечки, которые маленький детектив подыскивал для своих рифм, были устрашающе древними.

- Я не знаю, Экхар, и это самая большая проблема. Несколько недель было тихо, чему я несказанно рад. Даже в тавернах не было таких драк, в которые приходилось бы вмешиваться моим людям. Вдруг, как гром среди ясного неба, появились сообщения о том, что этот циклоп кружит вокруг города, - Джаг с отсутствующим видом ткнул в сторону мёртвого гиганта. – Он приходил на несколько часов каждый день, ползая по кустарникам, наблюдая за прибывающими и убывающими людьми. Думаю, он пытался делать это тайно. Кто знает, эти великаны достаточно тупы, чтобы думать – если голова в кустах, то никто не увидит их необъятную задницу, болтающуюся в воздухе.

- Шпионил за городом несколько дней? – сморщенное выражение лица гнома Джаг знал слишком хорошо. – Закончи рассказ – и я сгину с очей.

- Больше особо и нечего добавить, - продолжил констебль. – Последние дня три он не появлялся. Я решил, что ему наскучила игра, в которую он играл, и великан вернулся в холмы. Но этим утром, вопя во всю глотку, он прибежал по главной дороге. Серьёзно, мы слышали его приближение за целых десять минут до появления. Размахивая ручищами, циклоп выкрикивал что-то о том, какие мы все плохие, и каким образом он собирается разрушить город.

- Сам видишь, что он натворил. Уничтожил фасад школы, разметал крышу бакалейной лавки М'Грили, и как раз крушил остатки таверны «Пляшущий Рух», когда нам, наконец, удалось его свалить. Видимо, этот сорвиголоула напроцё обезумел, или объелся мозговратных ягод.

Экхар, осматривавший разрушенные здания – а возможно, наоборот, полудюжину соседних, нетронутых – оживился после последнего комментария:

- Мозговратных, вот как? Или что, околдован? Почему ты считаешь, что был нездоров он?

Проведя рукой по коротко остриженным волосам, Джаг смирился с тем, что гном – как и головная боль – просто так никуда не денется.

- Что, кроме того факта, что мы всадили в него не меньше шести дюжин стрел, пока тот не сдох? Я никогда не видел, чтобы кто-то выдержал такой натиск, не моргнув и глазом. Однако самый главный признак – прямо перед тем, как он испустил дух, у него изо рта пошла пена.

Экхар постучал концом трубки о тонкие губы и приподнял одну бровь. «Упаси меня Тир, - подумал Джаг, - у него появилась теория».

- Безумный циклоп, конечно, ужасно, но всё ж не убийство – то вижу я ясно. Работы полно, Джаг, мешать я не буду. Но прежде позволь ознакомиться с трупом?

Констебль молча кивнул. Гном прислушался к голосу разума. Гном собирался уйти. Кто-то ответил на молитвы Джага.

Экхар низко поклонился, пожевал зубами трубку и целеустремлённо потопал к бездыханному телу циклопа. Там он довольно долго стоял, сцепив руки за спиной, и рассматривал десятки торчащих стрел. Отдельное внимание он уделил тем, что воткнулись в лицо и шею, особенно той, что торчала прямо из невидящего пустого глаза.

Возможно, всё это показалось бы Джагу Дуббиспейру интересным, даже занимательным, только вот ему всё ещё предстояла здесь куча всего. Он отозвал четырёх своих помощников в сторону, и те немедленно сгруппировались вокруг него, когда констебль присел на корточки прямо посреди грязной улочки.

- Вы трое, обойдите каждый сарай, конюшню и ферму в городе, - ткнул он в троих новобранцев. Офицер знал, что лучше посылать их на задание всех вместе – появляется хоть какая-то гарантия того, что они сосредоточатся на выполнении. – Заберите каждую тягловую лошадь, каждого вола или мула в Минро и приведите к коновязи перед «Пляшущим Рухом». Заодно прихватите все мотки веревок, которые найдёте. Убедитесь только, что они крепкие и длиной не меньше шести метров. Нужно вытащить этого циклопа из города, пока он тут всё не провонял.

Трое молоденьких парней выпрямились, отсалютовали, промямлив «так точно, сэр» по меньшей мере пять раз каждый, снова отсалютовали и поспешили в конюшню «Счастливая лошадка», постоянно спотыкаясь друг о друга.

- Ты – охраняй тело, - приказал констебль оставшемуся юноше. Того звали Риктус, и жил он на этом свете на несколько лет дольше, чем первая троица. Хоть парень и не был прирождённым бойцом, он многому научился за три года под крылом Джага. – Народ уже собирается поглазеть. Если этот монстр и правда был не в себе, я не хочу, чтобы любой желающий мог отрезать кусочек в качестве сувенира.

Риктус коротко отсалютовал и бодро побежал к своему посту. Этот может справиться с ответственностью, подумал Джаг, и это означало, что Пурпурные завербуют его при следующем визите. Эта работа никогда не станет проще, если он не найдёт способ заставить натренированных солдат оставаться. Но тем не менее понимание того, что всё снова под его контролем, облегчило пульсацию в голове констебля. Худшая часть дня точно закончилась. Теперь всё, о чём Джагу предстояло волноваться – чтобы никто не стал слишком уж безрассудным, поддавшись праздничной атмосфере, охватившей нетронутые кварталы города.

Словно только и поджидая эту мысль, из-за угла завернула толпа ликующих горожан и промаршировала до развалин таверны. Кетрил Фентлок и его сын Эбрил возглавляли колонну. Джаг встретил их у баррикад.

- И куда это вы собрались? – поинтересовался он. Констебль держался вежливо, но говорил тоном, которым овладел в совершенстве, будучи командующим Пурпурных Драконов – тоном, заставлявшим зелёных новичков обмочить их штанишки. Кетрил дёрнулся.

- М-мы хотим отрезать голову этого великана. «Пляшущий Рух», может, и уничтожен, но я собираюсь отстроить это место, назвав «Стрела в глаз». Голову повесим над барной стойкой, - хилый мужчина подтянул ещё более хилого сына к себе. – Мой мальчик завалил чудовище. Мы имеем право на трофей!

Джаг знал, что всё к этому и идёт.

- Сожалею, Кетрил, но у нас есть основания полагать, что великан был чем-то болен. Ты же не хочешь вешать трофей, который может погубить всех твоих гостей, так ведь?

Слова констебля не убедили хмурого мужчину.

- Если это так опасно, почему вон тот гном его лапает?

Когда констебль повернулся, боль в голове нахлынула вновь. Риктус, совершенно растерянный, беспомощно пытался убедить Экхара отойти от трупа. Гном, в свою очередь, лишь поддакивал стражнику, продолжая безмятежно тыкать и толкать мёртвого циклопа.

Джаг сощурил глаза.

- Ненадолго! – пробормотал бывший Пурпурный Дракон, обращаясь больше к себе, и двинулся к месту падения тела.

- Сэр! – Риктус почти скулил. – Я пытался остановить его, но...

- Не переживай, сынок, - успокоил Джаг. – Экхар! Во имя ада, что ты вообще вытворяешь? Я же сказал, что мы считаем циклопа заражённым! Как мне держать народ на расстоянии, если вот, пожалуйста, здесь ты, и суёшь свои загребушие ручонки ему в пасть! Клянусь всеми богами, это отвратительно!

- О мой друг, как я рад, как я рад, что ты с нами! Я уверен – циклоп был всецело нормален. – Он поднял вверх палец, покрытый желтоватой пеной, всё ещё видневшейся на губах гиганта. – У больных или бешеных белого цвета; от отравы

лишь пена, подобная этой. Может быть, прозвучит это глупо и странно, но похоже, что кто-то убил великана!

- Преблагой Торм, дай мне сил... Разумеется его кто-то убил! С полдюжины стрел я в него всадил лично!!! – констебль повернулся к толпе: - Кто из вас стрелял в чудище?

Несколько десятков рук взвилось в воздух с громким «Ура!»

- Та стрела, что бедняге прям в глаз угодила – чьё же это оружие монстра свалило?

Толпа начала скандировать «Эбрил! Эбрил! Эбрил!», и хрупкий парнишка зарделся от гордости.

- Этот нежный юнец разобрался с громилой? Не доблестный рыцарь? Не кромсарь, не рубила? Да полно вам всем самолюбие тешить, такой вот конец – не конец, а насмешка.

Джэг посмотрел на Экхара с недоумением.

- Кромсарь? Рубила? Что это вообще за слова?

- Но это так! – вырвался из толпы визгливый голос. Кетрил Фентлок преодолел баррикады и подошёл прямо к гному. Констебль невольно поразился тому, что рядом с пожилым детективом даже тощий Кетрил выглядел бравым и могучим.

- Мой парень это сделал! Все остальные стреляли в руки, грудь и спину, только мой Эбрил оказался достаточно умён и достаточно храбр, чтобы дожидаться, когда чудище на него посмотрит – и выстрелил точнёхонько ему в глаз!

- Манёвр хорош, и не прост к исполнению. Стрелять, когда все бы искали спасенья – деяние храбрости то запредельной, пред ликом опасности дуже смертельной.

- Разве так тяжело в это поверить? – вспыхнул Кетрил. – В то, что мой мальчик – не бесхребетный сопляк? – владелец таверны обратил взор на толпу. - Вы все его считали таким! Каждый день он приходил из школы побитым, но всё равно возвращался. Вы лишь закалили его дух!

Несколько мальчишек, до этого нёсших Эбрила на руках, теперь выглядели пристыженными и ковыряли носками ботинок землю, избегая смотреть старшему Фентлоку в глаза.

- Он, может, отважен и быстр поразительно, но всё это вам помогло незначительно. Громилу добила не рана кровавая – стрелы наконечник был смазан отравой!

Джэг, всё ещё задумчиво катавший на языке «кромсаря» и «рубилу», оживился:

- Во имя всего святого и праведного, Экхар! Кому какое дело? Великан напал на город! Как ты думаешь, кому будет не наплевать, использовал ли парнишка яд, а не силу мышц, чтобы убить разбойника?

- Точно! Точно!! – поддержал Кетрил. – Я думаю, мой мальчик проявил недюжинную смекалку. Я всегда говорил, что у него светлая голова, у моего Эбрила. Не то что у тебя, Элон М'Грили – за одну неделю дать работу и сразу же отнять. Ну давал он иногда сдачу неправильно – подумаешь! Это не причина для того, чтобы уволить, а уж тем более оскорблять!

Экхар Лоррент задумчиво кивнул, словно соглашаясь с самим собой. Из всех присутствующих это заметил только констебль, и то только потому, что лишь он

настолько хорошо знал гнома, чтобы понять значительность этого жеста. К этому моменту он был уверен, что стук в его голове больше никогда не прекратится.

- Вот ты, трактирщик Кетрил, ты веришь в мальчика. Всегда ли справлялся ты с ролью отца?

Кто-то с задних рядов подал голос:

- А как насчёт того дня, когда парень хотел отправиться в Глубоководье, обучаться в академии бардов? Я думал, ты с него шкуру спустишь прямо там, посреди «Пляшущего Руха»! – остальная толпа осуждающе зароптала.

- Пф! Ради его же блага! – фыркнул Кетрил. – Академия бардов! Мы, Фентлоки, заправляем тавернами, а не выступаем в них.

- Убийство раскрыто, я счастлив сказать – убил кто циклопа, удалось мне понять! – Экхар запрыгал, точно белка, чей хвост попал в капкан.

- О, Экхар! – застонал Джаг. – Эбрил убил великана. Я это твержу с той самой минуты, как ты прибыл!

- Мальчонка убил его, это всё так. Но вас удивит, с какой целью и как!

Каждая пара глаз теперь была обращена на гнома. Как бы сильно Джаг не хотел заставить того закрыть свой глупый рот, он знал, что теперь горожане очень захотят узнать безумную теорию детектива. Будет лучше просто позволить ему продолжать, решил констебль.

- Жёлтая пена меня насторожила, и первую подсказку она мне предложила. Плевать, что мальчишка использовал яд? Сейчас скажу то, что изменит ваш взгляд. Настояй желтокорня – вот такая «отрава». На кухне лишь капля – к похлёбке приправа. Но стоит кому-нибудь выпить всю кружку – копыта откинёт циклопа не хуже. А чтоб завалить вот такую зверушку, не меньше галлона, наверное, нужно.

Толпа безмолвствовала, очарованная гномом. Объяснение в такой форме было одним из лучших представлений, что видел Минро за последний год. Его возбуждённые подпрыгивания и рифмованная речь казались причудливой смесью балета и оперы. Лишь один Джаг горестно качал головой, молясь, чтобы Экхар не сказал чего-то такого, о чём все они пожалеют.

- Он не смог бы нанести столько яда на стрелу! – крикнул какой-то мужчина.

- Да! – подхватила женщина ближе к краю толпы. – Как он это сделал?

- Я скажу, – продолжал гном, – но сперва, попрошу, обещайте мне, что меня будут слушать все очень внимательно. А теперь посмотрите на монстра ступню. Грязь на ней, ну, буквально один к одному – это выявит сразу осмотр дотошный – совпадает с такой же на парня подошвах!

Сила всеобщего изумлённого выдоха даже заставила Экхара слегка отступить. И правда – грязь на сапогах циклопа, жирного коричневого оттенка, происходила из горной пещеры чудища и сильно отличалась от светлой городской пыли. И та же тёмная грязь отчётливо виднелась на ботинках и подворотах штанов Эбрила.

- Мальчонка в холмах проводил много времени, стараясь с циклопом сдружиться сильнее – еду из таверны отцовской таскал, чтоб монстр ему одному доверял. Но эту еду приправлял всю обильно он, настояй желтокорня смешав с литоринами. Бедняга-циклоп поглощал всё не глядя, из-за улиток не чуя вкус яда.

Джагу показалось, будто толпа смыкается над гномом, нависая всё ниже и ниже, чтобы не пропустить ни единого слова объяснений.

- Но будет в крови, должен вам я сказать, настой корешка ой как долго гулять. Каждый раз, как циклоп хоть крупинку съедал, всё сильнее травился – а малец продолжал. Кормил великана, пока не решил он – ещё одна капля отправит в могилу.

- Почему? – выкрикнул кто-то, хотя кричать не было необходимости. Все подступили настолько близко, что любой из собравшихся услышал бы и шёпот. – Зачем Эбрилу так делать? Не поймите неправильно, циклопа здесь оплакивать никто не будет, но зачем такой сложный способ?

- Вот именно, – вскричал Кетрил, нервничавший всё больше с каждым словом излагаемой гномом нелицеприятной истории. Вообще говоря, его больше беспокоила не сама история, а то, что она могла оказаться правдой. Мог ли Эбрил быть настолько хитрым?

- Почему? Почему? Здесь легко угадать – отомстить превратившим всю жизнь его в ад! За едой проставу показав синяки, говорил, что в Минро ему все лишь враги. С великаном делаясь всей печалью и болью, Эбрил всё же надеялся всею душою, что предложит циклоп совершить злую месть... Просто пешка, увы, но уж как оно есть.

- А какие строения жертвою пали? Все, что он ненавидел – не замечали? День каждый для парня был пыткой, в школе-то – так портик сметён, а дверь в щепки расколота. А вот магазин, где работал, но выгнан был – теперь куски крыши повсюду раскиданы. Про отца не забудем, владельца таверны, кто несчастного сына побоям подвергнув, отпугнул паренька от мечты стать певцом, чьи баллады легки, словно утренний сон. Для него самый тяжкий подарок от сына; дело жизни теперь – только сор да руины.

- Исполнено всё, что наш Эбрил просил – но что же в награду циклоп получил? Когда тот закончил с ужасною местью, его новый друг с ним покончил на месте. В итоге издёвка над дружбой и городом – зовётся «героем» сей юноша гордо!

- Ну что ж, вот и всё, я закончил рассказ. Здесь кровь на руках, и улика тут – грязь. Не знаю, какое же ждёт наказание, но чистую правду сейчас рассказал я вам!

Ответом ему была тишина.

Джаг посмотрел на Экхара, затем на Эбрила, и, наконец, на толпу, всё ещё неподвижную. Они все словно переваривали всё то, что гном им сейчас вывалил. Медленно, один за другим, они, наконец, проглотили – и начали смеяться.

- Это самая ерундовая ерунда из всех, что я когда-либо слышал! – завопил Алон М'Грили. – Я могу поверить в то, что Эбрил просто удачно попал, но в то, что он сплёл такой хитроумный план только из-за каких-то выдуманных обид? Этот парень такой рассеянный, что если он не забыл одеть штаны утром – это уже удача!

Хохот все усиливался и усиливался. Джагу почудилось, что даже здания уже трясутся. И хотя большинство жителей были более высокого мнения о мыслительных способностях мальчика, чем сам М'Грили, никто по-настоящему не верил в то, что Эбрил мог составить столь гнусный план. Да, никто, кроме Экхара – и самого Эбрила.

Лишь спустя целых пять минут безудержного веселья все заметили, что парнишка сидит в грязи. Спрятав лицо в ладонях, мальчик рыдал. И когда все посмотрели на него, он поднял заплаканные глаза и просто произнёс:

- Это правда.

Вся толпа шагнула назад, а Джаг почувствовал, что его голова сейчас взорвётся.

- Это правда! Всё произошло именно так, как описал гном. Весь этот город, каждый его житель не вызывает во мне ничего, кроме болезненных воспоминаний. Я отправился в холмы, намереваясь сбежать отсюда, и там наткнулся на циклопа. Он стал моим первым настоящим другом. Но его дружба – ничто по сравнению с желанием мести.

Теперь юноша стоял, излучая столько угрозы, сколько казалось невозможным уместить в его хрупкой фигурке.

- Поэтому я разработал план по отмщению, заодно собираясь стать героем Минро! И он бы сработал, если бы не этот докучливый гном!

Толпа, до этого стоявшая абсолютно недвижно, неожиданно зашевелилась – и весьма недоброжелательно. Они требовали насадить голову Эбрила на пик – и никто не делал это громче его собственного отца – и бросились вперёд, явно намереваясь самостоятельно этим заняться.

- Риктус! Помоги сдержать их! – крикнул Джаг, хватая валяющуюся балку, раньше поддерживавшую крышу «Пляшущего Руха». Молодой солдат, впрочем, уже был занят делом – утащил Эбрила прочь от беснующейся массы, затем вернулся помочь Джагу. Это сражение выиграть им заведомо не удастся.

К счастью, именно в этот момент из-за угла повернули трое ранее отосланных помощников, ведя с собой семь лошадей, двенадцать мулов, четырёх волов и верблюда. Всеобщая суматоха так сильно напугала животных, что все они разом встали на дыбы, сбив незадачливых солдат с ног, и бросились врассыпную.

- Моя лошадь! Вы украли мою лошадь! – заорал один из линчевателей.

- Что вы делаете с Покорителем Песков? – перебил другой.

Так же быстро, как и начался, беспорядок закончился – все горожане бросились либо ловить своих перепуганных скакунов, либо домой, убедиться, что они не стали жертвой «грабителей». Через несколько минут единственными, кто остался на улице, были Джаг Дуббиспейр, четверо его помощников, Эбрил Фентлок и Экхар Лоррент.

- Уведи его в форт, - приказал Джаг, хватая Эбрила за руку и передавая Риктусу. – И побыстрее... пока вся эта братия не решила вернуться.

Молодой солдат со своим узником поспешил прочь.

- Что ж, Экхар, надеюсь, ты доволен. Застав город посреди празднования, ты вывернул всё наизнанку. Герой дня теперь проведёт год своей жизни, а то и больше, в тюрьме, если только его друзья и семья не решат его повесить.

- Я знаю, я знаю, не нужно «спасибо» мне. Достаточно знать, что мальчика с его играми ждёт суд, справедливый, и скорый, и строгий – ну а я здесь закончил, пора мне в дорогу. Но почаще делись ты сегодняшним чудом – я же новых уроков не скоро забуду. Мой шедевр - «Очень Крупное Дело и Тело»; моя гордость теперь знать не будет предела!

- Ну так что же, прощай, Джаг, прощай, верный друг. Решены все загадки – и я ухожу.

С этими словами детектив отряхнул лацканы пальто и двинулся к Дому, более не оборачиваясь и не видя, что Джага Дуббиспейра, с мечом в руке и жаждой убийства в глазах, с трудом удерживают трое его помощников. Единственное, что

могло дать гному подсказку – и если бы он обратил на неё внимание – это слабое подёргивание левой мочки уха.

ДЬЯВОЛ И ТЕРЦИУС ВОНДС

Джефф Грабб

Есть фраза, которую я недавно принял слишком близко к сердцу. Это обычное высказывание, которое можно услышать среди авантюристов, бандитов, сборщиков налогов и прочих аморальных личностей. И фраза эта, если позволите: «особое место в Аду».

Часто такой комментарий можно услышать, когда погружаешься в приключение, и обычно, когда особенно крупный варвар, щедро украшенный шрамами, татуировками и прочими прелестями, ломится в дверь. Или когда один из авантюристов кивает в сторону покрытой мхом, громадной варварской спины и говорит что-то типа: «Для него есть особое место в Аду». Иногда могут сказать «пекло», или более конкретно «Девять Кругов Ада», или «Бездна», или, если они представители интеллигенции, то сказали бы «Баатор», дом баатезу. В любом случае, сказанное этим искателем приключений будет ссылаться на низшие планы, наполненные лавовыми озерами, бесами, дьяволами (еще одно название для баатезу) и серой. Его спутники, скорее всего, хрюкнут в знак согласия. Или начнут потасовку в таверне. Так все и происходит у профессиональных авантюристов, как я понимаю.

Никогда бы не подумал, что мое собственное имя, Терциус Вондс, будет связано с этим темным доменом. Не то чтобы у меня был собственный участок Бездны с моим именем на нем, но такое могло бы случиться, если бы не мой вездесущий и мудрейший спутник, джин Ампратинес.

Позвольте мне начать с начала, что, в данном случае, не значит со Сколько-Их-Там-Кругов-Ада, а – с города Ириэбор, жемчужины на короне верхних течений реки Чионтар. Ириэбор состоит из двух городов: верхнего города, построенного вдоль узкого горного хребта с видом на реку, и нижнего города, прижавшегося к сторонам того самого хребта. Верхний Город плотно застроен важными зданиями, приставленными друг к другу как детские кубики. Место на дорогом счету в верхнем городе, и ни один из многочисленных торговых лордов не захочет съехать из насиженного (пусть и переполненного) места в Нижний Город. И на то есть хорошая причина. Пока Верхний Город купается в относительно теплых лучах солнца этих краев, Нижний Город обычно завернут в миазмы утреннего тумана, полуденного мрака и вечернего промышленного дыма. Дальше внизу находятся кузни, плавильни, мастерские красильщиков, дубильщиков, кожевников, шляпников, каретников, а еще конюшни и торговые конторы с сопровождающими их стойлами, телегами, складами, гостиницами, тавернами и всевозможными видами развлечений для рабочих, возчиков, грузчиков и прочих трудяг. Нижний Город, если

коротко, работает так, что пыль стоит столбом, в прямом и переносном смыслах, по крайней мере, пока в этом заинтересован Верхний Город.

В то время я временно проживал в «Странствующем Виверне», получившем высокие оценки во всех путеводителях, по мнению его владельцев. К сожалению, его вид открывался в основном на вышеупомянутый Н. Г., поскольку находился он как раз над зданием кожевников. В результате, я просидел в гостиной «Виверна» почти все время моего пребывания там, расширяя свой кругозор в основном за счет чтения.

В тот период моей жизни я двигался на восток, медленно, но упорно, стараясь сделать как можно больше остановок на своем пути в родной город Глубоководье.

Прекрасный Город Роскоши занимал особое место в моем сердце, и я бы предпочел жить там, если бы не присутствие моих первоклассных родственников из семьи Вондс. Дело в том, что большая часть упомянутых родственников – маги. Могущественные маги. Самый могущественный сильный из них – мой двоюродный дедушка Маскар, который был достаточной причиной, чтобы молодой человек, который не интересуется заклинаниями, ушел на восток. Я раньше считал, что Скорнубель находился достаточно далеко, но недавние события убедили меня, что перемещение дальше, вглубь Побережья Меча, будет мудрым решением. А тем временем, когда весь Ад (или Баатор) был готов разверзнуться, я замечательно проводил время в гостиной «Странствующего Виверна», уткнувшись в книгу.

Сейчас я, наверное, услышу, как читатель восклицает: «Ага! Старинный магический фолиант, найденный в каком-то древнем склепе». На самом же деле, эта книга, которую я читал, была написана прошлой весной честолюбивым молодым автором, Эллисон Родигар-Гленн, опубликована в Глубоководье и продавалась в отделениях «Почтовых заказов Авроры». Это была историческая мистическая книга или «мистория», как их еще называли, и, должен признать, я не мог от нее оторваться.

- Я тебе говорю, эта Мисс Родигар-Гленн выпустила отличную книгу, - обратился я к Ампратинесу, моему джину и личному лакею.

- Как скажете, сэр, - ответил джин, заменяя мой выпитый напиток на новый. – Я не знал.

Для существа таких размеров, как Ампратинес, он перемещался тихо и грациозно, что было почти так же ценно, как и его умение подавать напитки. Он был, конечно же, самым высоким в комнате, перемахнув за отметку в десять футов. Тем не менее, он был одет не в свободный халат, характерный для представителей его рода, а в представительные и ухоженные штаны и камзол, с расстегнутой рубашкой под ним. Самое удивительное в нем – помимо того, что он могущественный обитатель плана элементарного воздуха, что само по себе достаточно удивительно – это его голова. Клянусь, она больше, чем у многих его вида, и на то нет иной причины, кроме как вмещать своенравный мозг. Под его лбом находится больше сокровищ, чем во всех домах Калимшана, а его лицо более глубокомысленное, чем у любого визира.

И хотя Ампратинес остается одним из самых сильных воздушных элементаров, что я когда-либо встречал, он имеет тенденцию недооценивать многое из культуры

этого плана существования. Это заметное презрение к более интересным вещам в жизни часто создает трудности в наших, иначе говоря, прославленных отношениях.

- Нет, я серьезно, - сказал я, наверное, слишком громко, поскольку пару голов повернулось в нашу сторону. – Эти мистории наполнены безрассудством, тайнами и прочим хорошим материалом. Масса приключений и героев с хорошим вниманием к деталям. Конкретно эта мистория держится вокруг темы «Кто положил сапоги в рагу Мадам Милани?».

- Захватывающе, - ответил Ампратинес, поставив остатки моего утреннего коктейля на поднос. – Я понимаю, почему они так популярны, с таким-то глубоким подтекстом.

- Не смейся, - выпалил я. – Это классика. Мисс Родигар-Гленн мастер своего дела.

- Насколько я понимаю, - начал Ампи, - Мисс Родигар-Гленн в действительность это целая семья хафлингов, живущая в подвале здания Тайм-Глубоководья и штампующая эти книги по одной в неделю.

- Штампующая? Штампующая? – возмутился я. – Эти книги явно не штампованные. Они с любовью проработаны и тщательно собраны. Они рассказывают о сути проблемы, как и положено.

- Как скажете, сэр, - ответил Ампи, вздыхая. Этот вздох всегда меня выводил из себя. Иногда он бесил меня так, что хотелось, что бы этот мозговитый джин, был весьма недалеким. – Но у этих книг все же есть одно преимущество.

- Какое же?

- Пока вы их читаете, - сказал джин, - у вас меньше времени выходить на улицу и заниматься чем-то опасным.

Я посмотрел из-под лба на джина, ища хоть намек на то, что он шутит. И, как обычно, этот намек отсутствовал в каменных чертах лица Ампи. Недолго думая, я сказал, вероятно, снова громче, чем стоило:

- Похоже, что сегодня в лавку к Авроре поступит еще одна партия книг. Ты проверишь это и принесешь их. В противном случае я могу выйти и что-то сделать. Не думаю, что смогу отказать себе в чем-то авантюрном.

Если бы джины могли чувствовать вкус поражения, то Ампратинес чувствовал бы его прямо сейчас.

- Как пожелаете, господин.

Сказав это, он удалился так же тихо, как церковный патриарх, оставляющий праздничный зал после полуночи.

Не помню, бормотал ли я себе под нос об отсутствии у Ампи хорошего вкуса, чувства прекрасного и кучи других атрибутов, но, наверное, все-таки бормотал. Я попытался переключиться назад на книгу, но меня прервал голос, такой мягкий, сладкий и нежный - неожиданный луч света в темной гостинной «Виверна».

- Вы это серьезно? - сказал голос, тон которого находился где-то между звоном хрусталя и серебрянного обеденного колокольчика.

Я оторвался от рагу Мадам Милани и увидел широко открытые небесно-голубые глаза. Мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, что глаза были посажены на лицо формы сердца, с носом кнопкой, парящим над дрожащими полными, будто распухшими от укуса пчелы, губами. Все черты лица были обрамлены завитыми прядями светлых медовых волос.

Я, наверное, пробубнил что-то между строк в своем «извините?», хотя не уверен. Она повторила:

- Вы серьезно говорили, что вы способный авантюрист?

Составляющие моего мозга, разбитые ее красотой, быстро собирались в целостную мыслящую форму. К счастью, манеры Глубоководья не нуждаются в соображающем мозгу, так что я был уже на ногах, в поклоне взяв протянутую руку этой молодой леди, стараясь собрать все свое остроумие в кучу. Мой мозг пытался догнать мой язык, когда я уже начал говорить:

- Терциус Вондс из Глубоководья, бывалый искатель приключений и путешественник, к вашим услугам.

Вообще-то мой мозг хотел сказать: «Я сказал, что я способен на авантюры, а не способный авантюрист». Но мозг всегда так: придумывает, как сказать правильно уже после того, когда ты сказал, что-то абсолютно противоположное.

- Друсилла. Друсилла Вермеер, - представилась она, отвечая небрежным реверансом, в котором почти споткнулась. Я сразу же потянулся к ней, чтобы поймать, и уловил аромат цветущей жимолости. Она казалась измученной, и я подвел ее к стулу, стоящему напротив моего. Прирожденный джентльмен. Я предложил ей свой нетронутый напиток. Она понюхала коктейль (пожалуй, лучшее, на что способен Ампи), а затем отставила его хрупкой ручкой.

- Извините, мне очень жаль, - сказала она, а морщинка беспокойства, что возникла у нее над глазами, сделала ее только красивее. - Мне не стоило вас беспокоить, но мне нужен умелый авантюрист для одного деликатного дела.

Я вернулся на свой стул и кивнул, затем слегка повернулся, чтобы заказать у Ампи горячий чай или другой приемлемый напиток. Но конечно же, джин уже ушел за моими новыми книгами, а я повернулся назад к молодой и красивой Друсилле.

- Боюсь, я натворила ужасные, ужасные вещи, - начала она. - Мне нужна помощь.

- Ну-ну, - принялся успокаивать я, хоть и не был уверен, о каких ужасных вещах шла речь, но что-то мне подсказывало, что это не ужаснее, чем потеря домашнего питомца или какого-нибудь медальона.

- Моя семья занимается инвестициями, предоставляя капитал различным торговцам. Семья доверила мне родовую реликвию, янтарную шкатулку, содержащую наследие моей прапрабабушки, - она достала носовой платок на этом моменте и поднесла его к губам. Мне показалось, что она сейчас на части распадется. Тихим голоском она продолжила: - Она около трех дюймов в ширину, как кубик. Боюсь, я ее потеряла.

Я кивнул и поймал себя на мысли, что кивал слишком много.

- А как вы потеря...

- Я такая дура! - девушка зарыдала. - Я была слишком неосторожна. Мне нельзя было доверять...

Она снова засопела, но даже это было сладкой музыкой.

- Но факт остается фактом. Я потеряла ее, и теперь мой долг - вернуть ее. Это очень важно! - она скрыла свое милое личико за платком.

- Итак, - сказал я. - Вы потеряли семейную вещицу, янтарную шкатулку. Вы хотите ее найти, и для этого вам нужен бывалый авантюрист.

Это было чем-то вроде того, что говорят герои из рассказов Мисс Родигар-Гленн. Я повторил именно это, в надежде, что она расскажет еще какую-нибудь полезную информацию.

- Так вы мне поможете? – спросила девушка, роняя слезы. Не совсем та реакция, которую я ожидал.

Несмотря на это, я вернулся назад к своей манерности и просто кивнул. Ее лицо расцвело как цветок, а сама она сладко запела:

- Я знала, что вы тот, кто мне нужен.

Она встала, а я попытался вернуть себе контроль над разговором.

- Эта шкатулка.... Если вы ее потеряли, то мы потратим много времени, пытаясь найти ее.

- О, я знаю, где она, - звонко ответила она, поворачивая голову, как бы успокаивая меня. – Она в руках ужасного человека. Я хочу, чтобы вы отняли шкатулку у него.

Затем она улыбнулась и назвала его имя.

- «Большой Уродец», - повторил Ампратинес, после того как я пересказал ему всю историю. – Не самое обнадеживающее имя.

- Он криминальный лорд, судя по всему, в Нижнем Городе, - парировал я, пытаясь определить, какая пара брюк была бы более уместна для встречи с вышеупомянутым мистером Уродцем. – У криминальных лордов не должно быть милых имен. У особенно злобных представителей в именах много «кс» и «з».

Это что-то вроде словесного знака «остерегайтесь дракона» или «никаких сплетников».

- Действительно, - согласился джин, держа в руках многообещающую пару кожаных штанов для верховой езды.

Я покачал головой и, вместо этой пары, взял свои красные атласные брюки. Я так собирался отправить «сообщение» преступному лорду, что мы, Вондс, оба стильные и с нами шутки плохи.

Я запрыгнул в штаны, продолжая свою мысль:

- Говорят, Б. У. использует таверну в качестве прикрытия для своих мерзких делишек, место под названием «Нора». Там я с ним и встречусь.

- И он украл янтарную шкатулку? – спросил джин.

- Неясно, но похоже на то, - ответил я, мысленно возвращаясь к тому моменту, когда Друсилла мне об этом говорила. – Она сказала, что потеряла шкатулку, и хочет ее вернуть, а этот парень Уродец завладел ею. Деньги не выход: Уродец отказался. Я должен выдвинуть предложение и, как они говорят, «наехать» на него.

- А вы ведь знатный наездатель, - сказал Ампи без намека на улыбку. – И, полагаю, вы хотите, чтобы я сопровождал вас в этом безрассудном мисторическом походе?

Я взглянул на джина и застегнул свой плащ (темный с красными атласными полосами, сочетающимися со штанами). Я никак это не обдумывал, но решил, что Ампратинес будет просто следовать за мной. По-прежнему, в тоне джина меня что-то

раздражало, как будто это было тем приключением, на которое бы он лучше посмотрел с безопасного расстояния.

- Ну, если ты не сильно занят, - сказал я. От холода в моем голосе папоротники в горшке начали вянуть.

Ампратинес кивнул и мы отправились. Наняв карету снаружи гостиницы, мы начали долгий спуск в Нижний Город. Ампи молчал почти всю дорогу, погрузившись в свои мысли. Только когда нас доставили к «Норе», маленькой таверне встроеной в холм, он заговорил.

- Боюсь, я не могу сопроводить вас, - заявил он как ни в чем не бывало.

- Дай сказать, - начал я. – Если дело в том, что тебе не нравится мой выбор книг для чтения, то я...

Но джин покачал головой и указал на дверь «Норы». Она была щедро усыпана разными закорючками из толченой латуни и окружена магическими символами. Эти рисунки покрывали всю раму дверного проема и, как я заметил по мигающим уличным фонарям, тянулись вдоль всего здания. Выглядело это, будто обезумевшие летописцы атаковали стену таверны, приняв ее за скрипторий.

- Мистические стражи, - спокойно сказал джин. – Волшебные символы, которые держат существ из других измерений подальше. Господин Уродец, должно быть, очень беспокоится на счет таких созданий, как не посмотри. С помощью этих стражей таверна не досягаема для всяких демонов, дьяволов, дэвов, архонтов, нежити, элементарей, ифритов...

- ... и джинов, - закончил я.

Высокий джин слегка пожал плечами и заключил:

- Я не могу войти. На самом-то деле я должен признать, что такое количество стражей в одном месте одаривают меня довольно сильной головной болью.

- Отлично, - протянул я, пытаюсь представить Ампи с похмелья. – Тогда приглядывай за улицей. Так часто бывает в книгах, кстати. Один из героев входит внутрь, пока второй снаружи - «заряжает арбалет», как это обычно бывает. У тебя есть арбалет?

- Забыл упаковать, - сказал джин. – Но могу отыскать один, если считаете это необходимым.

Я отмахнулся от предложения.

- Это не особо важно. Оставайся здесь и держи свои глаза на здании. Если кто-нибудь неожиданно выйдет, я хочу, чтобы ты был готов.

Я бывал в тавернах от Глубоководья до Ириэбора, временами также одевая что-то похожее на мой красный атласный плащ и штаны. Обычно, когдаходишь, происходит короткое затишье, пока некоторые из постояльцев бара оценивают новоприбывшего, и, как только оказывается, что новенький не несет угрозы, возвращаются к своему элю.

Но не в этот раз. Уровень шума упал до незаметного. В один момент стоял типичный для таверны гул, а в следующий – мертвая тишина. Последний я был свидетелем такого, когда кузен Галиан высказал свое мнение о двоюродном дедушке Маскаре, когда старик, ранее невидимый, возник у него за спиной.

В этом же случае, причиной тишины было мое появление. Я воспользовался этой возможностью, чтобы осмотреться. Если внешние стены были украшены

мистическими стражами, то внутренние стены воодушевляющее пестрили магическими конструкциями. Неудивительно, что у Ампи голова болела. Пересекающихся линий и вихрей было достаточно, чтобы одарить любого, кто еще не напился, мигренями, и, вероятно, служили причиной для того, чтобы выпить.

Но тишина держалась из-за постоянных клиентов. В общей сложности, их было около тридцати: трио хафлингов на высоких стульях у барной стойки, группа что-то замышлявших гномов, угрюмый темный эльф (мужчина) в конце бара, и кучка дварфов, игравших в карты в дальнем углу. Пара огромных чешуйчатых огров, которые, судя по всему, только что тренировались, на удивительной скорости направились ко мне.

Я тут же смекнул, в чем проблема. Среди присутствующих не было ни одного человека. Если быть точным, то я был единственным человеком в таверне.

- Ты ошибся дверью, - сказал огр, что был чуть выше своего напарника, шепелявя из-за чересчур больших нижних клыков.

Я осмотрел огров снизу доверху (в основном снизу) и задумался, как бы поступил герой мистории в такой ситуации. Я решил взять диалогического быка за рога и ответил:

- Это ведь «Нора», так?

Огр моргнул, по-видимому, не готовый к такой прямоте. Он кивнул.

- И здесь есть некто по имени Большой Уродец? – продолжил я, лукаво подняв бровь.

Еще один кивок.

- В таком случае, я в правильном месте, - заявил я, направляясь к бару. – Предупредите мистера Уродца, что господин Терциус Вондс, из семьи Вондс из Глубоководья, уже здесь и хочет с ним поговорить, будьте любезны.

Все тридцать пар нечеловечьих глаз следили за мной, пока я шел к бару (противоположному от дроу концу стойки) и сел. Или, по крайней мере, попытался сесть.

Стул, выхваченный одним из огров, исчез подо мной. Второй, тот, что повыше, в тот же момент схватил меня за воротник и дыхнул жаром мне в лицо.

- Сюда.

Он поволок меня к двери в задней части таверны, держа меня над землей так, что я едва мог касаться пола.

За дверью была только темнота. У большинства нелюдей было ультра-, инфра-, или магическое зрение, позволявшее им видеть в темноте. К сожалению, человеческая раса была этим обделена, и я просто напрягся, глаза в непроглядную черноту. Меня усадили, и я обнаружил под собой стул.

Я почувствовал движение в темноте, а затем, последовавшие за ним, резкие щелчки. Возник свет, направленный на меня. Я поднял руку, скрываясь от яркого света, и еле осознал, что теперь огры стоят напротив меня.

- Кто ты? – сказал голос, находящийся за источником света.

Я ничего не видел из-за этого света, но голос исходил сверху от источника.

- Тер... - мой голос дрожал. – Терциус Вондс из Глубоководья. Я ищу того, кого зовут Большой Уродец.

- Зачем ты его ищешь? – спросил голос.

Я сместился на стуле. Это я должен был вести тут жесткий допрос.

- Уродец, эм-м, мистер Уродец располагает вещцей, в которой я заинтересован.

И тут я замолчал. В мисториях, герой всегда говорит столько, сколько нужно, и не более.

Я был вознагражден другим звуком, который я раньше не слышал – звук мягкого шепота позади света. Похоже, что у Большого Уродца были советчики. Голос снова зазвучал.

- О какой вещи идет речь?

- Шкатулка. Из янтаря. Примерно вот такого размера, - я показал руками и огры по обе стороны от меня тут же напряглись. – Принадлежит женщине. Она хочет ее вернуть. Она щедро заплатит за нее. Очень щедро, должен сказать.

Я вытащил листок бумаги, на котором я написал предложение Друсиллы. Для меня цена казалась высокой, даже как для фамильной реликвии, но люди забавные, когда доходит до семейных ценностей. Один из огров вырвал листок из моих рук и передал его.

И снова тишина и шепоты. Затем голос сказал:

- Приди через две ночи. А теперь уходи.

- Подождите минуточку, - сказал я, пытаюсь подняться, пока говорил. Две огромные лапы огров опустились на меня, по одной на плече, и меня снова подняли со стула. Свет потух, и я неожиданно начал быстро продвигаться к главной двери таверны, так быстро, насколько только могли бежать.

Гном у входной двери распахнул ее, как только наше трио приблизилось. Огры остановились, но только не я. Они ослабили хватки, и я вылетел в ночное небо.

Или, если быть точным, меня швырнули прямо в ночное небо, в руки Ампратинеса, который появился, когда я был всего в паре дюймов от земли.

- Неудача? – поинтересовался он, помогая мне встать на ноги.

- Небольшая заминка, - ответил я, поправляя свой плащ, на котором огры оставили небольшие следы от когтей. – Они были добры настолько, насколько признали, что шкатулка у них, и сказали, чтобы я вернулся через два дня. Прекрасная Друсилла должна обрадоваться, когда я ей об этом расскажу. По крайней мере, это начало.

- Это ужасно, - сказала прекрасная Друсилла, когда я обо всем рассказал. Она ждала нас в «Виверне». Она, казалось, немного нервничала рядом с Ампи, что было странно, поскольку джины обладали способностью делать свое присутствие незаметным. – Два дня это слишком долго.

- Не понимаю почему, - ответил я. – Им, наверное, нужно пару дней, чтобы вытащить шкатулку, куда бы они ее засунули.

- Или оценить стоимость и запросить большую сумму, - мягко сказал Ампи. Друсилла вздрогнула от звука его голоса. Затем кивнула и снова приложила носовой платок к своим мягким губам.

Я посмотрел на джина.

- И как ты это исправишь?

- Пока я был снаружи таверны, я заметил, как множество созданий входило через парадную дверь. Эльфы, дварфы, гномы, и пара орков.

- Ни одного человека, - согласился я. - «Нора» не обслуживает этих клиентов.

- И ни единого хафлинга, - сказал джин, - несмотря на то, что они определенно были внутри. Я заметил, что они используют другой вход.

- Значит, они использовали низкую дверь - сказал я, а затем остановился. - Нет, тогда бы дварфы и гномы тоже входили бы через нее. Допустим, что эта «другая дверь» - вход для персонала, так?

Друсилла переводила взгляд с одного из нас на другого, заканчивая этот круг.

- Простите, я не понимаю, - пропищала она. Это был очень милый писк.

- Хафлинги заправляют «Норой», что имеет смысл, - объяснил я. - Большой Уродец эта темная фигура, чье лицо не было видно. Я слышал много шепотов, пока разговаривал с ним. Выходит, Большой Уродец, вероятно, хафлинг. Или несколько хафлингов.

- Прямо как мисс Родигар-Гленн из Глубоководья, - сказал Ампратинес. Я великодушно проигнорировал эту насмешку.

- Но, если этот Уродец - хафлинг, - начала она, - то в чем проблема?

- Поразмыслим, - сказал джин. - У хафлинга есть что-то, что тебе нужно. Ты говоришь ему, что тебе это нужно. Что они делают в таких случаях?

Я задумался на мгновение, а потом наклонился вперед и опустил голову в свои руки.

- Они попытаются выманить как можно больше за это.

- Они знают ценность шкатулки? - спросила Друсилла. Ее голос вырос на пол октавы, пока она это говорила.

- Они знают ее ценность для вас, - спокойно сказал Ампи. - Это все, что им нужно знать. Следующий день они потратят на то, чтобы распространить известия об этом и получить ставки повыше. Только, если они не получают предложение получше, то продадут ее тебе через два дня.

- Ох, - всхлипнула Друсилла. - Ох, это будет ужасно. Папа узнает, что я потеряла шкатулку и это будет конец всему.

- Возможно, если бы вы могли рассказать нам о том, что в шкатулке... - начал Ампратинес, но лишь одна мысль о папином разочаровании заставила прекрасную Друсиллу умыться слезами. Я одарил джина тяжелым взглядом, и он покорно кивнул, отходя в коридор. Примерно через пять минут, убеждая девушку, что все будет хорошо, и, обещая, что помогу вернуть шкатулку, я провел ее. Джин возник, как только она ушла вниз по коридору.

- Если я могу предложить... - начал он.

- Не можешь, - прервал я. - Я думаю, ты уже достаточно расстроил бедную девочку.

- Сер, эта бедная девочка не была полностью честна с вами, - сказал джин.

- А поконкретнее? - спросил я. Друсилла оставила свой платок на столе. Я поднял его, и он пах солью и жимолостью.

- У нее есть неприятная привычка взрываться слезами, как только получает прямой вопрос, - сказал джин. - Разумный ход, чтобы уйти от вопроса и оставить ее и

ее семью с янтарной шкатулкой в покое. Возможно, нам стоит предложить ей нанять хафлинга или гнома, чтобы сделать ставку от ее имени.

Я отклонил его предложение.

- Возражения услышаны и проигнорированы, - сказал я. – Ни один герой из мисторий не бросит женщину в беде.

Ампи вздохнул, одним из тех вздохов, что угрожают высосать весь воздух из комнаты.

- Как пожелаете, - сказал он. – Что вы предпримите дальше?

- Я думаю, как разместить дозор, - сказал я. – Будем смотреть, кто входит и выходит. Так мы будем знать, кто перекрывает нашу ставку. Да, это оно.

Мы еще раз вернулись к «Норе», после того, как я переоделся. На этот раз я выбрал плотные кожаные штаны и темную рубашку. Я накинул на себя черный плащ и большую черную шляпу с огромными полями, чтобы скрыть свои черты.

Мы обнаружили скамейку через дорогу от «Норы», и разместили там наше предприятие. Ампи первым стал в дозор, пока я спрятался под своей шляпой, пытаюсь ненадолго уснуть.

Короткий сон превратился в полноценный ночной сон, на протяжении которого толком ничего не произошло. Когда я проснулся, утреннее солнце уже пыталось из всех сил прорваться сквозь дымку тумана Нижнего Города, а Ампи по-прежнему стоял возле скамейки.

- Есть что-нибудь? – спросил я.

- Много нелюдей, - коротко ответил Ампи, как будто я забросил дискуссионную нить всего несколько мгновений назад. – В основном пьянчуги и гуляки. Много хафлингов у боковой двери. Трое волшебников, все из которых были эльфами. Варвар полуорк. Пара торговцев-людей, которых быстро спровадили. Жрец Гонда с тремя гномами. Впустили только гномов, и те вышли через пару минут. Хафлинг одетый как паша из Калимшана. Темная эльфийка, возможно жрица Ловиатар. Не уверен. Все задержались на какое-то время, а затем вышли.

- Любопытно, - протянул я. – Выводы?

- Все они являются нашими конкурентами, приглашенными Большим Уродцем, - сказал джин. Слухи расходятся, а это первые покупатели. Им показывают товар и они уходят. Некоторые, несомненно, вернуться.

- Нелюди, - заметил я.

- Нелюди, - согласился Ампи.

- Ну, что ж, - сказал я. – Мы понаблюдаем еще хотя бы до полудня. Потом встретимся за обедом с честной Друсиллой и решим, какую она сделает ставку.

Ампратинес не ответил на мое предложение, так что я вынудил его:

- Да?

- С вашего позволения, - сказал джин, - я бы хотел провести расследование в другую сторону. Я знаю мариду, еще одного джина, которая общается с местным мудрецом по имени Преспос, и я хотел бы попросить у него совета относительно этой ситуации. Тайно, конечно же.

Я обдумывал предложение какое-то время, и кивнул. Ампи немедленно исчез из поля зрения, а я сел назад на скамейку, ожидая, когда мир рухнет подо мной.

Утро в Нижнем Городе – шумное время; первый из уличных караванов уже гремел по улице. Последняя ночная телега уже давно исчезла, замененная на перевозчиков товаров, погонщиков и кучу тележек: ручных, с собачьей упряжкой, и для пони. Ну, и конечно всякие рабочие, грузчики, обработчики и прочие работяги. Я решил, что со своей лавки смогу вести наблюдение, при этом сам оставаясь незамеченным.

Я ошибался. Примерно через полчаса, тень мелькнула слева от меня. Я не повернул голову в сторону тени, вместо этого я наклонил голову вперед, пытаясь максимально оттеснить с помощью широких полей своей шляпы новоприбывшего гостя. Насколько я знал, это мог быть городской стражник, который хотел прогнать бродягу (меня) с основной транспортной улицы. Или, что еще хуже, это мог быть здоровенный огр. «Нора» была закрыта в это время, да и признаков жизни внутри я не обнаружил, ни у парадного входа, ни у боковой двери для хафлингов. Возможно, было бы лучше в это время находиться в «Виверне», заказав ранний обед.

Владелец тени, задыхаясь, сказал гнусавым голосом:

- Ну что, увидел что-то интересное?

Забыв обо всем, я слегка поднял голову, и был вознагражден таким же гнусавым смехом, который звучал как стая мигрирующих гусей. Я взглянул на незнакомца, обращавшегося ко мне, и мои щеки покраснели от смущения.

Он не был ничем примечателен. Опрятные штаны и невзрачная мантия, увенчанная жилетом из не особо ценной парчи. Аккуратно подстриженная, лысеющая голова. Однако глаза его были большими, почти пугающими, когда он смотрел сквозь свои толстые очки. Они выглядели, как блоки хрусталя и постоянно сползали ему на нос. Когда он говорил, очки сползали быстрее, вынуждая поправлять их пальцем. Он казался человеком, но, в лучшем случае, доставал мне лишь до плеча.

- Я говорю, - повторил невысокий человек с толстыми линзами, - увидел что-то интересное?

- Простите, - отбивался я. – Ничего такого не заметил.

- Действительно, - сказал коротышка. – Иначе ты бы знал, что этот наряд подходит только для ночных вылазок. Ты сияешь как синяк на ушибленном пальце, при свете дня.

Я сердито глянул на него. В мисториях этого было бы достаточно, чтобы он расплавился на месте, оставив меня одного. Но в место этого, он улыбнулся.

- Ты наблюдал за «Норой», - сказал старик, - а я за тобой. О, и за твоим высоким товарищем, но он ушел. Уже прошел слух, что таверну закроют на ночь. У Большого Уродца дела. Думаю, мы оба знаем, что это значит.

Я снова попытался нахмуриться, но коротышка все не плавился.

- Кто ты такой? – не выдержал я.

- О, - сказал он, будто я наградил его своим вниманием, - а вот и ответ. Первый шаг к разговору, и от длительных отношений. Так ужасно, когда никто не хочет с тобой поговорить.

- Кто...? – начал, было, я, но старик остановил меня.

- Я слышал, что это твой первый раз, - сказал он с улыбкой. – Просто наслаждался моментом. Можешь называть меня коллекционером. Охотником за

редкими и уникальными вещами. Скажем, до моих ушей дошла информация о некой янтарной шкатулке, которая сейчас находится в распоряжении хозяина этого заведения. И, скажем, этот хозяин не любит вести дела с такими, как я.

Он имел в виду людей. Ампи упоминал, что некоторых людей спровадили. Им там были не рады. Я дал ему знак продолжать.

- Как коллекционер, - сказал он, - я более чем хочу, чтобы эта шкатулка и то, что в ней, стали моими. И я подумал, что ты мог бы помочь мне.

- Я не... - запнулся я. - Я не знаю, о чем вы.

- М-м-м, да, - протянул маленький коллекционер. - Весьма похоже на то. Я полагаю, ты работаешь на какого-то сборщика диковинок или предприимчивого мага. Ты явно вовлечен серьезнее, чем признаешь. Ты хочешь заполучить шкатулку, так же как и я.

- Только чтобы вернуть ее истинному владельцу, - выпалил я.

- Ах! - коротышка развел широко руки. - Так вот он я, истинный владелец.

- Нет, не ты, - воскликнул я, чувствуя как мое лицо горит от чего-то большего, чем стеснение. - Истинный владелец никогда не упоминал о вас. И не думаю, что упомянула бы.

Коллекционер приложил палец к губам и загудел.

- Значит «она», да? Ну, мне на ум приходит только одна «она», кого бы ты мог назвать истинным владельцем, так вот она им не является. Не является законным владельцем. Правообладателем. Она давно обменяла ее. Ты понимаешь это?

Я ничего не ответил, а старик продолжал.

- По крайней мере, хорошо, что я узнал, что она участвует в торгах. Молодой человек, не окажете мне милость? Вы вроде бы умный парень. Когда это все закончится, я хотел бы сделать вам предложение, весьма привлекательное. Но пока...

Он на мгновение исчез в своей мантии, затем вытащил из-под нее черную палочку.

- Я подозреваю, что ты захочешь попасть внутрь сегодня ночью еще до торгов незамеченным, а человека, как ты, оттуда выгонят взашей. Это позволит пройти мимо вышибал. Вот, бери. Я предлагаю это бесплатно, без какой-либо задней мысли.

Переборов себя, я протянул руку и взял палочку. У нее была маслянистая поверхность, и, казалось, хотела выскользнуть из моих рук.

Коллекционер улыбнулся.

- Видишь, все не так уж и плохо, не так ли?

Он прикоснулся к своему лбу, как бы здороваясь, резво развернулся на своих каблуках и направился прочь. Я наблюдал за ним, пока он не исчез из виду. Затем, оставив холодную «Нору», я прошел два квартала и окликнул карету, которая вернула меня в «Виверн».

К моему ужасу Друсилла так и не появилась на обед, как обещала. Я хотел спросить у нее, кем был тот коротышка, и, что за история крутится вокруг шкатулки. Как и ожидалось, обед наступил и прошел без каких-либо вестей от нее. После вечера у меня не было настроения ждать дольше, чем нужно. Я уже осилил полбутылки «Креветочного Тракта», когда ощутил легкое дуновение ветра через

левое плечо. Многолетний опыт подсказал мне, кто это был, и я даже не поднял головы от своего рачка.

- Она не пришла, - сказал я.

- Я и не думал, что она появится, - спокойно ответил Ампи. – Сама мысль, что выкуп превратился в аукцион, должно быть, расстроила ее. Она, наверное, придумывает новый план, как завладеть шкатулкой, пока мы тут говорим.

Я нахмурился над своим «Трактом». Я не хотел верить, что Друсилла так легко отвернется от меня.

- Возможно, она в беде. Бандиты подкараулили, или коротышки-коллекционеры, или еще кто-то.

Ампи направился в мою сторону, показываясь в моем поле зрения. Его лицо выражало беспокойство. Можете говорить о джинах все, что угодно, но когда они обеспокоены, ты это видишь. Тем не менее, он так и не озвучил свои тревоги, пока я не спросил.

- Как твое исследование?

Джин кивнул и сказал:

- Продуктивно, но, боюсь, дорого. Мудрец Преспос мог бы научить меня кое-чему о тяжелых переговорах. Однако то, что я обнаружил, было не менее интересным.

- И это?

- У семьи Вермееров было свое хозяйство в Ириэборе, - сказал джин. – Но их сильной стороной была скорее магия, чем деньги. Они были кем-то вроде домашних заклинателей.

Я чуть не подавился своим напитком.

- Как Вондс? – предположил я, представив главу семьи Вермеер, неожиданно возникшего в моей спальне поздно вечером.

- Похоже, но не совсем, - ответил джин. – Главное отличие это то, что последний Вермеер умер почти сотню лет назад. Если Друсилла принадлежит к этой семье...

- То «папочка» действительно древний.

- Вы не выглядите удивленным.

- С трудом, - ответил я. – Если чему меня эти мистории и научили, так это тому, что героиня редко говорит правду в первой части. По сути, большинство персонажей игнорируют все, что говорит героиня, вплоть до третьего покушения на их жизни. Скорее похоже на то, что некоторые ответвления от основной семьи пытаются восстановить свою символику и вернуть земли. Или, возможно, Вермеер было именем, которое она взяла из какой-то книги, в качестве прикрытия.

Моя логика была неопровержима, так как даже Ампратинес замолк на какое-то время, хоть и ненадолго:

- Как скажите, сэр. Тем не менее, в свете этого, я бы порекомендовал нам пересмотреть ситуацию и нашу работу с загадочной леди.

Я покачал головой и изобразил клешню креветки.

- Нет. В рассказах, когда герой дает свое слово, то он его придерживается. И неважно, является ли героиня той, за кого себя выдает. Зачастую, она даже лучше.

- И я не смогу отговорить вас? – спросил джин.

- Можешь даже не пытаться, - сказал я, вытаскивая черную палочку. – Что думаешь об этом?

Джин взял палочку из моих рук. Его лицо исказилось от отвращения.

- Неприятный материал. Не отсюда, как сказали бы люди, - он поднес ее к свету и вернул мне. – Это палочка заклинаний. Волшебное устройство, распространенное на юге. Нужно разбить ее, что бы высвободить действие заклинания. Руны говорят, что заклинание изменит ваш облик. Иллюзия будет длиться, пока вас не ударят или пока вы не решите раскрыть себя. Откуда она у вас?

- От кое-кого со схожими целями, - ответил я. – От того, кто считает, что мне стоит принять участие в торгах этой ночью. Да, сегодня будут торги.

Лицо джина снова исказило беспокойство.

- Кое-кого?

- Коллекционера, который заявил свои права на шкатулку, - пояснил я, поднимая свою клешню. – Я знаю, что ему тоже не стоит доверять, но в первую очередь мне нужно добраться до шкатулки. Позже сможем все взвесить.

И опять этот глубокий вздох:

- Как пожелаете, сэр.

В тот же вечер, после высвобождения заклинания из палочки, я повернулся к Ампи и спросил:

- Как я выгляжу?

Джин нахмурился, склонив голову в одну сторону.

- Что-то не так.

- Не так? Как что-то может быть не так? – я повернулся назад к зеркалу. На меня смотрел весьма опрятный темный эльф в моей одежде. Мои волосы были белоснежно белыми, а кожа – цвета ночи, фиолетовой под ультрафиолетом. Я улыбнулся и прихорошился.

- Думаю, это улыбка, - выдавил джин, наконец.

- Слишком кричащая? – спросил я.

- Слишком официальная, - ответил Ампратинес. – Не могу представить себе не одного дроу улыбающимся, если только он не стал свидетелем расчленения. Попробуйте нахмуриться.

Я попытался изобразить угрюмый вид.

- Лучше, но не совсем то, - сказал Ампи. – Вы не выглядите злым, скорее раздраженным. Попробуйте выглядеть более трагично. Более испуганным.

Я нахмурился сильнее.

Ампи вздохнул:

- Полагаю, это лучшее, что мы можем. Вот, возьмите это.

Он протянул мне несколько длинных полос из белой ткани.

Я одарил джина насмешливым взглядом, но он объяснил.

- Дроу общаются с помощью языка жестов. Если к вам вдруг обратятся, то вы сможете сказать, что были ранены и не смогли ответить.

Я взглянул на бинты еще раз, и взял их. По крайней мере, он оставил попытки убедить меня отказаться от Друсиллы и пытался быть полезным. Пока я наматывал бинты на свое запястье, он продолжил.

- Я вызвал карету. На вашем месте, я бы оставил капюшон накинутым, по крайней мере, пока мы в «Виверне». Не думаю, что Верхний Город часто принимает расы завоевателей из Подземья и вряд ли оценит ваше присутствие, а меня не будет рядом, чтобы помочь.

Я уставился на джина.

- Ты не идешь? Я искал кого-то, кто бы держал арбалет в этом приключении. Ну, на случай, если что-то пойдет не так.

- Я буду неподалеку, - сказал джин. - Я попросил у мудреца Преспоса некий предмет, и окажусь рядом, как только получу его.

И на этом я покинул Нижний Город, снова сидя в конце кареты, с лицом скрытым под капюшоном. Иллюзия преобразила мой плащ, как и забавно изогнутые длинные мечи. Последние выглядели невероятно эффектными, но заставить их лежать правильно было нереально. Пытаясь их уложить, я закончил тем, что сам разлегся в карете, размышляя, не из-за этого ли темные эльфы такие злобные?

Ночь упала на Нижний Город, и это значило, что серость дня подчинилась дымной черноте вечера. На входе в «Нору», на этот раз, стоял хафлинг-стражник, отгонявший нежелательных лиц. Гуляк и завсегдатаев, как и некоторых людей, не пустили внутрь. Я ждал в очереди, тренируя свой нахмуренный взгляд. Долгое ожидание невероятно помогло мне в актерском мастерстве.

Компанию передо мной спровадили прочь: группу dwarфов-рабочих, разочарованных тем, что вечерняя игра «брось дротик в эльфа» была прервана, прогнали. Хафлинг у двери нахмурился, глядя на меня.

- Сегодня частная вечеринка.

- Я знаю, - сказал я, пытаюсь выглядеть более хмуро, чем он. - Есть вещь на продажу. Я хочу принять участие в торгах.

- Имя?

Мой мозг трагически опустел.

- Зииксзита, - прорычал я, пытаюсь вставить как можно больше «з» и «кс».

- Как оно пишется? - спросил полурослик.

- Так же, как и слышится, - сказал я, убирая плащ и ложа руки на рукояти клинков.

Хафлинг посмотрел на изогнутые мечи, а затем на мое лицо. Он кивнул в сторону двери. Я одарил маленького гуманоида угрюмым рычанием и вошел внутрь.

Я был поздним гостем. Полуорк варвар уже был там, как и причудливо одетый южный dwarf, и женщина-дроу, в платье с глубоким вырезом, которое будто плевало на гравитацию, нравственность и несколько местных постановлений. Здесь было не меньше семи магов нечеловеческих рас и несколько существ в толстых плащах, которых я не знал.

Большинство столов было убрано по сторонам комнаты, а стулья были выставлены строго в линию перед баром. Фуршетный стол предусмотрительно расположили в противоположном конце комнаты. Когда я вошел, один из хафлингов стоял на барной стойке, и кричал, пытаюсь всех уговорить.

Пока я изучал комнату, мои глаза прикипели к той самой женщине-дроу. Она выглядела настолько властно, насколько темная эльфийка только могла выглядеть,

хоть и не была Матроной. Дроу-дебютантка, видимо, но все же, она могла разоблачить меня.

Она подняла руку, и ее пальцы нарисовали причудливые узоры в воздухе. Я замер на мгновение, подозревая, что это заклинание, но тут же понял, что она приветствовала меня на своем непонятном языке. Я поднял свои забинтованные руки и подарил ей самый дроуобразный взгляд, на который был способен. Она, в свою очередь, одарила меня ледяным взглядом, но кивнула.

Я медленно выдохнул, мысленно благодаря всех богов и Ампи, и решил сесть подальше от эльфийки. Я не верил, что моя маскировка проведет истинного жителя Подземья, и не хотел испытывать удачу. В итоге, я сел рядом с полуорком.

- Што ты поставить на это? – спросил полуорк, без предисловий или приветствия.

Я на мгновение задумался. На самом деле, если торги закончатся на хрустальной сфере, то я планировал обнаружить того, кто приобрел шкатулку, и подобраться к нему поближе. Это было бы лучше, чем иметь дело с хафлингами. Тем не менее, я ответил.

- Чего бы ни стоило, - ответил я и нахмурился.

Полуорк выдал глубокий смешок.

- Шагласен. Чигобы ни стоять, - он вытащил шипованный кинжал. – Только не вставать на моем пути, да?

- Займите свои места, - сказал хафлинг. Как только мы заняли свои места, он трижды стукнул посохом и представление началось.

Задняя дверь распахнулась и процессия вошла: один из огров, пара хафлингов-стражников с копьями, хорошо одетый хафлинг с сервировочным блюдом, и еще два хафлинга-стражника, а за ними второй огр. Каждый из полуросликов мог быть Большим Уродцем. Или все они.

Нарядный хафлинг взобрался на стойку и поставил на нее блюдо. Огры стали по обе стороны от блюда за стойкой. Хафлинги встали у дверей. Полурослик с посохом начал говорить.

- Мы представители владельца этого заведения, известного людям под именем Большой Уродец. Мы благодарим вас, что вы прибыли так быстро. Тупой щеголь, человек, пришел к нам выкупить одну вещь в нашем распоряжении. Пока мы не избавились от нее, мы хотели бы дать нашим братьям, нелюдям, - он обвел маленькой ладонью всех присутствующих, - возможность первыми выкупить ее. Многим из вас был дан шанс ознакомиться с этой вещью – но не всем. Поэтому, мы проведем короткий показ, прежде чем начнем принимать ставки.

Хафлинг с блюдом поднял крышку, чем приковал все взгляды в комнате. Я не смог увидеть саму шкатулку из-за толпы, которая была весьма упорядочена, прямо как скорбящие на похоронах. Каждый почтил «усопшего» и сел на свое место.

Я позволил полуорку пройти вперед меня, из-за чего оказался рядом с женщиной-дроу.

- Откуда ты? – спросила она с холодной улыбкой. Она смотрела вперед, но вопрос был явно адресован мне.

Я пробормотал что-то невнятное, а затем, наконец, сказал:

- Глубоководье.

- Порт Черепа, ты хотел сказать, город под городом? – кивнула она. – Я слышала о нем, но никогда не была там. Кто ты?

- Я скажу, если ты представишься, - была почти наша очередь посмотреть на лоты.

Эльфийка посмотрела на меня, и это был удивленный взгляд. Вероятно мужчины-дроу не такие дерзкие, но она все же ответила.

- Справедливо. Я Маринанта, верная последовательница Демиурга Отчаяния, верная Деве Боли. А ты?

- Зииксзита, - пробубнил я, придерживаясь моей истории. Затем маг и полуорк разошлись, и я наконец-то взглянул на шкатулку.

Она сразу же ставила меня вспомнить о Друсилле. У нее было такое же чистое сияние, которое, казалось, олицетворяет молодую женщину. Это был кубик из прозрачного желтого золота, с ребрами в три дюйма. Грани были украшены множеством узоров и мистических стражей, похожими на те, что украшали стены «Норы». Думаю, этого количества символов хватило бы, чтобы у Ампи разболелась голова. Не было никакой очевидной защелки или петли. Внутри полупрозрачной шкатулки нечто неопределенное, похоже, сияло от собственной силы.

В этот момент я понял, почему Друсилла хотела свою коробочку назад, ну, или мне так казалось. Это была одна из самых прекрасных вещей, что я видел в своей жизни. Также я понял, что не смогу перебить ставки других желающих.

Я посмотрел на дроу с вырезом на платье, ожидая увидеть тот же взгляд удивления и понимания. Вместо этого, я увидел пару прищурившихся глаз, которые будто смотрели сквозь меня.

- Зииксзита это женское имя, - прошипела она. – Кто ты на самом деле?

Если бы я думал о своих мисториях, то смог бы выпутаться, придумал бы какое-нибудь объяснение, но правда в том, что я был очарован красотой шкатулки. Я сделал то, что дроу никогда не стоит делать. Я улыбнулся.

Ее глаза немедленно распахнулись в осознании.

- Ты не дроу, - повысила она голос. Затем она закричала еще громче. – Среди нас самозванец!

Я немедленно крутнулся на своих каблуках, глядя на лица шокированных гостей.

- Среди нас самозванец! – громко согласился я. – И это он!

Я указал на полуорка варвара, который в этот момент расположился у буфетного столика.

Я выбрал идеальную цель, хотя бы только потому, что его рот был набит едой, и он не мог защититься от этих нападок. Вместо этого он бросил тарелку и потянулся к своим ножам, что отлично подтверждало его вину. Оба огра перепрыгнули через барную стойку, в то время как комната наполнилась смертельными шепотами клинков, палочек и колдовских принадлежностей, вытащенных из ножен и карманов.

Эльфийка закричала.

- Нет, не он, другой дроу!

Но к тому моменту я уже сделал свой ход. Пока все оглянулись на полуорка, я потянулся и схватил янтарную шкатулку. Артефакт был теплым на ощупь, и его

тепло тронуло меня до самой души. Я почувствовал, что должен защитить его, должен вернуть его Друсилле.

Я услышал взрыв со стороны буфетного столика: один из магов решил, что полуорк виновен в чем-то, кроме самозванства. Та сторона комнаты наполнилась ярким свечением, дополненным запахом паленной орочей плоти и криками временно ослепших магов-нелюдей. К тому моменту, когда женщина-дроу сделала свою поправку, я уже был на полпути к двери. Мне нужно было только пройти мимо двух хафлингов-стражников и скрыться в ночи.

Это то, что я намеревался сделать. Вместо этого я нашел перевернутый стул и запутался в нем своими ногами. С криком я рванул вперед и вниз, по-прежнему сжимая коробочку в своих забинтованных руках.

Падение, видимо, спасло мне жизнь. Над моей головой россыпью ударила молния, огненные болты и другие магические снаряды. Усыпанная стражами стена сияла, пока на нее действовала эта энергия, а затем начала дымить, перегруженная силой нападения.

Я взял себя в руки, пока все перезаряжались и бежали к двери. Два, теперь уже слегка обожженных, огра перегородили мне путь и направлялись в мою сторону, держа кулаки наготове.

Первый раз я упал случайно. Теперь я сделал это нарочно, бросая себя за перевернутый стол. Кулаки огров врезались в стену за мной. Затем я поднялся снова и направился к двери, слыша проклятия огров в мой адрес.

Острый конец копья возник из ниоткуда и ударил меня в лицо. Мой мозг мог бы понять, что оно принадлежало одному из хафлингов, и мог бы понять, что для этого они их и носили. Так удобнее сражаться с высокими воришками. Но вместо этого, мой мозг сконцентрировался на том, чтобы упасть на пол. Если бы у него было место специально для этих задач, то он бы заметил, что я вернулся к своей истинной форме - форме Терциуса.

В глазах перестало двоиться только для того, чтобы я увидел ужасную картину. Пять злых хафлингов. Два огра с разбитыми руками. Разъяренная женщина-дроу. Плохо обжаренный, но все еще живой, полуорк. И разномастные маги-нелюди. Похоже, никто из них не был доволен мной сейчас.

Смутно осознавая, что шкатулка по-прежнему у меня в руках, я встал на ноги. Я держал коробочку высоко над головой, намереваясь ее разбить, если мне не дадут уйти.

Я хотел им пригрозить, честно, но как раз тогда стена рухнула.

Стена была разбита заклинаниями и ограми, а теперь, похоже, ломалась сама по себе. Длинные трещины поползли по остаткам каменной кладки, штукатурка начала трескаться под уроном, который пережила. Какое-то время стояла тишина, а потом вся западная часть здания с рокочущим грохотом разрушилась, и ночной ветер занес пыль в «Нору».

Вместе с пылью что-то еще попало внутрь. Что-то высокое и гордое, и очень, очень опасное. Сначала мне показалось, что я узнал очертания, но убедил себя, что я просто сбит с толку исчезновением стены. Затем я протер глаза от пыли и увидел, что проскользнувшая фигура, это действительно была Друсилла.

Это действительно была она, только Друсилла выросшая еще на фут, с одеревеневшей спиной и пережившая несколько неприятных войн. Ее чистые глаза сейчас пылали огнем, а ее нос пуговкой и пухлые губы были испорчены рычанием. Золотые волосы развивались во всех направлениях, как если бы она только что поздоровалась с зарядом молнии.

Ее голос больше не был тихим, но звучал все также.

- Я пришла за своей собственностью. Твои стражи больше не защищают тебя. Верни то, что принадлежит мне!

Один из магов – эльф – выдавил первые два слова заклинания. Друсилла рывкнула несколько слов на нечеловечьем языке, и вся компания ужаснулась от вида скелета, который остался от незадачливого мага. Я обдумывал слова Ампи, предупреждавшего, что Вермееры были магами, и мысленно застонал. Друсилла могла быть членом этой семьи, в конце концов. Я заметил, что она не была выше, она парила в фути над обломками.

Неожиданная кончина мага-эльфа была достаточным поводом для всех, даже хафлингов, отвлечься от своих дел. Они побежали к дверям и новым «выходам» в стене. Друсилла позволила им уйти, затем повернулась ко мне и зарычала:

- Болван!

Не лучшее приветствие должен признать.

- Ты не пришла на обед. Мы беспокоились. Ну, эм-м, я беспокоился, не важно, - сказал я.

Казалось, искры сыпались из глаз Друсиллы, а кончики пальцев горели.

- Если бы ты не был таким ослом, я бы вернула янтарную шкатулку тихо. Теперь мне придется забрать ее. Отдай ее мне.

Я кивнул и был готов отпустить коробочку.

- Не делай этого! – прозвучал гнусавый голос из дверного проема. – Ты защищен от нее, пока держишь эту коробочку. Отдашь шкатулку, и она убьет тебя.

Коротышка коллекционер прошел через дыру в стене. Друсилла охнула и отступила назад к буфетному столику.

- Уходи! – прокричала она. – Она не твоя.

- Боюсь, что моя, - коротко ответил лысеющий старик. – И мы оба это знаем.

- Подождите, - сказал я, когда не смог больше выносить весь этот дым, шум и накаляющуюся обстановку.

Я достал коробочку.

- Что в ней такого особенного? – я попытался открыть ее.

Друсилла закричала и бросилась на меня. Я хорошо среагировал, прижав коробочку к груди как ценный талисман, а не выпустил ее из рук.

Друсилла парила вокруг меня.

- Ты обещал вернуть ее, - сказала она, - вернуть ее мне. Как же твое обещание?

- Обещание, данное под ложным предлогом, не является обязательным, - спокойно сказал старик, как если бы ему часто приходилось вести переговоры в разрушенных барах с парящими устрашающими женщинами. – Не прячься за обещаниями.

- Здесь только ты прячешься, Коллекционер, - зашипела Друсилла, делая несколько шагов назад и оборачиваясь к коротышке. – Почему бы тебе не показать свою истинную форму?

Невысокий старик какое-то время смотрел на парящую женщину, затем кивнул и улыбнулся.

- Как пожелаешь, - произнес эти слова, он начал расти.

Кожа Коллекционера покраснела и покрылась черными трещинами. Его руки и ладони удлинлись, обрастая желтоватыми когтями. Невзрачное лицо отрастило клыки, а лоб увенчалась рогами. Было слышно звуки рвущейся плоти: на спине появились огромные эбонитовые крылья летучей мыши. Нелепые толстые линзы остались на его широком носу, делая его глаза похожими на большие желтые тарелки.

- Посмотри на него! – завопила Друсилла. – Посмотри КТО хочет шкатулку!

- Баатецу! – закричал я, не переживая, что мой голос дрожал, в этот момент это меня не сильно беспокоило.

- Дьявол, если будет угодно, - сказала существо тем же гнусавым голосом, что и раньше. – Я не церемонюсь, предпочитаю выражаться ясно, просто и кратко. Кстати о прятках, ты ведь не сказала своему подопечному, что в коробке, не так ли, Друсилла?

Парящая женщина зашипела и сделала еще пару шагов назад. Дьявол вытащил из обломков стул и сел на него.

- Видишь ли, молодой смертный, «Коллекционер» это не хобби, и даже не прозвище. Это скорее работа. Это моя задача, собирать старые долги, независимо от того насколько старые. Вот этот был неуплаченным на протяжении сотни лет.

Я вцепился в коробку у своей груди и смог только кивнуть. Сто лет? Тогда Друсилла была больше чем потомком волшебников. Она, вероятно, была одной из первых Вермееров.

- Чувствуешь тепло из коробки, смертный? – поинтересовался Коллекционер. – Это душа Друсиллы Вермеер. Она выменяла ее годы и годы назад, но спрятала прежде, чем я смог разыскать ее. Она изучала некромантию, что бы продлить себе жизнь до того момента, когда мы забудем о долге. Но мы, - дьявол поправил очки, - никогда не забываем.

- Он врет. Он же дьявол. Это злые существа. Они сделают все, чтобы получить желанное. Ты ведь знаешь это. Ты знаешь меня, - сказала Друсилла.

Она медленно спустилась на землю, пока говорила это. Ее лицо, которое мгновение назад искажала ярость, разгладилось, губы налились снова, а глазам вернулись ангельские черты.

- Ты же знаешь, что он лжет. Если бы это было не моим, стала бы я просить тебя о помощи? Я не хотела, что бы у тебя было столько проблем из-за этого. Ты же знаешь, что он врет.

Проблема была в том, что я не знал. Я перебрал в голове каждый рассказ-мисторию мисс Родигар-Гленн, и не смог найти ни одной ситуации, как та, с которой я столкнулся. Мисс Родигар-Гленн удручающе молчала о дьяволах и некромантах.

Тем не менее, именно Друсилла первой попросила о помощи, независимо от ее истинного облика. Я пообещал, даже если дьявол был прав в отношении лживых

предлогов. Медленно, я оторвал шкатулку от груди и протянул ей. С застенчивой улыбкой, она протянула свою руку за коробочкой.

- Господин Терциус, нет! – крикнул Ампи, неожиданно оказавшись в дыре стены.

Сам того не желая, я выдернул шкатулку из рук Друсиллы. Голос Ампи прошелся по моим костям, и резкой команды было достаточно, чтобы я изменил свое решение.

Друсилла повернулась на каблуках к джину и зарычала.

- Что тебе нужно, слуга кольца?

- Мне нужно разрешение, - спокойно ответил Ампи, протягивая небольшой свиток. – Простое разрешение. Вы знаете, что это, Друсилла Вермеер?

Лицо Друсиллы вмиг побледнело. Казалось, это ее естественный цвет лица. Ее, когда-то золотые волосы, тоже посветлели и теперь выглядели как дым.

- Нет, - спокойно ответила она. – Нет.

- Можно мне? – спросил Коллекционер, и Ампи передал свиток дьяволу. Инфернальное существо быстро изучило свиток. – Как я и думал. Это настоящее соглашение между тобой, Друсилла Вермеер, и Инфернальным Судом. Сила в обмен на твою бессмертную душу. Сила, достаточная, чтобы разрушить всю твою семью, если я правильно помню. Ты даже почти вернула назад свою душу. Неплохо, как для призрака.

Призрак. Да, именно так выглядела Друсилла в тот момент. Она стала почти неосязаемой, почти полностью исчезая из виду, пока дьявол говорил. Ее лицо побледнело еще сильнее, до цвета кости. Издав последний крик, она бросилась на джина и дьявола. Пара уклонилась, но они не были целью ее атаки. Она перелетела обоих и вылетела из помещения в город, крича как банши, растворяясь в ночи.

- Хм-м-м, - протянул Коллекционер. – Я думаю, с этим мы разберемся. А теперь, к делу. Коробочку, будьте любезны.

Я посмотрел на шкатулку, а затем на Ампи.

- Она по праву его, - сказал джин покорным тоном. – Будет правильно вернуть владельцу его собственность.

- Есть и другой путь, конечно, - сказал дьявол. – Я могу позволить душе Друсиллы уйти, если кое-кто найдет ей замену.

Дьявол сделал шаг вперед и продолжил.

- Другая душа, благородная и невинная на этот раз, в обмен на ее душу. Возможно, если бы ты предложил свой бессмертный дух...?

Дьявол протянулся ко мне, но рука Ампи крепко сомкнулась на руке баатезу.

- Вы получили свою сделку, - резко сказал джин. – Не заигрывайтесь, иначе вам придется иметь дело со мной.

Дьявол смутился на секунду, и я увидел дикий блеск в его очках. Затем он отступил и Ампи отпустил его руку. Дьявол потер руку и сказал:

- Что ж, пускай. Нет необходимости жадничать.

Я посмотрел на коробочку, затем на Коллекционера, и протянул коробочку.

- Забирай тогда, - сказал я. – Но знай, что это уже стоит у меня поперек горла. Мне не нравятся связываться с дьяволами, даже если на их стороне правда.

Дьявол заулыбался и взял коробочку.

- Я знаю, - сказал он. – Вот почему иметь дело с тобой так приятно.

На этом inferнальное существо засмеялось и исчезло в облаке дыма. Вдалеке появились признаки того, что наша борьба разбудила город, и уже было слышно крики городской стражи.

Я огляделся. Мы были единственными, кто остался в «Норе», и было бы плохой идее оставаться тут, пока стража не прибудет.

- Думаю, пора делать ноги, - заметил я.

- Согласен, сэр, - ответил Ампи. – Я взял на себя смелость подготовить и нагрузить двух лошадей в паре кварталов отсюда.

- Всегда думаешь наперед, не так ли? – сказал я. – Ну, одну вещь не стоило грузить на лошадей – эти проклятые мистории. Абсолютно неправдоподобные, как оказалось, да и неприятности они притягивают. Бросим в первый же колодец, который встретим.

- Я уже позаботился об этом, - сказал джин.

Я посмотрел удивленным взглядом на Ампратинеса.

- Помните, я говорил, что Преспос много просит за помощь? – начал джин. – Оказалось, что он также большой поклонник этих мисторий, и невероятно заинтригован тем, кто же положил сапоги в рагу Мадам Милани. Теперь он гордый обладатель всей вашей коллекции.

К..

Ричард Ли Байерс

Звезды ярко сияли в холодном, разреженном горном воздухе. Наслаждаясь их красотой, понемногу убаюкиваемый треском костра и монотонным звуком храпа его друзей, Калладон Лунный Путь размышлял о том, что его жизнь искателя приключений в целом протекала неплохо, даже в такие часы, когда он дежурил посреди ночи.

Неожиданно позади себя он услышал стук и шуршание.

Калладон обернулся. Он увидел Ошера, служителя Торма, жреца отряда, который слабо ворочался и подергивался, в то время, как расположившиеся рядом другие пять членов группы безмятежно спали.

Было похоже, что Ошеру снился кошмар. Быстро поднявшись, Калладон направился к нему, чтобы разбудить. Но не сделав и двух шагов, стройный молодой полуэльф с волосами цвета платины увидел влажное пятно, мрачно мерцающее на груди жреца, и уловил запах крови. Он со всех ног бросился к Ошеру.

Даже когда Калладон зажал раны своего друга, он с ужасом понял, что уже ничем не сможет ему помочь. Что-то в клочья разорвало горло Ошера. Только собственная исцеляющая магия лысого священника с похожим на клюв носом могла бы сохранить в нем жизнь, но его страшная рана не давала ему возможности произнести заклинание.

Внезапно Ошер схватился за запястья Калладона.

- Не шевелись! – воскликнул Калладон. – Я пытаюсь помочь тебе!

Но жрец не отпускал. Каким-то непостижимым образом, находя в себе силы, которых, казалось, не должно быть у столь тяжело раненого человека, он вцепился в руки Калладона и отвел их в сторону.

Калладон собрался было бороться с ним дальше, но увидел обращенный на него умоляющий взгляд жреца. Взгляд полный отчаяния, но все же совершенно ясный. Испытывая благоговейный ужас от сознания того, какой решимостью обладает этот искалеченный человек, полуэльф перестал сопротивляться и позволил тому делать то, что он хочет.

Ошер окунул кончик пальца в собственную рану, словно в ужасную чернильницу, и дрожащей рукой начал писать на земле. Жрец успел вывести только букву «К», прежде чем его глаза закатились, и, издав длинный, жалобный стон, он затих.

– Что случилось? – раздался грохочущий голос Ковоста из Мифрил Халла. Калладон повернулся на звук. С встопорщившимися усами над густой черной бородой и нахмуренными бровями, дварф стоял, зажав свой боевой топор в мозолистых руках. Редкие клочки волос высывались из-под торопливо надетого шлема из стали и кожи, словно лепестки увядшего цветка. За его спиной другие члены команды спешно, но с запозданием, поднимались.

– Что-то убило Ошера, – сказал Калладон. Он направился к тому месту, где сидел, взял свой большой лук, наложил стрелу и всмотрелся в темноту вокруг.

– Создай побольше света, – посоветовал Перис, худощавый, с приятным голосом, следопыт, в прошлом разведчик у Старейшин Эверлунда, поднимая свои меч и щит.

Калладон развязал свой небольшой мешочек, в котором хранились магические компоненты, вынул из него щепотку фосфоресцирующего мха и прошептал заклинание. Серебристый свет расцвел на верхушке его лука. Все пристально всматривались в темноту, держа оружие наготове.

– Я думаю, оно ушло, – сказал, наконец, полуэльф.

– Что это было? – потребовала ответа Моанда Шип, держа копье в одной руке и небольшой круглый щит, оканчивающийся в середине необычайно острым выступом, – служившим источником ее прозвища – в другой.

– Я не знаю, – сказал Калладон, испытывая, даже если это и не было оправданно, чувство стыда.

Светлоглазая варварша, которая выросла на бескрайних просторах ледяного Севера, сверлила его взглядом.

– Ты был на часах. Как что-то могло прокрасться в лагерь, убить кого-то и незаметно убежать, а ты даже не заметил?

– Если ты не спал, – добавил Силбэстис, коренастый, покрытый бесчисленными татуировками, бывший моряк с Побережья Мечей. Его палаш и круглая золотая серьга в ухе отражали отблески магического света.

Калладон воздержался от гневного возражения, готового было сорваться с его губ, понимая, что, возможно, на их месте он повел бы себя так же.

– Я клянусь, что не спал. Просто я... не видел его.

Низко наклонившись и изучая почву вокруг, Перис сделал несколько шагов к телу Ошера.

– Что бы это ни было, оно не оставило никаких следов. И это любопытно. На такой почве это трудно сделать.

– Ошер хотел сообщить нам, что это было, – сказал Калладон. – Он не мог говорить, поэтому пытался написать. Но он успел вывести только первую букву «К», прежде чем его сердце остановилось.

– Кобольд! – воскликнул вор Гайбик. Розовощекий, курносый маленький человек, хотя уже и достигший среднего возраста, выглядел так, будто был еще подростком. Он мог виртуозно вскрыть замок или разыскать тщательно укрытый клад, но это компенсировалось непроходимой тупостью в других делах.

Ковост закатил глаза.

– Кобольд не мог прокрасться в лагерь и выйти из него так, чтобы его никто не заметил, ловкий воришка. И он наверняка оставил бы следы.

– Только Майлики знает, что хотел написать Ошер, – сказал Перис, возвращая свой меч в ножны. Лезвие вошло с мягким металлическим звуком. – Я боюсь, вариантов слишком много, чтобы мы могли разгадать правильный. И все, что мы можем сейчас сделать, так это установить двойную охрану на остаток ночи.

Моанда мрачно кивнула, и от этого движения ее пепельного цвета косы подпрыгнули на груди.

– Мудрая мысль. Кто-нибудь поможет мне отнести Ошера к краю лагеря?

– Я помогу, – откликнулся Калладон. – Но сначала... – Его компаньоны пристально посмотрели на него. – Если это – моя ошибка, если я был недостаточно внимателен, то я сожалею.

Несколько мгновений никто не произнес ни слова, и он уже начал думать, что отныне все они будут презирать его.

Наконец, Ковост сказал:

– Не вини себя, парень. Мы находимся далеко в Нетерских горах. Странные вещи случаются здесь. Перенесите тело, потом попытайся немного поспать.

На рассвете дикая местность предстала во всей своей красе. Во всех направлениях, насколько мог видеть глаз, возвышались горы. Их первозданные вершины, покрытые вечными снегами, отражали алые лучи восходящего солнца, но под ними, внизу, все еще царил мрак, скрывая ущелья и долины. Нигде не было видно ни единого дома, дороги или столбиков дыма, поднимающихся к бескрайнему синему небу, ни каких-либо других признаков цивилизации. Часто по утрам Калладон наслаждался, глядя на эту необъятную красоту, которая согревала его душу. Но не сегодня. Не сейчас, когда он и его компаньоны занимались печальной задачей сортировки имущества их мертвого друга.

Они забрали драгоценности – рубины, огненные опалы, сапфиры, бывшие долей Ошера от найденных ими сокровищ – и личные вещи: кожаный наголовник, сплетенный его сестрой, флейта, на которой он играл в минуты отдыха, и стальной амулет, отлитый в форме перчатки, которая была символом его веры. Их они доставят в его храм. Остальное, включая его тяжелый стальной нагрудник, украшенный перчаткой Торма, они похоронили вместе с ним.

После унылого завтрака они отправились в путь, на запад. Скорбя по Ошеру, Калладон поймал себя на мысли, что вспоминает все события, которые произошли с момента образования их отряда.

Они случайно встретились в обветшалом постоялом дворе в Джалантаре. На исходе ночной пьянки Ковост торжественно предложил отправиться в неизведанные горы на востоке за сокровищами. Все знают, что древние чародеи Нетерила мешками прятали свое золото и бриллианты в каждой пещере и дупле дерева. Так что нужна только группа толковых парней, чтобы достать оттуда все это богатство.

Хотя и менее пьяный, чем большинство его компаньонов, Калладон принял это предложение с таким же энтузиазмом. Ведь для чего же еще он вызвал гнев своего отца – лунного эльфа – и заставил волноваться свою человеческую мать, отказавшись жить безопасной, разумной жизнью резчика по дереву, как все остальные в его семье? Или обучался у своего боевого наставника и, менее усердно, у волшебника, пока ворчливый старый Хлонт не заявил, что тот грубый, самоуверенный воин, и не прекратил свои уроки? Так почему бы теперь не присоединиться к команде авантюристов и не отправиться на поиски приключений?

Хотя, если бы он знал, что ждет его впереди, то, наверное, дважды подумал бы, потому что вскоре стало ясно, какая на самом деле это была плохо подобранная и вздорная команда. Трезвый Ковост вспомнил обычный dwarфский предрассудок, направленный против эльфов и полуэльфов. Моанда, как любой правильный варвар, относилась недоверчиво к магам и презирала своих спутников, как всех представителей вызывающей, по ее мнению, отвращение, упадочной цивилизации. Силбэстис раздражал других, уклоняясь от всякой работы, Гайбик – потому что воровал у всех, а Перис – из-за своего флегматичного характера.

Если вспомнить их частые препирательства, было чудом, что они продержавшись неделю в Нетерских горах. Но не все. Когда они были еще в предгорьях, огр убил Бакса, единственного настоящего волшебника группы, точно бросив камень. Но остальные выжили, научившись сотрудничать, и, в конечном итоге, даже стали уважать друг друга. Предрассудки исчезли или, по крайней мере, перестали применяться к товарищу, находившемуся рядом, в то время как достойные порицания черты характера и неприятные привычки стали выглядеть как милые причуды.

Наконец, по прошествии нескольких недель после того, как холодные осенние ветры начали дуть с севера, они нашли разрушенную крепость и склепы под ней. К сожалению, у них почти заканчивалось время для того, чтобы исследовать это место. Они должны были попасть в Сандабар прежде, чем первые снежные бури запечатаят перевалы. Но утром того дня, в который они собирались уходить, Гайбик обнаружил клад с драгоценными камнями, скрытый за рогатым барельефом какого-то давно забытого существа.

Авантюристы могли бы безбедно жить с таким богатством всю оставшуюся жизнь, но пока они, радуясь, шутя и ликуя, поднимались на хребты и спускались в долины, никому из них не пришла в голову такая рассудочная, скучная мысль. Они собирались провести зиму, живя в роскоши как лорды, а затем вернуться весной за

оставшимся сокровищем. Никто не сомневался, что оно останется на прежнем месте, и никто не был разочарован перспективой повторной экспедиции.

Но со смертью Ошера пропала вся их радость. Они молчаливо тащились, пугливо и нервно вглядываясь за каждую сосну, цепляющуюся за крутой скалистый склон над тропой. Наконец, где-то в середине дня, когда солнце поднялось за их спинами, Перис отбросил свой зеленый капюшон с взъерошенных каштановых волос и повернулся, чтобы посмотреть на своих товарищей.

– Хватит грустить, – сказал он. – Нам будет не хватать Ошера, но он служил Торму хорошо. И его бог, конечно, усадил его на почетном месте за своим столом. Мы должны быть счастливы, думая о нем.

Стремясь подавить свое уныние, остальные кивали, слабо улыбались или что-то бормотали в ответ.

– И опять же, то, что убило его, – подхватил Ковост, – осталось далеко позади и не побеспокоит нас снова.

Калладон проснулся от резкого тычка под ребра. На основе прошлого опыта он знал, что это был стальной носок сапога Ковоста.

– Поднимайся, бездельник, – услышал он резкий возглас dwarfa.

– Хорошо, что за время суровых испытаний твои изящные манеры не стали хуже, – ответил Калладон. Отбросив покрывала, он почувствовал жгучий холод, словно лезвиями пронзивший его. Поднявшись на ноги, он поспешно обернулся в свой плащ из медвежьей шкуры, служивший ему дополнительным одеялом. – Очевидно, эта ночь прошла спокойно.

– Конечно, – хмыкнул Ковост. – Разве я не говорил...

Внезапно они услышали чей-то сдавленный вскрик.

Полуэльф повернулся. С посеревшим лицом Гайбик сидел на корточках возле Силбэстиса, пытаясь разбудить его, но моряк не двигался.

Другие авантюристы поспешно собрались вокруг трупа. На этот раз горло несчастного не было разорвано. Был только единственный аккуратный, круглый прокол.

– То, что убило Ошера, – дрожащим голосом прошептал Гайбик, – последовало за нами.

– И на этот раз оно, очевидно, убило свою жертву во сне, – сказал Калладон, испытывая печаль и тревогу. – Я не удивлюсь, что это его обычный способ убивать. Скорее всего, тогда Ошер просто случайно проснулся.

– Бедняга, – проговорила Моанда, пристально вглядываясь в тело. – Мне нравились его рассказы о море. Хотя я и была уверена, что он постоянно привирает.

– Бедный он и бедные мы! – отозвался Гайбик. – Если убийца появился уже дважды, он придет снова.

– Боюсь, что ты прав, – сказал Перис, присев. – Хмм. Это существо снова не оставило следов.

– И совсем немного крови на земле, – произнес Калладон. – Это тоже странно, как ты считаешь?

– Здесь все странно! – воскликнул Гайбик. – Будь благословенна Тимора, какая ужасная тварь преследует нас?

– Возможно, мы что-то разбудили в склепах, – предположил Перис мрачно. – Какого-нибудь хранителя, которого колдуны Нетерила поставили, чтобы он сторожил их сокровища.

Калладон пожал плечами.

– Мы не заметили ничего такого, когда были там, но, возможно, ты и прав.

– Что бы это ни было, – вслух размышлял Перис, – как оно может прийти, убить и исчезнуть когда захочет? Невидимо... не оставляя следа? Насколько я знаю, даже невидимые существа оставляют некоторые следы своего присутствия. Почему оно убивает только одного из нас, когда другие спят и также беззащитны? И самое главное, как нам защититься от него?

– Оно нападает в темноте, – сказал Ковост. – Мы могли бы путешествовать ночью, а спать днем.

Долговязый следопыт отрицательно покачал головой.

– Только не в этой местности. Я понимаю, что ты и Калладон видите ночью лучше, чем мы, люди, но все равно существует большая вероятность того, что мы собьемся с пути или сорвемся в пропасть в темноте.

– Теперь, когда мы знаем, что убийца преследует нас, – заявила Моанда, – давайте подстережем его.

– Стоит попытаться, – согласился Перис. – Но, если это не сработает, нам просто нужно будет направить существо по ложному следу, обустроить лагерь так, чтобы в него было труднее проникнуть, и быть более бдительными, выставя двойную охрану.

Он посмотрел на Калладона:

– Если, конечно, ты не сможешь сделать что-то еще с помощью магии.

Чувствуя себя бесполезным, полуэльф помотал головой.

– Я уже говорил вам, что изучил всего лишь немного заклинаний, и среди них нет того, которое сможет нам помочь.

Моанда раздраженно сплюнула.

– «К», – пробормотал Ковост, наморщив лоб. – Проклятье, что Ошер пытался нам сказать?

– Боюсь, то, что сказал Перис, все еще в силе, – сочувственно произнес Калладон.

– У нас по-прежнему нет никаких ответов на этот вопрос.

– Кователь Душ тебя разрази! – прорычал дварф. – По крайней мере, я пытаюсь помочь!

Потрясенный гневной вспышкой товарища, Калладон отступил назад.

– Нет! – взревел Ковост.

После похорон Силбэстиса авантюристы прошли приблизительно две лиги, затем потратили впустую драгоценные часы, просидев в засаде на противника, который больше не появился. После этого они постарались пройти как можно большее расстояние. Несмотря на усталость от такого бешеного темпа, Калладон

сначала слишком опасался за свою жизнь и поэтому не мог уснуть. Но следующие две ночи прошли без происшествий, порождая хрупкую надежду на то, что компания оторвалась от своего заклятого врага, и огромное нервное напряжение наконец заставило его погрузиться в глубокий сон.

Тем не менее, когда пронзительный крик Ковоста разбудил его, он мгновенно понял, что кто-то еще мертв. Он высвободился из своих одеял и, пошатываясь, направился туда, где уже стояли дварф и Моанда. Гайбик присоединился к ним мгновение спустя.

Компаньоны смотрели на неподвижное тело у них под ногами. Судя по всему Перис, как и Силбэстис, погиб так и не проснувшись. И снова на земле было совсем мало крови.

Детское лицо Гайбика исказилось в гневе, округлившимися глазами он смотрел на Ковоста и Моанду.

– Что с вами? Вы же знали, что этот демон где-то рядом. Вы должны были проверить все вокруг.

– Мы проверяли, – ответила Моанда. – Снова и снова. Я... Я не знаю, как это добралось до него, не потревожив нас.

– «К», – прошептал Ковост, пристально глядя себе под ноги. Его кулак сжался на ручке топора так, как будто он собирался им загнать ответ на этот вопрос себе в череп.

Дрожа от холода, сожалея о том, что не сообразил захватить с собой плащ, Калладон присел рядом с трупом. Как он и ожидал, на земле не было никаких следов.

– Ни один из нас не достигнет Сандабара, – сказал Гайбик замогильным голосом.
– Мы все умрем в этих ужасных горах. Если... – Он помчался к своим вещам и, разорвав свой походный мешок и вытащив оттуда горстку драгоценных камней, стал размахивать ими в ночи. – Забери их! Мы больше не хотим их!

Темнота не отвечала.

– Будь мужчиной, – брезгливо промолвила Моанда.

– «К»! – снова взревел Ковост, теперь уже не озадаченный, но вдохновленный. – «К», во имя всех богов!

В душе Калладона зародилась надежда.

– Ты догадался, что имел в виду Ошер?

Дварф смотрел на него, дико усмехаясь.

– О да, эльфеныш. Думаю, да – догадался. Я должен был понять это раньше, но упустил очевидное. Никто никогда не видел, как убийца подбирался к жертве или уходил из лагеря, потому что он был все время здесь, используя магию, чтобы убить своих товарищей тихо, издалека. Он убил Ошера первым, чтобы священник не смог обнаружить зло, живущее в его сердце, затем сделал все возможное, чтобы убедить всех не обращать внимания на подсказку, которую наш бедный друг оставил нам. «К» означает Калладон!

Полуэльф уставился на него.

– Это безумие! Вы видели всю мою ничтожную, мелкую магию. Вы знаете, что я не могу послать заклинание, которое бы убило кого-то так, чтобы не заметили часовые.

– Мы видели только то, что ты хотел показать нам, – заявила Моанда. – Кто знает, каким другим темным колдовством ты владеешь?

Ее палаш, с навершием в форме головы орла, тихо покинул ножны.

– Но почему, по вашему, я убил Периса и других?

– Все очень просто, – отозвался Ковост. – Ты хотел оставить все драгоценности себе.

Позади к нему приближался Гайбик. Он выглядел менее грозным, менее уверенным в виновности Калладона, чем другие, но у него также были короткий меч в одной руке и метательный нож в другой.

У Калладона не было желания нападать на своих друзей, но их поведение было угрожающим, и он мог только пожалеть, что не пристегнул меч к поясу. Но, тот, как и его лук и колчан со стрелами, все еще лежал рядом с плащом и одеялами. Все, что у него осталось, так это кинжал и мешочек, который всегда был привязан к поясу.

– Вы неправы, – сказал он. – Подумайте вот о чем. Я достиг тела Ошера еще до вас. Будь я убийцей, я бы стер эту букву «К» сразу.

– Быть может, ты не заметил ее вовремя, – парировала Моанда. – Во всяком случае, мы узнали правду наконец, и твой змеиный язык не убедит нас в обратном. Хватайте его!

Она и Ковост бросились на него, позади подбирался Гайбик. Отступая назад, полуэльф произнес заклинание.

Четверо Калладонов, идентичных оригиналу во всех отношениях, окружили его. Он бросился за деревья, а его иллюзорные близнецы, точно повторяя все его движения, словно отражения в зеркале, последовали за ним.

Его бывшие компаньоны начали преследование. Нож Гайбика просвистел сквозь одного из фантомов, и тот лопнул, как мыльный пузырь. Взмах меча Моанды развеял вторую иллюзию, и варварша выругалась с досады.

Калладон скрылся за соснами. Топор Ковоста пролетел мимо него, и на мгновение полуэльф усмехнулся. Это оружие не было создано для метания, и приземистый дварф не стал бы швырять его, если только не отставал.

Моанда и Гайбик начали наткаться на ветки и спотыкаться об изогнутые корни, которые избегал Калладон с его превосходным ночным зрением. И к тому времени, как последний фантом закончил свое существование, он растворился в ночи.

Вокруг завывал ветер, и с неба сыпался снег. Растущий вал штормовых туч, как будто второй ряд гор, сложенный поверх первого, затмил полуденное солнце. Ежась от холода и обнимая себя за плечи в тщетной попытке хоть немного согреться, Калладон напряженно прислушивался. Он не думал, что его бывшие товарищи устроят ему засаду, но ведь и раньше он не думал, что они примут его за предателя-убийцу, да и в любом случае, ему все равно не догнать их до наступления темноты.

После своего бегства он был в бешенстве от того, как друзья поступили с ним, но понемногу ему удалось успокоить свои эмоции. Он понимал, что Моанда, Ковост и

Гайбик не хотели обвинять его в убийстве. Когда компаньоны стали умирать один за другим, возникла необходимость выяснить, кто за всем этим стоит, и обвинение дварфа выглядело на редкость правдоподобным. Поэтому неудивительно, что Калладон не смог убедить их в своей невиновности, тем более у него не было другого объяснения, и, наверное, было естественно, что они направили оружие против предполагаемого виновника всех их несчастий. Он понял, на чем основывался их поступок, и он простил их.

Это было уже хорошо, потому что жизненно важно вновь присоединиться к ним. Несомненно, двинувшись в путь, они со злости захватили все его снаряжение с собой, и у плохо одетого и почти не вооруженного, лишенного своей книги с заклинаниями, провизии и фляжки с водой, у Калладона практически не было шансов выбраться из Нетерских Гор. Даже хорошо экипированный, он, вероятно, все равно не смог бы совершить этот переход в одиночку. Труднопроходимая, кишачая хищниками горная страна была просто слишком опасна.

Очевидно, что он мог вернуть доверие своих товарищей лишь найдя истинного убийцу, и ему пришло в голову, что он находится сейчас для этого в лучшем положении. Противник мастерски скрывался от любых охранников, которых выставляли авантюристы. Но, возможно, сторонний наблюдатель, тайно скрывающийся за пределами лагеря, смог бы его заметить.

Казалось, это был многообещающий план. Чтобы исполнить его, оставалось лишь пережить день.

Конечности его онемели, дышалось с трудом. Временами его путь проходил мимо провалов в земле или крутых откосов прямо за тропой. У него было настойчивое желание спрятаться в них, чтобы спастись от ледяного ветра, но он понимал, что тогда его компаньоны уйдут слишком далеко. Вместо этого он представлял себе дышащий теплом камин, насыщенную паром сауну, глоток глинтвейна, обжигающий горло и разжигающий жар в животе, и кровать с периной и нагроможденными на нее ватными одеялами.

Но это мало помогало. Калладон пообещал себе, что если каким-то чудом ему удастся пережить этот кошмар, он сбежит в солнечную Чессенту, где зима это миф, и никогда больше не будет блуждать по северу.

К середине дня, не чувствуя от холода ног, он плелся словно во сне, и сознание то ускользало почти от него, то возвращалось. В один из таких моментов он обнаружил себя в стороне от тропинки, всего лишь в дюйме от края пропасти. Опасность потрясла его, и от этого чувства полностью вернулись, и именно тогда он услышал гортанные орочьи голоса, раздававшиеся где-то сзади. Слава Кореллону, что у него был тонкий слух, и что в горах звук разносится далеко.

Было бы самоубийством противостоять этим существам здесь, где не было никакого пространства для маневра. Калладон побежал, и хотя он старался не шуметь, все равно услышал, что орки тоже перешли на бег. Они охотились на него.

После очередного поворота тропа уперлась в широкий выступ, поросший низкорослыми елями. Задышавшись, с бешено колотящимся сердцем, Калладон спрятался за одним из деревьев и приготовился произнести одно из двух заклинаний, оставшихся у него в памяти.

Три орка появились из-за поворота. Они носили рваные одежды, грубо выкрашенные в несочетаемые между собой цвета – грязный розовато-лиловый, яркий оранжевый и горчично-желтый. Широкие капюшоны, затеняя их свиные морды, защищали налитые кровью глаза от ненавистного дневного света; если бы светило солнце, они, вероятно, не стали бы выходить из своего логова вообще. Даже из своего укрытия Калладон уловил кислую вонь, исходящую от их грязной желто-зеленой плоти. Радуюсь, что не привлек внимания более крупного отряда, он позволил им подойти настолько близко, насколько это было возможно, а затем выхватил кусочек мха и прошептал заклинание.

В стороне от орков яркий белый свет расцвел среди вечнозеленых деревьев. При ясной погоде они, возможно, даже не заметили бы его, но в этот серый пасмурный день сияние ослепило их. Вскрикнув от удивления, они машинально повернулись к источнику света.

Калладон прокричал свое последнее заклинание. Из кончиков его пальцев вырвались два световых луча лазурного цвета и ударили в ближайшего орка. Существо упало замертво. Калладон вскочил на ноги и помчался вперед. Оставшиеся орки начали отступать. Ближайший из них, пузатый экземпляр с ожерельем из засушенных ушей, заметил несущегося на него полуэльфа, и его пороссячи глазки округлились. Он попытался выставить свое копьё на пути нападавшего, но замешкался. И этого мгновения хватило Калладону для того, чтобы вонзить свой кортик в грудь существу.

Понимая, что у него не было шанса застать последнего орка врасплох, авантюрист вырвал оружие и повернулся лицом к врагу. Это было нескладное существо с золотыми браслетами тонкой работы – возможно, доставшимися ему после разграбления какого-нибудь перебитого каравана – сверкающими на его жилистых, обезьяноподобных руках. Оно метнуло копьё, пролетевшее на волосок мимо Калладона. Орк выхватил кривой меч и бросился на него.

Полуэльфу нужно было преодолеть преимущество более длинного и более тяжелого оружия своего противника, и он знал, что у него будет лишь один шанс сделать это. Он отступил на несколько шагов, в то время, как клинок просвистел в дюйме от него. Поняв манеру нападения орка – существо выполняло высокие, горизонтальные, потенциально способные обезглавить взмахи – он сделал вид, что отступает еще на один шаг, но внезапно присев под линией удара противника и вогнал свой кинжал ему в живот.

Хрюкнув, орк согнулся пополам. Калладон ударил его снова, на этот раз в сердце. Тварь упала.

Калладон едва мог поверить, что единолично справился со всеми тремя нападавшими. По милости Кореллона больше врагов рядом не было.

Во любом случае, у полуэльфа не было времени стоять и наслаждаться победой, ведь Моанда, Ковост и Гайбик уходили все дальше с каждой секундой. Калладон в раздумье склонился над третьим из убитых им орков. При других обстоятельствах он посчитал бы постыдным, недостойным делом грабить мертвых, но будет еще более постыдным замерзнуть здесь до смерти, когда его друзьям нужна помощь в поимке убийцы. Надеясь, что эта одежда не кишит паразитами, он снял с орка

зловонный, но выглядевший достаточно теплым плащ, а затем забрал и изогнутый, с латунной рукояткой, ятаган чудовища.

Дрожа от холода, с завистью глядя на своих друзей, расположившихся возле небольшого костра, Калладон рассматривал лагерь из-за гранитного валуна. Гайбик и Моанда лежали, укутавшись в одеяла, и только Ковост, обернувшийся в медвежий плащ Калладона, стоял на страже. Возможно, авантюристы решили, что, прогнав вероятного убийцу, они больше не подвергаются смертельной опасности. Или, может быть, подумали, что когда их осталось только трое, двойная охрана просто невыполнима.

Солнце село несколько часов назад, и Калладон уже начал думать, что убийца не станет нападать этой ночью. Живот полуэльфа был давно пустым и болел от голода, и он мрачно размышлял, как будет чувствовать себя после еще одного дня без пищи. Быть может, ему стоило обыскать трупы орков. Наверное, у них была какая-нибудь еда, хотя хотя мысли о том, чем питаются такие существа, было почти достаточно, чтобы на время подавить голод.

Гайбик пошевелился под своими одеялами, и это движение приковало взгляд Калладона. Никакой призрак или убийца не склонялся над вором, и полуэльф уже собирался отвернуться, чтобы снова взглянуть в темноту за колеблющимся желтым огнем, когда поразившая его мысль заставила повернуться обратно: было что-то неправильное в том, как двигался Гайбик. Когда он более пристально всмотрелся в вора, стало понятно, почему. Маленький человек не просто перевернулся во сне. Он немного приподнял голову, как будто наблюдая за чем-то.

Это почти наверняка ничего не значило. Мало ли, может Гайбик просто проснулся на мгновение, осмотрелся вокруг и, удостоверившись, что ничего не происходит, заснет снова? Но его движения выглядели тайными, незаметными, словно вор следил за своими спутниками, убеждаясь, что Моанда по-прежнему спит, а Ковост стоит к нему спиной. Поэтому Калладон продолжал наблюдать за ним.

Тем не менее, в темноте он чуть не пропустил то, что произошло дальше. Что-то выползло из-под одеял Гайбика. Сначала полуэльф подумал, что это крыса, но разглядев ее длину и количество конечностей, решил, что какое-то огромное насекомое. И только когда оно побежало по земле, понял, что это была человеческая кисть. Конечность Гайбика, которая, вероятно, отделилась от его запястья.

«Теперь я понимаю, что ты хотел написать, Ошер», – с изумлением подумал Калладон.

Рука бесшумно и стремительно продвигалась вперед и на ходу изменялась. Кожа потемнела, пальцы удлинились до такой степени, что начали напоминать лапки паука. В это время Ковост небрежно огляделся вокруг, и рука немедленно припала к земле. Как только дварф отвернулся, она побежала к Моанде и притаилась возле ее шеи. Ее ногти превратились в когти. Тот, что был на указательном пальце, стал особенно длинным и узким, похожим на вязальную спицу или хоботок комара.

Калладон с ужасом наблюдал за рукой. Он внезапно понял, что если сейчас не вмешается, варварше останется жить всего несколько секунд. Он схватил свой меч, выбрался из-за камня и помчался вперед.

– Ковост! – прокричал он. – Помоги Моанде!

Сразу же самостоятельная конечность спряталась среди складок одеял Моанды, за секунду до того, как Ковост рефлексивно обернулся в ее сторону. Очевидно, не увидев ничего опасного, дварф сбросил с мускулистых плеч плащ Калладона, который упал к его ногам. Оскалив зубы и держа боевой топор наготове, он бросился наперерез полуэльфу.

Калладон остановился. Уж лучше так, чем дать возможность своему другу ударить его.

– Посмотри туда снова! – взмолился он. – Существо, истинный убийца, все еще возле нее!

Но когда он посмотрел туда сам, то увидел, что кисти уже не было.

– Ты безумец, если считаешь, что можешь одурачить нас во второй раз, – ответил Ковост, по-прежнему надвигаясь. За его спиной Моанда и Гайбик, снова обладающий двумя нормально выглядящими конечностями, отбросили покрывала и вскочили на ноги.

– Послушайте меня, – сказал Калладон. Моанда и Гайбик подбежали и встали рядом с Ковостом, обнажив мечи. – Я наблюдал за лагерем сразу после того, как наступили сумерки. Я надеялся, что убийца, возможно, не сможет скрыть себя от того, о чьем присутствии он не подозревал. И я не ошибся. Я видел его, и он все время был среди нас. Ты, Ковост, оказался прав. Гайбик – или скорее некое меняющееся облик существо, которое поймало нашего друга, убило его и скрывалось под его личиной – вот кто убийца. Я предполагаю, что мы привлекли к себе его внимание, когда осматривали крепость.

Ложный Гайбик вытаращился на него, прекрасно имитируя мимику оригинала.

– Я... что он говорит? Я – это я! – Он дико озирался то на Моанду, то на Ковоста. – Клянусь, что я – это я!

– Мы знаем это, – успокаивающе произнесла варварша, или постаралась произнести успокаивающе, насколько позволял ее тяжелый характер.

– Конечно, мы знаем, – поддержал Ковост. – Ты не мог передвигаться по лагерю так, чтобы часовые не видели тебя. К тому же Гайбик не начинается с «К».

– Нет, конечно, зато «кисть» начинается, – отозвался Калладон. – Наш самозванец – своего рода огромная пиявка. Он проник в наш отряд, потому что жаждет человеческой крови, и у него есть особый способ получить ее так, чтобы никто не заметил. Он может отделить свою кисть от тела и направлять как маленькое животное. Рука втыкает свой коготь в виде полый иглы в чью-нибудь шею, убивая так ловко, что жертва даже не просыпается. Конечность перекачивает в себя кровь своей жертвы и переносит ее к телу, чтобы накормить. Наши охранники никогда не видели эту штуку бегающей вокруг, потому что она слишком быстрая и маленькая и может сливаться с темнотой. Перис не мог найти следы, потому что она слишком легка для того, чтобы оставить их. Из ран не лилось столько крови, сколько должно бы, потому что тварь забирала ее. Она убивала за раз лишь одного, потому что этого хватало чтобы насытиться. И, наконец, Ошер не пытался написать «Гайбик», потому что он не видел Гайбика, нападавшего на него, это была лишь нечеловеческая кисть без тела. Теперь вы видите...

– Мы видим, что это все нелепо, – перебил Ковост.

– Да, – произнесла Моанда с непривычным оттенком жалости в голосе. – Сказать по правде, Калладон, ты, должно быть, сошел с ума, если хочешь обмануть нас таким рассказом. Возможно, это твоя темная магия так доконала тебя. Мне будет жалко убивать тебя, но души Ошера, Силбэстиса и Периса требуют отмщения.

– Кроме того, – добавил Ковост, поднимая топор, – ты слишком опасен для того, чтобы жить.

– Подождите! – вскричал Калладон. – Позвольте мне доказать, что это не Гайбик. Позвольте продемонстрировать, что он не знает тех вещей, которые должен знать истинный Гайбик. – Он посмотрел оборотню прямо в глаза. – Где мы встретились в первый раз?

– В «Кричащем Василиске», – ответило существо.

Полуэльф почувствовал, как паника начала овладевать им.

– С каким напитком мы поднимали тост за основание нашей команды?

– Это был сидр. Он назывался «Янтарь Джалантара».

– Кого мы победили в нашем первом сражении вместе?

– Трех огров.

Калладон понял, что не в состоянии вывести существо на чистую воду. Такое впечатление, будто оно каким-то образом впитало воспоминания настоящего Гайбика, когда приняло его форму, либо узнало все, что ей было нужно, из разговоров, пока они шли по тропе.

– Это была твоя последняя уловка, – заявила Моанда, придвигаясь ближе. – Мы устроим тебе достойные похороны, в память о друге, которым ты когда-то был.

Калладон был уверен, что не сможет победить всех троих в одиночку, но во имя Кореллона, если ему все равно суждено погибнуть, он заберет этого оборотня с собой. Он переместил свой вес на одну ногу, словно готовясь к отступлению, а затем резко бросился вперед, целясь орочьим клинком в череп ложному Гайбику.

Существо отскочило, и ятаган прошелся по его плечу, нанеся глубокую рану. Между тем, Моанда прыгнула к Калладону справа, а Ковост слева. Выведенный из равновесия, полуэльф изо всех сил пытался отскочить назад, понимая, что у него не получится сделать это вовремя.

– Подожди! – вдруг прокричал Ковост. – Смотри!

Моанда остановила свой палаш в дюйме от позвоночника Калладона.

Гадая, что Ковост мог там увидеть, полуэльф повернулся в сторону оборотня. Вероятно, боль от полученной раны разрушила его способность поддерживать позаимствованную форму. Плоть существа вспучивалась и стекала вниз, стирая все схожее с Гайбиком и вообще все человеческое. В одно мгновение, оно выросло в половину роста Калладона. Его кожа имела совершенно черный цвет, конечности двигались наподобие щупалец осьминога, а вся поверхность тела бугрилась, то выпирая, то вновь сжимаясь, как будто мышцы и органы постоянно формировались и тут же разрушались у него внутри. Голова была гладкая, без ушей, носа или рта, и только между расположенных треугольником выпуклых белых овальных глаз торчал конусообразный цепкий хобот, словно копье, такой же длинный и острый.

– Убейте его! – прокричала Моанда. Она прыгнула к чудовищу, и тот напал на нее с коротким мечом Гайбика. Варварша заблокировала удар своим щитом, при

этом наколов руку оборотня на шип. Повернувшись, она взмахнула палахом и разрубила конечность надвое.

Будь ее противник человеком, такой калечащий удар почти наверняка закончил бы бой. Но влажный обрубок руки оборотня мгновенно оброс клубком хитиновых, как у омара, клешней и снова атаковал на нее. Застигнутая врасплох, Моанда не успела вовремя поднять свой щит, чтобы отразить удар. Ей пришлось отскочить назад с длинной раной на виске.

Проревев боевой клич, Ковост бросился вперед, собираясь, как и любой другой дварф, столкнувшийся с таким огромным существом, протаранить его. Оборотень, который, казалось, не испытывал особых трудностей при отражении ударов более чем одного противника за раз, попытался встретить его одним из ножей Гайбика. Уклонившись от удара, Ковост рубанул по колену монстра, почти отрубив ногу. Оборотень споткнулся, и ухмыляющийся дварф вырвал свое оружие, приготовившись к следующей атаке. Но затем шесть новых отростков, каждый из которых оканчивался костяным шипом, похожим на жало скорпиона, вырвались из живота чудовища, стараясь нанести удар. Дернувшись назад, дварф уклонился, отчаянно отбиваясь.

Между тем Калладон обошел оборотня сзади и вонзил скимитар глубоко ему в спину. На мгновение существо застыло, предоставив Моанде и Ковосту драгоценную передышку, и полуэльф уже стал надеяться, что сильно поранил его. Но затем в затылке у чудовища открылся еще один пустой круглый глаз, и огромная ладонь вырвалась из центра спины, целясь в голову Калладона.

Калладон отшатнулся и отрубил тонкую, гибкую лапу, к которой крепилась ладонь. Плоть поддалась с удивительной легкостью, и отрубленная часть упала на землю. Повернувшись, Калладон снова поднял свой клинок, чтобы всадить его в спину чудовища.

Что-то ударило в ногу полуэльфа, причинив боль и выведя из равновесия. Он тяжело упал на бок. Безголовая тварь, похожая на огромную черную морскую звезду, каждое из щупалец которой оканчивалось зазубренным когтем, быстро бежала вдоль тела Калладона по направлению к его голове. В центре ее тела скрежетала зубами влажная клыкастая пасть, нацелившаяся на полуэльфа. Он понял, что это была отрубленная рука, действующая независимо от тела оборотня.

Он неловко отмахнулся от нее клинком. Морская звезда, миновав клинок, приземлилась на его плече, погрузив два когтя в тело, чтобы закрепиться, а тремя другими готовясь нанести удар в голову. Выпустив ятаган, который был бесполезен на таком близком расстоянии, он схватил напавшую на него тварь и дернул. Причинив резкую боль, морская звезда вырвалась из его плоти. Калладон попытался оттолкнуть ее от себя, но она мгновенно обернулась вокруг его руки и начала кусать.

Калладон выхватив кинжал и начал бешено колоть и резать тварь. Через несколько мгновений она прекратила двигаться, и, резко взмахнув рукой, он высвободился из ее мучительных объятий.

Полуэльф схватил ятаган, вскочил на ноги и осмотрел поле битвы. Его друзьям приходилось туго. С залитой кровью левой стороной лица, защищаясь лишь щитом и засапожным ножом, Моанда тщетно пыталась продвинуться к своему палашу, которого она лишилась в ходе боя, пока одна из рук оборотня не схватила его и не

начала использовать против нее. Задыхаясь, Ковост отчаянно метался взад и вперед, рубя липкие конечности, которые тянулись к нему со всех сторон.

Но все конечности оборотня теперь располагались впереди оборотня, далеко от [Калладона](#). Молясь, чтобы чудовище не обращало на него внимания еще какое-то время, он приготовился нанести новый удар ятаганом.

Так как удары по туловищу монстра не убили его, полуэльф решил сосредоточиться на голове. Подняв клинок, он подпрыгнул, целясь в нее, и в этот момент хобот оборотня переместился с морды на затылок, метнувшись к лицу Калладона.

Он уже считал себя мертвецом, но рука с ятаганом не подвела. Сбив хобот в сторону, она всадила клинок в череп существа.

Оборотень окоченел, издал ужасный гудящий звук, затем обрушился наземь. Через несколько мгновений он растаял, оставив после себя лишь отвратительно воняющую слизь.

Так как она выглядела совершенно безжизненной, Моанда и Ковост осторожно подошли ближе.

– С тобой все нормально? – спросил дварф Калладона.

Слишком ошеломленный, чтобы что-нибудь сказать, Калладон просто кивнул.

– Он достал меня несколько раз, – наконец прохрипел он, – но не слишком серьезно. Как вы?

– То же самое, – ответила варварша, прижав руку к ране на лбу.

Ковост опустил взгляд вниз, всматриваясь в быстро распадающуюся жижу.

– Что, во имя бороды Хранителя, это была за тварь?

Моанда фыркнула, как обычно в ответ на то, что она считала глупым вопросом.

– Она была неприятна, и теперь она мертва. Что тебе еще надо?

Она повернулась к Калладону и наклонила голову, при этом проворчав три раза какую-то фразу на своем языке. Затем, видя замешательство на лице полуэльфа, она раздраженно сказала:

– Мы приносим так свои извинения. Неужели вы, городские, не знаете этого?

– Я тоже сожалею, парень, – произнес Ковост. – Мы никогда не должны были сомневаться в тебе. Я буду нести этот позор до конца моих дней. Скажи, как мне загладить его?

Калладон усмехнулся.

– О, это будет долгий и трудный процесс. Но, как только мы обработаем свои раны, ты можешь сделать кое-что для начала: разжечь огонь и приготовить для меня гигантский ужин.

НЕОБЫЧНЫЕ НАПАРНИКИ

Кейт Фрэнсис Стром

– Счастливого пути, капитан Айдан! Прохладный сегодня ветерок! – крикнул молодой стражник, потуже кутаясь в пурпурный плащ, чтобы согреться.

Повернувшись к офицеру, стоявшему на сторожевом посту на воротах Верхнего города, Айдан хмыкнул. В танцующем свете факелов он смог разглядеть безбородое лицо парня. Несмотря на все старания, Айдан не мог избавиться от чувства, что с каждым годом Пурпурные Драконы набирают в свои ряды всё более и более молодых ребят.

– Тебе удачи, – разнесся над пустынной дорогой его хриплый голос. – Рассвет-то ещё не близко.

С грубоватым смешком он повернулся и нетвёрдой походкой продолжил шагать вверх по дороге в Тилвертон. На самом деле Дракончик был прав – в ночном воздухе ощущался морозец. Айдан чувствовал, как его старые кости дрожат под ударами ветра. Но зимняя стужа не могла добраться до тепла его воспоминаний.

Сегодня был его последний день на посту капитана Пурпурных Драконов. Он уходил в отставку, и мысли о прежних товарищах, многие из которых провели этот вечер, поднимая тосты за его здоровье в «Отдыхе Воздушного Владыки», укрывали его, словно удобное стёганое одеяло.

Много воды утекло с тех пор, как он покинул Утёс Черепа и отправился топтать западные рубежи Кормира – уж точно, больше, чем он мог предположить, подписывая в Гритгонте договор с Драконами. За последние двадцать лет Тилвертон стал его домом, и он усердно трудился, чтобы хранить здесь порядок и поддерживать закон. Он любил этот город и чувствовал, что, пусть и в малой степени, но помог сделать лучше хотя бы этот небольшой уголок Фаэруна. Непросто оставить всё это в прошлом.

Со вздохом Айдан свернул с главной дороги в переулки, направляясь к своему дому. Вдали раздался собачий лай, и рука капитана потянулась к кинжалу. Оружие было новёхоньким – этот клинок ему только сегодня преподнес командор Халдан Риммерсбэйн, – и его вес непривычно оттягивал пояс на боку.

Тихое шарканье заставило воина остановиться. Он уставился в темноту, почти инстинктивно вытащив клинок, и промедлил.

Ничего.

Обозвав себя безбородым новобранцем, Айдан расслабился. Только через некоторое время он осознал, что продолжает держать кинжал наготове. Клинок привычно лежал в руке, словно продолжение его пальцев, и он ещё раз залюбовался украшенным драгоценными камнями эфесом и бритвенно-острым лезвием. Дар, полученный от командора Халдана, и правда был достоин аристократа. Им, как сказал потом Халдан, леди Аласлин Ровенмантл хотела выразить свою признательность за «непоколебимую преданность Кормирскому правосудию».

Айдан громко хмыкнул, вспомнив, что командор всегда имел склонность к мелодраматизации. Даже когда они были новобранцами, жизнь которых состояла из бесконечных тренировок, Айдан всегда думал, что его младший товарищ упустил своё истинное предназначение.

И всё же кинжал являлся прекрасным подарком, и он будет с гордостью носить его в память о своей службе Кормиру.

«Ах... ты всё ещё пьян», – подумал он.

Прежде чем продолжить свой неуверенный путь, Айдан, сунув клинок в ножны, откашлялся и сплюнул. Вкус горького пива Тундора по-прежнему стоял у него во рту, а до дома оставалось ещё далеко.

Наконец узкий переулок повернул, и открылся проход на чуть более широкую улицу. Айдан вышел на её середину, с осторожностью обходя мусор и отбросы, лежащие по обе стороны дороги. В Тилвертоне крысы встречались довольно часто, но капитан видел достаточно изуродованных трупов, чтобы знать, что в отходах цивилизации порой обитают и другие создания.

Неожиданно тени в переулке изменили своё положение. Из темноты, стремительно окружая воина со всех сторон, появилось несколько фигур в плащах. Незнакомцы двигались медленно, постепенно сужая круг. Айдан снова вытащил кинжал, почувствовав благодарность за столь полезный подарок.

– Что вам надо? – спросил он командным тоном.

Угрожающие силуэты замерли на месте. На миг он подумал, что у него есть шанс взять ситуацию под контроль, но затем из глубины теней переуллка раздался голос. Айдан понял, что перед ним не простые уличные хулиганы, струхнувшие из-за возможности получить отпор.

– Думаю, у тебя есть кое-что, что нам нужно, – сказал незнакомец.

Воин покачал головой и начал было возражать, но вспомнил о кинжале. Даже в бледном лунном свете его драгоценные камни ослепительно сияли, привлекая жадные взгляды не хуже маяка.

– Ах, – снова произнес некто, – вижу, что мы поняли друг друга... капитан.

У Айдана голова пошла кругом. Это точно не простое ограбление; воры явились именно за его кинжалом. Из этой ситуации у него было два выхода. Он мог бы просто отдать им требуемое - в таком случае, скорее всего, кончится тем, что они попросту перережут ему глотку, - или же заставить их подумать дважды, прежде чем связываться с другим Пурпурным Драконом. В любом случае, о честной схватке и речи не шло – его ожидала только быстрая смерть.

Выругавшись про себя, Айдан принял решение.

– Вы получите этот кинжал только одним способом, – крикнул он в темноту. – Вытащив его из своей груди! – Припав к земле, он занял более устойчивую позицию и перебросил оружие из руки в руку.

Заявление воина встретила тишина, в которой было слышно только быстрое биение его сердца. После паузы, которая показалась ему вечностью, незнакомец заговорил снова:

– Вы приняли неверное решение, капитан.

Звон спущенной арбалетной тетивы заставил его перейти к действиям. Воин нырнул в сторону, почувствовав, что сердце его забилось быстрее, разгоняя по жилам благословенный огонь, который приходил ему на помощь в течение всей его полной сражений жизни. Перекатившись на ноги, он встретил первого из закутанных в плащи противников ударом кинжала в живот. Клинок, пронзив кожаную одежду, глубоко вошел в тело. Провернув оружие в ране, Айдан быстро вытащил его, не обращая внимания на предсмертное бульканье вора. К нему устремились ещё несколько нападающих, и вскоре он обнаружил, что ему приходится отбиваться от града сыплющихся на него со всех сторон ударов, пинков

и взмахов лезвий. Старые мышцы и кости уже не давали возможности двигаться с той же скоростью, что и раньше, но, пройдя через годы сражений, Айдан держался – по крайней мере, пока.

«Боги, надолго меня не хватит», – с отчаянием подумал он. Дыхание с хрипом вырывалось из его груди, словно у загнанной лошади. Чужой меч просвистел совсем рядом с его головой. Поднырнув под замах, он рванулся вперед и полоснул нападающего по ноге, но при этом его левый бок оказался открыт. Айдан стремительно развернулся, пытаясь защитить уязвимое место. Не успел.

Когда лезвие вошло в тело, дробя ребра, он закричал. Другой меч распорол его бедро, и воин рухнул на землю, выронив кинжал. Айдан лежал, борясь за каждый вздох, за каждое движение, пытаясь вновь схватить оружие, но безуспешно. Конечности онемели и похолодели; они ему больше не подчинялись. С огромным усилием он посмотрел вверх на фигуры в плащах, что приближались к нему с мечами наголо. Они двигались медленно, неторопливо, почти спокойно. И тогда он услышал это – гул в ушах, похожий на рев бушующего океана крови. Этот звук становился все громче, заглушая скрип кожи, крики раненых и даже стук его собственного сердца. «Вот и всё, – подумал Айдан, – это и есть смерть».

Почему-то он всегда верил, что она будет иной. Чем-то большим.

Айдан смотрел, как один из воров вскинул клинок над его головой. Беззвучно вознося молитву Тиру, Тиморе и любому другому богу, который снизойдет до того, чтобы выслушать последние слова старого умирающего солдата, он ждал последнего удара.

Но его не последовало. Вместо этого в переулке вспыхнул свет. Айдан увидел, как из темноты возник ещё один человек в плаще, с его руки на убийцу изливался искристый поток зелёного огня. В болезненном изумрудном свете под толстым капюшоном воин мельком увидел лицо новоприбывшего, юное и с маленьким носом. Раз за разом таинственный союзник обрушивал на воров магическое пламя, а те отступали с воплями.

Айдан попытался встать и принять участие в сражении, желая помочь человеку в капюшоне, но его раны взорвались болью. Лежа на земле, он смотрел на зелёные языки пламени, отражающиеся в луже его собственной крови, пока тьма не поглотила его.

Айдан очнулся в просто и довольно убого обставленной комнате. В камине, отбрасывая на стены блики, горел небольшой огонь. Какое-то время воин лежал неподвижно, задаваясь вопросом, как же ему всё-таки удалось выжить. Комковатый и неровный соломенный матрас, на котором он спал, давил спину. «Но, – с иронией подумал Айдан, – это лучше, чем до смерти истечь кровью на холодной грязной земле».

Он медленно сел, ожидая сильного приступа боли, но, почувствовав при движении лишь лёгкое недомогание, изумленно и неверяще ахнул. Более того, его раны выглядели так, словно были получены не одну неделю назад. Он пробежался

пальцами по двум воспалённым шрамам. Лишь их краснота отличала их от других бесчисленных отметин на его теле.

– Вижу, ты всё же решил вернуться в ряды живых.

Проигнорировав протест негнущихся мышц, капитан поднялся с кровати и повернулся к говорившему. В открытом дверном проёме стоял худощавый мужчина в алой мантии. Когда он вошел в комнату, на его лицо легли отсветы огня. Его губы были полными, почти пухлыми. Такая задумчивая, глубокомысленная внешность, как знал Айдан, нередко привлекала молодых девушек.

Незнакомец передал Айдану чистую одежду и подошел к огню, небрежно пошевелив горящие дрова.

– Кого же я должен благодарить за спасение? – спросил капитан, натягивая простые кожаные штаны и шерстяной кафтан.

– Меня зовут Моргрим, – просто представился мужчина, не отворачиваясь от каминной решётки. Его голос был ровным, с легкой хрипотцой. От его звучания по спине Айдана пробежал холодок.

Капитан закончил переодеваться.

– Благодарю тебя, Моргрим, – произнёс он, протягивая руку.

Закончив возиться с огнем, тот повернулся к Айдану и поклонился:

– Не нужно благодарностей. Я простой священник, это мой долг.

Айдан улыбнулся и неуклюже поклонился в ответ. Он жил в этих краях достаточно долго, чтобы крепко-накрепко усвоить, что, когда дело касается служителей богов, «просто» не бывает никогда, особенно в Кормире.

– Какому богу ты служишь, Моргрим? – спросил он.

– Сирику, – мягко ответил священник.

Айдан рухнул назад, словно поражённый арбалетной стрелой. Он недоверчиво уставился на молодого жреца. «Шутка», – подумал он, хотя как можно было легкомысленно относиться к подобным вещам, оказалось выше его понимания.

Моргрим медленно двинулся к Айдану, держа руки перед собой. В неверном свете пламени капитан увидел блеск серебряных наручей – символов того, что Моргрим действительно является рабом этого тёмного божества.

– Почему? – спросил Айдан, обшаривая взглядом комнату в поисках какого-нибудь оружия, которое он мог бы использовать против служителя зла. – Почему ты меня спас?

Если бы ему удалось подобраться к двери, то он мог бы выскочить наружу раньше, чем священник обрушит на него мощь Сирика.

– Расслабься, – произнёс тот. – Я не желаю тебе зла.

Айдан остановился, озадаченный искренностью, прозвучавшей в голосе молодого человека.

– Почему я должен тебе верить? – спросил он, запустив своим вопросом в приближающегося жреца, словно стрелой. – Когда служители Сирика вообще говорили правду? – Айдан был зол и смущен. Он знал о священстве Сирика, об их темных ритуалах и тайных убийствах. Оно было опухшим гнойником на лице земли. Но почему этот жрец прикидывается хорошим? В этом не было никакого смысла, и он не собирался ослаблять бдительность, пока не выяснит причину.

В ответ Моргрим резко зашипел. Айдан увидел, как привлекательное лицо жреца превращается в искаженную маску, а его чувственные губы кривятся, словно ядовитые змеи.

– Правду? – крикнул он. – Хочешь, чтобы я сказал тебе правду?

Айдан почувствовал, как в комнате начала скапливаться сила жреца, хищная тишина, что заполнила в помещении каждую щель. Она разрасталась – оголодавшее чудовище, угрожавшее погасить даже самое слабейшее биение сердца воина. Сопrotивляясь этой погибельной мощи, он зажмурился, борясь за самую возможность дышать. Он словно падал в Бездну, темнейшее чрево, откуда ничего никогда не возвращалось. А затем тишина исчезла так же внезапно, как и появилась. Со вздохом Айдан распахнул глаза.

– Правда в том, – спокойно продолжил Моргрим, словно сожалея о потере самообладания, – что, если Принц Лжи призвал тебя, то твоя душа продолжает служить ему даже во время нашего разговора.

Священник подошел вплотную к Айдану и, закончив свою речь, провел пальцами по его груди. Айдан застыл, не в силах сдвинуться с места, его сердце бешено колотилось – то ли от слов Моргрима, то ли от его лёгкого, словно пёрышко, прикосновения, он не был уверен. Он знал только то, что сейчас подошел к смерти так близко, как никогда раньше.

Воин нервно прочистил горло, отводя взгляд от неподвижных глаз священника, в которых было написано обещание.

– Почему, – повторил он вопрос, – ты спас мне жизнь? Скажи мне, жрец.

Моргрим подошёл к старому, покрытому царапинами столу и налил себе бокал вина.

– Ты мне понадобился.

Айдан снова опустился на кровать.

– Я тебе понадобился, – повторил он тоном, колеблющимся между сомнением и недоверием. – Для чего? Я не стану принимать участие в ваших убийственных ритуалах. Не стану, даже если ты отдашь меня в рабство самому Сирику.

Священник ожег Айдана взглядом, пылающим внутренней силой и страстью.

– А что насчет тебя? Разве ты не убиваешь? Разве твой меч не пьёт кровь живых? – Моргрим сделал быстрый глоток и со стуком опустил бокал на стол.

– Я – Пурпурный Дракон, – возразил Айдан. – Я сражаюсь против несправедливости во славу Кормира...

– Ты – солдат! Ты дерёшься там, где тебе приказывают, – оборвал его Моргрим. – Когда король Кормира приказывает своим Драконам обрушиться на Сембию или Зентарим, что, как ты думаешь, говорят сембийские фермеры, чтобы успокоить близких? Они говорят: «Не волнуйтесь, я отправляюсь сражаться за честь нашего народа и нашей земли». И когда эти фермеры умирают, пронзённые вашими клинками и копьями, кто, как ты думаешь, встречает их по ту сторону смерти?

Айдан попытался ответить, объяснить, что он – другой. В душе он знал, что не убийца, но слова умирали у него на губах. Наконец он произнёс:

– Я не могу найти нужных слов, чтобы переспорить тебя. Но я знаю, кто я есть.

– Спокойно, Айдан, – сказал молодой человек. – Мне от тебя не слова нужны. – Тон Моргрима снова стал мягким и бархатистым. Звучание его голоса подействовало

на старого воина успокаивающе, и он едва осознал, что священник обратился к нему по имени.

Удивлённый, он посмотрел на него снизу вверх.

– Как ты...

Моргрим поднял тонкую, изящную руку. Сделав ещё один глоток вина, он произнес:

– Не только воры поджидали тебя в том переулке. Кто-то украл у моего ордена предмет необычайной важности, предмет, на поиски которого я потратил много месяцев.

– Кинжал, – вставил Айдан.

Молодой священник кивнул.

– Да. Этот кинжал, как ты его столь элегантно назвал – это Лиритэйн, церемониальное оружие верховной жрицы, а также символ её статуса.

Айдан провел рукой по своей сидящей коричневой бороде, пытаясь найти смысл в словах священника.

– Не понимаю. Оружие было хорошей работы, не из тех, что могут себе позволить старые солдаты вроде меня, но...

– Он не напоминал нечестивый клинок, посвященный Лорду Трёх Корон? – закончил за него Моргрим. – Поверь мне, Лиритэйн вовсе не похож на то оружие, которое ты захотел бы носить с собой. Кто бы ни стоял за кражей, он наложил на клинок могущественную иллюзию, чтобы его было сложнее выследить.

Айдан несколько минут сидел, взвешивая слова священника. Он не верил Моргриму – по крайней мере, не до конца. Ох, слова этого молодого человека звучали искренне, это точно, и взгляд его глаз, в которых плясали отсветы огня, был простодушным и доверчивым, словно взгляд лани. Невольно Айдан обнаружил, что думает о лёгком, как пёрышко, прикосновении Моргрима...

Шипение и потрескивание дров в камине заставили его вернуться к настоящему.

– Хорошо, предположим на миг, что прошлой ночью у меня при себе действительно был клинок верховной жрицы Сирика. Но как он попал мне в руки и кем были те головорезы, что напали на меня? – спросил он. Несмотря на жар пламени, Айдан почувствовал странный холодок внизу живота, когда в голове у него закружились воспоминания о событиях прошлого дня. Он не был уверен, что ему на самом деле хочется узнать ответ на свой вопрос.

Перед тем, как заговорить, Моргрим заколебался, словно почувствовав, в каком направлении движутся его мысли.

– Я не знаю, как Лиритэйн оказался у тебя – хотя о том, кто именно на тебя напал, сообщить могу с легкостью. Это были члены Огненных Ножей.

– Невозможно, – Айдан покачал головой, – Пурпурные Драконы и наши союзники уничтожили Огненных Ножей. – Тогда он был молодым лейтенантом, но воспоминания о той свирепой битве до сих пор заставляли его просыпаться с воплями.

– Может, в Тилвертоне это и так, – ответил Моргрим, – но остатки культа пережили вашу атаку. Лишившись своего маленького бога, они пребывали в растерянности; было несложно взять их под крыло и заставить служить нашим

целям. Они стали нашими тёмными гончими, которых мы посылали охотиться по всему Фаэруну.

Кровь Айдана застыла в жилах.

– Тогда почему они напали на меня?

Священник вздохнул:

– Гончие стали неуправляемыми. Они воспользовались близкими связями с нашим храмом, чтобы украсть церемониальный нож. У них не хватило бы ума повернуть всё в одиночку; кто-то должен был их к этому подтолкнуть. Я преследовал их через весь Кормир, пока не оказался здесь. Тут они отдали клинок своему хозяину, но, кем бы он ни являлся, он, по-видимому, понял, что держать его у себя слишком опасно и использовал тебя, чтобы «вернуть» его Ножам, – Моргрим сделал паузу, Айдан неподвижно сидел и ждал, пока священник закончит. – Мне нужна твоя помощь в поисках их предводителя.

В этом не было никакого смысла! Айдан всю жизнь сражался с силами хаоса и зла, чтобы построить себе в мире безопасную гавань, и вот, только ему стоило уйти в отставку, как агент тьмы просит его о помощи. Его выбор, по идее, должен быть очевиден. «Тогда почему, во имя треклятых кос Тиморы, это не так?» – подумал он.

– Слушай, если не хочешь помочь мне по доброте душевной, сделай это ради себя самого, – прошептал Моргрим, подходя ещё ближе к молчащему Айдану. – Кто-то тебя подставил – кто-то, кому было всё равно, умрёшь ты или останешься жить. Разве ты не хочешь выяснить, кто?

Айдан задержал дыхание. Боги, было непросто сохранить ясность мыслей, когда этот странный молодой человек стоял настолько близко. И всё же в словах священника было рациональное зерно. Кто-то в Тилвертоне заигрывал с опасными силами. Ушёл он в отставку или нет, его долгом было выяснить личность этого человека. Вознеся молчаливую молитву, Айдан принял решение:

– Что мне следует делать?

Полуденное солнце ярко сияло с небес, когда Айдан шагал вниз по улице Чародейки, направляясь к рынку. Улицы Тилвертона в любое время дня кишели толпами народа; город казался живым организмом. Конные экипажи, телеги с мукой, шерстью и другими товарами решительно проталкивались через вечную людскую давку. Прохожие, в свою очередь, неохотно расступались, занятые беседами. На углах улиц стояли музыканты, развлекая зевак неистовыми мелодиями. Ритмичная музыка сплеталась с постоянным гулом разговоров.

В окружении привычных городских звуков и зрелищ Айдан почувствовал себя спокойнее. Большую часть последних десяти дней, прошедших с момента нападения, он обшаривал Тилвертон в поисках хоть какой-либо информации о том, кто стоял за кражей Лиритэйн. Пока что результаты разочаровывали. Если раньше его звание в Пурпурных Драконах заставляло развязываться языки, сейчас он наткнулся на стену тишины. Он был простым горожанином и мало что мог сделать, чтобы выжать информацию из тех, кто не желал ею делиться. Ему, конечно, удалось обнаружить несколько ниточек. К сожалению, каждая из них вела в тупик.

Вдобавок ко всему, после шести ночей в мавзолее, который Моргрим называл комнатой, он наконец вернулся домой только для того, чтобы обнаружить письмо от командора Халдана с требованием посетить его в полдень. Было несложно догадаться, чего тот хотел. Даже когда они оба были лейтенантами, Халдан возмущался любым вмешательством гражданских в дела Драконов. Айдан же не только не уведомил друга о роковом нападении в переулке, но и начал собственное расследование, не получив на это официального разрешения. Сейчас командору, скорее всего, уже стали известны оба этих факта, так что воин не слишком-то горел желанием идти на эту встречу.

Грубый толчок прервал размышления Айдаана. Он поднял взгляд и увидел плотного мужчину в мехах, потрясавшего кулаками и изрыгавшего поток гортанных слов. Вокруг разъярённого гиганта в грязи валялись несколько звериных шкур. Позади разозленного мужчины стояла небольшая толпа, и воин с ужасом осознал, что только что врезался в торговую палатку. Он поспешно пробормотал извинение и сунул рассерженному торговцу золотую монету за причинённые неудобства. Придя в себя, он свернул к рынку.

Если толчея на улицах являлась кровью города, то базарная площадь была его сердцем. В центре города сходились все дороги, сюда можно было попасть с любой улицы, начиная от улицы Чародейки и кончая Великой Дорогой Лунного Моря. Айдан остался равнодушен к соблазнительным ароматам этого места – одурманивающему запаху жареного мяса и толстых, липких и сладких пирогов, которые своим видом соблазняли прохожих расстаться с деньгами. Вместо этого он направился напрямик в Башню Совета, бастион из белого камня, который возвышался над рынком, словно палец Торма.

Когда он добрался до неё, шум рынка, казалось, стих. Так всегда бывало. Стоя в тени башни, Айдан почувствовал прилив сил, а его разум прояснился. Эта сила происходила из уверенности – уверенности в том, что, какое бы несчастье не обрушилось на город, гарнизон Пурпурных Драконов, расположенный внутри этой башни, сделает всё возможное, чтобы восстановить порядок.

Он приблизился к стражникам у ворот, мысленно вздохнув при виде того, как они мучительно пытались решить, стоит ли им отдавать ему честь или нет. «Всё теперь изменилось», – подумал он. Какой бы недавней ни была его отставка, он уже стал здесь чужаком. Воспоминания о его службе в рядах Пурпурных Драконов были всего лишь воспоминаниями, и чувство товарищества, связывавшее его с его соратниками по оружию, каким бы крепким оно ни было, в конечном итоге исчезнет. Осознание потери было болезненным, словно ранение в живот.

Он быстро миновал охранников, избавляя их от дальнейших терзаний, и вошёл в здание. Как и всегда, первый этаж башни был охвачен упорядоченным хаосом, одетые в форму солдаты и посыльные сновали вокруг, чтобы отдать рапорты и распланировать дежурства. С практикой, выработанной долгой службой, капитан не спеша вошел внутрь и направился к молодому солдату, который заполнял бумаги, сидя за столом. Он знал этого офицера, мужчину с крепкими нервами по имени Джоран.

– Просту прощения, сержант, – сдержанно произнёс он, – могу ли я увидеть командора?

Айдан наблюдал за тем, как Джоран поднял взгляд и лицо офицера вместо привычной скуки озарилось тщательно скрываемой радостью.

– Капитан Айдан, рад видеть вас снова, сэр, – Джоран быстро вскочил, рассыпав бумаги по полу.

– Проще, сынок. Теперь просто Айдан, – было не так больно, если произносить эти слова быстро. – Мне велено увидеться с командором. Он здесь?

Джоран кивнул:

– Да, ка... сэр. Он просил его не беспокоить, но вас он ожидает.

Айдан благодарно улыбнулся и последовал за Джораном вверх по лестнице в личный кабинет командора Халдана. Помещение было обставлено просто, почти по-спартански, и очень подходило своему хозяину. Один угол комнаты занимал крепкий стол, а за каминной решёткой пылал небольшой огонь. На стенах было развешено оружие – свидетельство жизни, посвящённой военной службе.

Прервав негромкий разговор с женщиной в белой мантии, Халдан поднял взгляд на вошедших. Капитан увидел, как глаза друга расширились от удивления, и тут же на лице командора появилась знакомая волчья ухмылка. Одно быстрое слово – и человек в белом одеянии покинул помещение, но, когда незнакомец резко проходил мимо, Айдан успел заметить его враждебный взгляд.

Перед тем, как заговорить, Айдан подождал, пока Джоран не прикроет за собой дверь.

– Извини за то, что так резко вломился к тебе, командор, но ты хотел меня видеть. Надеюсь, что я не оказался некстати.

Халдан поднялся со стула, потирая бороду цвета перца с солью.

– Чушь, – сказал он с улыбкой. – У меня всегда найдется время для одного из моих лучших капитанов – и друзей.

Айдан вернул ему улыбку. Снова взглянув на Халдана, он почувствовал облегчение. Командор был крепким, пропорционально сложенным мужчиной, внушительным офицером, не потерявшим военную выправку, несмотря на годы и повышения. За свою карьеру этот человек не раз совершал доблестные и самоотверженные подвиги, и солдаты следовали за ним не столько по зову долга, сколько из любви. Они познакомились, будучи простыми рекрутами, которых впервые учили, как правильно держать меч. Халдан быстро поднялся в звании, он был смелым и внимательным руководителем. Глядя на карьеру друга с высоты прожитых лет, Айдан осознавал, что тот заслуживал каждого повышения, каждой награды. «Он – лучший из нас», – заключил воин. Снова стоя в офисе Халдана, Айдан почувствовал гордость за то, что может назвать этого человека другом. Неважно, как в будущем всё обернётся, он знал, что на Халдана всегда можно положиться.

– Итак, Айдан, – произнёс командор звучным баритоном, который с легкостью заполнил помещение, – Полагаю, ты не знаешь, зачем я тебя сюда вызвал?

Эти слова зависли в воздухе, как табачный дым. Айдан начал было отвечать на заданный легкомысленным тоном вопрос бывшего командира, но осёкся. Всего на миг ему показалось, что он заметил промелькнувшее в глазах Халдана нетерпение. Оно сразу исчезло, сменившись обычной маской офицера.

Халдан кашлянул, и Айдан осознал, что молча глазееет на командира. Он глубоко вздохнул и сказал:

- Да. Это насчёт нападения в переулке.
- Продолжай. – Халдан пригладил бороду.

Айдан неторопливо поведал о событиях, которые произошли в ночь нападения. Странное дело, он поймал себя на том, что не хочет рассказывать о Моргриме и целях тёмного жреца. Всё это казалось глупым сном, беспочвенными страхами, которые таяли от самого присутствия Халдана.

Когда он закончил свой рассказ, командор подался вперёд:

- Столько врагов. Как же тебе удалось отбиться?

В голосе друга Айдану послышалась заинтересованность. Он действительно хотел рассказать правду, не скрывая и вмешательства священника Сирика, а вместо этого рассмеялся и произнёс:

– Чтобы прикончить старого вояку, понадобится куда больше, чем горстка карманников.

Ответная улыбка Халдана поразила его, как удар копья. Вот до чего он докатился. Солгал старому другу и бывшему командиру. Почему? Айдан попытался поразмыслить над этим, но на его разум, словно стая охотящихся гончих, обрушились стыд и вина.

Халдан поднялся и подошёл к блестящему щиту, висевшему на стене.

– Хорошо, теперь понятно, что произошло, но почему вместо того, чтобы доложить мне, ты принялся расследовать это дело сам?

Айдан повернулся к командору, мысленно проклиная ночь, когда встретил Моргрима.

– Поначалу я был слишком потрясён случившимся, а затем решил, что неофициальным путём смогу добиться лучших результатов. Поверь мне, Халдан, как только бы я узнал что-то стоящее, то немедленно бы тебя известил.

Как просто говорить полуправду, когда однажды уже соврал.

Когда Айдан закончил говорить, Халдан кивнул и сказал:

– Может, расскажешь тогда, что тебе удалось выяснить? – отвернувшись от щита, он посмотрел на Айдана.

Бесстрастный тон командора смутил воина. Он не был уверен, какой именно реакции ожидал от Халдана, но точно не такой. Чувствуя, что земля уходит у него из-под ног, он ответил на вопрос так правдиво, как только осмелился:

– Я не верю, что нападение было случайным. Воры совершенно точно хотели завладеть именно тем кинжалом, который я получил в дар от леди Рованмантл.

– Айдан, ты в этом уверен? – спросил Халдан.

– Да, – ответил он. – Кем бы ни были эти грабители, они точно знали, где меня найти. – И снова он содрогнулся от того, что не рассказал другу всё, но ростки сомнения, посеянные Моргримом в его душе, принесли свои плоды.

– Соглашусь с твоей точкой зрения, – произнёс Халдан после короткой паузы. – Будь уверен, мы пошлём лучших следователей и они докопаются до самой сути этого дела.

– Готов оказать всё возможное содействие, сэр. Я бы тоже хотел принять участие в расследовании.

Халдан снова уселся за стол и свёл пальцы вместе.

– Боюсь, это невозможно, Айдан. Ты больше не состоишь в Пурпурных Драконах, а я не могу рисковать жизнью простого кормирца, втягивая его в подобную передрагу.

– Но... – начал возражать Айдан, но Халдан прервал его.

– Мне жаль, Айдан, мне правда жаль. Пока моё слово тут что-то значит, для тебя всегда найдется почётное место среди Драконов, но я не могу привлекать тебя к официальному расследованию.

Стараясь сдержать нарастающий гнев, Айдан встал, стиснув руки в кулаки.

– Халдан, – сказал он, пытаясь воззвать к их дружбе. – У меня больше всего шансов узнать нападавших, кем бы они ни были, и выяснить, кто же за ними стоит. Я самый подходящий кандидат для того...

Халдан ударил кулаком о стол.

– Айдан, в последний раз... ты вообще не имеешь права вмешиваться в это дело! Понятно? – прогрохотал он, не дожидаясь кивка Айдана. – Если я узнаю, что ты нарушил мой приказ, то отправлю тебя в тюрьму за вмешательство в официальное расследование. Всё ясно?

Ошеломлённый внезапной вспышкой ярости друга, Айдан замер на месте, не находя слов. Все те годы, пока он знал Халдана, тот ни разу не повысил на него голос. Наконец злость и обида подсказали ему, что ответить.

– Предельно ясно, – резко бросил он.

Халдан сделал глубокий вдох и подался вперёд.

– Слушай, Айдан, я не хотел кричать на тебя, – заговорил он. – Следить за безопасностью и спокойствием в городе – та ещё работёнка, и леди Рованмантл не делает её проще. Я всего лишь хотел сказать, что ты должен расслабиться и наслаждаться отставкой. Ты верно служил Кормиру многие годы, и теперь настало время передать эстафету кому-нибудь другому. Проводи время в мире и спокойствии; видят боги, ты это заслужил.

Айдан посмотрел на друга почти вплотную. Морщины вокруг его глаз стали глубже, а лицо выглядело усталым, почти осунувшимся. Совершенно ясно, Халдана что-то тревожило. «Будь ты проклят, Моргрим», – подумал он. Он бы хотел успокоить друга, но лицо тёмного жреца, маячившее перед его внутренним взором, подталкивало его продолжать эту игру. Он встал, чтобы уйти, сказав:

– Не беспокойся, Халдан. Даю тебе слово.

– Спасибо, друг, – ответил командор.

Айдан покинул башню, чувствуя себя потерянным, как побитое штормами судно, которое мчится по волнам Бесследного Моря без руля и ветрил. Он дал другу обещание подчиниться, дал ему слово – слово, которое он и не собирался держать.

«Как, – спросил он себя, – мог я за такое короткое время измениться настолько сильно?»

Эти мысли крутились в его голове, когда он в молчании оставил башню за спиной.

«Ухо Свиноматки» имело куда больше общего с преступным миром Тилвертона, чем «Месть Гримвальда». Подойдя к покосившейся двери заведения, Айдан нервно огляделся. Служба его прошла в погонях за теми типами, что составляли местную клиентуру, и вот он здесь – безоружный шагает в логово дракона. Выбор Моргримом мест для их встреч оставлял желать лучшего.

Распахнув дверь, воин скривился. Хотя на улице был полдень, внутри «Уха Свиноматки» царил полумрак. Айдан заметил несколько тел в разных стадиях опьянения, которые валялись на полу в общей комнате. Те, кто ещё мог сидеть ровно, играли в «голову предателя» или «мечи и щиты», щурясь в наполненном дымом сумраке. Стены, пол и столы таверны прогнили насквозь и выглядели обшарпанными, а сама комната провоняла застарелым пивом и мочой.

Когда он подошёл к барной стойке, толстый щербатый мужчина в засаленном переднике окинул его сердитым взглядом и спросил заказ. Не желая привлекать к себе внимание, Айдан взял эля и нашёл себе свободный столик в безлюдном углу. Морщась, он медленно потягивал безвкусное пойло.

Где же пропадает этот Моргрим? Треклятый священник обещал встретиться с ним здесь в полдень. С неприятным ощущением в животе, которое становилось всё сильнее, воин снова окинул помещение взглядом. Несмотря на хаос, который Моргрим внёс в его жизнь, капитан осознал, что с нетерпением ожидает прихода жреца.

Дверь резко распахнулась, и он чуть не грохнулся под стол, когда в общую комнату ввалились трое пьяных мужчин.

«Зубы Торма, – подумал Айдан, – рисуетесь, как новобранцы на смотре».

Он с отвращением фыркнул, когда эти трое развязно двинулись к бару и заорали, требуя эля. По их виду было понятно, что ничего, кроме неприятностей, от них ожидать не приходилось. Воин тихо потягивал свой напиток, стараясь не смотреть в сторону трёх бахвалов в надежде, что те его не заметят.

Он ошибался.

Один из этих болванов качнулся к его столу и расхохотался.

– Так, что тут у нас, – невнятно прогудел он. Его приятели, должно быть, услышали эти слова, потому что перевели взгляды с полного бармена на того, кто привлек внимание их друга.

– Ничё не вижу, Дарм, – отозвался самый светлый и толстый из хулиганов. – Ничё, только какую-то коричневую бородёнку, и она занимает наше любимое место.

Айдан закатил глаза. Ну почему они всегда используют этот старый заезженный предлог для того, чтобы начать драку? Недостаток воображения, как он полагал.

Когда остальные приятели Дарма приблизились, воин пристально уставился в своё пиво. Все, что он хотел – тихо-мирно дождаться прихода священника. Теперь, кажется, у него назревали неприятности. Троица окружила его, отрезая пути к отступлению.

– Чё-та не так, старикан? – насмешливо спросил Дарм. – Забыл, как языком ворочать? – он снова расхохотался, смех его напоминал одновременно отрыжку и фыркание.

Айдан вздохнул. Он знал, чем это, скорее всего, закончится. Если бы только появился Моргрим, то он бы мог уйти, избежав драки.

– Видать не может вспомнить, как это делать, Дарм, – подхватил толстяк. – Память, что ли, ему освежить?

Они самодовольно расхохотались. Внезапно последний из их компании, огромный, похожий на быка рыжеволосый детина, грохнул мясистым кулаком о столешницу. Дарм подался вперёд.

– Мой приятель предлагает тебе подобру-поздорову свалить с нашего стола.

Айдан поднял взгляд на эту троицу. Приглашающе улыбаясь, он произнёс:

– Незачем так остро всё воспринимать. Почему бы тебе и твоим друзьям не присесть ко мне и не пропустить вместе кружечку-другую?

Заканчивая предложение, он выплеснул остатки эля в Дарма, а дешёвой металлической кружкой ударил рыжего по руке. Оба мужчины, не ожидавшие этой внезапной атаки, отшатнулись. Воспользовавшись представившейся возможностью, воин вскочил на ноги.

Когда Айдан встал, на него тут же набросился толстяк. Воин мигом отступил в сторону и схватил его за руку. Перекинув её через голову, он крутнулся и с удовлетворением увидел, как противник взмыл в воздух и шлёпнулся на спину.

К этому моменту Дарм с приятелем уже были готовы к следующему раунду. Айдан окинул противников оценивающим взглядом. Он мог бы легко справиться с Дармом – одно хвастовство и вялые мускулы. Беспокойство вызывал его напарник, парень с бычьим телосложением.

Они двинулись вперед, и Айдан приготовился атаковать. Но не успел он поднять руки, как что-то с силой ударило его по затылку. Должно быть, кто-то запустил в него бутылкой. Голова воина дёрнулась, и, прежде чем он успел осознать, что происходит, рыжий великан заломил ему обе руки за спину. Приосанившись, Дарм двинулся вперёд, вынимая из-за пояса тонкий кинжал.

– Не так быстро, старик, – ухмыльнулся он. – Ты плохо обошёлся со мной и моими друзьями, и я вот думаю, надо прям здесь выпустить те' кишки.

Айдан потряс головой, пытаясь прийти в себя после удара бутылкой. Если бы ему удалось хоть немного изменить положение своего тела, появилась бы возможность пнуть этого злорадствующего ублюдка в лицо. Но, прежде чем он смог это сделать, со стороны бара раздался мягкий голос:

– Думаю, с него уже хватит, не так ли?

Дарм повернулся в говорившему. Айдан окинул взглядом помещение и увидел Моргрима, одетого в простую коричневую мантию. Даже без своих одеяний священник источал зловещую ауру, которую, должно быть, смог почувствовать даже Дарм. Он издал нервный смешок:

– Да, точно. Мы просто развлекались немного, так, парни? – Он кивнул великану: – Отпусти этого типа, и валим.

Могучая хватка ослабла, и Айдан двинулся к Моргриму, потирая запястья, чтобы восстановить кровотечение. Троица взглянула на жреца ещё раз и быстренько ретировалась из бара.

– Почему так долго? – спросил Айдан.

Морgrim одарил его улыбкой.

– Был занят кое-какими расследованиями, – ответил он. – Кроме того, со стороны казалось, что ты держишь ситуацию под контролем. Особенно мне понравилось то, как ты отбил летящую бутылку головой.

– Чтоб тебя демоны забрали! – почти заорал Айдан. – Ты что, думаешь, это какая-то проклятая богами шутка? – он был слишком зол и смущён, чтобы реагировать на внезапно прорезавшееся легкомыслие священника.

Улыбка Моргрима исчезла.

– Вижу, твоя встреча прошла не наилучшим образом. Пошли, давай обсудим дела, раз уж ты в таком плохом настроении.

Священник потянул Айдана в угол и зашептал:

– Я узнал пару вещей, которые могут тебя заинтересовать. Первое – клинок, который ты получил от Аласлин Рованмантл, она заказала в магазине Кулгара. Тебе стоит последовать по этой ниточке и выяснить, приведёт ли она тебя куда-нибудь.

Айдан кивнул:

– А второе?

Моргрим окинул комнату взглядом, прежде чем продолжить.

– Ходят слухи о сделке, предположительно касающейся клинка, которая завтра утром будет заключена в канализации. Будет полезнее всего, если мы сможем стать свидетелями этой сделки.

«Наконец хоть что-то конструктивное», – подумал Айдан.

Когда Айдан наконец добрался до магазина Кулгара, уже вечерело. Он бросил короткий взгляд на небо, окрашенное розоватым светом последних лучей заходящего солнца, и остановился у дверей. Воздух был неподвижен и так тих, словно даже слабейшее дуновение ветерка могло разрушить картину заката. Воин сделал глубокий вдох, вбирая в себя спокойствие этого вечера. За последние десять дней его жизнь изменилась так сильно, что потребовалось что-то настолько регулярное, как приход ночи, чтобы напомнить ему, кто он есть. Со вздохом он зашёл в магазин.

На виду были многообещающе развешаны клинки самых разных размеров и форм, начиная от кинжалов с укороченными эфесами и кончая искусно выкованными двуручными мечами, а несколько экземпляров оружия повыше качеством лежали за покрытым рунами стеклом. Айдана сразу же окатила волна жара, исходившего из находившейся в задней части дома кузницы. Воин вздрогнул, пытаясь прогнать из костей поселившийся в них холод. Зима в Тилвертоне никогда не была мягкой, и каждый год его стареющему телу было всё труднее противостоять морозам. Он терпеливо ждал, с благодарностью впитывая в себя тепло, пока, наконец, не появился парнишка, чтобы его обслужить.

Он быстро дал мальчику несколько серебряных монет и назвал имя Кулгара. Молодой подмастерье испарился, но через несколько минут появился вновь, ведя за собой кузнеца-дварфа. Как и все его сородичи, Кулгар был невысок ростом, но обладал могучей мускулатурой и мощной грудной клеткой. Его покрасневшую кожу покрывали ожоги, а обнажённый торс блестел от пота. Айдан с интересом отметил,

что заплетенная в тугую косу борода кузнеца была аккуратно заправлена в его тяжелые штаны. «Вот, – подумал он, – дварф, которым гордился бы сам Морадин».

– Так-так, – проворчал Кулгар, скрестив на груди мозолистые руки, – что же ты сделал с моим мальчишкой, что он так рано оторвал меня от наковальни?

Несмотря на грубый тон дварфа, Айдан подавил улыбку. Он сомневался, что Кулгар проводит много времени вне кузницы. Не желая отнимать у мастера больше времени, чем это было необходимо, он сразу перешёл к делу:

– Не помнишь ли ты, случаем, как работал над кинжалом, заказанным самой леди Рованмантл?

Если упоминание имени регента и впечатлило дварфа, внешне это никак не проявилось. Прежде чем ответить, он минуту промедлил, на неровном лице его застыло хмурое выражение.

– Хммм...Я получаю много заказов от леди.

– Да, я вполне понимаю, – поспешно добавил Айдан. – Но я имею в виду подарок, предназначавшийся для уходящего в отставку офицера из Пурпурных Драконов.

Каменное лицо Кулгара расколола улыбка.

– Да, этот я помню... лично вырезал символ Пурпурных Драконов на рукояти, – кузнец сделал паузу. – Странное дело, тут уж сомнений нет.

– Чего странного? – взволнованно спросил Айдан. Наконец-то первая реальная зацепка!

– Ну, обычно я сам доставляю заказы регента – посредникам я не слишком-то доверяю – но тут ко мне заявился командор и сказал, что ему нужен этот кинжал. Ну я и отдал его. Кто я такой, чтобы спорить с...

– Извини, – прервал его Айдан, не уверенный, правильно ли он расслышал слова собеседника. – Ты сказал – командор?

– Ну да, – кивнул Кулгар, – Командор Халдан. Просто так я бы ему кинжал не отдал, но он сказал, что сама леди Рованмантл приказала ему позаботиться о его безопасности. Он должен был лично доставить его получателю, – ответил дварф. – Слушай... так или иначе, зачем тебе всё это знать?

Айдан даже не услышал его вопроса. На его лице выступил пот, а колени подогнулись. Жар из кузницы, казалось, стал в три раза сильнее, а обстановка магазина, всего минуту назад столь успокаивающая, сомкнулась вокруг него, словно челюсти древнего красного дракона.

Не обращая внимания на испуганные восклицания кузнеца – кожа Айдана, должно быть, стала такого же пепельно-серого и болезненного оттенка, как у ходячего мертвеца – он распахнул двери магазина и выбежал в ночь. Не заботясь о выборе направления, он часами бесцельно мерил быстрыми шагами улицы и переулки Тилвертона, ничего не понимая. В его мыслях, если их так можно было назвать, царил полный хаос.

Невозможно!

Пусть они вытащат кинжал из моего сердца! Он был лучшим из нас!

Морадин бы гордился!

Моргрим, друг мой?

Как он мог?

Наконец в одном из темных переулков Айдан споткнулся и рухнул на неровную мостовую. Он попытался подняться, но не смог – сила, вызванная временным помешательством, исчезла. Признав поражение, он тяжело вдыхал ночной воздух. Зимний ветер до костей пронизывал его покрытое потом тело, и спина его заледенела. Было больно, но боль очистила его разум; он словно очнулся от кошмара.

Айдан пролежал в переулке ещё какое-то время, пытаясь вновь обрести контроль над своим телом. Наконец, поднявшись на ноги, он неторопливо и размеренно зашагал в сторону дома. Похолодало, но он этого не почувствовал. Он был нем и пуст, словно оболочка, которая остается от солдата, когда жизнь покидает его тело – за исключением того, что он не был мёртв.

Он с трудом дотащился до дверей своего непритязательного жилища. Оказавшись внутри, Айдан рухнул на кровать и принялся ждать благословенного забвения – но безуспешно. Поняв, что сон к нему так и не придёт, он уселся, не зажигая света, и попытался найти какое-нибудь другое объяснение сложившейся ситуации, но в голову ему ничего не шло. Халдан использовал его, нарушил все известные воину дружеские обещания и клятвы чести. И ему за это придется заплатить. Прошли часы, и, когда ночное небо окрасил рассвет, Айдан укрепился в своём решении. Пустота внутри него уступила место страстной жажде мщения. Когда в предутреннем полумраке перед его дверью появился Моргрим, нарядившийся в толстую пурпурную мантию и с увенчанным черепом обсидиановым посохом в руках, он даже не ответил на приветствие молодого священника. Вместо этого он накинул поверх кожаной брони старый чёрный плащ, застегнул пояс с мечом и, выйдя наружу в туманное утро, вознёс молчаливую молитву Сирику.

Он собирался убить своего старого друга.

Айдан шагал по старым тоннелям канализации с гримасой на лице – грязь, по которой пришлось тащиться им с Моргримом, была в локоть глубиной. Слабое сияние посоха священника освещало тёмный тоннель, покрытые илом каменные стены и мерзкие, увядшие корни. Влажный и тёплый воздух был наполнен запахом гнили, и Айдан повсюду слышал отголоски писка канализационных крыс.

Большую часть раннего утра он с Моргримом потратили на блуждания по бесконечным полуразрушенным канализационным тоннелям в поисках верного прохода, но их ожидало только разочарование. Поначалу ему казалось, что воспоминания, навеянные этим местом, вот-вот его захлестнут. Много его соратников полегло в этих тоннелях во время последней битвы с Огненными Ножам, и он словно наяву слышал их разносящиеся по канализации предсмертные вопли. Но эти воспоминания также наталкивали его на мысли о Халдане – в ту ужасную ночь он наряду с Айданом тоже был в числе тех, кто руководил операцией, – и воин распалял в себе гнев, охватывающий его при мыслях о бывшем друге, чтобы приглушить мучительные воспоминания. Сейчас каждый шаг приближал его к

правде – той правде, с которой, он знал, ему нелегко будет столкнуться лицом к лицу.

Наконец они приблизились к центральной части старой штаб-квартиры Огненных Ножей. Айдан остановился и повернулся к Моргриму, указывая на тоннель, ведущий на запад.

– Вот тут, – сказал он. – Прямо под этим тоннелем находится старая кладовая, которой пользовались, когда канализация ещё работала. Тут мы и отыщем Лиритэйн.

Руки Айдана затряслись. Он опустил их на пояс с оружием, а Моргрим отступил в сторону.

– Нужно держаться начеку, – кивнул священник, – дальше должна быть охрана, – закончив речь, он вскинул посох и произнёс единственное слово. Свечение погасло, и тоннель погрузился во мрак. – У меня есть кое-что, что поможет нам справиться с врагами, – мягко добавил Моргрим. – Держись за меня и не отставай.

Айдан двинулся туда, откуда звучал его голос, пытаясь ощупью найти руку священника. Дотронувшись до неё, капитан едва сдержал крик. Рука юноши была холоднее льда.

Моргрим начал тихо бормотать заклинание во тьме тоннеля, грубые скрежещающие звуки резали воздух, словно нож. Айдан сморгнул и попытался свободной рукой прикрыть ухо. Несколько секунд звук нарастал, а затем резко оборвался.

Тишина. Айдан начал было паниковать, пока не почувствовал, что рука Моргрима сжимает его ладонь. Страх отступил, и, держась за стену, воин повёл священника вниз по извилистому тоннелю. Через несколько сотен шагов он заметил вдалеке смутное свечение. Прижимаясь к стене, они крадучись направились к источнику света. Айдан увидел двоих закутанных в плащи стражей, охранявших старую каменную дверь и, сжав руку Моргрима, указал ему на них.

От ответной улыбки священника дрожь пробрала Айдана до костей. Моргрим отпустил его руку, вытащил два кинжала и метнул их в стражей. Клинки вонзились обоим охранникам в горло, и они рухнули на пол.

Айдан и Моргрим быстро оттащили неподвижные тела в темноту. Когда с этим было покончено, Моргрим швырнул вниз по тоннелю маленькую монетку, за которой, похоже, последовала и сфера тишины. Вскоре Айдан смог слышать голоса, доносящиеся из комнаты, и прижал ухо к двери.

– ...доверенное письмо, Пэйдрэйг, и тогда мои партнеры преподнесут вам клинок.

Сердце Айдана дрогнуло. Это был голос Халдана Риммерсбэйна! До последнего он надеялся, что то доказательство окажется ошибочным. Но теперь, когда он узнал, что Халдан и правда был замешан в краже кинжала, последняя нить, которая связывала его с прошлой жизнью, оборвалась. Боль от этой потери – боль, которая была сильнее, чем от любой физической раны, – обрушилась на него, и Айдан почти упал под её тяжестью. Вместо этого он собрал всю свою пылающую злость воедино, и, сжав рукоять меча так, что костяшки побелели, выхватил клинок из ножен. С криком ярости он распахнул дверь и ворвался в комнату, не обращая внимания, последовал ли за ним Моргрим или нет.

Халдан и уже знакомый ему человек в белой мантии повернулись к нему.

– Предатель! – выкрикнул Айдан.

Не дав ему возможности услышать, что ответил Халдан, из теней на него набросились четыре фигуры. Но на этот раз Айдан оказался готов к нападению. Он описал мечом широкую дугу, не позволяя ворам проникнуть сквозь щели в его защите. Хотя нападающие и теперь превосходили его числом, Айдан сражался так, словно его рассудок был одурманен алкоголем. Эта битва будет дорого стоить его противникам.

Когда Айдан поднырнул под стремительный удар одного из врагов, помещение озарилось потоком вспышек и пылающих огней. Он смутно осознал, что Моргрим вступил в смертельный магический бой с человеком в белых одеждах. Снова и снова они взывали к подвластным им силам, и комната содрогалась от мощи их заклинаний. Встряхнув головой, Айдан отрешился от ошеломляющего зрелища и сосредоточил всё внимание на своих противниках.

К счастью, магическая схватка, казалось, выбила его врагов из колеи, и он, воспользовавшись этим преимуществом, расчётливым ответным ударом моментально убил двоих нападавших. Двое оставшихся воров сражались куда менее рьяно и вскоре тоже пали под его неистовым натиском. Задержавшись над их трупами, воин аккуратно очистил свой клинок от крови. И тогда он осознал, что в помещении стояла тишина.

В отчаянии он окинул взглядом комнату в поисках Моргрима. Священник валялся в углу, пытаясь подняться на ноги. Обожженное тело его противника лежало в центре комнаты. Айдан вознес благодарственную молитву и двинулся было к товарищу, но, стоило ему сделать несколько шагов, как из темноты рядом с Моргримом возник Халдан, поднимающий меч над головой священника. Жрец сделал попытку защититься, но Айдан понял, что он слишком ослабел от ран.

– Нет! – вскричал воин, бросившись к ним. – Халдан, ты проиграл. Оставь его.

Халдан повернулся. Даже в слабом свете кладовой Айдан разглядел руны, выгравированные на мече бывшего друга.

– Проиграл? – произнёс Халдан. – Ещё нет. Я ведь жив.

Айдан потряс головой и попытался заговорить. Он хотел дать волю терзающим его гнев и боли, обвинить этого человека в том, что он уничтожил его веру в людей, но слова застревали в горле, словно он находился под действием заклинания. Ему удалось выдавить из себя только одно слово:

– Почему?

Халдан поглядел на него и издал смешок:

– Почему? Конечно же, ради денег. От прибыли с этой сделки я бы смог купить место в Совете, а потом я и мои партнёры постепенно освободили бы Тилвертон от гнёта Кормира, – повысив голос, Халдан закричал. – Регент не делает ничего, только высасывает из города жизнь. Она неспособна возглавлять нас. Для Тилвертона настало время обрести новую власть, нового правителя!

Во время этой речи глаза командора сияли внутренним огнём. Поначалу Айдан решил, что тот сошел с ума, но затем он осознал, что дело куда хуже... он был фанатиком.

– Полагаю, что тем, кто поведёт Тилвертон в новую эру, будешь именно ты? – спросил он, надеясь хотя бы ненадолго отвлечь внимание Халдана. Он знал, что у него не было ни шанса переубедить бывшего друга.

– Конечно, – ответил командор. – Кто лучше меня годится для того, чтобы взять на себя такую ответственность? И я начну прямо сейчас, очистив Тилвертон от этого подонка! – Без предупреждения его клинок обрушился на истекавшего кровью Моргрима... и отскочил, наткнувшись на меч Айдана.

На лице Халдана появилось выражение человека, которого предали, и это разъярило Айдана ещё сильнее. Не обращая внимания на онемевшие запястья, воин высвободил лезвие из-под клинка Халдана и высоко взмахнул мечом, целясь ему в голову, но предателю удалось парировать удар. Ни одно обычное оружие не могло двигаться так быстро, как его зачарованный клинок, вспыхнувший во время боя ярким голубым светом.

С жестокой усмешкой Халдан взмахнул мечом.

– Кажется, ты выбрал Аласлин, Айдан, – прошипел он сквозь стиснутые зубы. – Так тому и быть. Даже если тебе удастся убить меня, есть и другие, которые не опустят руки, пока от Аласлин и её кормирских псов не останется ничего, кроме воспоминаний.

Айдан смолчал, храня силы для дальнейшего сражения. Хотя у него осталось преимущество в скорости, Халдан был сильнее и к тому же владел зачарованным оружием. Даже сейчас воин чувствовал, как слабеют его мышцы; пока что удача ему улыбалась, но каждый раз клинок противника пролетал все ближе от его тела. Он низко пригнулся, надеясь отыскать брешь в защите Халдана. Командор сделал высокий выпад справа. Это был его шанс! Устремившись вперёд, воин ударил мечом в оставшийся без защиты живот Халдана. Слишком поздно Айдан осознал свою ошибку. Командор завершил ложный выпад взмахом клинка, который должен был перерубить шею капитана. Айдан в отчаянии вскинул меч, надеясь погасить хотя бы часть силы удара.

Оружия столкнулись, и меч вырвался у него из рук.

Он беспомощно смотрел на подходящего Халдана. Командор мог закончить эту игру в любой момент, и они оба это знали. Айдан приготовился к последнему удару, но внезапно Халдан с удивленным выражением лица застыл на месте. Когда он сделал шаг вперед, кровь брызнула у него изо рта. Айдан рефлекторно двинулся было к нему на помощь, но усилием воли остановил себя. За павшим командором стоял Моргрим, держа в руках два окровавленных кинжала. По комнате разносилось тяжёлое дыхание священника. Он улыбнулся Айдану и рухнул на пол.

Айдан медленно поднял меч и опустил на колени рядом с телом Халдана. Командор был мертв, на его лице навечно застыло удивлённое выражение. Осторожно и более заботливо, чем он мог от себя ожидать, воин закрыл ему глаза.

– Покойся с миром, друг мой, – прошептал он. Что бы ни произошло между ними, он всегда будет чувствовать уважение к тому молодому Дракону, каким он остался в его памяти.

Он вздохнул и подошел к скорчившемуся телу Моргрима. Священник был жив, но лишь едва. Айдан видел, как еле заметно поднимается и опускается его грудь, и

поразился тому, насколько уязвимо он выглядел в тот момент. Жизнь Моргрима чуть теплилась у ног воина; один шаг – и она рассыплется в прах.

И все же он знал, что этого шага он не сделает.

Пусть священник и служил прихотям тёмного божества, он более чем доказал, что достоин уважения. Айдан не думал, что в груди у него бьется золотое сердце – подобных наивных иллюзий он лишился в тёмном переулке одной поздней ночью – но действия Моргрима говорили о его дружбе куда красноречивее слов.

Ещё некоторое время Айдан смотрел на раненого священника, а затем отвернулся, чтобы отыскать Лиритэйн. Он не хотел задерживаться в канализации ни мгновением дольше необходимого. Вскоре он обнаружил знакомый клинок, который сжимал в своих холодных руках заклинатель – противник Моргрима. Высвободив его, Айдан заметил, что на шее трупа был символ в форме диска – знак Латандера. С проклятьем он сорвал его с цепочки и отшвырнул назад в канализационный тоннель. Халдан говорил правду; его союзники не успокоятся, пока не достигнут своей цели.

Айдан с осторожностью наклонился и поднял Моргрима с влажного пола. Во время обратной дороги по тоннелям он думал о событиях последних десяти дней и улыбался. В полдень он поговорит с леди Рованмантл и предложит свою помощь в уничтожении заговора.

Возможно, в мире все-таки найдется место для старого, усталого солдата.

ПЕСНЬ СТАЛИ

Дж. Роберт Кинг

В моей работе привыкаешь ко многому – к душераздирающим воплям, таящимся в темноте кинжалам, плотоядно ухмыляющимся маскам, злобным усмешкам, стенающим вдовам, закоулкам, телам и крови... морям крови. Но мне никогда не приходилось столкнуться сразу со всем всего за одну ночь.

«Опера» - так это называют сембийцы. Означает «работать». И все равно из тысяч задействованных работал только я. Все остальные наряжались, кривлялись, вышагивали в пёстрых шелках и жирном гриме и показывали что-то несколько громко оравшим жирдяям. А я тем временем стоял в тени занавеса, ждал и слушал.

Вот это – работа. Настоящая, тяжёлая работа. Очень непросто человеку действия просто стоять и ждать каких-то событий, который вовсе не торопятся происходить. И всё же что-то должно было случиться. Той ночью в воздухе пахло смертью – настоящей смертью и настоящей кровью – и я чувал это. До убийства оставались считанные мгновения. Я подобрался ближе к сцене – там двое толстяков были моей проблемой. Обычно люди не становятся моей проблемой до тех пор, пока их не находят в аллее лицом в луже. Но две этих фаршированных сардельки всё ещё дышали жизнью, и моей работой было следить за тем, чтобы их состояние не поменялось.

Я – Болтон Куэйд, наёмный капитан стражи, а теперь ещё и телохранитель. В этой организации я оказался, когда в Глубоководье – мой город-плац – приехала опера. И как только начались представления, посыпались и покушения. Можно понять – если бы я отвалил такую кучу золота и услышал *это*, я бы тоже захотел кого-нибудь убить. Но руководитель не хотел полагаться на авось. Разыскивая лучшего телохранителя в городе, он вышел на меня. Пять городов и десять месяцев спустя, я всё ещё разъезжал с ними... а неприятности продолжали поступать.

С самого начала я знал, что большинство убийц были подсланы одним тенором другому. Мне сказали – все певцы такие. Но некоторые оказались наняты кем-то другим, кем-то, кто, вполне возможно, прямо сейчас сидел в зале. Я скользнул взглядом – мимо дёргающихся голов певцов хора – по строгой, усыпанной драгоценностями аудитории. Они сидели здесь, в Большом Театре, неподвижные как статуи. Лучшие из лучших. Всё на них сияло – бриллиантовые кольца, золотые серьги, серебряные волосы, лысые макушки и остекленевшие глаза. Особенно глаза. Скука, покорность, сонливость. Не самые привычные мотивы для убийства. Большинство зрителей было не в состоянии выказать интерес, что уж говорить про угрозу.

И тем не менее в воздухе витала смерть. Я чувствовал это. Кто-то замыслил недоброе.

Мог быть и один из певцов. И если толпа в зале была безучастна, то эти наоборот – слишком много рёва, топота, стенаний, падений, дрожи, куража, шатаний, прыжков, рыданий, борьбы, обмороков, и, конечно, ора, ора, ора... Неуёмно страстные, эти лунатики, скачущие, брызжащие слюной и воющие на луну.

Тониас, тенор помоложе, был заводилой в этом дурдоме. Пухлячок с золотыми волосами и бородой, он стоял посреди сцены в обруче, венчавшем голову. Блеск волос усиливался этой короной, делавшей его королём Орфеем, лордом-завоевателем из Дисталии. Он носил пышное белое жабо, тунику из ярко-жёлтого шёлка, плотный коричневый жилет, плащ, подбитый горностаем, и жёлтые же трико, подчёркивавшие каждую мышцу ног. Беря высокую ноту, он возносил меч, позволяя каждому в первом ряду вплотную насладиться его тремоло. Он больше походил на булочку, нежели на убийцу.

С другой стороны, старший тенор, безупречно подходил на эту роль. В опере он играл злодея Гаррагия, бывшего короля Дисталии. Свергнутый с трона и объявленный преступником, он притворялся прокажённым, чтобы подобраться к Орфею и убить. Но суть представления заключалась не только в злобе. Оно было о зависти, незамутнённой и такой обычной. Ведь пока Тониас красовался в центре, Ви'Торресу приходилось шнырять сзади. Старый тенор не носил украшений и хорошей одежды, только чёрное тряпье – почерневшее от постоянных столкновений с напольными свечами. Его реплики были полны рычания, таяканья и животных угроз. На низких нотах он звучал, точно бык в период гона, на высоких же – как мартовский кот.

Но так было не всегда. Когда-то и он был молодым тенором, сенсацией, самородком Сембии. В те времена он обладал голосом героя – высоким, чистым и ясным. Громким, но приятным. Полным силы, но трагическим. Очень трагическим. Его карьера завершилась на самом пике, обернувшись против себя, подобно змее, пожирающей собственный хвост. Чтобы избежать назойливого внимания

поклонниц, Ви'Торрес напивался до беспамятства. Но проблема заключалась в том, что в любом случае он просыпался рядом с одной из них. Со временем выпивка подточила печень, а сифилис – рассудок. К тому моменту, как тенор охладел к обоим видам развлечений, он опустел внутри и напрочь потерял голос. Теперь Ви'Торрес остался практически ничтожеством, и зависть поглощала его.

Зависть, возможно, смертоносная.

А Тониас вполне подходил на роль того, кому можно позавидовать. Рано или поздно он прекращал завывать и пел что-то по-настоящему воодушевляющее и милое. И тогда даже я понимал, что он хорош. В такие моменты его голос вмещал всё – надежду и ужас, желание и преданность. Звук его вонзался в мою грудную клетку и волнами расплывался по рёбрам, затем по позвоночнику до самого основания черепа. Казалось, будто уши улавливают только малую часть всего богатства звучания, а всё остальное впитывается через кости. Сейчас он пел именно так. Посреди восторженного и обожающего стрёкота хора стоял король Орфей – пузо выпячено вперёд, голова откинута назад, верный меч вознесён ввысь:

Я восстаю! Взлетаю над рассветною надеждою Дисталии

Как будто я – пыльца, гонимая весенним ветром

Я восстаю, как снова восстаёт вся жизнь, зелёная и малая

Сквозь твердь земли стальную пробиваясь к свету.

Я восстаю. Тянусь я от корней, что обращают твою мерзость

В листву; а смертный холод почвы обращают в семя.

Я восстаю. Я – жизнь, я – восстаю!

И пока король Орфей пел, Гаррагий рычал ответную партию. Чёрные отрепья облепили его ломаную фигуру. Под одеждой злобно поблескивал кривой кинжал, отражая огненные зубы свечей. Вцепившись в нож, Гаррагий приближался к королю.

Смерть тоже всюду восстаёт... Не знал? Поверь,

Что в каждом фрукте и цветке возрастает червь.

Сжирая дом свой и сжигая плоть с костей

Неутомимый червь – извечный зверь!

Гаррагий дотасился до ног поющего короля и трясущимися руками занёс кинжал. Король Орфей продолжал петь, не обращая внимания на то, что из теней, намереваясь убить его, возник недруг. Издав последний вопль, полный животной ярости, Гаррагий всадил изогнутое лезвие прямо в выпирающий живот правителя Дисталии. Брызнула струя крови.

Я был впечатлён этим проявлением театральной магии – более правдоподобным, чем в предыдущих пятидесяти с лишним представлениях. Кровь даже дымилась в прохладном воздухе.

Пение Тониаса прервалось душераздирающим криком – в смятении и ужасе он уставился на торчащий из живота нож. «Он убил меня!» - совсем не музыкально завопил актёр. Оркестр внезапно стих. Ведущая скрипка – худая бледная женщина – ошеломлённо приподнялась с места.

Тониас оторвал испачканную багровым руку от живота.

- Ви'Торрес убил меня!

Ви'Торрес? Я отбросил занавес и кинулся на сцену. Слишком поздно. Всё тело тенора содрогнулось. Рука с мечом обмякла и упала, увлекая с собой и оружие. Сталь

сверкнула оранжевой дугой и ударила Ви'Торреса прямо по шее, в то же мгновение породив новую струю крови.

Крик Ви'Торреса оказался заглушён воплями толпы. Зрители шарахнулись от сцены, карабкаясь через спинки кресел, турнюры и метры сатина – лишь бы подальше от крови. А я бежал к ней. Я успел вовремя, чтобы подхватить Тониаса, обмякшего без сознания. Вес внушительного тела увлёк меня в суматоху под сценой. В следующую секунду в кучу свалилось и тело Ви'Торреса, чья рука уже не прикрывала рану на шее.

Вот тогда и я начал орать. Горячая кровь пропитала мою одежду, а сверху меня придавило полтора центнера теноров. Но орал я по большей части из-за того, что люди, которых меня наняли оберегать, на глазах тысяч достопочтенных свидетелей только что прирезали друг друга насмерть.

Ладно, не насмерть, хвала жрецам Латандера в первых рядах. Заручившись их помощью, я приказал им следовать за несущими тела стражниками в две отдельные гримёрки, где должен был начаться процесс исцеления. Раздав ещё пару указаний для успокоения толпы, я смыл с себя кровь и направился в гримёрку Тониаса.

Постучал. Дверь открыла та самая ведущая скрипка. Уставилась на меня большими глазами – коротко стриженные волосы неопрятным ковриком покрывают череп, а мужская туника и брюки все заляпаны кровью.

- Чего?

- Я Болтон Куэйд, телохранитель.

- Поздно ты, да? – ядовито поинтересовалась женщина-музыкант, но посторонилась и дала войти.

Комната пышностью убранства не уступала забитости людьми – ковры из шерсти, застеклённые окна, серебрёные зеркала, плетёные кресла. Тониас, массивный и пропотевший, лежал на слишком маленькой для него оттоманке, с грудью и животом накрытыми скомканной жёлтой рубашкой. У изголовья стоял облачённый в серое стражник, ещё один – в ногах. Женщина быстро переместилась за тахту и опустилась на колени на махровый ковёр династии Шу Лунь. Ноги оказались как раз рядом с окровавленным мечом, почти убившем Ви'Торреса. Я прошёл мимо одетых в красные с жёлтым рясы священников и навис над тенором.

Увидев меня, Тониас застонал.

- Вот он. Вот человек, которому, как мне сказали, я мог доверить свою безопасность, самую мою жизнь! Вот он, бродяга из Глубоководья, ревностно следящий за поступлением платы, но не за выполнением обязанностей.

- Кстати говоря, почему я здесь, - перебил я, вытаскивая записную книжку и свинцовую перьевую ручку с широким пером, - мои обязанности. Включают в себя не только охрану, но и задержание любого, кто нападёт на тебя – или на Ви'Торреса.

Лицо Тониаса отчаянно покраснело, контрастируя с венцом золотистых волос.

- Почему бы тебе не допросить его самого?

- Сложно допросить человека без сознания, - я смахнул со стула парочку нотных партий, подвинул его к кровати и уселся. – Кроме того, он кажется мне в достаточной степени виновным. Все видели, как он тебя ударил. Вовсе не случайность. Совершенно точно покушение на убийство. Вот в чём на самом деле вопрос, так это что же произошло с *твоим* мечом? *Это* случайность или...

Багрянец на лице Тониаса утих, когда я объявил Ви'Торреса виновным, но глаза всё ещё негодуя сверкали, когда он произнёс:

- Как бы я хотел его убить! Как бы я хотел, чтобы меч начисто отрубил ему голову! Уверяю, если бы я сделал это умышленно, так бы и произошло. Я его ненавижу! Но взмах меча был случайным.

Я набросал строчку бессмысленных каракуль на листке бумаги. Никогда не оставляю настоящие заметки, просто корябанье застаёт людей врасплох.

- Забавные аргументы. Говоришь, что у тебя был мотив, средства и возможности, но ты все равно не пытался его прикончить? Доказать такое будет непросто.

Он опустил взгляд; щёки собрались складками, пока певец раздумывал над ответом. Наконец, он решился:

- Это легко доказать, легче чего угодно на свете. Только я не буду этого делать перед всеми этими людьми.

Я оглядел присутствующих. Жрецы Латандера – большинство юные, гладко-выбритые и наивные – возвращали мне мой же вопросительный взгляд.

Показав на раненое пузо, я поинтересовался:

- Ну и каковы прогнозы? Он уже достаточно оклемался, чтобы вы могли его покинуть?

Главный из жрецов кивнул и улыбнулся – даже глазами:

- Утренний Лорд сегодня был благодушен. Рана затянулась с первыми же молитвами; пациент теперь только отдыхает...

- Ну да, ну да, - ворчливо вклинился Тониас.

-... поэтому, полагаю, мы можем пойти проверить Ви'Торреса.

- Отлично, - одобрил я, распуская целителей.

Те, шурша рясами, потянулись на выход; я закрыл за ними дверь. Тониас многозначительно посмотрел на стражей у изголовья и в изножье кушетки.

- Даже не надейся, - отрезал я. – Они работают со мной.

Скорчив недовольную гримасу, Тониас заявил:

- У меня были мотив и возможности, но не было средств. Я с удовольствием распорол бы Ви'Торресу глотку, но только не этим мечом, - он кивком указал на покрытый запёкшейся кровью клинок около дивана.

Наклонившись, я поднял оружие, удивившись его тяжести. Это был не обычный сценический реквизит – лезвие широкое и сбалансированное, с мастерски обработанной рукоятью.

- Посмотри на него, Куэйд. Вот настоящая жертва убийства, - загадочно сказал Тониас. Клинок и правда был покрыт таким количеством крови, что сошёл бы за жертву. Ошмётки Ви'Торреса подсыхали по всей длине гравированной стали. – Ты хоть понимаешь, что... *кого* ты держишь в руке?

- Кого?

- Это Ран... это *был* Ранджир, древний эльфийский поющий меч. Разумное оружие, - грустно поведал Тониас. – Выкован ещё до Миф Драннора. Прошёл тысячи битв, многие из которых велись за родные земли эльфов, всё ещё принадлежащие им. Он изменил ход истории Фаэруна. А теперь он мёртв.

- Мёртв? – я смерил клинок взглядом. – С чего ты взял?

- Посмотри на рубин в рукояти. Когда-то он мерцал внутренним светом. А теперь взгляни на него, - потребовал тенор. – Взгляни же!

Я перевернул меч, рассматривая драгоценный камень размером с глаз, вставленный в серебряную филигрань корзинчатой гарды. Камень растрескался, пронзённый насквозь чернильной тьмой. Я старался, чтобы мой голос не звучал насмешливо, когда спросил:

- И как же он умер?

- Кровь, - подавленно отозвался Тониас, скрестив руки на груди. – Когда меч выковали, было сказано, что если когда-нибудь на него попадёт кровь, это его погубит.

Я всё ещё изучал не подающий признаков жизни камень.

- Как же меч побывал в тысячах битв и изменил лик Фаэруна, если никогда не проливал крови?

- Своим пением он вызывал массовые морозы, заставляя малую группу казаться армией, заставляя врагов думать, что они ранены, мог вызывать у них слабость, потерю сознания или даже заставить поверить в собственную смерть. Меч выигрывал войны пением, а не убийствами... не кровью.

- Поющий меч... - протянул я, с уважением глядя на оружие. – Может он и по-оперному умеет? Подходящий предмет для такого как ты. Чудесный реквизит, превращающий хорошего актёра в великолепного певца.

- Он и есть великолепный певец, - вознегодовала скрипачка. – У него красивый голос. Спой ему, Тониас. Спой!

Тониас похлопал её по руке, и от этого успокаивающего жеста её протесты сошли на нет.

- Толку не будет. Он все равно скоро бы узнал, - тенор поднял взгляд на меня; в его глазах больше не было огня и ярости – это был заплаканный и испуганный взгляд потерявшегося ребёнка. – Я хороший тенор, это так, но отнюдь не великий. Не великий тенор Тониас из Селгаунта. Всё это лишь притворство. Меч пел, не я. Как видишь, Ранджир был моей карьерой, моей жизнью. Я бы ни за что не стал проливать им кровь.

Я кивнул, убирая записи. Он говорил правду, в этом я был уверен. В противном случае, он жертвовал карьерой впустую.

- Значит, для тебя всё кончено?

Тониас фыркнул.

- Скажу, что рана мешает мне правильно дышать. Скажу, что теперь не могу спеть и четырёх тактов. Придумаю что-нибудь и уйду на покой.

Не выпуская меча из рук, я поднялся, собираясь уходить, но развернулся задать последний вопрос:

- Ты говоришь, жертвой убийства стал Ранджир. Если его убил не ты, то кто тогда?

Жар гнева вновь полыхнул в глазах толстяка.

- Ви'Торрес. Должно быть, узнал о мече, что это он пел за меня. Разнюхал, как убить его, и ударил меня, чтобы спровоцировать. Может, он и пытался убить *меня*, Куэйд, но преуспел в убийстве Ранджира.

- Зачем? – спросил я. – Зачем убивать меч?

- Зависть, обычная зависть. Он хотел уничтожить мою карьеру, как сделал это со своей собственной.

Похоже, всё вставало на свои места. Я направился к двери.

- Меч я конфискую на то время, пока во всём не разберёмся.

Тониас лишь махнул рукой:

- Теперь он для меня бесполезен. Делай что хочешь.

- Я хочу показать его Ви'Торресу; посмотрим, что он скажет, - я указал на двух городских стражников. – А ещё я хочу попросить этих джентльменов не отходить от тебя ни на шаг, пока мы не разгребём эту кучу неприятностей.

- Понимаю, - ехидно твякнул Тониас, похлопывая по руке подруги. – В конце концов, кто-то же должен меня охранять.

Гримёрка другого тенора таилась в недрах здания оперы – ни окон, ни серебряных зеркал, ни тахты, ни шулуньских ковров. Просто каморка, ограниченная влажными кирпичными стенами. Окружённый стражей, Ви'Торрес лежал на подгнившем тюфяке на полу. Он всё ещё был одет в чёрное тряпье, а в руках сжимал металлическую флягу; лицо испачкано гримом, взгляд растерян, на голове спутанный клубок чёрных волос.

Всё ещё улыбающийся жрец встретил меня в проходе:

- Сегодня на нас дважды снизошло благословение. Утренний Лорд посчитал, что и этого человека нужно оставить среди нас. Раненый потерял много крови, но теперь его жизнь вне опасности.

Я наклонил окровавленный меч к Ви'Торресу.

- Посмотрим, надолго ли. Спасибо за помощь, - поблагодарил я, этой фразой давая понять, что жрец может идти. Тот коротко поклонился и скрылся из этого плесневелого закутка.

Я оглядел раненого – живое воплощение болезненного, злобного Гаррагия:

- Ну и что скажет в свою защиту человек, ударивший своего соперника прямо на сцене, перед тысячами свидетелей?

- Я этого не делал, - жалко выдавил он, с трудом сглотнув.

Я кивнул. Каждый в тюрьме невиновен.

- Значит, кинжал просто соскользнул. Или ты просто напился и потерял равновесие. Или может, клинок сам решил поразить самую большую мишень поблизости.

- Точно не последнее, - мрачно бросил мужчина, закашлявшись; от приступа на его глаза навернулись слёзы. – Я сунул кинжал в левую подмышку, как и всегда.

- Когда в глазах двоится, сложно сказать, которая левая подмышка...

- Я ничего не пил перед представлением. Только после... всего, что я...

- Тогда откуда вся эта кровь? И почему же я здесь, разговариваю с тобой?

- Я его не ударял.

Я навис над лежащим.

- Тониас считает иначе. Тониас, и я, и весь остальной Селгаунт. Но не только это, ещё я считаю, что ты убил и его меч... вот этот, - и я протянул окровавленное оружие.

Ви'Торрес моргнул при виде заляпанной стали, затем измученно сомкнул веки.

- Ранджир был моим, Куэйд. Зачем мне убивать собственный меч?

Я смотрел на певца с недоверием. Присев на корточки, я положил клинок на колени.

- Твоим? Тогда почему он оказался у твоего недруга?

- И правда, почему? – Ви'Торрес кивнул, не открывая глаз. – В дни моей славы он был моим. Я использовал его так же, как Тониас. Его голос стоял за моим взлётом. А потом меч украли. Я был сокрушён. Отказался выступать. Стал напиваться. Просыпался в странных местах. Люди сделали свои выводы, но настоящей причиной конца моей карьеры была потеря Ранджира, - тенор судорожно вздохнул. – Могу я его поддержать?

Я передал клинок певцу, и Ви'Торрес положил его себе на грудь, остриём вниз – как обычно кладут оружие мертвецам. Его ноздри затрепетали, когда он втянул запах металла. Снова плотно закрыв глаза, он через силу улыбнулся. – Наконец-то, снова в моих руках.

Меч Тониаса? Меч Ви'Торреса? Имело смысл. Два великих тенора, один великий голос.

- Если меч – твой, почему ты не попытался его выследить?

- А чем, ты думаешь, я занимался последние пять лет? Я заподозрил Тониаса после его дебюта, но не мог подобраться поближе, чтобы узнать точно. Выгоняли из концертных залов, знаешь ли. А за пределами сцены он хранил меч в железном сундуке с тройным замком. Я узнал наверняка, что это Ранджир, только когда мы начали репетировать «Терру Инкогниту». С того момента я всё пытаюсь заполучить его назад. Я даже обратился в Гильдию Лицедеев, Бардов и Певчих...

- С чего бы им тебе помогать? Ты же жулик. И Тониас жулик.

- Ранджир – всего лишь инструмент, как какая-нибудь кифара – так я им сказал. Они наотрез отказались. Но с помощью гильдий или без, я собирался вернуть меч. До тех пор, пока я жив, я бы не сдался. И это Тониас знал. Но не знал, что моя кровь делает с оружием.

- Это он рассказал мне, как умер клинок.

- Однажды он попытался это сделать... замахнулся на меня. Тогда я предостерёг его, но он лишь усмехнулся. Зато сейчас правда ему известна.

Тониасу, может, и известна, а вот мне – нет. Обе истории звучали правдоподобно, но всё же это были лишь истории, возможно – лишь ложь.

- Ты не остановился ни перед чем, чтобы вернуть меч, - сказал я. – Я отправлю тебя под конвоем и буду ходатайствовать о предъявлении обвинений в убийстве. – Я забрал оружие и обвёл стражников взглядом. – Наденьте на него наручники и сопроводите в казематы. В скором времени прибуду для объяснений.

Но даже когда бойцы взялись за дело, переворачивая Ви'Торреса на бок, тот спросил:

- А что с Тониасом?

- Ему будут предъявлены те же обвинения.
- А Ранджир? Кто убил Ранджир?
- Я медленно перевернул обагрённое лезвие в руке.
- Этого я всё ещё не знаю.

Я доставил безрадостные новости Тониасу и его подружке, став свидетелем нового акта истерик и угроз. С меня хватит. В печёнках уже сидят все эти певцы, шелка, спесивцы и простаки. Мне хотелось обратно на тёмные улицы, к дымящим каминам, к бездомным собакам и запаху старой рыбы. Хотелось старой доброй грязи – называющей себя грязью и выглядящей грязно. В конце концов, даже золото и бриллианты – всего лишь грязь под макияжем.

Забрав Ранджир с собой, я в одиночку направился к городскому гарнизону. По пути я остановился перевести дух и собраться с мыслями.

Я оказался в маленьком круглом мощёном дворике, окружённом каменными богадельнями. Ярким шрамом на брюхе ночного неба сиял полумесяц, тонкие облака окутывали его рваной марлей, а линия крыш неровными зубами впивалась снизу. Черная черепица, протекающая дранка, лохматые охапки соломы. Башенки топорщились, точно зубья грубой короны. Вода шептала что-то в канавах, и поблёскивала в далёкой чаше моря.

Селгаунт. В четыре раза меньше Глубоководья, но не меньше погружённый в мерзость. Неискренность. Лживость. Богатые жирные примадонны против богатых жирных примадонн. Всё это я мог выдержать – ведь я привык к этому – но в самом центре всего этого месива в ловушке оказалось что-то чистое, что-то благородное и восхитительное.

Я поднял кроваво-красный клинок перед собой. Ранджир, древний поющий клинок эльфийских королей, выкованный для битвы, герой сотен войн, вершитель судеб континентов... навеки мёртв. Убит в вечернем представлении. Но даже это было не самым худшим. Перед всем этим меч был рабом двух глупых мелочных индюков. Они заставляли его петь ради аплодисментов, выступать, словно ручная обезьянка и проводить остальное время во тьме под тремя замками. С тем же успехом он мог использоваться для нарезания арбузов да открывания заклинивших дверей.

Стоя там под облаками-марлями и маленькими напуганными звёздами, я со всей отчётливостью понял, что Тониас и Ви'Торрес не были первыми хозяина меча. Сколько же других великих теноров сембийской оперы использовали этот клинок? Сколько сотен лет поющий меч эльфийских королей был марионеткой напыщенных болванов, подобных этим двоим?

Внезапно я вновь почувствовал его. Запах смерти.

Я больше не был один. Они явились из темноты крошащихся улочек. Повылазили из-за обшарпанных деревянных сараев, неухоженных клумб, из-за куч гниющих бочек. Подтянутые бойцы в чёрном, с глазами, горящими точно свечи. Они были повсюду, отрезали все выходы.

Я присел, выставив меч перед собой, и заметил, что ни один из них не носил доспехов поверх обычной одежды.

Один из напавших заговорил – выразительно и надрывно:

- Похоже, агент Куэйд, тебе придётся сдаться нам на милость, а милость в нашем королевстве, возможно, редчайшее явление.

Не убийцы. Лицедей.

- Передай меч нам, Куэйд – мы лишили тебя духа, но жаждем большей добычи.

Ещё и плохие. После этой реплики раздался приглушённый протест, затем короткая стычка за право обращаться ко мне в дальнейшем.

- Этот меч в центре расследования, - отрезал я. – Вам его не получить. Кроме того, он мёртв. Что Гильдия Лицедеев, Бардов и Певчих хочет от мёртвого меча?

Это вызвало ещё больше нервных перешёптываний. Кто-то доказывал, что им лучше сбежать. В конце концов, победил новый голос:

- Думай что хочешь о том, кто тебя окружает, Куэйд, а мы будем думать что хотим о мече. Теперь же передай его нам, иначе отведаешь укусов нашей собственной стали.

Эта речь нашла больше поддержки – многие головы во тьме закивали.

Лицедей или нет, но их было двадцать. Они могли убить меня даже оперным реквизитом. Нет, Ранджир прошёл через слишком многое. Я не собирался отдавать его ещё одной шайке хихикающих шутов.

- Так давайте, возьмите!

- И возьмём! – симпровизировал кто-то, хотя вся группа выглядела какой угодно, только не жаждущей попробовать.

Кольцо медленно сужалось. Я перебирал ногами, стараясь держать всех в поле зрения. Сзади раздались быстрые шаги. Я развернулся. В воздухе свистнул Ранджир. Сталь ударилась о сталь, и перед чьей-то козлиной бородкой мелькнули искры. Ещё одним взмахом я заставил напавшего отступить.

И тут же развернулся вновь. Ещё два меча набросились на мою спину. Ранджир звякнул о них, об один, другой... Я бросился за одним из бойцов, стараясь отвоевать больше пространства. Они оба отшатнулись; в свете звёздной ночи мелькнули их модные береты, когда напавшие наткнулись на грудь бочек. Клёпки затрещали, а ржавые обручи застонали, когда вся эта куча повалилась на землю.

Я получил достаточно места, чтобы перевести дух, но хотел закрепить успех. Сделав Ранджиром широкий взмах, я позволил весу клинка развернуть меня дальше. С явно различимым выдохом, чёрные убийцы шарахнулись прочь.

Я вновь принял боевую стойку и зарычал:

- Этот несчастный клинок мёртв! Оставьте его, или то же ждёт и вас!

Бандиты казались впечатлёнными – но в литературном смысле, не в буквальном. Один прокричал в ответ:

- Оставь его, или то же ждёт и тебя! – и это позабавило толпу даже больше, но также придало мне решимости. Живой, мёртвый – Ранджир не закончит свой путь в лапах очередных кукловодов.

Я перешёл в нападение – набросился на пару силуэтов, очерченных на фоне тёмного прохода в аллею. Если бы мне удалось прорваться...

Мечи злобно клевали друг друга. Звуки, издаваемые оружием убийц, казались жестяными по сравнению с похожим на колокольный звон гулом. Даже мёртвый, клинок был превосходен. Я сделал выпад. Кончик Ранджира застрял в гарде вражеского меча. Пока я пытался высвободить лезвие, что-то хлестнуло по моей ведущей руке. Плечо внезапно налилось теплом и болью. Я, наконец, отпрыгнул, выкраивая свободное место.

Кровь стекала по руке, пропитывая рукав рубахи. Кто-то из этих парней в трико смог нанести удачный удар. Хотя и поверхностный. Порез горел, но я все ещё довольно хорошо орудовал Ранджиром. А потом один из лицедеев злобещим театральным шёпотом досчитал до трёх, и они все вместе набросились на меня. Я вскрикнул от неожиданности, но времени уже не оставалось ни на угрозы, ни на слова, ни даже на вздох.

Меня окружал частокол клинков – пробивающихся, царапающих бока, спину, шею. Ранджир будто танцевал сам по себе, будто тянул мою раненую руку за собой. И всё это время кровь стекала с плеча по предплечью, по локтю, по запястью. Я проигрывал, я знал это.

Ранджир тоже.

Внезапно весь дворик залил яркий свет. Тридцать с лишним фонарей вспыхнули разом, окружая нас сиянием. Копья света пронзили круг лицедеев. Они все съёжились, бормоча что-то про стражу и тюрьму, и о том, что мир никогда не признаёт истинного гения. А затем бросились врассыпную, шныряя в тенях, словно стая крыс. Я ожидал услышать звуки борьбы и красочные ругательства, в тот момент, когда стражники скрутили их.

Но не было ни хранителей порядка, ни фонарей. Свет струился из древнего эльфийского клинка у меня в руках. Рубин пылал светом и жизнью. Меч жалобно пропел:

- Подними меня, прошу. Кровь с твоей руки может погубить меня.

Я подчинился, вознеся оружие над головой и наблюдая за тем, как струйка красной жидкости поворачивает вспять, срываясь с запястья. Так я и стоял там, с мечом над головой, потрёпанная версия короля Орфея. И, как и в постановке, меч запел:

- Я восстаю! Взлетаю над рассветною надеждою Дисталии
Как будто я – пыльца, гонимая весенним ветром
Я восстаю, как снова восстаёт вся жизнь, зелёная и малая
Сквозь твердь земли стальную пробиваясь к свету.
Я восстаю. Тянусь я от корней, что обращают твою мерзость
В листву; а смертный холод почвы обращают в семя.
Я восстаю. Я – жизнь, я – восстаю!

- Итак, - коротко прервал я, - это всё была твоя затея. Ты использовал свои способности, чтобы инсценировать собственную смерть?

- А как ещё я мог избавиться
От жалких стонущих глупцов?
С их жадностью возможно справиться,
Лишь получив у смерти кров.
Смерть тоже восстаёт, иль ты не знал?

- И раны тоже были ненастоящими. Немудрено, что они затянулись так легко. Меня весьма удивило милосердие Утреннего Лорда. А вот что бы меня *не* удивило, так это то, что этих убийц тоже, каким-то образом, подослал ты.

- Верно, ведь ждал я столетия

Руки, что подобна твоей

Руки настоящего воина!

Я жаждал сражений не кукольных,

Хватило притворства с меня!

- Ну нет уж, - ответил я, отворачивая край рубахи и вытирая кровь с руки. – Я работаю один. Нельзя, чтобы меня видели горланящим песни посреди каждого сражения. – Убедившись, что кровь больше не течёт, я опустил Ранджир и посмотрел прямо вглубь рубина. – Тем не менее, от какой-никакой компании на пути обратно в Глубоководье не откажусь. А ещё я знаю одного оружейника, поставляющего отличные мечи настоящим воинам. Думаю, я мог бы заручиться его помощью в поисках какого-нибудь жаждущего битв воина.

Меч будто был готов засмеялся, вновь пропев:

- Я восстаю! Глубоководья утреннее чаянье,

Очнись, как почки и цветы от зимнего забвенья

Я восстаю!

НЕПРИВЫЧНАЯ МИШЕНЬ

Брайан М. Томсен

Передо мной на причале лежали три трупа; два из них обгорели до неузнаваемости, а от останков веяло едким запахом горелой плоти.

Третий каким-то чудом избежал этой участи... и принадлежал он Котёнку.

Другие знали её под именем Нимары Шейрон, очередной растрёпанной кокетки с верфей, с сомнительными увлечениями (если вы понимаете о чём я), но для меня она всегда была Котёнком. Моим самым давним другом – несмотря на тот факт, что я знал её только три месяца. Это как раз тот промежуток времени, про который я с уверенностью могу сказать, что в течение него кого-то или что-то знал; раньше могут знать остальные, но точно не я.

Не поймите меня неправильно, я не какой-то там сумасшедший, лжец или влюбленный. И не очередной бард-романтик, чья жизнь, фигурально выражаясь, началась только после того, как он впервые увидел свою пассию. Котёнок и я – друзья... были друзьями, не возлюбленными, по крайней мере сколько я себя помню. Три месяца назад я проснулся посреди портовой улочки в Глубоководье с полностью стёртыми воспоминаниями о моём прошлом. Можно сказать, ходячая «табула rasa», идеальная добыча для всех и каждого, блуждающий чужак для самого себя, которому нечем подтвердить своё существование, кроме разрывающей голову боли да запаха грязного тела, невымытого столько времени, что любая приличная компания предпочла бы не знать, сколько же именно. Я точно не помню, что же со мной

произошло (эти слова я говорю слишком уж часто, пусть даже и для собственного успокоения), но каким-то образом Котёнок нашла меня и выходила. Не ограничившись одним лишь излечением физических ран, она даже нашла мне подходящее место в своём окружении и подкидывала работёнку (скажем так), чтобы моё брюхо всегда было полным, а остальные части – в относительном тепле и уюте, до тех пор, пока не вернётся память (нет, ещё не вернулась).

Она поставила меня на ноги, в то время как остальным не было до этого дела.

Так что Котёнок была моим старейшим воспоминанием, а теперь её безжизненное тело лежало перед мной, и я знал, что должен отомстить.

Я отсыпался после попойки в честь успешного выполнения последнего задания, когда из золотых грёз опьянения меня вырвал портовый парнишка, посланный по мою душу. (В основном, именно таким образом меня вызывала та таинственная группа, которую я мог считать своими клиентами). Плеснув на лицо холодной воды, чтобы зрение прояснилось (но не столько, чтобы мои коротко стриженные бакенбарды покрылись коркой льда на утреннем холоде), я последовал за юношей – ибо знал, что мои потенциальные клиенты обычно не любят, когда их заставляют долго ждать.

Как и всегда, меня провели по задворкам, улочкам и даже через несколько заброшенных зданий (сбрасывая любую предполагаемую слежку), прежде чем мой спутник передал меня закутанной в плащ фигуре, бросившей парню монетку и поманившей меня за собой. Фигура эта топала очень живо, сапогами выбивая стаккато по камням улиц; мы будто бежали наперегонки с подступающим рассветом, чьи лучи только-только начали изгонять тени из тёмной части Глубоководья.

Солнце уже почти появилось из-за горизонта, когда он взмахом велел мне зайти в ближайший амбар, а затем быстро закрыл за нами дверь, запирая нас в темноте – в то время как всё остальное Глубоководье начало наслаждаться первым светом нового дня.

Пока мой спутник возился с факелом, я размышлял. Что ж, по крайней мере мой первый страх не оправдался – вампир, пытающийся опередить рассвет, никогда не остановился бы, чтобы зажечь огонь. Нам всегда следует быть благодарными за такие маленькие подарки.

Несколько секунд спустя его старания увенчались успехом, и факел вспыхнул ослепляющим светом, быстро стихшим до комфортного свечения, впервые позволившего мне хорошо рассмотреть моего проводника.

Смотреть особо было и не на что.

Он был примерно моего роста и сложения, и обладал вкусом к весьма дорогим одеждам. Капюшон тяжёлого плаща он откинул аккуратно, стараясь освободить голову, не совершая лишних движений.

Капюшон упал, являя взору плотно прилегающую маску, полностью скрывающую лицо и волосы, оставляя мне не больше подсказок о том, кто бы это мог быть, чем у меня имелось на момент нашей первой встречи.

Что ж, ничего необычного в этом не было – многие из моих клиентов предпочитали хранить свои личности в тайне, даже от меня, их скромного и послушного слуги без памяти. Похоже, в той сфере деятельности, которую я выбрал, подобное поведение было само собой разумеющимся.

Человек в маске вывел меня по подвальной лестнице к подземному проходу. Меня тут же обдало холодным, влажным ветром, будто бы дувшим с той стороны, в которую мы и направлялись. Монотонный шелест волн становился всё громче по мере того, как мы приближались к большому, хорошо освещённому помещению.

Действующий док, зона погрузки и склад (не говоря уже о двух коренастых стивидорах, с руками, разрисованными татуировками из многочисленных привлекательных и не очень портов от побережья Мечей до Лунного моря) дали мне понять, что мы прибыли как раз в один из таких нелегальных портов, коих полно в Глубоководье. Я уже было задался вопросом, не будут ли меня перевозить каким-нибудь подземным морским транспортом (может, в небезызвестный Порт Черепа?), когда мой спутник привёл меня к трём пропитанным водой свёрткам, похоже, недавно выловленным из моря и разложенным на причале словно бракованный товар.

Что бы ни случилось с этими тремя беднягами, это произошло недавно. Вода ещё не стёрла едкий запах сожжённого человеческого тела – значит, где-то за последние два часа.

Мои глаза сразу же остановились на единственном теле, вроде бы избежавшем языков пламени, после чего я узнал её. Задержав дыхание и сдержав ярость по поводу постигшей мою благодетельницу судьбы, я молча поклялся отомстить.

- Твоё мнение? – раздался гулкий голос человека в маске, показавшийся мне смутно знакомым. (Опять же, все голоса, принадлежавшие встреченным мною в коротком прошлом людям в масках тоже звучали знакомыми).

Очевидно, меня привели сюда не для того, чтобы опознать трупы. У нанявших меня господ имелись бесчисленные некроманты, прорицатели и другие специализирующиеся на недавно усопших обладатели магии, лучше подходившие для этой задачи.

- Жизнь дёшева, несправедлива и жестока, если не повезёт, – сказал я, – но то, что здесь произошло – не случайность.

- Почему?

- Двое из них сгорели до неузнаваемости – кто бы это не сделал, это не какой-то там огненный жук. Их поджарили исключительно сильным огнём, возможно даже огнём закл...

- Огнём заклинаний, – закончил человек в маске, прервав мою импровизированную лекцию и описание очевидных фактов.

- Не суть, – быстро добавил я, решив отмахнуться от этого предположения как от несущественного. Если бы на всём Торице нашлось хотя бы двое смертных, владеющих огнём заклинаний – это уже много. Здесь же было бы достаточно обычного огненного шара. – Всё что я знаю – сила огня была такова, что даже неплохое вымачивание в морской воде не смогло полностью изгнать жар снаряда... как можно понять по тому, что тела и остатки одежды всё ещё тлеют. – Я указал на безжизненную оболочку, когда-то бывшую моим другом. – Кроме неё.

- Котёнок, - не проявляя никаких эмоций сказал незнакомец в маске.
- Да, - сразу согласился я, стараясь не поддаться всепоглощающей волне скорби и гнева, зародившейся в глубине живота (эмоции, которых не чувствовалось в монотонном голосе моего клиента). – Она совсем не обгорела. Двое других были сожжены, чтобы их нельзя было опознать. Возможно, они хотели, чтобы кто-то – мы, например – знал, что Котёнок убита.
- Маловероятно, - не согласился мой собеседник.
- Тогда, возможно, наших горячих парней прервали прежде, чем они успели закончить их жаркое дельце, - предположил я, тут же уточнив: - Но почему моя первая догадка не кажется вероятной?
- Потому что в этот самый момент в таверне «Кровавый Кулак» женщина по имени Нимара Шейрон – так же известная как Котёнок – пьёт за счёт недавно приобретённого друга.
- Самозванка?
- Доппельгангер, - ответил человек в маске.
- Продолжай, - потребовал я, сгорая от нетерпения. Я не чувствовал необходимости признаваться моему клиенту в незнании таких деталей. Личный опыт последних недель дал понять, что эти ребята в капюшонах всегда знаю обо мне больше, чем я о них. (По большому счёту, именно поэтому я и согласился на них работать).
- Доппельгангеры, - начал человек в маске голосом, более чем щедро сдобренным снисходительностью, - это создания, наделённые способностью менять форму и принимать обличье любого другого существа. Исключительная ментальная мощь позволяет им читать разум кого угодно в непосредственной близости, снабжая, таким образом, подробностями касательно того, как притворяться с максимальной эффективностью – даже в присутствии близких и родных жертвы. Не стоит и говорить, что как только жертва спрятана из виду, похищена, околдована или убита, ничто не мешает гнусному созданию занять её место в обществе. Последние несколько лет нам доставляла неприятности преступная шайка, известная как «Незримые», под предводительством одного из этих дьяволов, криминального гения по имени Хлаавин, жаждущего заменить ключевых людей города своими мерзкими слугами и тайно захватить власть в Глубоководье.
- А где Глубоководье, там и весь Фаэрун, - добавил я.
- Несколько лет назад он управлял всем из местного борделя-таверны «Висячий Фонарь», рассчитывая очаровать своих на удивление влиятельных клиентов. Однако это прикрытие было раскрыто одним журналистом, Волотампом Геддармом.
- Знакомое имя, - задумался я, вспоминая его связи с неким издательским домом Глубоководья.
- Он не имеет значения, - прервал мои размышления человек в маске. – Каким-то образом Хлаавин запустил в действие новый дьявольский план. Он уже заменил троих этих несчастных, так что нам нужно узнать его дальнейшие действия.
- А кто эти двое? – уточнил я, махнув в сторону двух обгорелых тел.
- В этом и проблема. Все три трупа под действием заклинания – лучшие маги Глубоководья не смогли развеять его.
- Значит никаких посмертных допросов и признаний.

- Именно, - подтвердил незнакомец. – Что вынуждает нас использовать в поисках правды более приземлённые методы.

- То есть меня.

- Твоя задача, - объявил он с властью какого-нибудь напыщенного судьи, - выследить доппельгангера, принявшего обличье Котёнка и раскрыть личности двух её сообщников, занявших места этих бедолаг.

- Принимаю, - мгновенно отозвался я, горя желанием приступить – и отомстить за смерть моего друга.

- Не так быстро, - осадил заказчик. – Помни, доппельгангеры – телепаты. Умеют читать мысли. Эта Котёнок не должна тебя увидеть, иначе будет знать всё, что ты делаешь.

- Не называй эту тварь Котёнком, - с вызовом огрызнулся я, затем добавив: - а как только найду двоих остальных, полагаю, я могу разобраться с ними со всей должной справедливостью, которую эти трое заслуживают.

- Нет, - возразил он, - ты доложишь о своих результатах и получишь оплату. Единственная твоя цель – сбор информации, никаких прямых контактов. После завершения твоей... исследовательской работы... дело передадут нужным людям.

- Я хочу присутствовать, когда головы негодяев полетят с плеч.

- Это не твоя забота.

На мгновение я потерял дар речи.

- Их ведь казнят, да? – потребовал я ответа. – Последний раз, когда я об этом слышал, хладнокровное убийство всё ещё было серьёзным преступлением здесь, в Глубоководье.

- Ещё раз, - даже не пытаясь спрятать снисходительность в голосе, повторил наниматель, - это не твоя забота. Уверяю, рассудительные и уполномоченные персоны всё уладят.

Я кивнул, уступая своему собеседнику, чтобы, наконец, перейти к имеющимся перед глазами фактам и начать расследование, в глубине души зная, что не успокоюсь, пока не упокою убийцу Котёнка лично – не важно, кого я там при этом разозлю.

Человек в маске щёлкнул пальцами, и один из громил сопровождал меня обратно на поверхность. Сообщения и новости будут оставлять в обычных укромных местах, а мне предстоит выполнять задание так, как я посчитаю нужным. Приказание оставить окончательное разрешение проблемы другим должно было послужить более чем достаточным предупреждением, чтобы не строить никаких планов мести – но я жаждал пролить чью-то кровь.

Котёнок заслуживала этого – и даже больше.

Но моё задание ни в коем случае не было простым. Существо, убившее, а теперь ещё и выдававшее себя за Котёнка, несомненно сразу же прочитает мои мысли при встрече. А ими может быть обманут лишь сам владелец.

Выследить её, оставшись незамеченным, не стало проблемой. Портовый Район битком набит сиротами, готовыми на что угодно за золотой или два. За то короткое

время, что себя помню, я нанял целый гарнизон уличных отщепенцев, чью эффективность в выполнении поручений могли превзойти только их же жадность и боязнь меня разочаровать.

Гросс и Уотерс отлично подойдут для этой работы. Оба помогали мне с подготовкой к работе и не знали Котёнка лично. Они будут сменять друг друга и отчитываться передо мной дважды в день – на восходе и на закате. И хотя они толком не умели ни читать, ни писать, тем не менее, они всегда предоставляли подробные отчёты о своих дневных (ну или ночных, как получалось) наблюдениях.

Я знал распорядок дня Котёнка как свои пять пальцев и надеялся, что замечу малейшие расхождения с докладами мальчуганов, и что это поможет раскрыть личности сообщников бестии. Новые друзья, тайные встречи и тому подобное, несомненно, предоставят мне новые возможности для распутывания дела. Раздав указания, я решил провести остаток дня, стараясь не попадаться на глаза жертве преследования, и осуществить собственное небольшое расследование, касающееся этих проклятых перевёртышей.

Мой наниматель упомянул некоего Геддарма, раскрывшего шайку, проводившую подпольные операции и обосновавшуюся в «Висячем Фонаре». Я вспомнил какого-то уличного артиста (Писуарро, или как-то так его звали), всё время похвалявшегося дружбой с великим Воло, с которым он повидал немало приключений. Лицедей нередко прохлаждался в одном заведении, зачастую посещаемом актрисами и их покровителями. У владелицы, пышногрудой дамы по имени Блондэль, имелся передо мной должок-другой за предоставленные услуги, и – невероятная удача! – вышеупомянутый актёр как раз беседовал с ней, когда я зашёл внутрь.

- Но Блонди! – настаивал крупный детина, - Уверяю тебя, это будет просто чудесно!

- Для кого? – с терпеливой усмешкой ответила Блондэль. Мягко похлопав его по руке, она двинулась к другому посетителю.

Оглядев остальной народ, тех немногих, кому свойственно бывать в подобных пристанищах в такое время, я повернулся, чтобы занять место у барной стойки. Передо мной уже стоял мой обычный полуденный напиток. Я потянулся было к кошельку за серебром, но хозяйка даже слышать об этом не хотела.

- Я всё ещё отрабатываю долг с прошлой недели, - весело подмигнув, сказала Блондэль, - и такими темпами я буду выплачивать его весь год. Хотела бы я, чтобы ты воспользовался более дорогими нашими предложениями.

- Я никуда не спешу, - парировал я хитро. – Нравится растягивать удовольствие.

- О да, не сомневаюсь.

Понизив голос, я спросил:

- И какова же цена информации в эти деньки?

- Цена разумная.

- Что ты можешь рассказать мне о господах, любивших проводить время в «Висячем Фонаре»?

Блондэль ненадолго наморщила лоб.

- Не очень многое, - вздохнула она затем. – Поставляли еду в соответствии с желаниями народа. Многим из клиентов *действительно* не понравилось, когда те

свернули деятельность, и это несмотря на слухи, что это была обитель допельгангеров.

- А что-нибудь слышно о тех, кто остался? Может быть, перегруппируются и снова вступят в игру?

- Не слыхала ничего такого. В последнее время всё как-то подозрительно тихо. По закоулкам судачат, что Незримые покинули город, предпочтя ему заливные луга. Кстати о лугах, ты не рассматривал...

Предложение Блондэль оказалось грубо прервано оглушительным басом деревенщины Писуарро:

- Ты хочешь знать о допельгангерах, приятель? – сообщил этот горлопан всему миру (ну или по крайней мере тем в комнате, кто находился в пределах досягаемости слуха). – Что ж, позволь мне быть к твоим услугам. Девка, выпивки! За счёт моего друга, разумеется.

Блондэль с озорством взглянула на меня. Я кивнул, и женщина приступила к обслуживанию малого, расположившегося рядом и душевно похлопавшего меня по спине. Когда напиток прибыл, тот осушил кружку и жестом велел наклониться поближе, собираясь беседовать приглушённо. Конечно, о секретах всегда лучше разговаривать шёпотом, подумал я, особенно когда ты оповестил о предмете разговора всех окружающих.

- Я эксперт по допельгангерам, - пафосно прошептал он.

Кивнув, я ответил:

- Как я и слышал. Ты помощник того Воло, Писуарро.

- Пасарро, - поправил он. – Сын Идэла и Кэтинфлас, бродяга из Тони и гроза всех допельгангеров. Что ты хочешь знать? Хочешь услышать о том, как я раскрыл заговор с целью подмены Хелбена? Или о том, как я спас наследника одной из влиятельнейших семей Кормира? Или может о том, как я в одиночку восстановил баланс сил в регионе Лунного моря? Всё это весьма малоизвестные события, знаешь ли.

- Что ты можешь рассказать о допельгангерах в Глубоководье... последние новости?

- Как насчёт ещё порции? – задал он встречный вопрос.

Я кивнул Блондэль, и та быстро обслужила моего собеседника. Подняв кружку к губам, он продолжил:

- Боюсь, ничего, но за выпивку все равно спасибо, ты настоящий джентльмен.

Как только он опустошил и эту посудину, Блондэль тут же поставила перед ним следующую, с которой здоровяк расправился так же быстро, после чего сразу же вырубился.

- Этого достаточно, - пробормотала хозяйка, а затем, указав на начавшего храпеть крепыша, спросила у толпы: - Знаете кого-нибудь, кто хотел бы пополнить свой экипаж человеком-другим? Он не придёт в себя ещё как минимум полтора дня – более чем достаточно времени, чтобы убедить его остаться в море.

- Я дам знать, если услышу о ком-либо, - ответил я. – А ты, пожалуйста, сделай то же самое, если узнаешь что-нибудь новое по тому вопросу, что мы сегодня обсудили. Ты знаешь, как со мной связаться.

Я быстро вернулся на улицу в поисках дальнейшей информации, а за спиной быстро затихали звуки возни двух громил, запикивающих незадачливого лицедея в мешок.

Пройдёт совсем немного времени, прежде чем все узнают, что я охочусь за доппельгангером. Пустомеля Писуарро позаботился об этом. Если я не найду их, то они найдут меня.

Так или иначе, скоро я встречу с убийцами Котёнка.

Но дело продвигалось не так быстро, как я предполагал.

Три дня и шесть отчётов моих подопечных спустя я не был ни на шаг ближе к достижению своей цели, и жажда мести начала поглощать меня изнутри, словно пошло дневной выдержки из Врат Балдура.

Гросс и Уотерс докладывали, что существо, выдававшее себя за Котёнка, казалось чересчур настороженным во время своих частных встреч – будто всегда начеку – но в остальном, ничего подозрительного. (Гросс заявил, что это просто «женщины», поэтому она всегда следит за внешностью и поведением). Как и всегда, я ничего не говорил, только слушал.

Мой наниматель передал записку, гласившую, что он и его партнёры теряют терпение, и что, возможно, судьба всего Фаэруна висит на волоске. Что же нового? Всё это я слышал и раньше, и мне было плевать. Они получают свою информацию уже скоро (и парочку трупов в придачу, если у меня всё получится), даже если мне придётся выбить её из человека с внешностью моего лучшего друга.

На четвёртый день моей миссии я едва не наткнулся на Котёнка, но быстро скрылся с глаз до того, как она смогла меня учуять. Я не был до конца уверен, как все эти их телепатические способности работают, но я точно знал, что убрался незамеченным. Уотерс отразил в своём ежедневном отчете в том числе и эту мою промашку, но, как обычно, не стал ничего спрашивать.

Хороший помощник не задаёт вопросов, если ему не приказано.

На пятый день я получил послание от Блондэль. Кто-то желал меня видеть. Спрятав на себе различные остро заточенные инструменты, я, не медля, отправился на подготовленную для меня встречу.

Встреча должна была произойти в вечернем заведении в квартале от береговой линии. В письме от Блондэль говорилось, что прошлой ночью хорошо одетый северянин расспрашивал её о «Висячем Фонаре» и доппельгангерах. Шестое чувство подсказало женщине, всегда верившей в закономерности, а не в случайности, что его стоит свести со мной.

Портовые доки – мой дом родной, и она знала, что я смогу о себе позаботиться. Я прибыл на место разговора на час раньше, чтобы заполучить преимущество. И опоздал на полчаса.

Но понял я это только тогда, когда почувствовал первый удар крепкой дубинки по затылку. Мои противники уже завладели преимуществом, добравшись сюда даже раньше меня.

Я пришёл в себя много позже, лёжа на холодном и сыром полу какого-то подвала со связанными запястьями и лодыжками. Надо мной возвышались Блондэль и невзрачный человек.

- Он очнулся, - заметил неизвестный.

- Самое время, - отозвалась тварь, принявшая облик Блондэль. – Полагаю, мы даже и мечтать не могли о более сговорчивом оппоненте, любезно согласившемся бы отдаться нам в руки и всё такое. Возможно, я бы даже оставила бы тебя в живых, если бы ты только не предоставлял угрозы нашему сообщнику.

- Тому, кто выдаёт себя за Нимару Шейрон, - догадался я.

- В точку. Твои изыскания мешали ей выполнять свою часть нашей работы, и наш повелитель стал очень уж нетерпелив. Конечно, мы никогда на самом деле не боялись, что ты раскроешь все детали нашего плана – раз уж ты решил сначала разобраться с личными привязанностями, пренебрегая пожеланиями своего хозяина. Самонадеянность и злость только мешают, и ради чего? Ради мимолётного шанса отомстить за смерть друга? Человек с твоими умениями мог бы подумать получше. Но, как говорится, если память не подводит, то опыт – лучший учитель, а ты, похоже, всё позабыл. Должна добавить, чтение такого незагруженного разума оказалось освежающим экспериментом.

- Рад, что мне удалось угодить тебе, - поддел я. – Хотя и не понимал, что мне придётся мстить за смерть уже двух моих дорогих друзей.

- Преступление Блондэль лишь в том, что она оказалась не в то время не в том месте, - объяснила перевёртыш с её лицом. – А вот твоя Котёнок – очень важна для нашей задумки. Новая Котёнок уже направляется сюда. Жаль, что ты её уже не повстречаешь.

- Почему вы просто не убили меня и не покончили с этим? – спросил я. – Не пришлось бы, знаете ли, связывать меня и вообще.

- Это верно, - согласилось существо, - но к сожалению мой коллега, чья внешность ему досталась от такого же невезучего ничтожества, слишком уж поспешил применять свою дубинку. У меня не было возможности пролистать странички книги твоих воспоминаний, чтобы убедиться, что ты не сообщил своему тайному повелителю о нашей маленькой вечеринке; к несчастью, такое чтение много сложнее, если жертва без сознания.

Существо-Блондэль посмотрело мне в глаза. Я чуял голод в её собственных мыслях.

- В твоей голове столько вопросов, - вздохнула она. – И я боюсь, что не смогу ответить ни на один из них. Даже жалко – собираться встретить смерть, не зная ни своей личности, ни прошлого, ни даже собственного имени!

- Могла хотя бы назвать причину, по которой Котёнок и Блондэль должны были умереть.

- Кроме той, что мы просто должны были занять их места? – уточнила она, затем пожала плечами. – Плохо, что ты не умеешь читать мозги. Ну ладно, не вижу в этом вреда; кроме того, Котёнок скоро здесь будет. Возможно, стоит её дожидаться.

Тварь наклонилась ко мне вплотную и замурлыкала как Блондэль, когда та хотела меня разогреть и взбодрить. Знание того, что это была совсем не та женщина, с которой я разделил пару вечеров, мало чем помогло сдержать реакцию на соблазнительные переливы.

- Наш мастер составил новый план по приобретению влияния в славном городе Глубоководье. Он понял необходимость контроля над, скажем так, «молвой и слухами» для его осуществления. Таверна «Висячий Фонарь» остановила свою деятельность весьма неожиданно, из-за назойливого писателишки и невежды-издателя. Нашей задачей стала замена издателя одним из нас, чтобы подобный поворот событий больше не произошёл.

Я злобно рассмеялся над иронией произошедшего.

- То есть всё это ради вшивого публикатора, возможно, и так готового согласиться на взятку, - словно сдаваясь, подытожил я.

- Именно, - отозвался доппельгангер, - но наш повелитель не хотел рисковать. Взятка не подразумевает верности, а большинство таких вот издателей привлекает идея о пересмотре условий, даже когда цена уже оговорена – разумеется, если они видят возможность получить ещё большую выгоду. И это должен был быть первый осторожный шаг на пути следования его великой затее... но, увы, мы здесь больше ждать не можем, придёт Котёнок или нет.

Она вытащила отравленный кинжал с чёрным лезвием из лифа платья и приставила к горлу под подбородком, готовясь вонзить смертоносную грань в мою шею.

- Прощай, человек без прошлого. Передавай привет своей Блондэль. Если не ошибаюсь, она будет рада тебя видеть, - проворковала перевёртыш.

Остриё смазанного ядом кинжала усилило давление на кожу, и уже готово было прорвать тонкую преграду и привести мой приговор в исполнение, как вдруг свист летящей стали промелькнул через воздух подвала.

Существо-Блондэль осело набок, уже мёртвое, а отравленный клинок едва не поцарапал горло; её подельник тоже рухнул на пол.

Из теней появилась знакомая фигура, на секунду замешкавшись перед телами, чтобы достать точно вонзившиеся глубоко в спины доппельгангеров ножи, и только потом обратила внимание на меня.

- Что ж, было не так уж и сложно, - сообщил голос Котёнка. – В соседней комнате скулит грудa мяса. Она в мешке с надписью «плохой актёр – хороший матрос», но я думаю, она не будет возражать, если я сперва позабочусь о тебе.

Мой самый давний друг разъясняла ситуацию, развязывая верёвки.

- Прости, что тебя пришлось держать в неведении относительно всего этого, - сказала она, - но так пожелали Лорды. Когда доппельгангер попытался устранить меня и занять моё место, он катастрофически недооценил мои умения.

- Частая ошибка... - вставил я.

Краем глаза я отметил движение со стороны предположительно убитого перевёртыша с личиной Блондэль; недавно освобождённой рукой я извлёк из

потайного кармана метательный нож и бросил, угодив прямо в лоб теперь уже точно мёртвого врага. Похоже, бросок Котёнка потерял большую часть убойной силы, когда его смертельный полёт оказался прерван надетой заранее кольчугой.

- ... а частые ошибки всегда идут одна за другой.

- Принято к сведению, - уступила девушка. - Итак, я тут же отправила сообщение Хелбену Арансану, который, в свою очередь, предупредил Лордов. Именно они придумали схему, способную раскрыть новый заговор Незримых. Нам нужно было знать, кто же другие соучастники, и что они затеяли. Лорды знали, что из-за исключительных ментальных способностей перевёртышей мне никогда не удастся сойти за одного из них при личной встрече. Поэтому нам понадобилась причина, по которой мне пришлось бы прервать взаимодействие с остальными заговорщиками – например то, что за мной следит человек одного из Лордов.

- То есть я, - понял я, отметив в уме, что мой наниматель оказался одним из Лордов, что подтвердило подозрения, которые у меня возникли по поводу моих так называемых «покровителей», - превосходная чистая доска.

- Точно, - кивнула она. – Твой благородный порыв отомстить – да, Лорды знали, что ты собирался сделать – делал тебя отличной приманкой, способной выманить их из укрытий, в то время давая мне надёжное прикрытие.

- Значит, я был наживкой, а ты – ловушкой.

- Точно.

С её помощью я поднялся и потёр руки, восстанавливая кровообращение в кистях и запястьях.

- Блондэль всё ещё мертва.

- К сожалению, да, - ответила Котёнок, положив руку мне на плечо, - но её убийцы теперь тоже мертвы.

- И всё ради защиты тупоголового издателя, с которым у Лордов полно проблем.

- Всё верно, Джастин Тим Лордам не друг, - виновато отозвалась Котёнок, - но в тот момент мы не знали, кто был целью, только смогли исключить привычные мишени – Хелбена, Данилу Танна, Мирта Ростовщика и других. Если бы мы знали, возможно, всё сложилось бы по-другому. Может, и действовали бы по-другому.

Про себя я отметил второй факт – она использует слово «мы».

- Блондэль все равно была бы мертва. Некоторые события не изменить.

Котёнок посмотрела на носки своих сапог, будто не желая встречаться со мной взглядом.

- Хотя это и небольшое утешение, но план Лордов сработал, как того требовалось. Новый заговор Незримых задушен в зародыше, - Котёнок подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза. – Давай убираться отсюда. Пора тебе забрать оплату за свои услуги. Но сперва нужно освободить злополучного актёра... конечно, если только ты не думаешь, что за него можно выручить неплохие деньжата на местном рынке.

- Маловероятно, - отозвался я, всё ещё раздумывая над новыми откровениями. Впрочем, я быстро пришёл в себя и, не желая дать моей нанимательнице понять о моих мыслях, добавил: - Не стоит затраченных усилий.

На то, чтобы освободить перепуганного Писуарро из огромного мешка, ушло едва ли пара минут; ещё больше нескончаемых минут понадобилось, чтобы заставить его прекратить благодарственно пресмыкаться.

Мы быстро выбрались на улицы Глубоководья, где туговатый лицедей тут же отправился на поиски таверны, где, вне всякого сомнения, скоро он начнёт хвастаться своим последним приключением. Котёнок и я же пустились на поиски очередного кусочка мозаики моего прошлого; но послевкусие бессмысленной смерти всё ещё было свежо, как и новые сомнения в том, кому же я на самом деле могу доверять.

СМУТНО, СКВОЗЬ СТАКАН ЭЛЯ

Питер Арчер

Солнце утонуло в позолоченной мари облаков, и тьма мягко навалилась с востока на порт Таркар, что на границе Улгарта и Вольных Городов Парсаники. В вечернем зное у ворот в толстой стене, разделяющей два государства, сонно позёвывали стражи. От вяло колышущихся пальмовых листьев на деревьях, огородивших Вольные Города, самое северное государство Крайнего Востока, поднимался пар. Двигаясь со стороны Улгарта, на дороге гужевая повозка подняла плотные клубы пыли, скрывшие и кучера, и пассажира. Стражники встряхнулись и вытянули руки.

- Кто это хочет войти в Вольный Город Таркар? – потребовал один из них скучающим голосом, уперев алебарду в землю.

Возница прокашлялся и помотал головой, прочищая глаза и горло от дорожной пыли.

- Я Нехт из Вольного Города Уайтвэйла. Это, - он указал на своего компаньона, - Аварилус, торговец из Улгарта, везет добро на продажу.

- Какое добро? – зевнул страж.

- Пятьдесят бочонков эля в таверну «Высокая Кружка», - объяснил кучер.

Караульный, впервые за весь день заметно оживившись, шагнул назад и громко свистнул. Из длинных вечерних теней, собравшихся в воротах позади него, выступил начальник стражи, жирный мужлан, с трудом уместившийся в натянувшуюся кольчугу. Он окинул взглядом своих подопечных и, повернувшись к пассажиру, хмыкнул.

- Ну, Аварилус из Улгарта, как ты уже наверняка знаешь, никто не попадает в Таркар, не заплатив налог.

- Налог? – торговец сердито уставился на главного привратника. Возничий быстро что-то зашептал, положив руку на плечо спутника, но Аварилус стряхнул её. – Нет никакого налога на вход. Я заплатил за разрешение на ввоз и налог на продажу. Это и так вышло мне недешёво.

Необъятный стражник подошёл на шаг ближе. Пот стекал по его лицу, падая на складки жира на шее. В уголке рта проступила небольшая капелька тёмного сока; он

жевал листья калавы, лёгкий наркотик, который, хотя и технически запрещённый, тем не менее был общедоступен в Вольных Городах. Толстяк привычно положил руку на эфес меча.

- Это новый налог, - прорычал он. - Особый налог для утгартских слизняков. Ровно два бочонка эля. И раз уж ты так сильно хочешь его заплатить, - он оглянулся на других стражников и ухмыльнулся, - то можешь спуститься и сгрузить оплату лично.

Аварилус посмотрел на грязные рожи привратников и презрительно фыркнул. Кучер спустился на дорогу и заискивающе улыбнулся:

- Прошу извинить моего нанимателя, сэр, - сказал он. - Он не знаком с Пятью Королевствами и с нашими обычаями.

Не сводя глаз с Аварилуса, начальник стражи размахнулся кулаком и сильно ударил его спутника, так что бедняга отлетел на полтора метра от него, упав на спину. Кровь стекала с губ и струилась по подбородку. Караульный улыбнулся Аварилусу во весь рот:

- Ну что, слизняк?

Купец заколебался и взглянул на возницу, сидевшего в белой пыли дороги, вытирая рот. Двое мужчин как будто обменялись невидимым сигналом. Аварилус спустился со своего места и, обойдя повозку, откинул задний борт, проворно выкатил две бочки и, поставив на землю, снова закрыл. Затем направился было к сиденью, но стражник ещё не закончил свою игру.

- погоди минуту, - рыкнул он. - Посмотрим, хорошим ли продуктом ты платишь. Литрон, принеси трубку, разопьём.

Один из охранников скрылся в узкой щели в стене, спустя мгновение появившись с трубкой и молотком. Ловко, с мастерством человека, привыкшего к подобным обязанностям, он пробил пробку и, забрав у одного из дружков грязную жестяную кружку, наполнил её пенящимся элем, передав затем начальнику стражи.

Глава группы сделал большой глоток, затем взглянул на торговца и усмехнулся:

- Свиная моча. Вот что это. Но чего ещё ждать от свиней Улгарта? Им больше нечем заняться весь день, кроме как варить такое вот вонючее пойло, - он хмыкнул. - На, торгаш, сам попробуй эти помои.

Он протянул кружку Аварилусу, но когда тот протянул руки, капитан внезапно перевернул её, вылив эль на землю – одновременно вторая его рука, рука с мечом, приставила оружие к горлу купца. – Давай, торгаш. Пей.

Аварилус неверяще посмотрел на солдата и уставился на мокрое, грязное пятно. Возница, уже поднявшийся на ноги, с криком дёрнулся вперёд, но задохнулся, когда один из стражников схватил его за горло. Другой же, зайдя торговцу за спину, резко ударил под колени, сшибив того на четвереньки. Капитан с силой опустил ногу на шею упавшего человека, пригибая его голову вниз.

- Пей, улгартская свинья!

Остальные привратники отозвались громоподобным смехом. Аварилус вывернулся, отполз прочь и встал; грязь облепила рот и обмазала щеки. С тем достоинством, что у него ещё оставалось, он забрался в повозку, неподвижно ожидая, когда к нему присоединится кучер. Уайтвэйлец торопливо вскарабкался на место и подобрал поводья. Они тронулись дальше и вскоре скрылись из виду.

Стражники издевательски посмеивались; затем их начальник бросил кружку лейтенанту:

- Лови, парень. Я на сегодня закончил. Куда этот дурак направлялся?

- В «Высокую Кружку»?

- Ага. Что ж, может быть я поищу его там и заставлю заплатить ещё какой-нибудь налог.

Какое-то время Аварилус и его компаньон двигались по улицам Таркара в молчании. Безмолвные группки до зубов вооружённых людей с подозрением следили за повозкой из дверных арок. Аварилус не замечал их; он прекрасно знал о напряжённом паритете сил Пяти Королевств, чьи правители ревностно охраняли свои самые могущественные магические артефакты. Кузни крови позволяли им призывать армии для защиты от чудовищ и друг от друга. Таков был временный статус-кво на Крайнем Востоке – вооружённое перемирие.

Наступающий вечер был жарким, и от лошадиных боков валил пар. Миновав несколько улиц, торговец прочистил горло:

- Как твой рот, Нехт?

Возница пожал плечами и коснулся запёкшейся на губе крови.

- Могло быть хуже, - он повернулся к Аварилусу. – Но вам правда следует быть осторожнее, сэр. Здесь не Улгарт, наши пути отличаются от ваших. Стража у ворот практически всегда обкрадывает торговые возы, особенно из Улгарта.

Купец смиренно кивнул.

- Понимаю. Постараюсь получше в следующий раз.

Он погрузился в задумчивую тишину, нарушенную вопросом Нехта:

- Сэр, а чем вы торгуете?

Аварилус с удивлением взглянул на него. Нехт, упрямо глядя вперёд, продолжил:

- Это, конечно, совсем не моё дело, но если вы планируете вовлечь меня в ещё большее количество драк, я заслуживаю знать, что происходит, - он отвернулся от дороги и взглянул нанимателю прямо в лицо. – Так что на самом деле в бочках?

Купец смотрел в ответ с поразительным безразличием:

- Ну эль, конечно же. Как я и сказал грабителям у ворот.

Нехт пожал плечами и снова тряхнул поводьями.

- Как скажете, сэр. Эль так эль, звучит ничем не хуже всего остального.

Между двумя мужчинами повисло молчание. Аварилус искоса оглядел спутника, затем прокашлялся.

- Но, исключительно в случае чего-нибудь непредвиденного, я буду признателен лишней паре глаз на моей стороне, - он тяжело уставился на Нехта, который ободряюще улыбнулся в ответ.

Нехт остановил повозку во дворе таверны «Высокая Кружка» и легко спрыгнул с сиденья. Торговец спускался медленнее, как и подобало в его возрасте и при его весе. Его глаза поблёскивали в слабом сиянии звёздного неба. Из открытой двери

таверны лились свет, музыка и пивной дух. Появилась фигура, оглядела фургон и приблизилась к Аварилусу.

- Эгей, мистер. Привезли товары для моего хозяина?

- Всё верно, парень; иди сбегай за ним, да позови ещё пару приятелей покрепче – бочки разгрузить.

Через несколько минут в дверях возник владелец – толстый, скользкий тип, казалось, сделанный из плохо взбитого масла. Позади него маячило четверо помощников, которые, не говоря ни слова, начали снимать с повозки бочонки и уносить через маленькую боковую дверцу в недра таверны – всё под управлением хозяина. Когда они закончили и сгрудились за толстяком, тот повернулся к Аварилусу:

- Итак, сколько же я тебе должен?

Аварилус и Нехт наблюдались за действием молча и не шевелясь. Теперь торговец ответил тихим голосом:

- Как тебе хорошо известно, Далтрис, мы договорились о пяти кронах за бочку. Сорок восемь бочек – двести сорок крон.

Далтрис помотал головой, улыбаясь и потирая свои маслянистые ручонки.

- Но ты ошибся, друг мой! – воскликнул он. – Ведь я всё время стоял здесь, и, клянусь Амберли, насчитал только тридцать восемь бочек, добравшихся до моего заведения. А это значит, что по итогу выходит – дай-ка подумать – сто девяносто крон.

Аварилус нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

- Ну же, господин Далтрис, хватит дурачиться. Мы договорились на двести сорок, и именно столько я заберу.

Нехт нервно потянул торговца за рукав:

- Помните, - прошептал он, - благоразумие прежде всего. Проблемы нам не нужны.

- Проблем и не будет, если Далтрис заплатит сколько должен, - фыркнул Аварилус.

Далтрис рассмеялся с искренним удовольствием.

- О, мой дорогой Аварилус, - сказал он, - какой глупец. Видимо, вас, улгартцев, не обучают сложным навыкам торговли, как делают у нас в Парсанике. Что ж, хорошо. Значит, сто пятьдесят, - он махнул самому здоровенному из помощников. – Сиркал, заплати купцу.

Детина шагнул вперёд и бросил маленький мешочек под ноги Аварилусу. Тот, поколебавшись немного, подобрал кулёк и пересчитал монеты. Кисло посмотрел на Далтриса.

- Здесь сто монет.

- Всё верно. Полная цена, - толстяк снова засмеялся. – А теперь пойдём, мой дорогой друг. Заходи в таверну и выпей чего-нибудь за счёт заведения.

Повернувшись спиной к торговцу, он протиснулся в дверной проём.

Аварилус долго смотрел сначала вслед ему, затем на его помощников, флегматично разглядывавших его в ответ. Потом пожал плечами и едва слышно хмыкнул.

- Большое спасибо, - пробормотал он, ни к кому не обращаясь.

Переступив порог, Аварилус и Нехт попали в сводчатый коридор, где обе стороны были усыпаны дверьми и трепещущими факелами в железных держателях. В дальнем конце тоннеля располагалась пара деревянных дверей, обитых панелями и украшенных причудливой резьбой. Они распахнулись, как только мужчины подошли ближе; двое спутников прошли в главный зал «Высокой Кружки».

Среди всех портов Крайнего Востока, Таркар снискал наибольшую популярность у торговцев, путешественников и пиратов. В доках швартовалось множество кораблей с товарами для Доугана, рабами для Кёнигхайма, мёдом и боевыми топорами для далёких залов северных народов. Благодаря своей позиции город также являлся первым пунктом назначения нечастых гостей из Улгарта, Чулта и ещё более отдалённых мест Фаэруна. Местные таверны славились на все Пять Королевств своей едой, элем, танцовщицами и другими, менее явными формами удовольствий. Среди всех этих заведений таверна «Высокая Кружка» была самым известным.

Дым из сотен трубок тянулся к подмигивающему звёздами ночному небу, лежащему над патио, типичным для всех питейных домов Парсаники. Шумели пальмы; храшака – маленькие животные, похожие на ящериц – мелькали взад и вперёд под ногами посетителей, утаскивая у зазевавшихся кусочки еды и исчезая затем в норах и щелях. Хор хриплых голосов безостановочно требовал эля, вина, бренди и девушек-тарита, чьими услугами можно было воспользоваться за несколько монет. Служанки носились туда-сюда, разнося тарелки с дымящимся мясом слона или зебры и высокими кружками эля, чтобы всё это запить. Нестройные обрывки песен доносились из различных углов помещения и вылетали в открытые окна.

Аварилус быстро оглядел дворик, и указал на шумную группу выпивох, укрывшуюся в одном из закутков, вдали от света факелов: - Кто они?

Нехт прищурился, вглядываясь в компанию.

- Это инквизиторы из Уайтвэйла, сэр. Те, о которых я говорил.

- Ах, да. Выискивают приверженцев Падшего Храма, - по-видимому, Аварилус потерял к ним всякий интерес и посмотрел на другую сторону дворика, где сборище бородачей с суровой внешностью быстро и молча уничтожало кружку за кружкой. – А вон те?

- Северяне. Далтрису следовало бы пристально следить за ними, иначе они опустошат весь погреб за ночь, - Нехт хихикнул над собственной шуткой.

Аварилус рассеянно хмыкнул.

- А та группа? – он указал на длинный стол около фонтана посреди двора. Тугая струя била откуда-то из середины, и серебристые потоки затем сбегали по статуе свернувшегося кольцами питона в самом центре.

Лицо Нехта разгладилось и стало серьёзным:

- Торговые представители Кёнигхайма и Доугана. Они здесь уже шесть месяцев, пытаются заключить пакт.

Купец задумчиво оглядел скопление людей. Взгляд плавно скользил по двору, лишь раз остановившись, наткнувшись на широкую спину и чёрные волосы, жирно нависающие над мятым воротником. Нехт проследил за направлением взгляда,

вздрагнул и начал было что-то говорить, но рука торговца на его собственной заставила его остановиться.

- Ну что ж, - шепнул Аварилус Нехту. – Будь осторожен... и помни, о чём я тебя попросил.

На тёмном лице его спутника сверкнули белые зубы.

- Конечно, сэр. Не беспокойтесь.

И он ушёл.

Аварилус осторожно пробрался к барной стойке, за которой расположился жирный хозяин, удовлетворённо наблюдающий за всей суматохой. Услышав резкий стук по дереву, он огляделся, слащаво улыбнулся и передал кружку, наполненную элем из бочки, собственноручно доставленной Аварилусом в таверну.

Вдоль всех четырёх стен двор протянулся балкон, с его балюстрад свисали вьющиеся растения. Торговец, с восхищением рассматривавший пышную зелень, с удивлением заметил среди ветвей волнистые тела змей, плавно скользящих меж нежных листьев. Невольно содрогнувшись, он вспомнил затем то особое отношение, которое испытывали люди Вольных Городов Парсаники к этим существам. Ходили даже слухи, что где-то в королевстве, в холодной подземной камере втайне ото всех, кроме самых избранных, собирались жестокие люди с узкими глазами и бритыми черепами. Эти жрецы Талоны сидели посреди куч извивающихся змей и – в то время как рептилии ползали под их потрёпанными одеяниями – шипящими голосами читали пророчества, сделанные не ими. Аварилус взглянул на статую питона в журчащем фонтане и содрогнулся ещё раз.

Под балконом торговец элем заметил свободный стул за столом, скрытом в тених – вдалеке от света факелов, заливавшего площадку. За столом уже сидело двое мужчин, раздражённо взглянувших на Аварилуса, когда тот присоединился к ним.

- Стол занят, друг, - рявкнул один – высокий и мрачный, с обезображенной шрамом щекой.

Аварилус кротко улыбнулся:

- Вы ведь не хотите на самом деле отказать мне в местечке для отдыха, где я никому не помешаю? Весь день я путешествовал – и так хочется провести расслабляющий вечерок подальше от пыльной дороги.

Сидевшие переглянулись; затем один из них, блондин, пожал плечами. Обмотанный вокруг лба цветастый шарф, скрывая глаз, придавал человеку заливчатый вид.

- Располагайся, - грубо рыкнул он, поворачиваясь к своей выпивке.

Аварилус подтянул стул и медленно опустил на него ноющее тело. Но прежде, чем его зад коснулся протёртого сиденья, раздался треск. Стул отлетел прочь, и купец растянулся на полу. Мужчина со шрамом, выбивший предмет мебели в самый последний момент, оглушительно захохотал. «В следующий раз, ултгартское отродье, даже не пытайся сесть за один стол с таркарцами, - он указал на тёмный угол неподалёку: – Забейся туда и лакай своё пойло так, чтобы я тебя не видел».

Аварилус на мгновение напрягся, затем пожал плечами, поднялся и с достоинством протиснулся в указанное место. Уроженцы Таркара, сидевшие поблизости и наслаждавшиеся зрелищем, вернулись к своим напиткам.

Купец расслабился, откинувшись на стуле и оглядываясь вокруг. Через некоторое время вытащил небольшую трубку из глубин своего плаща и раскурил.

Двое унизивших его таркарцев уверенно напивались. Время от времени кто-то из них поднимался и направлялся к бару, за новой порцией эля. Говорили они мало, но Аварилус подслушал достаточно, чтобы узнать, что высокого со шрамом звали Криилан, а его сообщника-блондина – Шпиельт.

У Аварилуса хватало времени оглядеться. На первый взгляд толпа казалась типичным сборищем моряков, солдат и бродяг со всего Крайнего Востока. Но по мере наблюдения он всё лучше понимал едва заметные перемены настроений во дворе – и напряжения, неслышно нарастающего среди различных групп посетителей.

Внимание Аварилуса всё больше привлекала большая и шумная компания хорошо одетых людей, собравшаяся за столом около фонтана – их резкие голоса пробивались сквозь обычный гул.

- Грязные работоторговцы! Продавцы людской плоти. Кёнигхаймцы! Кто знает, в каком порту они наберут рабов в следующий раз. Граждане Таркара, берегите своих детей!

- Доуганский дурак! Мы, Могучее Королевство Кёнигхайм, Светоч Крайнего Востока, Благодать Пяти Королевств, берём рабов только в тех королевствах, которые покоряем. И твоё будет следующим, если я не ошибаюсь. Рыболоди наконец-то попались в сети, - говоривший хмыкнул, затем рыгнул. – Мы все видели жабры, которые вы, доуганцы, отрастили на шеях. Что дальше? Плавники? Королевство трески? Мы замаринуем вас в лимонном соке. Или может, вы предпочтёте быть обжаренными в масле? – он взорвался смехом, потешаясь над собственной глупой шуткой, а его сообщники услужливо вторили. Аварилус с интересом отметил кусок морщинистой кожи посреди лба кёнигхаймца, окружённый многочисленными замысловатыми рисунками из тёмных чернил.

Сидевший ближе к центру стола человек – явно не лишённый власти – поднялся. Когда он заговорил, остальные нехотя смолкли.

- Ну же, друзья! Да пребудет среди нас мир! Отметите прочь разделяющие нас различия – и тогда вместе, словно единая сила, мы сможем противостоять ужасному врагу, не забывая увеличивать наше общее богатство и власть! – он поднял стакан. – Выпьем! Выпьем за успех в переговорах. И пусть ни одна сторона не останется в проигрыше.

Смущённо заскрежетали отодвигаемые стулья, и представители обеих упомянутых сторон без особого энтузиазма подняли бокалы. И снова разговоры за этим столом слились с обычным шумом остальных досужих пересудов.

Аварилус слушал спор и его развязку с кажущимся безразличием. Двое мужчин за его столом сначала показались ему такими же незаинтересованными. Но стоило ему рассмотреть их получше, как торговец понял, что это не так.

Когда Криилан пошёл к барной стойке, проходя, он что-то сказал одному из доуганцев. Когда Шпиельт, с прикрытым цветным шарфом глазом, проходил мимо делегации, он будто споткнулся и прошептал что-то кёнигхаймцам. Их группа сжалась в плотный круг за большим столом, голоса притихли, и летними молниями проскакивали между ними подозрительные взгляды.

Аварилус наблюдал за всем этим с растущим интересом, ожидая искры, из которой разгорелся бы открытый конфликт. Она не заставила себя долго ждать.

Криилан откинулся на стуле и потянулся. Аварилус увидел, как тот дёрнул запястьем, кинув маленький камушек, так точно, что он угодил прямо в полную кружку эля на стороне кёнигхаймцев. Один из них, огромный и темноволосый, с белой кожей и сложением ффолка, тут же вскочил на ноги, разразившись проклятиями. А затем злобно обернулся к сидевшему напротив него доуганцу.

- Неуклюжий идиот! Следи за собой!

- Грязный работорговец, - теперь и доуганец был на ногах. – Будь ты проклят королём-магом!

Вместо ответа работорговец схватил свой стул и опустил прямо на голову соперника. Остальные обитатели питейной поднялись с мест – и заварушка началась.

Аварилус забился поглубже в свой уголок, пытаясь избежать летящей мебели и осколков разбитого стекла. Он видел, что сидящая справа парочка наблюдает за дракой с нескрываемым удовлетворением. Побоище сопровождалось сломанными стульями и столами. Свистели кулаки. Бились бутылки. Запах разлитого эля едва не сбивал с ног. А потом, когда один из бойцов вывалился в закуток, в котором стоял торговец, того выдернуло прямо в эпицентр битвы.

Он обнаружил себя уворачивающимся от бесчисленных ударов, замахов и летающих кружек. Краем глаза он заметил, что Шпиельт и Криилан присоединились к потасовке. Купец пробрался в центр двора, сейчас забитый дёргающимися телами – большинство из которых прижало весом других тел. Затем, когда драка стала особенно жестокой, толпа отхлынула, оставив плавающего в водах фонтана лицом вниз человека. Багровое пятно жутким гало расплывалось вокруг его головы.

- Убийство! – возопили сотни глоток. Толпа высыпала на улицу, и через пять минут в таверне, кроме владельца, остались только двое мужчин из-за стола Аварилуса, он сам, и мертвец. Секунду спустя хозяин и его банда помощников выбрались из-за барной стойки и выстроились рядом перед дверью. Аварилус отошёл обратно в свой угол, наблюдая поблёскивающими, внимательными глазами.

Двое выпивох последовали бы за остальным народом, если бы дорогу им не преградил сам владелец, яростно на них накинувшийся.

- Идиоты! Что вы натворили? Эта драка точно приведёт сюда стражу! – его голос закончился писком, когда Шпиельт схватил его за горло и одной рукой прижал к стене, другой же вытащив из-под одежды кривой клинок. Его дружок мрачно уставился на приспешников толстяка, когда те бросились было вперёд.

- Отзови своих псов, - прорычал он, - если конечно, не хочешь окончить вечер трупом.

Хозяин таверны судорожно помахал рукой, и самый большой охранник, Сиркал, поспешно отступил. Его рука покоилась на мече, а глаза сулили смерть человеку со шрамом.

Головорез кивнул компаньону, ослабившему хватку. Жирный трактирщик некоторое время пыхтел и отдувался, затем осел на стуле. Криилан гнусно ухмыльнулся сообщнику, и они оба уверенно зашагали к двери.

Внезапно лезвие меча мелькнуло в свете факелов – один из людей владельца питейной обнажил палаш и прижал к горлу Шпиельта.

- Стоять! Или твой дружок сдохнет!

Криилан остановился, скривив рот от ярости; посмотрев вниз, явно стараясь справиться в гневом. Затем снова посмотрел вверх:

- Так давай! Он мне никто. В любом портовом борделе я найду помощника получше.

Он сделал ещё шаг.

Лицо Шпиельта посерело, но голос оставался на удивление спокойным:

- В той стороне тебя ждёт смерть, Криилан. Ещё шаг, и ты станешь едой для Падшего Храма, - он метнул взгляд наверх, на тёмный балкон на втором этаже здания. – Прямо сейчас в твой затылок смотрит арбалет. Рагларан держал запасной путь к отступлению открытым для нас. Ладно, ладно, конечно же, для меня.

Криилан хотел было поднять взгляд, но передумал.

- Ты блефуешь, Шпиельт.

В смехе Шпиельта проскальзывали истерические нотки.

- Да? Ну так иди вперёд, тогда скоро сам узнаешь.

Сиркал как будто слегка расслабился. Он гулко рассмеялся и провел рукой по лысеющей голове.

- Значит, вы предали друг друга. Что ещё можно было ожидать от такого сброда, как вы? Что ж, тогда я сначала займусь тобой, Криилан.

Криилан напряжённо улыбнулся.

- Не думаю.

Он медленно поднял руку, до этого момента крепко сжатую в кулак. В ней лежал маленький стеклянный шар, разделённый на две части тонкой перегородкой. В одной половине был чёрный порошок, в другой – прозрачная жидкость. – Знаешь, что это?

Улыбка застыла на лице Сиркала: – Что?

- Дымный порох, - прокаркал Криилан. – А рядом фосфорное масло. Ты знаешь, что произойдёт, если сфера разобьётся, не так ли? Масло воспламенится, порох взорвётся.

Сиркал рассмеялся.

- Давай, дурак! Там едва хватит пороха, чтобы взорвать тебя самого.

- А, но ты ошибаешься, мой друг, - спокойно возразил Криилан. – Это только одна сфера. В рюкзаке ещё две. Ты прав, от одной взрыв получится не очень большой, но за ним последует бабах немного побольше. Я бы не стал стоять рядом со мной.

- Ты блефуешь, - фыркнул Сиркал.

- Неужели? Если твой приятель убьёт Шпиельта, Рагларан пристрелит меня. Я упаду. Вместе со мной упадёт и этот маленький шарик. Маленький *стеклянный* шарик, - он мерзко ухмыльнулся. – Шпиельт, если Рагларан убьёт меня, и сфера разобьётся – я и наш новый друг будем мертвы. Но у его приятелей не будет никаких причин не нападать на тебя. Пятеро против двоих? Шансы не очень. И это если предположить, что ты не пострадаешь, когда я упаду.

Криилан поднял глаза наверх.

- Рагларан, - позвал он. – Если в твою голову сейчас приходят какие-нибудь светлые идеи – имей в виду, что пристрелив меня, ты только поспособствуешь смерти своего босса. Как ты думаешь, ты выберешься из таверны с этими господами – не говоря уже о страже – на хвосте?

Сиркал презрительно хрюкнул:

- О страже вам беспокоиться не нужно.

- Почему нет?

- Мы уже здесь.

Крилан дёрнулся, и его рука ощутимо дрогнула. Стражники напряглись.

- Откуда вы здесь сегодня взялись? - голос наёмника со шрамом казался хрупким, точно хрусталь.

- У друга своего спроси, - кивнул Сиркал на Шпиельта, который подмигнул своему бывшему товарищу.

- Ты? – теперь его голос поднялся до возмущённого визга. – Скотина! Планировал предать меня с самого начала.

- Что также планировал сделать и ты сам, - огрызнулся Шпиельт. – Да ты бы собственную мать продал за пару медяков, если бы возможность представилась. Но теперь, хвала Амберли, столы перевёрнуты.

Сообщник Шпиельта уже вернул самообладание и былую напыщенность, и умудрился сделать вид пожимающего плечами человека без каких-либо движений.

- Ну да, ну да. Может, и продал бы. Всегда уважал проявление инициативы, Шпиельт. Возможно, в тебе есть что-то большее, нежели я готов был признать, хотя кто угодно был бы лучше тебя. А теперь ты попался в собственную ловушку, завязнув крепче, чем таркарский лобстер.

- На себя посмотри! – голос его бывшего компаньона сочился ненавистью. – Скажи же нам, как ты собираешься выкрутиться?

Крилан закатил глаза.

- Без понятия. Нынешняя ситуации выглядит как тупик.

- И весьма занимательный тупик, позвольте добавить, - подал голос Аварилус, выходя из теней.

Рука наёмника со шрамом дёрнулась снова, и сфера едва не выскользнула из его пальцев, заставив Сиркала нервно вскрикнуть. Костяшки сжимающего меч кулака другого стражника побелели.

Крилан оправился первым.

- Именем всех тварей Абисса, кто ты такой и что ты здесь делаешь?

На секунду взгляд Шпиельта метнулся к торговцу.

- А я его знаю. Ещё подумал, что-то в нём есть странное, когда он подсел к нам, - его истерический смех прорезал сырой воздух. – Так и знал, что нужно было разобраться с ним раньше.

Аварилус приятно улыбнулся, не забывая держать руки на виду и не делать резких движений.

- Джентльмены, похоже, пара слов от стороннего наблюдателя сейчас придётся как нельзя кстати, - и он забрал кружку эля с подоконника, куда её поставил немногим ранее.

Крилан ответил раньше остальных:

- Может, и придётся, только вот я не понимаю, какую игру ты ведёшь? Ты что, агент одного из других городов?

Аварилус позволил себе слегка пожать плечами.

- Мои интересы в этом деле принадлежат только мне. Для вас я обычный зритель. Но с учётом моих знаний того, что сейчас происходит в Пяти Королевствах, я смог понять, на кого вы работаете.

Смиельт потешался уже в открытую, на его шее вздулись сиреневые вены. Меч стражника остановился рядом с самой большой из них; Аварилус видел, что кончик слегка продавил грязную кожу.

- Если ты так много знаешь, Кактамтебя, расскажи и нам, - блондин покосился на Криилана. – Не терпится узнать, на кого работает этот выродок танар’ри.

Купец слегка прочистил горло, поправил стул и уселся.

- Ну что ж. Начнём с того, что политическая ситуация в Пяти Королевствах, как обычно, патовая. Но кое-кто хотел бы это изменить, и вот тут становится интереснее. Кому будет выгоден торговый союз между Кёнигхаймом и Доуганом?

За словами последовало движение – как будто и Криилан, и Шпиельт одновременно слегка поменяли положения. Руки блондина, плотно прижатые к груди, поймали завязку мантии и начали её тереть.

- Обоим государствам выгоден, поэтому они и хотят подписать пакт, - пожал плечами Сиркал.

- Поправка, - Аварилус забрал целую тарелку с ближайшего стола и, поместив её на кончик указательного пальца, раскрутил. – Оба государства хотят *обсуждать* заключение договора. Ни одно не хочет ничего подписать.

Шпиельт облизал губы.

- Ерунда какая-то.

Торговец не сводил глаз с крутящейся тарелки.

- Лорды-работоторговцы Кёнигхайма видят переговоры как шанс получить передышку и собрать больше кораблей для вторжения в Доуган. Король-маг, с другой стороны, видит возможность сделать ещё один маленький шаг к своей конечной цели – объединению Пяти Королевств под его властью. Подозреваю, он планировал использовать время переговоров для внедрения шпионов и агентов в Кёнигхайм – чтобы подорвать власть Совета.

Внезапно он сбросил тарелку с пальца и ловко поймал.

- Эденвейл, северяне и Вольные Города Парсаники противились этому пакту, каждый по-разному. С их точки зрения важнее всего поддерживать баланс.

- Понятно, - заговорил Сиркал. – Значит, эти двое – агенты одного из трёх оставшихся королевств, собиравшиеся сорвать переговоры и восстановить равновесие.

Аварилус терпеливо улыбнулся.

- Не совсем. Все немного запутаннее, - он неторопливо переводил глаза с Криилана на Шпиельта и на командира отряда стражи. – Скажем так, у меня выработался нюх на предательство. А сегодня вечером здесь этого добра хватает.

Главный из стражи издал короткий смешок.

- Да, точнее не скажешь, Темпус тому свидетель. Они оба были готовы перерезать друг другу глотки, только чтобы заслужить свою плату.

Торговец покачал головой.

- Нет, не так. Они были готовы продать жизнь своего напарника, но мотивацией были не деньги. На самом деле, никто из них не намеревался позволить другому покинуть таверну живым.

- Объясни, - потребовал Сиркал.

- Ну, наш приятель Криилан, судя по одежде, выдаёт себя за коренного таркарца. Но если вы взглянете туда, где на шее начинается мантия, вы кое-что увидите.

Капитан стражи вытянул голову и пригляделся.

- Разрази меня боги! Жабры!

- Жабры; он из Доугана. А если мы посмотрим на Шпиельта, увидим ещё что-то не менее интересное.

Подняв обе руки, купец шагнул к светловолосому мужчине. Затем, с особой осторожностью, снял шарф с головы наёмника. Свет отразился от сложной сети вытатуированных линий и завитков, окружавших аккуратный золотой глаз без век прямо посреди лба. Глаз злобно уставился на остальных присутствующих.

Раздался всеобщий вздох. Сиркал оправился первым и разразился потоком грязных ругательств, упоминаящих, в частности, Амберли и мрачнейших из обитателей глубин.

- Кёнигхаймец, клянусь всеми тварями ада!

Аварилус улыбнулся и отёр пот со лба, используя шарф, только что снятый им с маскировавшегося работаровца.

Командир стражи задумчиво нахмурил брови.

- погоди-ка минуту! Почему, ради всего святого, Кёнигхайм и Доуган хотят разорвать договор? Ведь они же его и подписывают.

- Не подписывают, - терпеливо поправил Аварилус. – *Договариваются* подписать. – Он вздохнул. – До тех пор, пока ведутся переговоры, и Совет Кёнигхайма, и король-маг получают выгоду. В то же время и те, и другой планировали сорвать их в последний момент – и убить представителя собственной страны в людном месте на нейтральной территории, чтобы не только обвинить противоположную сторону в убийстве невинного, но и вовлечь в конфликт Вольные Города – на стороне того, чей представитель будет убит.

- Поэтому, я уверен, у Криилана, агента короля-мага, был приказ убить представителя Доугана. И Шпиельт, наёмник Совета Кёнигхайма, должен был прикончить одного из своих соотечественников, - купец снова вздохнул. – Такая ирония, конечно.

Он смолк, и тишина, казалось, становилась всё плотнее в тяжёлом ночном воздухе. Хозяин заведения, так и оставшийся лежать у стены и всеми позабытый, шевельнулся и сшиб металлическую кружку. Глухой звон показался всем оглушительным.

Сиркал, совершенно сбитый с толку, нарушил молчание:

- Так кто был убит? Доуганец или кёнигхаймец?

Аварилус повернулся и с некоторой жалостью осмотрел труп.

- Ну, это самое странное. Ни тот, ни тот.

- Что? – ошалевший от избытка информации командир почти кричал. – Как ты можешь так говорить? Оба этих мерзавца спровоцировали драку, чтобы получить

прикрытие для убийства – это я могу понять, спасибо большое! Один из них оказался успешнее другого, и оба уже собирались скрыться. А теперь ты утверждаешь, что они оба провалились?

Купец подошёл к фонтану. Поставив кружку, он потянулся и с отвращением ухватил мертвеца за ворот камзола. Резко дёрнув, он вытащил обтекающее тело из водоёма на брусчатку. Осторожно перевернул его ногой, чтобы можно было рассмотреть лицо. Вода вытекала из жировых складок, изо рта и носа, и смешивалась с кровью, сочившейся из разреза на горле. Изнутри промокнутой одежды выползла маленькая алая змейка, сердито зашипела на торговца и быстро скрылась в кустах.

- Сэр, это сержант Вильюс! – воскликнул один из стражников. – Ну, который с северных ворот. Вчера с ним там разговаривал.

Глаза Сиркала расширились.

- Вильюс! Кто бы ни помог ему покинуть этот свет, он оказал нам услугу. Скучать по нему не будут, - он хмыкнул и обратился к заговорщикам. – Хорошие же из вас убийцы! Даже правильную цель устранить не смогли.

Шпиельт захихикал.

- Да, Криилан. Я так думаю, если ты выберешься отсюда, тебя ожидает приятное времяпрепровождение в попытках всё объяснить спрут-мастеру Элдриндара. Он отправит тебя на корм рыбам.

- Не мели чушь, Шпиельт, - нахмурился Криилан. – Это ты облажался по полной. Интересно, в какую яму они бросают ассасинов, устранивших не того, кого нужно.

Наступила болезненная тишина. Стражник, прижимавший лезвие к горлу Шпиельта, тихо выругался – как выругался бы человек, чьи напряженные мышцы начинают нестерпимо болеть. Меч двинулся, прочертив тонкую полоску крови на шее наёмника.

Сиркал нарушил молчание:

- Вы двое хотите сказать, - зловеще протянул он, - что никто из вас не убивал этого бедолагу?

- Я хотел сказать, что я не убивал его, - осторожно возразил Шпиельт.

- Лжец, - прорычал Криилан. – Я даже не касался жирдяя. Но видел, как он упал, когда рядом оказался ты. Так как я думал, что ты тоже работаешь на Доуган, я решил, что миссия выполнена, и мы должны выбираться.

- Стоп, - быстро прервал Шпиельт. – Я думал, тебя нанял Кёнигхайм.

Снова наступила тишина – все переваривали важность этих слов. На этот раз её нарушил Аварилус, спокойно потопавший к деревянным дверям, ведущим наружу, всё ещё сжимая почти полную кружку эля. Шпиельт не сводил с него глаз.

- Командир! Вот он, вот убийца!

Сиркал медленно перевёл взгляд на торговца.

- Во имя Девяти Кругов Ада, кто ты такой?

Аварилус посмотрел на него, будто извиняясь:

- Улгартское правительство предпочло бы, чтобы ситуация в Пяти Королевствах не менялась, - объяснил он. – Я пришёл сюда убедиться, что равновесие будет восстановлено. А покойный обошёлся со мной очень уж грубо, когда я прибыл в город.

Он развернулся.

- Эй! – полдюжины голосов вскричали разом.

Аварилус вновь повернулся лицом к двору. В то же самое мгновение он со всей силы лягнул левой ногой деревянную дверь.

Оглушительный грохот послужил началом целой цепочки событий на площадке. Рука стражника с мечом резко дёрнулась, и клинок вошёл в горло Шпиельта. Блондин повалился на землю, корчась в предсмертных судорогах. Почти в ту же секунду раздалось глухое бречание, и из затылка Криилана вырос арбалетный болт. Наёмник качнулся вперёд, к капитану стражи. Двое из стражников вытащили из-под тёмных плащей свои арбалеты и выстрелили в сторону балкона, туда, где стоял Рагларан. Раздался крик, затем треск дерева, когда безжизненное тело помощника доуганца свалилось на пол таверны.

Вялые пальцы Криилана дёрнулись в агонии, послав стеклянный шар в воздух. Командир стражи поймал его в воздухе.

- Хвала б..., - начал было он, затем в ужасе уставившись на выскользнувшую из потной хватки сферу.

Сиркал закричал в страхе и бессилии. Вдруг он почувствовал толчок под колени и свалился на неожиданно подставленный под него стул. Хрупкий шар приземлился ему на колени, целый и невредимый, и вояка тут же накрыл его ладонями. Он чувствовал, как сердце стучится о рёбра.

Сзади раздался тихий кашель, и стражник обернулся посмотреть, кто его спас.

Нехт, возница Аварилуса, всё ещё с вытянутыми руками, уставился в ответ. Сам купец стоял в дверях, спокойно наблюдая за хаосом, который он вызвал. В последовавшей тишине торговец осторожно зашёл обратно во дворик и прошагал до так и лежащего хозяина таверны.

- Далтрис, - сказал он умиротворённо. – У меня ещё есть время пропустить стаканчик. И я думаю, ты кое-что мне должен.

Он поднял кружку и осушил её. Затем наклонился и без усилий сорвал тяжёлый кошелёк с пояса толстяка. Высыпав монеты на полированную стойку, он, проворно перебирая указательным пальцем, отсчитал сто сорок монет. Никто не пошевелился, когда он сгрёб их и сложил в собственный карман. Слабо позвякивая, Аварилус поставил кружку и двинулся к выходу.

- Забыл сообщить, - вспомнил он, обращаясь к владельцу заведения. – Я больше не вернусь. Срочные дела. Новые сделки. Ну ты знаешь, как это бывает.

Он широко улыбнулся, поманил Нехта, и они скрылись из виду.

ЛИНАЭЛЬ

Томас М. Рейд

Внезапно проснувшись, Линаэль обнаружила перед лицом взведённый арбалет. На другом его конце, держа её на прицеле и скалясь, расположился Харлонн

Дейвенвисс, вечно угрюмый мужчина, два года назад потерявший жену из-за набега орков.

- Поднимайся, неблагодарная тварь! – приказал он; в то же время девушка заметила, что кровать окружили и другие люди.

Она моргала, пытаясь выпутаться из паутины сна, даже когда кто-то откинул одеяло и потащил за ноги, стаскивая с кровати. Шастин, муж Терессы Тёрлгуд тоже был здесь, а позади него Горлин-охотник, с кинжалом на поясе, фонарём в одной руке и мотком верёвки в другой.

- В чём дело? – спросила Линаэль, дрожа от холода в одной лишь тонкой ночной рубашке.

- Заткнись! – выплюнул Харлонн, не сводя с девушки оружия. – Горлин, свяжи её. Не позволяй ей использовать её дьявольскую магию. Шавка неблагодарная.

Шастин развернул Линаэль и толкнул на кровать, затем схватил руки, грубо скрутив за спиной.

- Ай! – вскрикнула она, ничего не понимая. – Пожалуйста! Что случилось?

Девушка чувствовала, как верёвка всё туже обвивает запястья, под конец уже обжигая кожу.

- Пожалуйста, Горлин, кто-нибудь, объясните, что происходит! – Линаэль всхлипывала, отчаянно желая, чтобы появился Амбриэль и разогнал эту шайку. Она не сопротивлялась, когда Горлин закончил обвязывать руки и перешёл к пальцам, полностью их обездвиживая.

- Говорю вам, прикончим её сразу, да и дело с концом, - бушевал Харлонн. – Ждать смысла нет.

- Нет, - тихо, но твёрдо бросил Горлин, помогая Линаэль встать на ноги. – Закон Леди гласит, что должен быть суд. Самосуда не будет.

- Пф! – фыркнул Харлонн. – Суд – пустая трата времени.

Линаэль видела, что за окном её маленького однокомнатного домика забрезжил рассвет, но солнце всё ещё пряталось за горами.

- И всё же, - так же твёрдо возразил охотник, - закон Леди кристально ясен. Будет суд. Пойдём, девочка. – Он мягко подтолкнул Линаэль к двери, направляя крепкой рукой.

- Пожалуйста! – молила Линаэль, двигаясь скованно и постоянно дрожа; её ступни заболели от ледяного пола. – Я ничего не делала! Пожалуйста, ответьте мне!

Девушка словно оцепенела – происходящее казалось нереальным. Где Амбриэль? Или Далеон?

- Не притворяйся, будто ты не убивала его! – взъярился Харлонн. – Не притворяйся, будто ты не пришла к нему прошлой ночью и не выпустила на него всю магию, которой он же тебя и научил!

Линаэль пошатнулась, её голова закружилась. Амбриэль! Нет! Она упала на колени, не в силах вздохнуть. Кто-то забрал у неё Амбриэля. «Я этого не делала!» – кричала она в мыслях. Нет, это всё не взаправду. Девушку начало трясти.

- П-пожалуйста... - тихо рыдала она. - Я этого не делала. Я бы никогда...

«.. Никогда не убила бы единственного человека, который по-настоящему обо мне заботился», - закончила она в голове, вспоминая предыдущий день, когда она в последний раз его видела.

- Нет, нет, Линни, выверни. Вот так, - поправил Амбриэль, отрывая очередную полоску пергамента от листа на коленях. Его скрюченные пальцы, уверенные несмотря на возраст, натянули отрывок, а затем проворно замкнули в кольцо, один раз провернув.

- Вот, смотри, - сказал он, зажав концы большим и указательным пальцами и поднимая повыше, чтобы девушка могла рассмотреть.

Линаэль пожевала нижнюю губу, изучая причудливую форму в руках старика и желая убедиться, что правильно поняла его действия. Наконец, она кивнула, уверенная в том, что сможет повторить. Взяв свою полоску, она натянула её, как и учитель, затем теми же движениями сделала из неё петлю.

- Хорошо, очень хорошо, - улыбнулся Амбриэль, одной рукой рассеянно поглаживая подбородок и рассматривая форму в руках Линаэль. Девушка про себя улыбнулась, глядя на него, сгорбившегося над гранитным валуном с мотком верёвки, за которым они занимались. Учитель завернулся в плащ, того же небесно-голубого цвета, что и его глаза – поздним летом в воздухе уже чувствовалась прохлада, даже в самый разгар солнечного дня.

Большинству людей Амбриэль всё ещё казался невероятно бодрым для его возраста, но Линаэль начала замечать небольшие изменения, говорившие об обратном. Их прогулки по лесу больше не казались такими же длинными, как раньше, а уроки магии проходили реже. Более того, она стала замечать, что линий-морщин на его лице стало больше, а каждая из них – глубже. Он стареет, подсказало сознание, но девушка проигнорировала и сконцентрировалась на уроке.

- Теперь остальное, - его голос звучал богато и насыщенно в сравнении с приглушённым рокотом воды у ног. – Произноси слова медленно и чётко.

Линаэль вновь кивнула и поднялась на ноги, встав так, чтобы моток верёвки оказался прямо перед ней. На мгновение она внутренне подобралась, концентрируясь и держа в руках петлю из пергамента. Затем заговорила, уверенно произнося слова тайного языка. Закончив последние слоги, девушка подняла другую руку вверх, ладонью к небу, и сдула щепотку кукурузной муки, которую сжимала – так, чтобы порошок пролетел через кольцо и осел на верёвке. Линаэль задрожала – знакомое покалывание охватило её, когда заклинание создавало магические связи как внутри, так и вокруг её тела. Выжидающе она наблюдала за мотком, который начал разматываться – один конец под действием волшебству вился вверх, к тёмному мерцающему разрыву, появившемуся в воздухе.

Неожиданно с неба пролился поток воды, ударив прямо в Линаэль и сшибив её с ног. Она свалилась с камня прямо в ледяной ручей, опрокинувшись на спину и погрузившись под воду. Натиск воды с неба продолжался, вдавливая её в дно, и девушка в панике заметалась, не в силах дышать. Она ненароком наглоталась и ледяной воды ручья, и тёплой солёной воды из разрыва, прежде чем смогла перекатиться набок и выбраться из-под водопада. Так же внезапно, как появился, он исчез, оставив Линаэль стоять на четвереньках посреди речушки – абсолютно промокшую и дрожащую от холода.

Выползя на берег, незадачливая колдунья вытерла лицо и попыталась восстановить дыхание. Краем глаза заметила Амбриэля, в безопасности стоявшего неподалёку и всё ещё державшего книгу заклинаний. Он недоверчиво уставился на то место в воздухе, где какие-то секунды назад из магического портала исторгались потоки воды. Все свидетельства заклинания - верёвка, пергамент, кукурузная мука – всё оказалось смыто с гранитного валуна.

Увидев, что с учителем всё в порядке, Линаэль откинулась на подстилку из сухой хвои, закрыв глаза, глубоко дыша и пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце.

- Очевидно, *этого* не должно было произойти, - раздосадовано прорычала она.

Амбриэль, всё ещё под впечатлением от неожиданного проявления природной мощи, медленно покачал головой.

- Потрясающе, - с отсутствующим видом отозвался он, поглаживая бородку. – Не знаю точно, что ты сделала... Какая-то дикая стихия, головой ручаюсь. Похоже, ты открыла планарный портал.

- С меня хватит, - проворчала девушка, и её аметистовые глаза сверкнули, когда она подняла хмурый взгляд к небу. – Уже третий раз на этой неделе, и сегодня я чуть не утопила нас обоих. Я завязываю.

Она села прямо и начала раздражённо перебирать длинными изящными пальчиками мокрые спутанные волосы, дрожащей рукой убирая несколько соломенных прядей за заметно острое ухо.

- О боги, - продолжала она. – Я же угроза для нас обоих. Следует забыть про обучение в университете Серебристой Луны. Представляю лица присутствующих, когда я случайно утоплю декана на вступительном испытании.

Девушка побито сгорбилась, вся мокрая и дрожащая. Амбриэль засмеялся:

- Полагаю, мы должны радоваться, что ты открыла портал к воде, а не к чему-то поопаснее, - поддел он. – К лаве, например.

Линаэль застонала.

- О, ещё лучше. «Мне правда очень жаль, Леди, я совсем не хотела сжечь ваш университет»

Девушка вздохнула и спрятала маленький, простой каменный амулет обратно за пазуху, задержавшись лишь, чтобы пробежать пальцами по гладкой поверхности. Амбриэль дал его ей несколькими годами раньше, когда только начал обучать её магии. Она всегда носила его в кожаном мешочке на шее. Маг слегка поводил руками, и Линаэль мгновенно обсохла, за что была очень благодарна.

- Я говорил тебе, что на изучение этого заклинания понадобится больше усилий, дитя, - сказал старый волшебник. – Если бы это было так просто, каждый стал бы могучим магом, разбрасывающимся чарами направо и налево, а я бы не сидел сейчас здесь, морозя свои старые кости и пытаясь остаться в живых, пока вдалбливаю в тебя нужные знания.

Линаэль снова вздохнула, хмуро кивнув и всё ещё ощущая влажный холод, несмотря на то, что она уже полностью высохла. При виде её кислого лица Амбриэль рассмеялся.

– Ну прекрати. Ты учишься быстрее всех, кого я когда-либо знал, включая меня самого. Твои мысли остры, и иногда ты даже стараешься. Терпение, Линни! Всё получится. Сама Светлая Леди позавидовала бы твоим способностям.

Затем его лицо приобрело задумчивое выражение.

- Помню, как я в первый раз занимался с собственным учителем, в Серебристой Луне. Я был такой же увлечённый, как и ты, жаждущий знаний и думающий, что овладею всем в совершенстве ещё до полудня, - колдун уставился в никуда и какое-то время ничего не говорил.

Линаэль наблюдала за ним, желая, чтобы он поделился с ней воспоминания прошлого. Она любила, когда учитель рассказывал истории о днях своей молодости, о том времени, когда он сам изучал магию в университете Серебристой Луны, и о более позднем, когда он уже служил в рядах Магической стражи. Юная полуэльфийка часто представляла, каково это – быть членом элитного анклава волшебников, чьим заданием была защита Жемчужины Севера. Она часто клялась себе, что превратит мечты в реальность.

Теперь, при виде морщинистого лица Амбриэля и его скрюченных пальцев, поглаживающих белоснежную бороду, ей было ещё сложнее представить его молодым. Да, он и правда стареет, шепнул разум Линаэль. Из-за эльфийской половины её крови его старение быстро пролетело перед глазами, но для чародея девушка едва изменилась за те двенадцать лет, что она провела с ним. Линаэль знала, что Амбриэль умрёт задолго до того, как она окончательно повзрослеет, и его возраст, так чётко отпечатавшийся на лице, наполнил её сердце внезапной грустью. Она ненавидела представлять жизнь без наставника, без его защиты и направляющей руки, но всё-таки знала, что этот день когда-нибудь настанет. «Может, ему осталось быть с тобой не так много дней, Линаэль Шаландриана, но очень глупо проводить их в скорби, пока он ещё жив!» - осаждала она саму себя.

Словно почувствовав её беспокойство, Амбриэль потряс головой, возвращаясь в настоящее:

- Ты должна работать над тем, чтобы сфокусировать энергию в петле. Только тогда заклинание останется под контролем.

Девушка кивнула, её печаль уже улетучилась. Она подумала, не попробовать ли ещё разок, но вспомнила, что все компоненты смыло. Другую попытку придётся отложить до следующего раза.

Амбриэль кивком головы привлёк внимание девушки к горизонту. Линаэль повернулась и увидела темнеющее небо над вершиной пика Эмрунда в начале долины. Приближались вечерние дожди.

- Ну хорошо, - со вздохом сдалась Линаэль. Поднявшись на ноги, она последовала за Амбриэлем. Он шёл по дорожке осторожными, выверенными шагами, а его сапоги оленьей кожи почти не издавали шума. Линаэль держалась рядом, рассеянно играясь с амулетом вокруг шеи и молчаливо выбирая путь. Дорога вилась среди больших, прямых как стрелы елей, их массивные стволы огромными колоннами вздымались к сводчатому пологу из толстых ветвей над головой. Здесь было прохладно и темно, позднее солнце уже садилось за далёкую гряду гор и облаков над ними – приближались сумерки. Линаэль глубоко вдохнула, наслаждаясь запахами

леса. Ещё в зябком воздухе она уловила лёгкий аромат дыма и жарящегося мяса, и желудок тут же напомнил о том, что время ужина почти подошло.

Волшебник и его ученица взобрались на гребень маленького оврага на пути к Броду Галена. Маленькая деревушка выросла около мели на реке. Лесная земля здесь была чистой и не заросшей мелкой порослью. Домики, многие из которых прислонились к необъятным стволам деревьев, представляли собой простые землянки с соломенными крышами. В том месте, что могло бы сойти за центр города, над всеми строениями возвышался павильон из грубо обтёсанных брёвен. Под его крышей укрылись несколько простых деревянных столов со скамьями.

Около этой центральной постройки сейчас собралась большая часть Брода Галена, готовясь к общему ужину. С полдюжины или около того мужчин и женщин с тарелками и мисками в руках толпились вокруг большого костра, разведенного в центральной яме, дыра в крыше над которой позволяла дыму выходить. Другие уже выбрали места за столами. В целом, в деревне обитало десятка три людей.

Линаэль отчётливо почуяла жарящуюся оленину ещё до того, как увидела её на большом вертеле над пламенем. Ещё она уловила запахи варёной картошки и моркови, свежее испечённого хлеба и пекущегося клюквенного пирога. И она знала, что на столе найдёт твёрдый сыр и кувшины с холодным молоком – всё из Кверварра, что дальше в долине.

Амбриэль принялся.

- Ммм... - протянул он. – От запаха клюквенного пирога у меня всегда слюни текут. Люблю это время года.

Старый маг направился прямо к костру, провести остывающую на камнях выпечку. Но как только он потянулся отломать корочку, Тересса Тёрлгуд, пышная розовощёкая дама, оттолкнула его руку прочь.

- Убери лапы от моего пирога, старик. После ужина перепадёт достаточно, - она пыталась звучать сурово, но девушка видела искорки в глазах женщины, когда та отчитывала беднягу. Амбриэль отдернул руку и попытался выглядеть оскорблённым, но не смог удержаться от ухмылки.

Линаэль тоже улыбнулась, оценив шутку, затем поспешила за учителем к столу, едва не столкнувшись с худой костлявой женщиной с грудой тарелок. Девушка остановилась в последний момент, и женщина, Мавин Холкотт, зарычала на неё:

- Смотри куда прёшь, тупая полукровка, - ненависть в голосе была почти осязаемой.

- Извините, - пробормотала Линаэль, склонив голову и убравшись с пути.

Щёки девушки пылали от гнева, пока она догоняла наставника, и она почти чувствовала на себе взгляд той женщины. Этой...! «Она просто не чувствует себя счастливой, если не кричит на меня», - успокаивала себя Линаэль.

Амбриэль какое-то время внимательно смотрел на ученицу.

- Что тревожит тебя, дитя?

Линаэль помотала головой.

- Ничего – беззаботно ответила она. – Добуду немного еды.

Девушка поднялась было, но его рука метнулась над столом и удивительно крепко сомкнулась на её запястье.

- Ты же не думаешь, что я на это куплюсь? В чём дело?

Вздохнув, Линаэль снова плюхнулась на сиденье.

- А, Мавин Холкотт снова меня достаёт. Пустяки.

Учитель нахмурился, сверкнув голубыми глазами.

- Я поговорю с ней позже. Оскорбления с её стороны продолжались слишком долго.

- Нет, не надо, пожалуйста! Станет только хуже. Я просто не буду попадаться ей на глаза, как и всегда.

Амбриэль улыбнулся и мягко похлопал девушку по руке.

- Ты хороший человек, Линни. Ты заслуживаешь большего, чем вываливает на тебя эта несчастная женщина. Но раз ты не хочешь, я не буду вмешиваться.

Линаэль улыбнулась в ответ, радуясь доброте, проступившей на лице старого мужчины.

- Она не имеет значения, Амбриэль, до тех пор, пока со мной твоя неувядающая любовь, - поддразнила она медовым голосом.

Амбриэль едва не поперхнулся.

- Цыц, девчонка! – шикнул он вполголоса. – Я достаточно стар, чтобы приходиться тебе отцом, а выгляжу вообще будто твой дедушка! Не стоит давать этим пронырам подобных идей. Если они решают, что с моей стороны есть какие-то выходящие за рамки приличий поползновения, как бы безумно это ни звучало...

Линаэль захихикала, представив выражение лица Мавин Холкотт, если бы ей в голову пришла такая мысль. Да она бы побагровела и подавилась собственным болтливым языком. Девушка вновь хихикнула, довольная представленным.

Амбриэль озирался кругом, явно нервничая из-за того, что кто-то мог услышать неподобающую шуточку. Убедившись, что никто не обратил внимания, он вновь расслабился и устался на ученицу.

- Тебе и правда так хочется загнать меня в могилу раньше срока, да? – пробурчал он, но Линаэль видела искорки в его глазах.

Она улыбнулась и встала.

- Принесу нам немного еды. Сиди здесь и позволь своим хрупким костям отдыхать, дедуля.

Амбриэль возмущённо фыркнул от такого наглого обращения и вяло попытался шлёпнуть негодницу, но девчонка с лёгкостью увернулась и неспешно побрела к костру.

Как только Линаэль встала в очередь, чьи-то ладони внезапно закрыли ей глаза, затем мальчишеский голос произнёс:

- Угадай, кто?

Это был Далеон, один из лесорубов. Линаэль пригнулась и выбралась из его хватки, развернувшись затем к нему лицом. Далеон был вполне привлекателен, часто думала девушка, но что-то в нём вселяло в неё беспокойство. Несмотря на его дружелюбие, её всегда казалось, будто он что-то задумывает. Тем не менее парень был красив и, похоже, по-настоящему в ней заинтересован.

- Я знала, что это ты. Ничего удивительного, ведь только ты так и делаешь, - сказала девушка, улыбаясь и игриво тыча его в грудь.

Далеон хмыкнул.

- Это потому что ты всё своё время проводишь со стариканом. Если бы ты так не закидывалась на превращении в *великую волшебницу*, - последние слова он произнёс с притворным благоговением, - на тебя обращало бы внимание больше людей.

- Эй! – возмутилась Линаэль, стукнув парня по плечу. – Мне нравится изучать магию с Амбриэлем. Кроме того, - продолжила она, нахмурившись, когда заметила, что Мавин недовольно пялится на парочку, - мне и без их внимания неплохо. Мавин Холкотт, например, с удовольствием всадила бы в меня стрелу сразу после того, как на меня взглянула. Она не одобряет даже то, что ты со мной разговариваешь, знаешь ли.

Далеон пожал плечами, похоже, не обращая на неодобрение женщины никакого внимания.

- Слушай, - поменял он тему. – Не хочешь прогуляться после ужина?

Линаэль уже добралась до начала очереди и отвернулась от юноши. Горлин, бывший следопыт, ныне добывающий зверей для Брода, вручил ей две миски с дымящейся едой. Это был молчаливый человек, относившийся к девушке с безразличием – впрочем, он ко всем в деревушке относился с безразличием, так что юную колдунью это вполне устраивало.

- Может быть, - ответила она на вопрос Далеона. – А может быть, пойдёт дождь. Амбриэль и я заметили идущую сюда грозу.

- Тогда, возможно, я могу заглянуть ненадолго. Поговорим. Я дров захвачу – заметил, что твои запасы почти кончились. Я даже огонь разведу.

Линаэль встретила предложение выгнутой бровью, сыскав взглядом на парня. «Мда, - подумала она, - вполне очевидно, что он задумал». Мавин Холкотт точно языком бы подавилась.

- Я так понимаю, ты даже останешься ровно настолько, чтобы согреть меня, да?

Далеон в ответ лишь усмехнулся, и внезапно Линаэль вновь почувствовала себя неудобно.

- Посмотрим, - наконец, бросила она. – А сейчас я должна отнести учителю ужин.

Девушка развернулась и живо упорхнула прочь, пока лесоруб не опомнился.

За столом с Амбриэлем Линаэль с упоением наинулась на еду – дневная неурядица у реки пробудила в ней зверский аппетит. Вокруг них завязывались простые дружеские беседы – люди наслаждались вкусной пищей, разделённой с одной большой семьёй.

- Амбриэль, сильно суровой будет зима в этом году? – поинтересовался Харлонн Дейвенвисс, своего рода плотник и кузнец. Амбриэль дожевывал кусок, затем промокнул рот салфеткой.

- Я гадал только вчера, Харлонн, - ответил маг. – Зима не будет слишком уж холодной, но зато снега выпадет очень много.

Собравшиеся зароптали. Сильные снегопады осложняли заготовку леса – повозки постоянно застревают в наносах. Также это означало, что Горлину теперь придётся охотиться чаще, чтобы вяленого мяса в деревне хватило продержаться до весны. Работы этой осенью будет предостаточно.

Амбриэль прочистил горло, отставив опустевшую тарелку. Народ затих, так как обычно это означало, что старому волшебнику есть, что ещё сказать.

- Разумеется, глубокий снежный покров пойдёт на пользу харперуту и языку василиска, а весенний паводок принесёт множество молот-рыбы.

Линаэль про себя улыbnулась. Наставник всегда был одним из тех, кто в любой проблеме находит плюсы, и последнее замечание не было исключением. И хотя лесозаготовка этой зимой будет скудной, если они продумают всё загодя, то весной получат много другого добра, пригодного для отправки в Кверварр и Серебристую Луну. Снова толпа зашумела, только на этот раз с одобрительным предвкушением.

- А знаете, - прервал Амбриэль, оглядывая людей, - это напомнило мне об одной истории, случившейся как-то зимой, когда я ещё служил в Магической Страже.

Собравшиеся смолкли.

- Но, - он сделал драматическую паузу, - история эта лучше пойдёт после хорошего куса горячего клюквенного пирога.

Все рассмеялись и согласно закивали головами.

Мужчины, женщины и дети быстро вскакивали на ноги – собрать посуду, нарезать пирога или подкинуть дров в огонь. Каждый любил, когда Амбриэль рассказывал историю – всегда длинную, чуть приукрашенную и выразительную – поэтому прежде чем начать вечер рассказов, следовало разобраться со всеми хлопотами. Линаэль улыbnалась, собирая тарелки, свои и учителя, и торопясь к костру, где для мытья посуды был подготовлен большой котёл с водой. Она не хотела терять местечко рядом со старшим другом, внезапно ставшим центром всеобщего внимания. Девушка поставила миски на камни около огня и уже развернулась, как вдруг чья-то рука схватила её за запястье.

- Раз уж ты провела весь день в мечтаниях у реки вместо помощи по хозяйству, то так уж и быть, можешь помыть посуду.

Мавин Холкотт насмехалась над ней, держа в руках щётку. Линаэль хотела возразить, но рядом стояла Тересса Тёрлгуд, согласно кивая головой – хотя и с более участливым выражением лица. Девушка знала, что женщины ждут повиновения. Закрыв рот, она неохотно забрала щётку у ненавистной Мавин. С самодовольной ухмылкой та отвернулась и поковыляла к собирающейся вокруг волшебника толпе, Тересса вслед за ней. Эльфийка вздохнула и попробовала пальцем воду в котле. Вода всё ещё не нагрелась, так что девушка уселась ждать, тоскливо взглянув на круг жителей – и отлично зная, что ничего отсюда не услышит.

Амбриэль уже расправился с пирогом, и теперь раскуривал трубку, протянув ноги. Девушка наблюдала, как он понаслаждался вкусом табака ещё чуть-чуть, затем начал выдувать дым, формируя живые фигуры – трюк, всегда приводивший в восторг малышей, визжащих и хлопающих в ладоши. Зная это простенькое заклинание Линаэль улыbnулась – оно было одним из первых, которым Амбриэль её обучил. Когда он начал рассказ, девушка нехотя отвернулась, засучила рукава рубахи до локтей и ещё раз потрогала воду. Температура была в самый раз, так что она подобрала миску, щётку и принялась за работу.

Внезапно Линаэль ощутила движение за спиной, но прежде чем она успела повернуться, Далеон уже уселся рядом с ней, с прежней подозрительной улыбочкой на лице.

- Помощь нужна? – поинтересовался он, потянувшись к тарелкам.

- Конечно, - прошептала девушка в ответ, - но ты не обязан. Это моё наказание за дневные «мечтания», если верить Мавин.

Парень насмешливо фыркнул.

- Эта склочная старая ведьма просто не чувствует себя счастливой, если никого не унижает, - громко произнёс он, вызвав недовольные взгляды от тех, кто сидел дальше всех от колдуна, ближе к парочке.

- Шшш! – прошипела Линаэль, не желая раздражать старую женщину ещё больше. – Всё в порядке, с посудой я справлюсь. Можешь присоединиться к остальным.

Она продолжила скрести. Далеон, однако, уходить не собирался.

- Ну так что? – спросил он, всё ещё крутя в руках тарелку.

- Что «ну так что»? – парировала девушка, чувствуя покалывание в животе. Она чувствовала, что он собирался спросить. Невольно она представила, каково это – целоваться с ним, и немедленно пожалела об этом, ведь покалывание стало ещё сильнее.

- Ну так что, ты хочешь, чтобы я принёс дрова сегодня ночью?

Линаэль нервно сглотнула, радуясь тому, что уже стемнело, и юноша не мог этого увидеть.

- А... ээ... да, хорошо, - «Прекрати вести себя как болван!» Она глубоко вдохнула: - Да, я хочу. После того, как провожу Амбриэля домой.

Далеон поднялся, поставив так и не помытое блюдо рядом с общей кучей.

- Тогда хорошо. Пойду съем ещё кусок пирога и послушаю историю, - он снова улыбнулся той самой улыбкой, и по спине вздрогнувшей Линаэль пробежали мурашки. – Но не заставляй меня ждать слишком долго.

Он развернулся на каблуках, держа в руках тарелку с доброй четвертью пирога, и поспешил присоединиться к остальным.

Линаэль смотрела ушедшему юноше вслед, одновременно воодушевлённая и напряжённая. Затем вновь повернулась к грязной посуде и вздохнула, глядя на грязную миску. «Типично, - скривилась девушка, окуная её в воду и яростно орудуя щёткой. – Для них помощь – это составить компанию, пока ты делаешь всю работу. А я, разумеется, трепетала от восторга всё время, словно какая-нибудь пустоголовая дева. Может, люди и понимают пути любви, но я – точно нет».

Амбриэль закончил рассказывать о своём прошлом, толпа начала расходиться, поэтому Линаэль, торопливо расправившись с тарелками, отправилась сопровождать учителя домой. Как она и ожидала, пошёл дождь, но благодаря защите леса он казался ненамного сильнее лёгкой мороси. Тем не менее оба волшебника натянули капюшоны, чтобы уберечься от сырости. Линаэль подобрала и несла фонарь, пока они брели по дорожке до домика Амбриэля на краю деревни, второй рукой поддерживая его под локоть.

- Как мне не хватало твоих рассказов сегодня! – пожалела девушка. – Ты должен пообещать, что расскажешь мне что-нибудь завтра. Мавин и Тересса наказали мне помыть посуду.

- И ты отмыла всё хорошенько? – поддразнил учитель.

- А то! – с негодованием ответила Линаэль. – Подошёл Далеон и предложил помочь, но в итоге лишь вешал лапшу на уши.

Амбриэл хмыкнул.

- Думаю, ты ему нравишься, Линни.

Девушка опешила:

- Я... он... я... я считаю его интересным, наверное, - она надеялась, что ответила достаточно уклончиво. - Но он выглядит как какой-нибудь прохиндей. У тебя никогда не бывает чувства, будто он замышляет что-то нехорошее?

- Конечно бывает. Постоянно, - отозвался Амбриэль с нотками лукавства в голосе. - Особенно когда дело касается твоего благочестия.

Девушка поперхнулась и выдавила:

- Амбриэль! Это не то, что я имела в виду, и ты прекрасно об этом знаешь!

- Что такое, Линни? Беспокоишься, что больше не видать тебе моей неувядающей любви? - продолжал дразнить старый маг. - Не волнуйся, обещаю, что не буду сильно ревновать.

Линаэль лишь закатила глаза:

- Ты просто ужасен!

Амбриэль расхохотался и продолжил:

- Что до мытья посуды - ну, я полагаю, это справедливо, учитывая то, что я весь день нагружал тебя другими делами. Некоторым может показаться, что мы не выполняем свою часть работы. Особенно Мавин.

- Я совсем не против поработать, - отозвалась Линаэль, обрадовавшись смене темы. - Меня бесит то, как она наслаждается при этом. Что я сделала, чтобы она так меня ненавидела?

Амбриэль затих на некоторое время, прежде чем ответить своей ученице.

- Этот мир бережёт множество чудес для тех, кто способен их обнаружить. Но некоторые люди просто не могут смотреть за рамки различий между ними самими и теми, кто их окружает. Однако вот что я тебе скажу, дитя. На каждую холодную и бесчувственную Мавин найдётся человек, которому абсолютно нет дела до твоего наследия - только до твоей теплоты, доброты и отзывчивости. Таких людей ты с гордостью можешь называть «друзьями». Например, Далеона.

Линаэль застонала, поняв, что её наставник нашёл способ вновь заговорить о парне.

- Он уговорил тебя помочь меня очаровать! Это заговор!

Амбриэл усмехнулся.

- Не отмахивайся от его доброты так быстро, девочка. Похоже, ты его весьма заинтересовала.

Они добрались до домика мага.

- Да, я знаю. Сегодня вечером он придёт поболтать, - раскрыла девушка, тоном давая учителю понять, что стоит воздержаться от дальнейших подтруниваний в её адрес.

Парочка зашла внутрь, и Линаэль начала зажигать различные свечи и лампы, в то время как волшебник понёс свою книгу заклинаний к сундуку у подножья кровати. Он пробормотал несколько фраз, достаточно тихо, чтобы его ученица не смогла разобрать слова и, подняв крышку, положил книгу на свернутый кусок благородно-синей ткани, украшенной серебряным полумесяцем, обнимающим одинокую звезду.

Амбриэль как-то показывал девушке некоторые из вещей, что здесь хранились – в основном старые книги, написанные самыми могущественными магами и колдунами Серебристой Луны. Впрочем, здесь было и кое-что другое – памятные вещицы из дней его молодости, например, кусок синей ткани. Это был флаг Серебристой Луны, и когда Линаэль расспросила о его происхождении, Амбриэль поклялся, что он был передан ему самой Алюстриэль Среброрукой много лет назад. Сколько бы девушка не спрашивала, за какие заслуги, волшебник никогда не говорил. Она любила представлять, что он удостоился такой чести за какой-то великий подвиг.

Старый маг плотно закрыл крышку и тихонько проговорил ещё несколько слов, затем повернулся к девушке:

- Знаю, что говорил тебе это много-много раз, но всё же...

- Обещай, что никогда не попытаешься открыть его сама, - одновременно с учителем произнесла Линаэль. - Знаю, знаю. Как и всегда – обещаю.

Амбриэль улыбнулся грустной улыбкой.

- Я просто не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось, Линни.

Тогда Линаэль подошла к учителю и обняла его:

- Не беспокойся, я никогда не открою твой сундук. Кроме того, мне правда не очень нужны твои старые затхлые книжки.

Амбриэль засмеялся и отвернулся повесить плащ.

- Убирайся отсюда, несносный ребёнок. Иди развлекайся с Далеоном.

Линаэль задержалась, желая убедиться, что учитель готов ко сну:

- Точно всё в порядке? Может, мне заварить чаю?

- Нет, нет, всё нормально. Иди, дай старику отдохнуть. Почитаю немного на ночь. Можешь сделать чай завтра.

Тогда Линаэль кивнула и направилась к выходу.

- Увидимся утром, - кинула она через плечо, накидывая капюшон и проходя через дверь. Она видела, что Амбриэль рассеянно помахал ей, уже снова открывая потрепанный томик, лежавший на прикроватном столике.

Девушка нырнула в ночь, давая острому зрению несколько секунд, чтобы приспособиться к темноте, затем направилась домой по дорожке, ведущей через деревню. Тёплый янтарный свет лился из окон домиков, а ещё она слышала приглушённые голоса готовящихся ко сну обитателей. Девушка миновала центр деревушки и, наконец, добралась до собственного маленького жилища. Его с трудом можно было назвать чем-то большим, чем хижинкой – всего одна комнатка у ствола большой сосны – но оно располагалось на отшибе, как и дом Амбриэля, и вполне удовлетворяло все её нужды.

По прибытию, Линаэль обнаружила Далеона, примостившегося на ступеньках крыльца, с зажжённым фонарём рядом. Она помахала ему, прежде чем поняла, что в вечерних сумерках он её скорее всего не увидит, поэтому намеренно хрустнула парой веток, приближаясь к парню, чтобы не напугать его.

- Привет, - неуверенно выдал он, вглядываясь в её сторону.

- И тебе. Я старалась поторопиться, - соврала она, окинув парня взглядом с головы до ног, прежде чем выйти в свет фонаря. Девушка поняла, что ей

действительно нравится то, что она увидела. Открыв дверь, Линаэль шагнула внутрь; юноша вскочил на ноги и отошёл вбок.

- Я думала, ты собирался принести немного дров для камина? – игриво уточнила она.

- А, - виновато ответил лесоруб. – Я добавил охапку в поленницу, но уже слишком темно, чтобы везти повозку. Завтра ещё принесу.

- Вот как, - с сомнением протянула девушка. Она подозревала, что Далеон теперь будет использовать этот предлог, чтобы приходить каждый вечер, если дать ему такую возможность. «Может быть, это не так уж и плохо», – проскользнула на секунду мысль, заставившая слегка покраснеть.

- Так значит, ты наконец ублажала старика? – спросил он с насмешкой в голосе.

Линаэль повернулась и увидела, что парень всё ещё стоит снаружи.

- Ой, цыц. Когда я его покинула, он безмятежно читал книгу, - она снова отвернулась и притворилась, будто возится с очагом, внутренне слегка нервничая от того, какие сложности принесёт её следующий вопрос:

- Так ты хочешь зайти? - поинтересовалась она тихим голосом и затаила дыхание.

Прежде чем ответить, Далеон долго молчал, и чем дольше слова висели в воздухе, тем сильнее колотилось сердце Линаэль. Наконец юноша заговорил, и его голос был слегка охрипшим:

- А я всё думал, будет ли продолжение.

Линаэль повернулась к нему с напряжённой улыбкой. Он продолжал:

- Хотя мне и очень хочется насладиться этим вечером твоим обществом, я должен идти. Уже поздно, и завтра мне рано вставать. Томас сказал, что следующие недели придётся больше работать, чтобы заготовить больше дерева до выпадения снега.

Линаэль изумлённо заморгала, удивлённая и его словами, и силой своего разочарования, затем пожала плечами, изображая безразличие.

- Ну как хочешь, - она вернулась к занимавшемуся огню, задумчиво сомкнув губы. «Что он затеял?», - пыталась понять она.

- Ладно, надеюсь, увидимся завтра, - неуверенно протянул Далеон.

- Надеюсь, - Линаэль не хотелось на него смотреть. – Спокойной ночи.

- Спокойной, - Далеон закрыл дверь и ушёл.

Линаэль смотрела на дверь. «В одно мгновение он не оставляет меня в покое, а в следующее – весь такой приличный и благочестивый, просто благородный лорд. А я тут изображаю из себя распутную девку! Должно быть, он думает, что я зову в постель каждого, кто стучится». С красными от смущения щёками девушка раздувала пламя, пытаясь заставить заняться одно из поленьев.

Затем Линаэль переоделась, забралась в кровать и так лежала в темноте какое-то время, теребя амулет на шее и прислушиваясь к отдалённому рокоту ручья и уханью совы. Когда наконец пришёл сон, ничто его не нарушало до того самого момента, когда Харлонн разбудил её, направив в лицо арбалет.

- Я невиновна, - защищалась Линаэль. Голос её дрожал, но она продавливала слова наружу. – Я никогда бы не убила... не *смогла* убить его.

Поток слёз угрожал вырваться вновь, но девушка очистила разум от всего, кроме слов:

- Я невиновна, и я хочу это доказать. Дайте мне шанс.

- Ты получишь этот шанс очень скоро, полукровка, - ответил Харлонн. – Шастин, езжай в Кверварр, за клириком.

Муж Терессы спешно отправился седлать лошадь; Харлонн повернулся обратно к девушке:

- Можешь рассказывать клирику любую ложь – боги все равно определяют твою судьбу, - с этими словами разъярённый мужчина покинул дом Линаэль.

Горлин повёл было девушку к двери, но Тересса Тёрлгуд остановила его.

- Ты не выведешь ребёнка в такой одежде на холод – она замёрзнет насмерть ещё до того, как начнётся суд.

Женщина забрала одеяло с кровати и протянула, словно собираясь обернуть вокруг плеч девушки. Горлин лишь пожал плечами и сдвинулся, освобождая место.

- Спасибо, - тихо прошептала Линаэль.

Горлин вновь повёл её к выходу и вывел наружу. Было видно дыхание девушки, а слёзы холодили лицо. Уже собралась толпа – почти каждый житель деревеньки, подозревала Линаэль. Она поискала глазами Далеона, надеясь, что он выступит вперёд и остановит это безумие, но его здесь не было. Они с Томасом, наверно, ушли ещё до рассвета, поняла она.

Девушка повернулась к Горлину:

- Почему ты думаешь, что это сделала я? – спросила она, шевельнув руками под одеялом – тугие верёвки врезались в кожу. Охотник продолжал вести Линаэль по дорожке к центру деревни.

- Я видел, как ты ходила к нему вчера ночью.

Линаэль уставилась на Горлина с открытым ртом.

- Но я провожаю его домой каждый вечер! Ты же знаешь об этом! Вчера я оставила его читать книгу и ушла домой, где встретила Далеона.

- Нет, позже. Несколько людей видели, что ты пошла с ним после ужина, но это было, когда с неба падали редкие капли. Я же видел тебя ещё раз, уже когда дождь стал сильнее. В грязи на дороге к его дому даже остались отпечатки твоих ног.

Линаэль выглядела сбитой с толку.

- Откуда ты знаешь, что это мои отпечатки? Может быть, кто-то оделся, как я?

Следопыт спокойно посмотрел на девушку:

- Я думаю, я узнаю твои отпечатки, если увижу их, девочка.

Линаэль знала, что он, конечно же, прав, ведь охотник провёл всю жизнь, читая следы. «Думай!»

- Значит, замешана магия, - уверенно сказала она. – Кто-то притворился мной, используя колдовство.

Горлин как будто сомневался.

- Не думаю, что этого достаточно, чтобы переубедить меня, девочка. Гораздо вероятнее, что это ты была у него.

Линаэль чувствовала, как нарастает паника.

- Я знаю, но, прошу, дай мне шанс доказать обратно. Позволь мне всё осмотреть самой, - юная волшебница не знала, сможет ли вынести вид мёртвого тела Амбриэля, но ей нужно было попытаться.

Горлин вёл её к копильне. Линаэль знала, что он собирался запереть её там до прибытия клирика. Они остановились у двери, и охотник начал отодвигать тяжёлый засов.

- Пожалуйста, Горлин. Дай мне попробовать, - умоляла Линаэль. – Дай мне пойти туда и убедиться лично.

- Не могу. Клирик скоро будет в пути, и если ты и правда невиновна, он сам это узнает.

- Но это будет только завтра или послезавтра. Разве ты не хочешь узнать правду? Что, если это не я, но настоящий убийца как раз собирается сбежать? – девушка отчаянно старалась сохранить ясность мысли и сосредоточенность, но вновь ощутила, как подступает паника.

Следопыт поразмышлял пару минут.

- Хорошо. Если ты и в самом деле можешь доказать свою невинность, нужно дать тебе шанс. Не будем давать настоящему - если ты говоришь правду - убийце большую фору, - и он повёл Линаэль к дому Амбриэля. Когда они дошли, Горлин показал ей несколько как будто принадлежавших ей отпечатков, ведущих к двери и чётко различимых в грязи рядом с тропинкой.

Линаэль нахмурилась. Зачем кому-то идти по грязи, когда на самой дорожке полно сосновых иголок? Девушка прикусила губу, размышляя. Внезапно, она кое-что поняла.

- Горлин, я знаю, что кто-то пытался меня подставить. Вчера ночью ты видел меня очень ясно, не так ли?

- Да, твоё лицо хорошо освещалось фонарём.

- Вспомни, я не ношу фонарь по ночам - я могу видеть в темноте.

На лице охотника проступило понимание.

- Если бы я хотела, чтобы преступление сошло мне с рук, я бы ведь постаралась не попадаться на глаза, так? И зачем мне идти по грязи, если дорожка совсем рядом? – продолжала она наступление, кивая головой на тропу. – А есть ли грязь на моих сапогах?

- С таким, девочка, я поспорить не могу, но этого недостаточно, - честно признался Горлин. - Я пушу тебя внутрь – посмотрим, сможем ли мы сказать что-то получше, но если ты что-то выкинешь, дважды раздумывать не стану. Понятно? – Линаэль мрачно кивнула. – Хорошо. А теперь – ты точно хочешь этого? – девушка кивнула ещё раз. – Тогда пойдём.

Охотник толкнул дверь в жилище Амбриэля и шагнул внутрь. Линаэль собралась с духом, готовясь увидеть тело наставника, и последовала за ним. Внутри царил беспорядок. В комнату вело ещё больше грязных следов, всё ещё похожих на следы от ботинок девушки. Стол перевернут, постельное бельё разбросано по полу, книги и бумаги разлетелись повсюду. Сундук Амбриэля был распахнут, хотя книга заклинаний все ещё лежала на прежнем месте, где маг её оставил вчера вечером. Сам волшебник растянулся на спине, ногами к сундуку.

Линаэль проглотила слёзы и наклонилась, чтобы рассмотреть поближе. Грудь Амбриэля почернела, словно обожжённая сильным пламенем. Тёмные, до сих пор раскрытые безжизненные глаза уставились в потолок. Девушка выпрямилась, потрясённая этим холодным взглядом. Она не смогла больше сдерживать тихих рыданий, горе сжимало её всё сильнее. Она не знала, какое будущее её ждало, но учитель больше не был его частью. «Хватит! Горевать потом будешь!»

Линаэль обошла кровать, чтобы увидеть больше, и обнаружила кровавые потёки на полу. Нахмурившись, она нагнулась, чтобы рассмотреть получше. Под кроватью она нашла кусок пергамента, также со следами крови. Девушка повернулась к охотнику, изучавшему грязь в коридоре.

- Горлин, посмотри сюда. Не могу подобрать.

Горлин подошёл к кровати. Линаэль показала голой ступнёй на обрывок. Следопыт осторожно подтянул его носком сапога; лист оказался пустым, но один край был иззубренный, как будто оттуда оторвали кусок.

- Он пытался бежать, - в ту же секунду поняла Линаэль. - Он оторвал кусок пергамента, чтобы прочитать заклятье, которое я вчера тренировала, но, похоже, не успел закончить.

Девушка вернулась к телу учителя и вновь осмотрела его. Нахмурилась, не найдя того, что ожидала, но затем её сердце забилося сильнее. "Возможно...?" - подумала она, не смея надеяться.

- Горлин! Почему на теле нет крови? - её возбуждение почти походило на истерику. - Если он истекал кровью, должны быть раны! И кровь на руках, попавшая на пергамент!

Охотник снова подошёл к мёртвому магу.

- Может быть, это не его кровь, - предположил он.

Линаэль тут же стряхнула с плеч одеяло, оставшись стоять в тонкой сорочке.

- Тогда это кровь убийцы, - она медленно повернулась кругом. - Я тоже не ранена, Горлин. Всё ещё думаешь, это я?

Следопыт задумчиво осмотрел её и покачал головой.

- Думаю, этого достаточно, чтобы доказать мою... - голос Линаэль затих, когда она снова пристально взглядела в лицо Амбриэля и, наконец, поняла, что же не давало ей покоя. Тёмные глаза, уставившиеся в потолок. Тёмные!

- Это не он! Горлин, это не Амбриэль! - она едва не засмеялась вслух. - Посмотри на глаза! У Амбриэля голубые глаза, того же цвета, что и его плащ!

Эльфийке хотелось прыгать от счастья.

- Если это не Амбриэль, то где же он? - спросил Горлин, снова оглядываясь.

Линаэль с трудом удерживалась от того, чтобы не кричать:

- Он сделал это! Прочитал заклинание! Он где-то здесь, в этой же комнате! - она начала суматошно оглядываться. «Вряд ли осталось много времени», - думала она. Где же нужное место? - Горлин, заклинание очень скоро кончится. Нужно подготовиться. Пожалуйста, развяжи мне руки.

Охотник неуверенно посмотрел на девушку.

- Горлин, пожалуйста, возможно, он вот-вот умрёт от потери крови. Я не сбегу. Посмотри на доказательство! Это не он там лежит! Кто-то использовал магию, чтобы одурачить нас всех. Я могу найти Амбриэля. Прошу!

Наконец, следопыт кивнул и вытащил нож. Развернув девушку, он разрезал связывавшие ей руки верёвки. Она судорожно вздохнула, когда кровь вновь прилила к пальцам, и размяла затёкшие запястья. Затем начала обыскивать пол, остановившись только тогда, когда нашла белые крошки на досках в одном из углов. Кукурузная мука!

- Горлин, надо подвинуть кровать, вот сюда. Он появится прямо в воздухе и упадёт, а мы хотим, чтобы он приземлился на мягкое. Хорошо?

Охотник кивнул и убрал кинжал в ножны. Вместе, они передвинули кровать в угол, поставив её точно над остатками муки. Долго ждать не пришлось.

Мерцающая чёрная прорезь на секунду появилась в воздухе, и из неё вывалился Амбриэль. Приземлившись с мягким стуком совсем не в центр перины, он едва не скатился на пол, прежде чем Горлин, охнув от удивления, поймал его и осторожно положил на подушки. Старый маг лежал не двигаясь – без сознания, но живой. В плече зияла рваная рана, а рукав весь пропитался кровью.

- Он истекает кровью, - всхлипывала Линаэль, хотя по щекам текли слёзы радости.

Ученица сразу же принялась обрабатывать рану. Горлин ушёл за Терессой Тёрлгуд, чьи навыки шитьягодились не только для работы с тканью, но и с плотью. Когда охотник вернулся, Амбриэль уже очнулся и слабо улыбался.

- Ты нашла меня, Линни. Я знал, что ты найдёшь, - Амбриэль задержал дыхание, когда Тересса начала зашивать рану. Линаэль лишь обняла наставника с такой силой, что он застонал от боли. Тогда она отстранилась и посмотрела на труп.

- Что случилось? – тихо спросила она.

Амбриэль протянул здоровую руку к девушке:

- Думаю, он искал это, - сказал он, вытащив каменный амулет из-под её ночной рубашки и держа так, чтобы девушка его видела.

Линаэль озадаченно посмотрела на учителя:

- Не понимаю, зачем, во имя Фаэруна, ему...?

Амбриэль отпустил амулет и откинулся на подушку.

- Это мой оберег хранителя из Серебристой Луны, дитя. Со времён Магической Стражи. Он, - маг вяло махнул на мёртвое тело, - явно хотел его.

- Оберег хранителя? Зачем он ему? - по-прежнему не понимала девушка. - И кто это вообще?

- Позволь начать сначала, - принялся объяснять Амбриэль, уже довольный тем, что доведётся рассказать очередную историю. - Спустя короткое время после твоего ухода - ну, вероятно короткое, оно точно не показалось мне большим, даже несмотря на то, что за чтением я потерял счёт времени вовсе - ты вернулась снова. Конечно же, это была совсем не ты, но тогда я этого не знал. Мне подумалось, ты ведёшь себя странно, но я не придавал этому значения до тех пор, пока ты не напала на меня с ножом и не потребовала отдать знак, - маг усмехнулся. - Разумеется я понимал, что настоящая ты никогда такого бы не потребовала, потому что не знала что это, а даже если бы откуда-то и знала, то поняла бы, что он уже у тебя.

- Почему ты просто не запустил в него каким-нибудь заклинанием? - спросила Линаэль. - У тебя ведь их хватает.

- Ха! - фыркнул волшебник. - Линни, мне повезло, что я успел провернуть наш трюк с верёвкой. Коль скоро мы так много тренировались на нём, все ингредиенты оказались под рукой. Так ты позволишь мне закончить рассказ? - поинтересовался он, изобразив праведное негодование.

- Я ни за что не хотела бы испортить одну из твоих лучших историй, продолжай, - хихикнула девушка.

- Так вот, я прочитал заклинание, как ты уже проницательно поняла, и из своего укрытия наблюдал, как «ты» превратилась в «меня». Другой я начал здесь всё обыскивать. Должно быть, он хотел отвести подозрения, на случай, если кто-нибудь заглянет. Сработала огненная ловушка на сундуке, что и убило его в то же мгновение.

- Так всё-таки кто это? - спросил Горлин, начиная обыскивать тело.

Амбриэль попытался сесть.

- Ни одно заклинание из мне известных не сохраняет эффект после смерти, - сказал он. - Но я как-то встретил человека, владевшего магической шляпой, позволявшей менять обличье по его собственной воле. Он должен был всегда носить эту шляпу, но она умела подстраиваться под маскировку. Линни, посмотри, есть ли у мертвеца что-нибудь магическое, особенно около головы.

Линаэль кивнула и поднялась. Прочитав хорошо знакомое заклинание, она начала осматривать тело. Свечение выдало маленькую заколку в волосах фальшивого Амбриэля. Когда девушка вытащила предмет, тело изменилось, и она не смогла удержать вздох – это был Далеон.

- Что ж, вот и ответ на «кто», - сухо отметил Горлин. - А вот это, возможно, ответит на вопрос «почему» - он извлёк несколько листов из потайного кармашка на поясе лесоруба.

Линаэль смотрела на труп парня, едва слыша, что говорит Горлин. «И правда, почему?» - горько подумала она, ненавидя боль, которую она ощущала.

- Я же говорила, что он что-то замышляет, Амбриэль, - тихо сказала она, но в голосе её не было удовлетворения.

- Да, говорила. Прости, дитя.

Девушка мрачно кивнула.

- Так что же такое этот оберег?

Амбриэль пожал плечами:

- Он даёт владельцу доступ к тем частям Серебристой Луны, куда немногие могут попасть, и даже колдовать там, где это не дают делать защитные чары. Подозреваю, он пытался попасть туда, куда ему не положено.

- Тогда почему ты отдал такую штуку мне? - удивилась Линаэль.

- Я знал, что с тобой она будет в безопасности, - улыбнулся учитель. - Любой, кто узнал бы об её существовании, пришёл бы за ней ко мне, не к тебе. Кроме того, - добавил он с теплотой в глазах, - я надеялся, что в один прекрасный день ты будешь носить его уже как полноправный член Магической Стражи.

Девушка улыбнулась и обняла своего наставника.

- О боги, - тихо пробормотал Горлин. - Три разных контракта, каждый сулит немалую сумму за оберег и использование его, чтобы добраться до королевы Аластриэль, - лицо охотника посерело. - Он собирался убить саму Высшую Леди...

УХМЫЛЯЮЩИЙСЯ ПРИЗРАК ЧЕРТОГОВ ТАВЕРТОНА

Эд Гринвуд

- Как видите, призрак – часть нашей семьи. Погибель Пэйтроверов. Мы бы не смогли изгнать его, даже если бы хотели.

Молодой лорд был в полном восторге – его голос был настолько чистым, что не уступал по элегантности любому барду. Бессмертный Грейрин, сенешаль Чертогов Тавертона, раздраженно провел рукой по своим серо-стальным волосам и отвернулся, с легкостью и тишиной растворившись в глубоком подлеске. Не по нраву ему это выпячивание силы и роста, да и не мог он в своём положении быть замеченным восторгающимся от услышанного, пока они были в игре. А то, что ему приходилось обходить их телохранителей, скрывавшихся за каждым вторым деревом или кустом, было весьма нехорошо...

На дворе стояло позднее теплое лето Года Знамени... достаточно напряженное лето. Весь залитый солнцем сезон, три амбициозных благородных лорда, власть которых непрерывно росла, таскали своих дочерей вдоль и поперек всего королевства в поисках подходящих, а значит, с грустной улыбкой подумал Грейрин - богатых, мужей, и все ради своих Драгоценных Цветов Норфбанка - Фарроубрейса, Хантингдауна и Батлбара. Ох, на этих трех хорошо образованных дам было приятно смотреть даже старому солдату, но всё их путешествие было таким... продуманным. Неужели по венам благородных лордов вместо крови текло ледяное вино.

Иммулт задумчиво сплюнул на папоротник и обменялся холодными и ровными взглядами с еще одним телохранителем, чьи пальцы в перчатках ласкали рукоять кинжала на его поясе. Высокомерные комнатные собачки командовали им в саду, который он и защищал!

Высокомерные? Да вот только их хозяева были хуже. Пока они разъезжали по королевству, представляя своих дочерей сыновьям благородных домов всего Кормира, они проходили через ворота Чертогов Тавертона, по крайней мере, трижды, а возможно и больше. Это, может быть, самое старое и, одновременно, самое маленькое из великих поместий в Норфбанке, но для этих трёх лордов оно, должно быть, навсегда останется заведением с лучшей едой на праздники. Чертоги Тавертона были резиденцией лорда Эскульта Пэйтровера, барона Старватера и Конного Маршала Короны Кормира, голубейшая кровь среди всех благородных семей, что ныне были при дворе. Любая девушка, которая выйдет замуж за сына и наследника этой семьи, молодого лорда Кримона, дарует своему отцу высокое положение при дворе.

О да, очень высокое положение. Может, лорд Эскульт и любил придаваться ностальгии по своей славе, но его рука все еще подписывала приказы, дарующие титулы, а вместе с ними и деньги, различным дворянам, а так же распоряжения, по которым другие дворяне должны были содержать Пурпурных Драконов. Солдат нужно кормить, и так было всегда, а ко всему прочему они принесут в твой дом

лишние подозрения и будут глазами трона, непрерывно наблюдающими за тобой. Так одна дворянка разбогатела, а кошельки другой опустели под тяжестью орав голодных солдат. Да, было много дворян, которые считали себя “старыми друзьями” лорда Эскульта. В праздничные дни через ворота Чертог Тавертона проходило много бочек с отличным вином. Иммулт облизнул губы, вспомнив особенный огненный херес из винодельни Роумантлов.

Другой телохранитель подозрительно посмотрел на него, но сенешаль пронесся мимо него, делая вид, что не заметил этого. Ба! Да пусть собачонки рычат, все равно скоро уберутся отсюда.

- И тем не менее, - убедительно сказал лорд Кримон, зная, что он привлек внимание затаивших дыхание гостей, - призрак всегда появляется вновь. - Он одарил их призрачной полуулыбкой и изогнулся, жестами рук изображая разрушение стены плотно сложенных камней. Кольца на его пальцах ловили тёплый утренний свет и мерцали, подобно звёздам.

- Здесь, например, он выглядит как едва-видный образ на стене, независимо от того, как часто Пэйтроверы сносят эту стену и строят новую, - он снова широко махнул своей блестящей рукой над головой, пока три пары блестящих глаз следили за каждым его движением. - Повсюду в поместье люди видят порхающее ухмыляющееся лицо в шлеме с длинными перьями, - лорд снова улыбнулся им, зная, насколько красиво и богато он выглядел. - И это отпугивает моего отца от ухаживания за садом.

- И как это повлияло на вас, лорд Кримон? - Голос леди Шамрил Фарроубрейс был, скорее, тихим и хриплым мурлыканьем, звучащим почти как вызов. Ее большие темные глаза, внимательно смотрящие в глаза лорда, отражали, скорее, некое обещание, нежели вызов, поскольку пальцы одной из её тонких рук игриво бегали по блестящему жемчужному ожерелью, свисающему прямо над весьма откровенным лифом.

- Леди, - сказал ей молодой лорд с насмешливым упреком в голосе, - вы вынуждаете рассказать меня больше, чем необходимо знать порядочным благородным дамам.

Изящные брови трио Драгоценных Цветков вопросительно изогнулись.

- Потому что это нарушит игру, лорд? - спросила леди Латью Хантингдаун. - Вы стремитесь ослабить нашу забаву, или лишь забаву наших сиятельных отцов?

Леди Чалас Батлбар напряглась, и её глаза на мгновение вспыхнули, говоря о том, что она собиралась обидеться. Ее голова резко обернулась, чтобы посмотреть на своего отца, но она лишь увидела, что старшие лорды и их телохранители уже вышли в другую комнату. Остальные охранники осторожно расположились вне пределов слышимости обычного разговора, но в пределах досягаемости. Она расслабилась, повернулась к лорду Кримону, привлекательному негодяю, который выгодно отличался на фоне толстобрюхих или вялых наследников древних династий, и улыбнулась.

- Со своей стороны, - сказала она как бы между делом, - меня вообще не волнует, если мой лорд-отец умрёт от старости, заглядывая под каждый камень в Кормире в поисках "подходящего" для меня жениха. Я вообще не заинтересована в ухаживаниях на это прекрасное лето. А теперь... - Она деликатно опустила ресницы, приложила кончик одного длинного пальца с длинным ногтем к губам и медленно облизнула его.

- О, Чалас, чуть повежливей, пожалуйста, - выдохнула леди Шамрил. - У нас будет достаточно времени, чтобы посвятить его нашему милостивому хозяину, его отцу или, раз уж на то пошло, твоему, когда начнётся настоящий танец. Пока что я наслаждаюсь рассказом, который всяко лучше, чем бахвальство молодых лордов своими жеребцами-призёрами, их неуместных и неловких шуток о верховой езде, желания увидеть наши сёдла и всего подобного.

С отвращением она махнула рукой, и все три Цветка слились воедино в общих воспоминаниях, которые были достаточно сильны, чтобы снять напряжение, возникшее на лице леди Чалас из-за упрека Шамрил.

- Да, - согласилась леди Латью Хантингдаун, склоняясь вперед не с тягостной мукой, а с настоящим рвением, что она делала и раньше, чтобы выпатить свою внушительную грудь. - Наши отцы, возможно, охотятся за положением при дворе и золотом Пэйтроверов, но мы, а я думаю, что могу с уверенностью говорить за всех нас, не ищем себе мужей. Пока что.

Она поймала взгляды обеих дам, увидела их согласие и подтвердила его кивком, из-за чего её блестящие волосы упали на плечи... а затем резко отбросила учтивые манеры, и открыто обратилась к лорду Кримону:

- Кримон, расскажи нам побольше о своем "ухмыляющемся призраке". Мне нравятся хорошие страшные истории.

Молодой лорд, внезапно уставший от хвастовства своей семьей, будто он был в каком-то трофейном зале, пожал плечами.

- Я не придумываю истории о нём. Все, что я говорю – чистая правда, и есть кое-что еще, что я, пока что, не рассказал.

- Мы прошли долгий путь, лорд, - промурлыкала леди Шамрил. – Пожалуйста, произведите же на нас впечатление.

- Мы увидим ухмыляющегося призрака? - прямо спросила леди Латью с очень большими и темными глазами. Она наклонилась вперед подобно охотничьей собаке, жаждущая охоты, и лорд Кримон не мог не улыбнуться.

Снова придя в нужное расположения духа, если так можно было сказать, учитывая предмет обсуждения, лорд наклонился, почти коснувшись носа леди и, с блеском в глазах, сказал полупшепотом:

- Если в этом доме вы почувствуете, что кто-то смотрит на вас – обернитесь! Вы увидите пылающие глаза призрака, парящего у вас за спиной!

Две леди издали короткий крик испуга. Третья, Латью, не издала ни звука, но Кримон увидел, как дрожь пробежала по ее красивым плечам и рукам. Её темные глаза неотрывно смотрели на лорда, который лишь хмыкнул и продолжил:

- Он никогда не говорит ни слова и ничего не делает, а лишь следит за людьми, которые, завидев его, кричат и убегают, - молодой дворянин величественно дернул рукой, будто из последних сил взмахивая мечом. - Некоторые осмелились напасть на

него или проткнуть насквозь. Все они говорят, что почувствовали ужасный холод... и испугались, когда улыбка соскальзывала с лица призрака подобно плащу с чьих-то плеч.

Лорд Кримон остановился, прислушиваясь к очередному всплеску испуганных стонов и продолжил:

- Когда он наблюдает за тобой, но не улыбается, то, говорят, это означает, что ты в смертельной опасности

Три дамы слегка рассмеялись, отвергая такое нелепое заявление - как дух мог знать о судьбах и бедах смертных? Однако хозяин не присоединился к их веселью, и оно угасло, когда дамы посмотрели ему в лицо.

Несмотря на то, что серые глаза Пэйтровера еще мгновение назад были темными и глубокими, теперь бились в безумном танце, когда их взгляд зацепился за что-то, что было за спинами Драгоценных Цветов и что как водой смыло всю краску с лица лорда. Три дамы развернулись ... и присоединились к глубокой тишине.

Позади них, где-то в трех шагах, витала в воздухе бестелесная голова с острым и белым лицом, и слегка покачивающимися перьями, обрамляющими его. Взгляд лица был устремлен на лорда Кримона, а его выражение не выдавало абсолютно никаких эмоций, хотя, даже так, казалось каким-то мрачным и опечаленным. Внезапно, голова начала исчезать, медленно превращаясь в пятно солнечного света, после чего в мягкую тень и в итоге... в ничто.

Когда вечерние тени удлиннились, и дворяне вышли с веселого пира с кубками в руках, чтобы прогуляться по саду, молчаливые слуги ловко зажгли уличные фонари. Лорд Эскульт был в редком хорошем настроении и чувствовал, что его остроумие было таким же резким и ловким, как и двадцать лет назад, а его гости прибывали в таком же хорошем расположении духа из-за отличной еды, хорошего вина и успешных торговых переговоров. Даже если они не смогли породниться с молодым Пэйтровером, казалось, что они обрели верного друга в лице старого Конного Маршала.

- Необычно! – прогремел лорд Белофар Батлбар, своим тяжелым дыханием поднимая усы над губами. - Лабиринт, но только по колено!

- Гордость моей дорогой покойной жены, - сказал лорд Эскульт, шагая по травянистой тропинке так, что весь Кормир видел гордость маршала. - Она хотела себе лабиринт, как...нет, даже лучше, чем тот, который она увидела в Селгонте, но она не хотела заблудиться в нём. Однажды вечером солнце село слишком быстро, и она не смогла найти выход до наступления темноты. Вот тогда она испугалась настоящего, но потом нашла несколько лампад, которые вывели её к сараю, где она взяла косу и, с отдышкой наездника после изнуряющей поездки, принялась за работу. Она заснула где-то перед рассветом, и я отнёс ее внутрь дома, приказав слугам продолжить то, что она начала – и вот результат. Никто больше никогда не потеряется в Лабиринте Маэридиты!

- Боги, - восхищенно воскликнул лорд Хорнсар Фарроубрейс, - что за сказка! Ах, какая женщина! Я прямо-таки вижу её, с горящими глазами...

- Да, - сказал хозяин, оборачиваясь, - они всегда горели. Как они горели! Ох, она была великолепна!

Следуя в тени высокого лорда Корграста Хантингдауна, его дочь, леди Латью, закатила глаза к темнеющим небесам. Лорд Кримон похлопал ее по руке и улыбнулся. Когда она поняла, кто ее успокаивает, то её дыхание оборвалось от ужаса, вызванного тем, что даже неумышленно она представляла его мертвую мать, но молодой лорд лишь весело и пренебрежительно отмахнулся, а вся компания зашла в лабиринт.

Извилистая спираль низкорослого шиповника целиком заполнила собой затопленный квадрат густого зеленого газона, окруженного со всех сторон склонами, поросшими цветами и увенчанными зелеными деревьями. За деревьями возвышалась каменная стена с четырьмя проходами, в центре каждого была лестница, уходящая в лабиринт. Среди цветов стояли скамейки и статуи, некоторые из них были украшены лампами, но в самом лабиринте их уже не было.

- Это прекрасно, - пробормотала леди Чалас. - Ты когда-нибудь играл здесь, Кримон?

Ответа не последовало. Она обернулась, чтобы посмотреть на то, что могло помешать лорду говорить, и увидела его в двадцати шагах от себя, с графином и кубком в руках, которые он снял с подноса, что нёс один из слуг.

- Когда он захочет, то может двигаться быстро – прокомментировала леди Шамрил.

- Хммм, но не так быстро, как хочу я, - ответила она, кивнув головой в сторону четырёх старших лордов.

- Ну, если бы я управлял Кормиром... - сказал лорд Фарроубрейс, явно не осознавая того факта, что дворянство королевства произносило эту фразу даже чаще, чем опускающийся по социальной лестнице придворный обсуждал погоду. Перебив лорда Хантингдауна и хозяина дома, он резко размахивал графином, почти таким же большим, как их головы, иллюстрируя то, как они, ища снисхождения Эскульта, хотели получить власть, и управлять Кормиром, но не много не так, а еще так и так...

- Боги, - пробормотала Шамрил, - давай уйдем отсюда! Сейчас они начнут говорить о том, какие благородные дома должны возвеличиться, а какие пасть, о том, кто следующим сядет на королевский трон...

- Это наводит на мысль о серьезном вопросе про будущее прекрасного Кормира, - произнес лорд Батлбар. - Кто из нас поднимется, а кто падет, если Азун, да сохранят Боги нашего короля, завтра умрёт?

Трио Цветов в унисон застонали, после чего Шамрил в отвращении развела руками, изображая жест "я же тебе говорила" и сказала:

- Должны ли мы последовать примеру Кримона? - прошипела она. - Они будут здесь всю ночь – вина-то достаточно! Я...

- Нет, - сказала леди Латью с опасной улыбкой, положив руку на руку Шамрил. - Не уходи сейчас! Мы заключили пари, помнишь? Я хочу видеть лица наших отцов, когда мы будет показывать себя не Кримону, а его отцу! Что же они подумают? В

конце концов, барон, в роли зятя, хотя и слишком взрослого, чтобы продолжить род, даст им куда более высокое положение при дворе, да и деньги попадут к ним в карманы куда быстрее...если только могила не заберет старого лорда, а все наследство перейдет молодому Кримону.

- Ставка была на самый смелый способ украсть поцелуй старого Эскульта, - нахмурившись напомнила ей Чалас. – Я не хочу перечить своему отцу. Он с меня шкуру сдерет, если я осмелюсь...

- Для наших отцов это лучший вариант! – выпалила Шамрил с внезапным энтузиазмом. - Дамы, повторяйте за мной! - Она прошла сквозь лабиринт, подхватив свое платье, дабы беззаботно перешагнуть через стены шипованных кустов и догнать четырех лордов. Чалас и Латью смотрели на ее продвижение со смесью опасения, благоговения и восторга.

- Она действительно собирается сделать это, - произнесла Латью так тихо, будто произнесла пророчество, что вот-вот обрушится на них. - О Боги.

Тёмная ночь, наконец, наступила, однако фонари давали достаточно света, чтобы можно было разглядеть то, что происходило в центре лабиринта. Они увидели, как Шамрил прошла мимо лорда Батлбара и собственного отца, проскользнув под подмышкой лорда Хантингдауна. Латью взорвалась удушашим хихиканьем от вида испуганного удивления на лице своего отца, увидевшего проскочившую под его вялой рукой молодую даму, одетую в очень тонкое зеленое шелковое платье идвигающуюся к Эскульту Пэйтроверу.

Барон Старватер посмеялся над действиями Шамрил и протянул ей руку с преувеличенной галантностью. Вместо того чтобы подать руку в ответ, молодая леди Шамрил увернулась от вытянутой руки лорда и прижалась к нему, из-за чего кружевной вырез обтянул её грудь а бедро прижалось к бедру старого дворянина. Лорд Эскульт выглядел удивленным, но довольным. Его зубы вспыхнули в улыбке, когда девушка подняла губы в очевидном требовании поцелуя, и он наклонился над ней с такой готовностью, будто был молодым пылающим дамским угодником, а не старым бароном.

Чалас прикусила костяшку на руке, чтобы не закричать от восторга, пока Шамрил раскрыла рот на дюйм или два шире, чем обычно, игнорируя воззвание к Богам, которые выпалил её отец. Латью покачала головой, пробормотав:

- Кримон должен увидеть это. В жилах его отца все еще течет немного огня...

Мягкий вечерний воздух разразился эхом от резко звука, сопровождаемого ядовитым шипением арбалетного болта, рвущего воздух в полете в сторону новоявленных любовников. Казалось, он выпрыгнул из мрачной темноты подобно вспышке черной молнии, пронзив старого лорда и молодую игривую леди.

Болт, пронзивший горло Шамрил, выбил из него поток крови. Её волосы танцевали вокруг головы, крутящейся в неконтролируемом падении. Цветок дома Фарроубрейс издала булькающий звук – последний звук, в своей жизни, с грохотом пронёсшийся по саду, после чего её вялое и окровавленное тело вырвалось из хватки лорда и растянулось на кусте терновника.

Эскульт на мгновение устоял на свои собственные пустые руки, ослепленный разбрызганной повсюду яркой кровью, а затем схватился за грудь,

издал странный звук – смесь рёва и плача, и медленно, подобно срубленному дереву, упал и уткнулся лицом в землю.

Перед тем как начались крики, повисло мгновение тишины и мертвецкого спокойствия. Не сговариваясь, все присутствующие разом обернулись туда, откуда должен был вылететь смертельный снаряд, и крики ужаса были будто отрезаны острым клинком. Тишина ошеломления вновь повисла над садом.

Над безлюдным участком садовой стены, на которую смотрели все собравшиеся, можно было увидеть голову. Выражение её лица выглядело так, будто она поднялась из-за стены только для того, чтобы с улыбкой удовлетворения посмотреть на резню внизу. На бледном лице показались белые и жесткие зубы, светящиеся под темным шлемом, надетом на голову. Ухмыляющийся Призрак Чертогов Тавертона снова улыбнулся.

Голова, висящая над садовой стеной, улыбалась им в течение двух долгих и дрожащих вдохов Латью, прежде чем внезапно упала вниз за стену. Как по сигналу, собравшиеся дворяне бросились к выходу из сада. Раздался рев, а затем слуги и телохранители бросились к стене, обнажая свои мечи, до сих пор свисающие с поясов. Даже Лорд Батлбар, стоящий посреди лабиринта, сорвал с пояса кинжал и с грохотом побежал сквозь кусты терновника.

Чалас и Латью, с побледневшими лицами могли лишь стоять как вкопанные и молча смотреть на суматоху. Какой бы яростной и резкой не была реакция стражей, когда они поднялись на садовую стену, для Шамрил было уже слишком поздно. Выражение дерзости навсегда застыло на её лице. Для лорда Эскульта Пэйтровера тоже могло быть слишком поздно.

Чалас беззвучно опустила на колени, уставившись на два тела, окруженных подоспевшими слугами, а Латью громко зарыдала и резко обернулась, бросившись вслед за телохранителями. Болт вылетел именно оттуда, где они увидели призрака, и...

Задыхаясь, она бросилась вверх по лестнице, прочь из затопленного сада, и, повернув голову в спешке, чуть не упала вниз. Рука в нарядном камзоле схватила девушку за локоть, чтобы остановить, и Латью остановилась, после чего всхлипнула и успокоилась.

Вокруг не было никаких признаков Ухмыляющегося Призрака Чертогов Тавертона. Группа мрачных людей со стальными мечами в руках собралась вокруг того места, откуда был выпущен смертоносный снаряд. Арбалет был привязан к поясу молодого лорда Кримона Пэйтровера. В другой руке он держал блестящий от света фонарей меч. Его белое лицо не выражало эмоций, а глаза смотрели сквозь Латью, будто она была невидимкой.

- Все, кого я любил... покинули меня, - выпалил он и упал на лицо быстрее, чем грубые руки, выхватившие у него оружие, скрутили конечности молодого лорда. Когда половина Фаэруна обрушилась на молодого лорда, Латью почувствовала внутри себя такую глубокую тьму, что ни одна ночь не могла сравниться с ней. Все, что могла сделать девушка, это лишь закрыть свои глаза руками.

- Кто угодно может сказать, что имеет дело с лордом Пэйтровером. Чтобы попасть сюда, многие нищие и старые солдаты говорили это. Вы можете быть его другом или тайным деловым партнером... но я вас не знаю.

Голос старого сенешаля был холодным, его взгляд был таким же морозным, как метель, воющая над Каменными Землями, но человек, сидящий на другом конце стола, лишь улыбнулся лёгкой приветливой улыбкой и сказал:

- Я тоже не знаю тебя, дорогой друг, но это ведь никогда не было препятствием для людей с добрыми намерениями, да? Вы выглядите как Пурпурный Дракон в отставке, и я уважаю всех, кто боролся за безопасность нашей страны. Могу ли я узнать ваше имя?

- Грейрин, - коротко ответил толстобровый мужчина, сидящий на противоположном конце стола. - Сенешаль Чертогов Тавертона.

Толстяк с мохнатыми бакенбардами прыгнул со своего места, чтобы протянуть руку своему собеседнику в таком открытом жесте приветствия, как если бы он был хозяином, а не гостем.

- Гларастир Раулиган, продавец башен и шпилей, - произнес он. - Нет слишком маленьких зубцов, слишком больших амбразур, слишком эксцентричных парпетов. Если вы можете нарисовать это, то я могу построить это! Я ушел от суеты Сюзейла, отвернувшись от настойчивых баронов и страстных рыцарей, чтобы провести назначенную встречу с лордом Эскультом Пэйтровером. - Он властно дёрнул рукой, которую Грейрин упорно игнорировал, и твердо добавил:

- У меня назначена встреча.

- Вы видели чёрное знамя? - спросил сенешаль мрачным и неохотным тоном. Раулиган пожал плечами.

- Нет, но что это значит?

Грейрин холодно сказал:

- Мой господин лежит мертвым в семейном склепе и больше не сможет ни с кем встретиться. Доброго дня, торговец.

Толстяк в шелках и мехах сделал еще один властный жест рукой, на этот раз поспешнее.

- Тогда я бы хотел видеть его сына, - нетерпеливо сказал Раулиган, - молодой красавец, от блистательности которого половина женщин Кормира падает в обморок, а остальные взволнованно вздыхают, лишь завидев его! Теперь он будет лордом Пэйтровером, верно?

- Если он будет жить, то может и получит какой-нибудь титул, - ответил Грейрин тоном палача, который почти был заглушен гулом охотничьего рога, раздавшегося из-за ворот.

Сразу же вслед за гулом, Грейрин поднялся из-за стола и потянулся к своему плащу.

- Вы должны извинить меня – должно быть, это Боевой Маг, посланный из Сюзейла для того, чтобы узреть судьбу лорда Кримона.

Ухоженные руки дворянина мерцали на дверях кареты даже сквозь плотный налёт дорожной пыли. Раулиган насчитал в упряжке не менее шестнадцати черных лошадей, нетерпеливо топающих и дёргающих головами, пока открывалась царственная дверь кареты, и мужчина в пышных одеждах, вышедший из неё, не остановился.

Слуга с охотничьим рогом издал слишком громкий, разносящийся эхом по окрестностям гул, и новоприбывший не потрудился скрыть своё вздрагивание и хмурый взгляд. Он вытянул левую руку, сжав кулак и показывая кольцо уже склонившемуся сенешалю, после чего щёлкнул пальцами.

В ответ на этот сигнал слуга, торопливо выскользнувший из кареты, торжественно заявил:

- Приветствуйте Лорда Джалануса Уестерботама, Скипетр Правосудия, Лорда Драгонфанга, прибывшего к правителям Норфбанка, Старватера и Западного побережья!

Фигура в пышных фиолетовых одеждах слегка склонила голову, тем самым холодно поприветствовав трёх лордов, стоящих на отдалении, после чего пронеслась мимо них и их дочерей, проигнорировала Раулигана и поспешно выстроенных в шеренгу слуг и направилась главному входу в Чертоги Тавертон, увенчанному колоннами. Сенешаль практически бежал, чтобы не отставать от гостя, попутно придерживая церемониальный меч, болтающийся на поясе. Раулиган весело улыбнулся задыхающемуся Грейрину, который одарил торговца лишь хмурым взглядом.

- Господин Джаланус! – прерывисто прокричал сенешаль, пытаясь улыбнуться: - Добро пожаловать в Чертоги Тавертон. Печальный случай привёл вас сюда, но я уверен, что ваше пребывание здесь...

- Где моя комната? – Потребовал Боевой Маг тоном, который Раулиган быстро (и в частном порядке) окрестил «холодным аристократическим».

- Ах, мы приготовили для вас герцогское крыло, милорд, - сказал Грейрин, махая рукой в сторону центрального коридора. – Идите вперед до двери, у которой ждут слуги.

- Сначала я проверю пригодность комнаты и слуг, - сказал лорд Джаланус голосом, который сумел объединить в равной степени раздражение от необходимости иметь дело с дураками и мрачным предвкушением грядущих трудностей и разочарований. Он вытащил из пояса тонкую блестящую черную палочку и пошёл по коридору.

Его слуги устремились вслед за ним, толкая Гларастаира Раулигана с обеих сторон. Торговец пошатнулся сначала влево, затем вправо, а когда устал получать синяки, то шагнул вперед, ногой оттолкнув высокого слугу, упавшего на пол. Посреди царящего хаоса торговец ловко выхватил пару сумок и присоединился к общему потоку,двигающемуся по коридору. Вслед ему вылетел крик, а когда Раулиган повернулся, чтобы войти в герцогское крыло, чья-то рука жестко схватила его.

- Эй ты...

- Ну давай, дружище, - величественно сказал Раулиган, - сделай себя полезным. С прибытием лорда Уэтерботома из его короткой дороги из Сюзейла, конца и края нет этой суматохе. Возьми хотя бы одну сумку и помоги мне!

- Вы...

Из темноты появилось освященное яростью лицо Грейрина, через его плечо которого выглядывал лорд Джаланус, на чьем лице боролись за превосходство скука и презрение.

- Торговец! - отрезал сенешаль. – Отдай сумки сейчас же! Если ты не покинешь Чертоги Тавертона до того, как наш высокочтимый гость заселится, то я выгоню тебя отсюда кнутами. Ты слышал меня?!

- Как и весь южный Кормир - мягко пробормотал Раулиган, протягивая руки и опуская обе сумки на полированные кончики лучших сапог сенешаля. – Но услышать, боюсь, не всегда значит исполнить.

- Именно, и это непосредственно касается слуг этого места, - ухмыльнулся Боевой Маг, когда Иммулт Грейрин издал сдавленный вопль и наклонился, чтобы схватиться за пальцы ног.

Раулиган широко улыбнулся.

- Это не то, что Ванги... конечно же, я имел ввиду - лорд Вангердагаст, всегда жалуется мне. Зачем...

- Стража! – взревел Грейрин. – Арестуйте этого человека! Он...

- Когда все будет улажено и суматоха стихнет, я бы хотел получить назначенную встречу с лордом Пэйтровером, - сказал Раулиган, быстро отступая назад к стене, услышав тяжёлый топот звенящих сапог, несущихся по коридору. - Я должен присутствовать, когда Уэтерботом проверит все улики и с помощью магии возьмёт интервью у моего будущего клиента.

- А?

Боевой Маг вытянул властную руку, чтобы заставить Грейрина замолчать и оттолкнуть его в сторону. Когда он подошёл и уткнулся в толстый нос торговца, медленно поднимая другую руку, украшенную декоративными кольцами и жестом останавливая подоспевшую стражу, тон его голоса был мягким и шелковистым.

- По какому праву вы смеее настаивать на всем вышеперечисленном?

Гларастир Раулиган легко улыбнулся и засунул руку во внутрь расстёгнутого жилета.

- Прежде чем сделать что-то опрометчивое, - быстро добавил лорд Джаланус, - я должен напомнить вам, что в Кормире есть законы, и я, Уэтерботом я или нет, поклялся защищать их. Мне не требуется проводить расследование, чтобы назначить финальный, фатальный, приговор. - Одно из колец на его руке предупреждающе вспыхнуло.

- У вас, должно быть, тревожный сон, - ответил Раулиган с нежной жалостью в голосе, медленно вытаскивая что-то маленькое и серебристое, свисающее с цепочки, и держа его в руке так, чтобы вещь могли видеть только маг и сенешаль. Это была округлая серебряная арфа - знак Арфиста. - Я также приехал сюда из Сюзейла, - тихо сказал им торговец, наклонившись вперед, чтобы перейти на громкий шепот, - и меня послал некто с очень высоким положением при дворе.

Глаза Боевого Мага вспыхнули, и он обернулся с сердитым блеском в них.

- Разрешите ему присутствовать при расследовании, - бросил он сенешалю, а затем снова повернулся, чтобы коротко добавить, глядя на Раулигана:

- Не советую вам часто переходить мне дорогу. Я разрешаю присутствовать вам при допросах и расследовании, но вы должны сохранять молчание. Вам ясно?

Раулиган развел руками.

- Ваши слова - это всегда ясность и простота.

Лорд Джаланус долго смотрел на него, а когда почувствовал, что торговец ничего больше не скажет, то снова развернулся на каблуках, не сказав ни слова. Торговец смерил спину лорда гротескно высокомерным взглядом придворного, из-за чего один из слуг хихикнул. Голова Грейрина резко поднялась, и сенешаль осмотрел слуг, выискивая невежу, кем бы он ни был. Это точно был кто-то из личных слуг мага, а не обслуги Чертогов Тавертона.

Раулиган нежно улыбнулся сенешалю.

- Кажется, лорду Уэтерботому нужно все герцогское крыло, а раз так, то не могли бы вы открыть для меня королевское?

Руки сенешала поднялись, словно дрожащие когти, и потянулись к горлу Раулигана, прежде чем он осмотрительно их успокоил. Послышались новые смешки, и на этот раз некоторые из них исходили от местных слуг.

- Кажется, это не самый удачный день для сенешаля, не так ли? – Громко заметил Раулиган, развернувшись и шагая по коридору в сторону королевского крыла.

- Но это точно сделал он! - запротестовал Грейрин. - Мы все видели, как он держал лук! Тетива еще дрожала, когда мы схватили его!

- Мои заклинания, - холодно сказал лорд Джаланус, - не могут врать. Лорд Кримон невиновен.

- Я..., я понимаю, - поспешно сказал сенешаль. – Я и не сомневаюсь в ваших способностях! Это просто так...удивительно. Кто же тогда сделал это?

- Болиф, - отрезал Боевой Маг, поворачиваясь к большому, как гора Пурпурному Дракону, который всегда стоял за спиной мага, - немедленно закрой ворота. Сообщи стражам, что я хочу, чтобы это поместье было опечатано. Сенешаль, напряги свои воспоминания и скажи – был ли хоть кто-то, кто покинул Чертоги Тавертона после убийства лорда? – Он поднялся со стула, тряся золотыми и пурпурными бархатными одеждами – третьим нарядом, что он сменил за день.

- Я... ну, конечно, - пролепетал Грейрин. – Но их не должно быть много. У нас здесь не как в Долинах, где Эльминстер может уходить и приходить, когда пожелает, будто какая-то ночная летучая мышь!

Позади них, края манекена в доспехах, стоящего в углу, на мгновение будто размылись. Раулиган увидел, что манекен превратился в бородатого мужчину в богатой одежде, который махнул торговцу рукой и подмигнул. Раулиган подмигнул в ответ, как раз перед тем, как доспехи снова стали просто доспехами.

Не обращая внимания на это посещение, сенешаль что-то бормотал, потрясенный мыслью о невинности молодого лорда. Теперь это само по себе было интересно... А это уже было интересно...

- Лорд-судья, - прервал Грейрин, - куда вы?

- Допрашивать тела, разумеется, - отрезал Боевой Маг, вытаскивая из-под плаща палочку длиной в три фута, которая, казалось, была полностью сделана из полированных и сросшихся человеческих фаланг. - Они редко рассказывают что-то ценное, но выбора...

- ... все мы рабы нашего выбора, - мягко сказал Раулиган глядя в потолок, закончив фразу мага. Джаланус на мгновение остановился в дверях, а затем ловко выскочил из комнаты.

- Я отвечу лишь своему лорду, - коротко сказал старик, - не вам.

Лорд Джаланус выпрямился, его глаза блестели, а нос задрожал от ярости, и маг выпалил:

- Червяк, ты хоть знаешь, кто я?

Главный садовник задумчиво сплюнул на землю перед магом, переместил то, что он жевал, за другую щеку и сказал:

- Да. Вы – жалкое оправдание Кормира, в котором не осталось достойных Боевых Магов. Во времена моей молодости вас не пускали за порог королевского двора, если я все правильно помню. Тогда я охранял ворота королевского замка и помню, как в него входили куда более достойные люди, нежели вы. - Садовник повернулся на одних каблуках и вышел из комнаты, оставляя лорда-судью дрожать от переполняющей его ярости.

- Закуйте этого человека в цепи! – завыл Джаланус, как только снова освоил речь. Два Пурпурных Дракона послушно двинулись вдоль стен, но тут неловко остановились, когда толстый торговец с нескрываемой ленью встал в дверях и закрыл собой дверной проём... одна его рука лежала на рукоятки меча, которого раньше никто не замечал. Судя по хватке, мужчина умел управляться своим оружием.

- Уважаемый лорд говорил с пустым преувеличением, - сказал Раулиган солдатам, - и не думал, что вы можете воспринять его слова буквально. Он хорошо знает, что тюремное заключение ветерана Пурпурных Драконов и одного из самых близких друзей короля еще с тех пор, когда Азун был мальчиков, только за то, что тот настаивал на вежливом допросе - было бы чрезмерным наказанием. Когда весть о таком серьезном невежестве достигла бы ушей Вангердагаста, даже Скипетру Правосудия пришлось бы поспешить объяснить свои действия ... и никакая поспешность не спасла бы его, если сам король узнал бы об этом. В конце концов, что может быть ценнее для королевства, чем верный Пурпурный Дракон ветеран? Думаю, вы знаете ответ на этот вопрос куда лучше многих, а, господа?

Пурпурные Драконы кивнули. Один почти улыбался, когда они медленно повернулись, чтобы оглянуться на своего дрожащего командира. Его руки побелели, когда он схватился за спинку стула, за которым стоял, а холодным, трясущимся и острым, как клинок, тоном он пробормотал:

- Дорогой Раулиган прав. Я говорил гиперболизировано.

Стражи молча кивнули и заняли свои места у стен. Лорд-судья на мгновение посмотрел на листы пергамента на столе, его взгляд вспыхнул и он сказал:

- Приведите мне кладовщика. Одного. - Он поднял голову и одобительно посмотрел на Раулигана взглядом, обещающий торговцу медленную, долгую смерть в ближайшем времени.

Торговец башнями лишь одарил лорда-судью веселой улыбкой.

- Требуется сильный, буквально исключительный человек, чтобы выдержать напряжение поддержки всех этих заклинаний правды. Вы даёте нам повод гордиться вами, лорд Джаланус. Я прекрасно понимаю, почему Ванги сделал вас Скипетром Правосудия.

- Замолчите, - с отвращением сказал маг. - Прекратите эти издевательства.

- Но я говорю правду! - запротестовал Раулиган. - Разве вы не узнали от садовника все, что было нужно, хотя он все еще думает, что ничего не сказал нам? Тяжелая работа и выполнена она прекрасно. Но Ванги забыл вам сказать одну важную вещь: никогда не используйте команды, типа "закуйте его в цепи!" или "выпорите эту девку!". Они не работают, понимаете? Особенно плохо это звучит от представителей молодого поколения. Ну, знаете, того. К которому относит вас садовник.

Джаланус в знак согласия устало махнул рукой, и некое движение в дверях ознаменовало прибытие кладовщика. Человек был похож на старого испуганного кролика. Вокруг него возвышалась четверка ухмыляющихся охранников, которые не скрывали своего наслаждения страхом мужчины. Боевой Маг посмотрел сначала на стражей, а затем на Раулигана. Лорд-судья прочистил горло и тихим голосом спросил:

- Ренстер, не так ли? Пожалуйста, сядьте и успокойтесь. Никто ни в чем вас не обвиняет...

Толстый кладовщик прислонился к стене и удовлетворенно кивнул. Возможно, Боевой Маг только что научился чему-то.

Раулиган выскользнул из комнаты для допросов, когда в него ввели двенадцатого допрашиваемого - кастеляна хранилища, угрюмого, крепкого человечка. Торговец чувствовал удовлетворенный взгляд лорда-судьи на своих лопатках, когда он проскользнул через дверной проем, прошел мимо подозрительного охранника и шагнул рядом с одиннадцатым «гостем» Боевого Мага - писарем поместья.

Писарь - молодой человек и с глубокими глазами, чье лицо было избито усталостью и страхом - бросил взгляд на шедшего рядом торговца и пробормотал:

- Этот напыщенный павлин и так измотал меня, что еще?

- Стандартная процедура - уверенно сказал Раулиган, поворачиваясь к человеку.

- Мы должны дать магам сделать что-нибудь, потому что в противном случае они склонны попадать в неприятности - призывать монстров и все в таком духе. Проблема в том, что они не очень подходят для этой работы, так что... - торговец

указал на выход, и писарь легонько улыбнулся, свернув в боковой коридор. Раулиган последовал за ним.

- Где хранятся личные бумаги лорда Эскульта?

- Вы имеете в виду его завещание? – спросил чтец пренебрежительно. - Сенешаль забрал его еще до того, как сюда прибыл лорд-Всесильный. Три приглашенных лорда хотели...

- Да, да, - прервал его Раулиган, - но откуда сенешаль взял его?

Писарь остановился и подозрительно посмотрел на торговца башнями.

- Если вы хотите найти золото, то забудьте об этом. Кладовщик спрятал его в хранилищах настолько загадочным образом, что открыть его могут лишь три стражника, каждый из которых имеет при себе часть ключа или что-то типа того.

- Речь не о золоте, - сказал Раулиган. – Я говорю о соглашениях, бухгалтерских книгах, налоговых списках. То, что было твоей сферой ответственности.

Писарь пристально посмотрел на него и пожал плечами.

- Из уст большинства это звучало бы слишком сухо, но вы, кажется, один из тех редких людей, кому не все равно на окружающих. Все бумаги тут, в хранилище.

- И у тебя есть ключ. А у кого еще?

- Ну, один висел на шее лорда, и я видел его там, когда он лежал мертвым в саду. Еще он есть у горничной, у сенешаля. Конечно же, у уборщицы, которая прибирается там, ну и у налогового инспектора, посылаемого из Сюзейла.

- Я, - сказал ему Раулиган, - я и есть налоговый инспектор. Здесь я несу волю короля. Прочти это и прими к сведению. - Засунув руку под жилет, он вытащил смятый пергамент, с которого свисала тяжелая королевская печать. Писарь закатил глаза и отмахнулся от листка еще до того, как три кусочка платины выпали из бумажки на ладонь торговца.

- Я прибыл в Чертоги Тавертона, - мягко сказал Раулиган, пока мужчина удивленно перекидывал монеты из руки в руку, - без этого ключа. Мне нужно увидеть эти бумаги. Сейчас. И в строжайшей секретности. – Писарь остановился и взглянул на торговца почти взволнованным взглядом.

- То есть, если я никому не скажу, что позволю вам войти, то вы сделаете то же самое? - спросил писарь, всматриваясь в коридор и осматривая его, будто ожидая. Что люди в масках, плащах и с кривыми кинжалами набросятся на него из-за каждого угла в одно мгновение.

- Именно, - пробормотал Раулиган. Мужчины в масках не появились. На лице удовлетворённого писаря мелькнула улыбка и он стряхнул с руки широкое кольцо с ключами, после чего, с едва слышным щелчком открыл ближайшую дверь. Затем он развернулся и в полудрёме пошёл дальше по коридору, будто странные торговцы и открытые двери совершенно его не касались.

Раулиган широко распахнул дверь, поднял монету и пробормотал слово над ней. Мягкое свечение появилось по её краям, превращаясь в маленький сине-белый лучик, напоминающий лунный блеск. Торговец повернул монету, осветив комнату и осмотрев её на предмет скрытых ловушек.

После долгого изучения, Раулиган убедился в том, что в комнате его не ждали ни смертельные ловушки, ни скрывшиеся убийцы. Была лишь масляная лампа, засов на двери и ударник. Отлично.

Дверь за торговцем закрылась, и ее засов прочно встал на место за несколько вдохов до того, как топот тяжелых ботинок в коридоре известил Раулигана о приближении полудюжины стражников, посланных, дабы найти и вернуть «этого опасного Арфиста». Они прогремели прямо за закрытой дверью.

Раулиган пролистал и просмотрел свитки и бухгалтерские книги. Почти сразу же, из всего написанного, стало очевидно, что сундуки переполнялись от поступающих денежных средств. Но сейчас сундуки Пэйтроверов были почти пустыми. Торговец задумчиво откинулся назад, поглаживая подбородок, и постепенно осознал, что комната позади него казалась ярче, чем была прежде.

Он ловко обернулся назад, попутно положив руку на рукоять метательного ножа, привязанного к предплечью, но на глаза ему попал лишь рассеивающийся, непонятно откуда взявшийся, лунный свет. Дымка трепеталась в воздухе, мелькнула и тут же исчезла. Пропала, но определенно была там.

После короткой прогулки вдоль противоположного конца комнаты, в ходе которой торговец тщетно тыкал и постукивал в стены и пол в поисках тайных дверей, Раулиган пожал плечами и начал быстрый процесс возвращения комнаты в то состояние, в котором она была до его прихода. Закончив, он задул лампу и выскользнул за дверь.

Стоя в одиночестве в темноте, Раулиган боковым зрением увидел, как тусклое сияние появляется посреди коридора, после чего медленно повернул голову и увидел бестелесную голову в шлеме с плюмажем, перья которого мягко танцевали на ветру. Лицо широко улыбалось, глядя на закрытую дверь, а через пару мгновений голова снова начала исчезать. Спустя пару вдохов, коридор снова стал тёмным и пустым.

Стражники охотились за Гларастиром Раулиганом по всем Чертогам Тавертона, с криком осматривая все коридоры и комнаты, но так и не обнаружили никаких признаков торговца. Их неудача не стала неожиданностью для цели их преследования, которая провела весь свой день в счастливом сне глубоко в тени под потолком. Если Раулиган был прав, то ночью в Чертогах произойдут важные события, и он должен будет быть бодрым и здравомыслящим. Если, конечно, он не хотел, чтобы было совершено еще больше убийств.

Как известно, стражники ленивы и не особо наблюдательны после хорошей трапезы и бутылочки свежего вина, полученной от сенешаля в сопровождении пожимания плечами и слов: “Берите. Все равно тот, кому было не все равно на неё, уже умер”. И именно в этот момент один небезызвестный торговец башнями соскользнул с колонны и прыгнул на ветку дерева. За собой он оставил лишь дрожащую листву, на которую взглянул один стражник, пристально рассмотрел дергающиеся листики, а затем пожал плечами и вернул все свое внимание к зубочистке.

Раулиган обошел зал, словно безмолвная тень, держась около деревьев и кустов, попутно высматривая других стражников. Некоторые из них охраняли ворота и главный парадный вход Чертогов, но больше нигде не было этих безмолвных статуй, кормящих комаров.

Однако недалеко от закрытых и редко используемых ворот в задней части Чертогов что-то топталось на мхе. Это была оседланная лошадь, которая топталась на скошенной траве под тяжестью четырёх забитых седельных сумок. Раулиган проверил их содержимое и привязь, мрачно улыбнулся и заметил, что лошадь просто не видна из окон Чертогов. От того места, где стояла лошадь, к заднему входу в поместья вела маленькая тропинка. Торговец поднял глаза, нашел достаточно толстую ветвь и поднялся наверх, чтобы подождать.

Ожидание не заняло много времени. Вскоре погас последний луч золотого света и в воздухе запели сверчки. Ночной мрак пронесся сквозь деревья, слуги зажгли фонари, заставив росу заблестеть, а тень на ветке медленно переместилась, чтобы не дать своим конечностям затечь.

Резкий порыв дыма показался из одного окна, когда за ним показался язык пламени, возникший так же резко, как зажигается свеча. Затем, последовал внезапный рев и глухой порыв, что свидетельствовало о том, что пламя разразилось вокруг чего-то огнеопасного - несомненно, драпировки или одежды, хорошо пропитанной ламповым маслом. Вслед за этим последовали крики, звуки бьющегося стекла, и поток людей, бегущих к ведрам с водой, на ходу выкрикивая проклятия и ругательства. Тень же осталась на своём месте. Все разворачивалось, как и предполагалось. Чертоги Тавертона пылали в огне.

Рев превратился в устойчивый гул, и искры разлетались в ночи, сотрясаемой дождём. В одном окне драпировка вспыхнула настолько ярко, что Раулиган даже смог рассмотреть лица спешащих толкающихся людей. Лорд Джаланус, склонившись над открытой книгой, которую тревожно выглядящий стражник держал открытой перед магом, был среди них.

Раздался грохот и из окон вырвалась новая волна огня, когда часть крыши упала, и вокруг Боевого Мага посыпались пылающие угли. Джаланус отшатнулся назад, что-то рыча. Затем он схватил падающую искру, что-то пробормотал, после чего все пламя на мгновение застыло и позеленело.

Через секунду оно снова начало двигаться, ползти к звездам, но не с таким сильным голодом, как прежде. Боевой Маг покачал головой, захлопнул книгу и отправил стражника к ведрам с водой. Затем он поднял руки, словно собираясь руководить хором, и произнёс совершенно другое заклинание.

Несколько комнат внезапно исчезли, а вместе с ними и огонь, оставив лишь зияющую дыру в пустоте. Оставшийся огонь централизовался в двух очагах, но они были достаточно малы, чтобы вода из ведер могла справиться с ними, однако понадобится каждая свободная пара рук. Ночь будет длинной и пропитанной борьбой человека и стихии. Тень на ветке зашевелилась, но не сдвинулась. Она ожидала чего-то еще.

Боевой Маг снова открыл книгу заклинаний и направился туда, где лампа светила наиболее ярко. Это было то, что было нужно... кого-то, кто выскользнул из

окна поместья, недалеко от того места, где разгоралось пламя, пересек покрытую углем лужайку и спрятался среди деревьев.

Привязь была развязана и свернута, а затем кожаное седло скрипнуло прямо под Раулиганом, который согнул пальцы, немного подождал и сделал свой ход.

У седла был высокий круп. Одной рукой торговец осторожно опустил на него, а другой схватился за ветку. Слабый звук от его движений был заглушен рёвом огня и другими звуками суматохи, из-за чего человек в седле, наклонившийся вперед, чтобы подобрать поводья, не услышал, как к нему подкрались. Раулиган деликатно сорвал кинжал с ножен на поясе человека и отбросил его в сторону.

Этот легкий звук заставил человека повернуться в седле и потянуться за своим мечом. Раулиган повернулся вместе с ним, одной рукой схватив мужчину за запястье, а другой обвив его горло.

- У нас теплый вечер, - вежливо пробормотал торговец напрягшемуся мужчине.

В течение нескольких следующих вдохов мужчины боролись. Ночь превратилась в какофонию толканий локтями и дерганий, когда Раулиган обвил ботинками ноги своего врага, чтобы не быть сбитым с фыркающей, дергающейся лошади. Торговец прижимал горло соперника к своему предплечью, а когда пальцы наездника не нашли кинжала в ножнах на поясе, то начали яростно царапать руки и лицо Раулигана.

Мужчина ударил ногой и зарычал, после чего лошадь внезапно замерла, а спустя мгновение яростно рванула в кусты роз со страшным криком, напоминающем рыдание. Деревья окружили их, набросив на борющихся соперников непроглядную тьму ночи и оставив позади открытый простор освещенного сада. Раулиган мрачно принялся пинать скакуна в бок, чтобы тот повернулся и вернулся обратно к пожару.

Животное не отреагировало, а наездник сильно укусил торговца, когда он увидел блеск огня, отражающегося от шлемов стражников, будто из ниоткуда появившихся чуть ли не под копытами скакуна. Он встал на дыбы, дрожа от настоящего страха, а когда вновь встал на все четыре копыта, то горящие Чертоги Тавертонна оказались прямо по курсу и быстро приближались к несущемуся животному.

Человек в седле изогнулся и отчаянно нагнулся вперед, почти утащив Раулигана вперед, но торговец железной хваткой вцепился в наездника. В этот момент скакун ворвался в закрытые ворота, выбив их и разметав деревянные обломки в людей, опускающих ведра в садовый пруд.

Кто-то закричал, и Раулиган почувствовал, как что-то попало под копыта скакуна. Торговец мельком увидел Боевого Мага, спокойно стоящего на их пути и с осторожным сосредоточением накладывающего еще одно заклинание на горящее поместье.

Скакун повернулся, чтобы избежать этого неподвижного препятствия, поскользнулся на папоротниках и рыхлой земле и ударился копытами о низкую каменную стену. Судя по хрусту, по кости животного пошла трещина. Животное закричало жалобно, как дитя в агонии, дёрнуло раненой ногой в небеса и упало на землю, спазматично скручиваясь и изгибаясь. Оно приземлилось на ряд каменных цветочных урн, разбившихся на острые осколки и, внезапно, затихло.

Мгновение спустя, упавший на землю Раулиган схватился за не разбившийся горшок и подтянулся. Рука торговца горела жгучей болью.

Неуверенно вскочив на ноги, он задохнулся от увиденного – его окружало несколько стражников с обнаженными мечами, а над ним навис лорд Джаланус со свирепым лицом. Когда маг выхватил с пояса черную палочку, вспышка света ослепила торговца.

- Ты устроил пожар, вор!

Крик, раздавшийся откуда-то сбоку, был предупреждением - Раулиган бросился вперед и, не оглядываясь, откатился, уворачиваясь от клинка, который должен был разрезать его.

Острая сталь просвистела в пустоту, совсем рядом с головой торговца. Раулиган вскочил на ноги, вспрыгнул на декоративную стену и развернулся лицом к врагу. Человек, с которым он только что боролся верхом на лошади, как сумасшедший бросился на арфиста, резкостью своего порыва заставляя воздух свистеть.

- Ты устроил пожар! – закричал Иммулт Грейрин, нанеся по Раулигану такой сильный удар, что сам чуть не упал. – Убейте его! Кто-нибудь, убейте его!

- Нет, - сказал лорд-судья холодным голосом, который жалил, как струя огня и заставлял всех вокруг замирать в бездействии. – Не делайте этого. Торговец невиновен.

С дикими глазами сенешаль развернулся к магу и махнул в его сторону клинком, по лезвию которого бежали вспышки от голодного огня, пожирающего Чертоги Тавертона. Джаланус Уэтерботом отступил назад, открыв рот, чтобы позвать на помощь, но тут яркая вспышка стали столкнулась с мечом сенешаля, как молот с гонгом, насытилась кровью из порезанной руки Грейрина и отлетела куда-то в кусты.

Лорд Джаланус что-то пробормотал и с внезапной скоростью рванул вперед, направив пустую руку в Грейрина, будто она была клинком. Удар, нанесенный им, казался лишь слабым толчком, но сенешаль пошатнулся, согнулся пополам так, как будто меч пронзил его кишки, и рухнул на бок, потеряв сознание.

Маг склонился над человеком, чтобы убедиться, что он спит. Удовлетворенный, он поднял голову и огрызнулся:

- Болиф! Свяжи руки этого человека так, чтобы мизинцы и большие пальцы его рук соприкасались, и только после этого останови его кровотечение и присмотри за ним.

Когда его вездесущий, самый надежный телохранитель послушно двинулся вперед, Джаланус Уэтерботом повернул голову, нашел Раулигана и коротко сказал:

- Хороший бросок. Примите мои благодарности.

Торговец отвесил магу изящный поклон. Губы лорда-судью искривились в печальной улыбке.

Теперь вокруг них толпились стражники, отталкивая в сторону слуг и благородных гостей.

- Милорд, - нерешительно спросил один из них, махая рукой в сторону Раулигана, - разве мы не должны арестовать и его?

Боевой Маг резко поднял бровь.

- Брюсгурт, когда ты успел принять привычку решать за меня – кто виновен, а кто нет? Большую часть вечера я наблюдал за этим человеком - он наверняка невиновен в поджоге. Я подозреваю, что его единственным преступлением была слишком большая любознательность...благодаря которой, однако, он раскрыл преступление сенешаля.

- Так кто же убил мою дочь? - потребовал темно яростный голос. Его владелец вышел из последних клубков дыма гаснущего огня, с двумя другими благородными лордами и их уставшими белокуроыми дочерьми, которых они держали за руки. Глаза лорда Хорнсара Фарроубрейса напоминали два огонька яростного пламени, а его рука лежала на рукояти тяжелого боевого меча, которого раньше никто не видел.

- Мастер Раулиган? - спросил маг. – Ответьте ему.

Торговец долго и упорно сопротивлялся взгляду Скипетра Правосудия, но затем кивнул и повернулся к разгневанному дворянину.

- Сенешаль, - просто сказал он, указывая на беспомощного, уже очнувшегося человека, которого прижимали к земле трое стражников, а четвертый надежно связывал руки проволокой.

- Золото Пэйтроверов почти полностью исчезло, а Грейрин был единственным давним слугой семьи, кто имел доступ к нему. Милорд, я боюсь, что ваша дочь погибла этой ночью только потому, что Грейрин – неумелый стрелок. Он вносил в исправления в бухгалтерские книги, записывая туда золото, которое, на самом деле, постоянно убывало из хранилища, а правду мог знать лишь один человек, помимо сенешаля - его хозяин. Он хотел убить лорда Эскульта, в то время, как Шамрил привлекла его внимание и заставила стоять на месте.

Лорд Фарроубрейс издал сдавленный рык, глядя на Иммулта Грейрина, который пытался скрыться от взора старого лорда, несмотря на крепких охранников, которые не подпустили бы никого к арестанту.

- Но что за призрак? – запротестовала леди Латью Хантингдаун. - Это не просто сказка из Кримона! Слуги подтверждали его рассказы!

Раулиган подняла руку, чтобы заставить всех замолчать, подошёл к мертвой лошади и развязал шнурки седельной сумки.

Золотые монеты блеснули в руке, которую торговец протянул девушке.

- Последние из богатств лорда Эскульта, - объяснил он. - Этот негодяй, лежащий у наших ног, уже потратил или украл все остальное. Ему помогал, по крайней мере, один человек - кастелян хранилища, чьи кости, без сомнения, находятся в самом сердце пожара, и я уверен, что они будут одеты в доспехи сенешаля, его одежды или что-то такое, чтобы мы могли подумать, что пожар унёс жизнь старого доброго Грейрина.

Монеты звякнули, когда торговец опустил руку во вторую седельную сумку, а затем и в третью. В последней лежал белый шлем с плюмажем.

- Ухмыляющийся призрак Чертогов Тавертон, - объявила Раулиган собравшимся, подняв над собой то, во что всматривались все собравшиеся. – Вы все кричали и убегали в ужасе, не замечая...

Кто-то закричал. Кто-то выругался... медленно и дрожащим голосом. Люди отступили на шаг назад, их лица побледнели, а испуганные взгляды устремились за плечо Раулигана.

Торговец башнями медленно повернулся, уже зная, что он увидит. Он сглотнул, только один раз, когда обнаружил, что он был совершенно прав.

Легкий ветерок, который был почти неощутим, шевелил перья шлема, надетого на голову с ухмыляющимся лицом, парящую почти перед самым носом Раулигана. Лорд Фарроубрейс начал хрипло призывать одного Бога за другим, и Раулиган слышал топот сапог, чьи владельцы спешно убегали.

Темные глаза Ухмыляющегося Призрака Чертогов Тавертона были похожи на бесконечные, чёрные ямы, но каким-то образом в них читалось одобрение. Раулиган стоял на месте, когда призрачные тени вылетали из шлема, мерцали белыми костями и, казалось, боролись и дрожали. После долгих мгновений некоторые из этих дрожащих теней превратились в призрачную руку, тянущуюся к арфисту.

Ощущая, как пальцы бестелесной руки пробегают по его скальпу, Гларастир Раулиган сделал самую смелую и, возможно, самую безрассудную вещь в своей жизни. Он остался стоять на месте, когда спектральная рука просто похлопала торговца по предплечью.

Холод был мгновенным и пугающим. Раулиган с побледневшим лицом хмыкнул и невольно отшатнулся. Рядом с ним раздался громкий стук сильного удара, и, когда он посмотрел вниз, то обнаружил, что это был лорд-судья Джаланус Уэтерботом, упавший в обморок и растянувшийся на спине в грязи.

Дрожа каждой частью тела, Раулиган оглянулся на призрака - но его уже не было. Пустой воздух кружился и мерцал перед ним и торговец остался стоять один в лунном свете.

Леди Латью и Леди Чалас нерешительно приближались к Раулигану - их глаза потемнели от испуга, а их отцы держали своих дочерей за тонкие руки, пока в свободных руках блестели небольшие кинжалы. Лорд Фарроубрейс, чьи глаза были полны удивления, стоял немного обособленно. Его меч лежал на затоптанной земле.

- Сэр? С вами все хорошо? - Спросила леди Латью.

Пока она говорила, толпа призрачных фигур в нарядах и доспехах, вышедших из ниоткуда, окружили дворян, и все они одобрительно кивали или в салютах вскидывали призрачные руки с обнаженными полупрозрачными клинками. Раулигана моргнул, шатаясь под тяжестью внимания стольких призраков, а затем моргнул и вот уже все призраки исчезли.

Удивившись, торговец башням посмотрел вниз на свою руку, которая все еще чувствовала себя будто заключенной в обжигающий лёд. Его кожаная куртка была прожжена в трех местах, из-под которых на его бронзовой коже виднелось три выжженные бледно-белые, словно старые шрамы, отметины, похожие на следы от сжимающихся пальцев.

Гларастир Раулиган посмотрел всех собравшихся, глубоко вздохнул и сказал почти ровным голосом:

- Я буду жить, но вот дым может убить тех, кто не успеет выйти из него. Мы должны найти и освободить Лорда Кримона Пэйтровера. Давайте займемся этим.

И с той ночи до дня, когда он умер, эти три белых знака никогда не покидали руку Раулигана.